Б. Р. Мандель

Всемирная литература

Нобелевские лауреаты (1931-1956)

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный учебник представляет собой продолжение курса «История зарубежной литературы», изучаемого в высших учебных заведениях гуманитарного направления согласно Федеральным образовательным стандартам и образовательным программам. Кроме того, в большей части, материал учебника соответствует также стандартизированным принципам курса «Литература». Учебник освещает основные этапы жизни и творчества выдающихся писателей мира, делая упор на художественные особенности и мастерство. В учебнике сделана попытка охватить наиболее яркие произведения нобелиатов. Учебник написано доступным языком. Материал расположен в связи с хронологией событий, связанных с вручением Нобелевской премии по литературе. Кроме того, в книге содержатся отрывки из произведений, речей нобелиатов. Одной из важнейших частей книги является список литературы, список художественных текстов, вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам. «Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1931-1956). Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)» представляется полезным не только для студентов и преподавателей высших учебных заведений, но и для всех, интересующихся историей мировой литературы.

- Б. Р. Мандель
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI

- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Список дополнительной литературы для изучения творчества лауреатов Нобелевской премии
- Список художественных текстов
- Вопросы для самостоятельной подготовки

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Б. Р. Мандель
Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1931-1956). Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)

Введение

Мир 30–60-х годов XX века… Как давно и недавно это было… Мир, стремительно развивающийся, молодой и безудержный, веселый и грустный. Мир, непрерывно двигающийся вперед, даже не замечая, что так часто впереди оказывается огненная бездна войны…

Заревели автомобили, заговорил и запел кинематограф, появилось телевидение… Усовершенствуется оружие и строятся ракеты… Уходит в прошлое сухой закон и инфляция в Европе. Далекий и загадочный Советский Союз обуздает реки и построит Магнитку… Политические деятели сменяют друг друга как карты в игральной колоде… Шахматисты поражают человечество своими победами… Загадочный диктатор Сталин курит ночами трубку, мечтая о победе социализма, а немецкие е женщины восторженно приветствуют маленького великого Адольфа, который скоро уничтожит их мужчин… Горят книги на площадях Европы, смешит людей Чаплин, танцует Голливуд, опутывается колючей проволокой Россия… Войны и прогресс, бездна смерти и культура – как они близки, а порой и нераздельны… Мир превращается в «Гернику» Пикассо…

И все же есть то, что помогает держаться. Книги! Творчество не умирает, хотя гибнут писатели… Да, сотни и тысячи книг написаны в эти годы, таких разных, таких сложных и простых, добрых и злых, нужных и ненужных совсем! Не будем спорить о достоинствах и недостатках всех, получивших Нобелевскую премию в области литературы – они действительно есть, это истинные творцы, писатели и философы, мыслители и политики, гении и злодеи, те, чьи сердца освещают великие книги, заставляя рыдать и смеяться, наслаждаться и горевать… Книги остаются, хотя часто забываются имена! Они пылятся на полках библиотек или зачитаны до дыр и рассыпаются от ветхости, блестят глянцевыми суперобложками и узнаются в неудачных экранизациях… Они есть, эти книги, и сколько бы ни существовал мир, всегда найдется хотя бы один их читатель! …Остается напомнить, что в 1935 году и с 1940 по 1943 год Нобелевская премия по литературе не присуждалась…

Глава I
Эрик Карлфельдт (Karlfeldt)
1931, Швеция

Замечательный шведский поэт *Эрик Аксель Карлфельдт* (20 июля 1864 года – 8 апреля 1931 года) родился в поселке Фолькерна, в Далекарлиа. Предки его были фермерами, отец самостоятельно выучился на юриста, мать, урожденная Анна Йансдоттер, вышла замуж за отца Эрика, уже будучи вдовой. Детские годы Эрика прошли безмятежно в тихом сельском районе Центральной Швеции, радующем глаз местных жителей прекрасными пейзажами, яркими красками лесов и полей.

Эрик Карлфельдт

После окончания местной школы Карлфельдт поступает в знаменитый, один из старейших и прославленнейших в Европе университет в Упсале, однако вскоре после поступления Эрика в Упсальский университет его отец разорился и вынужден был продать фамильное имение Толфмансгорден, а вскоре умер…

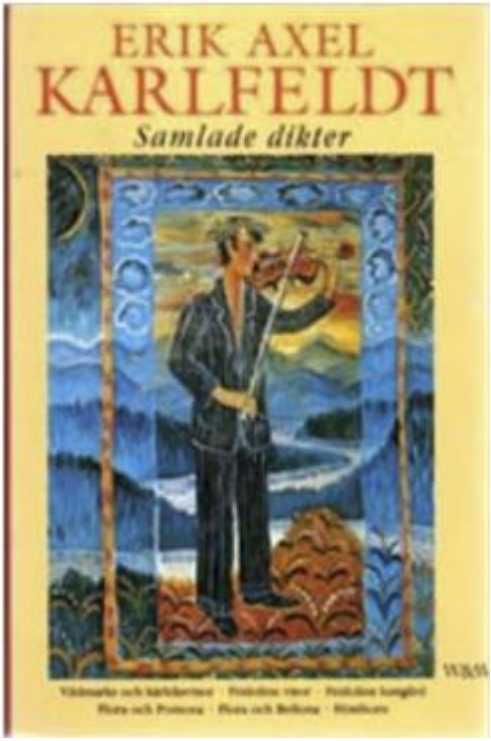

Вид на чудесный город Упсала

Карлфельдт зарабатывает на жизнь частными уроками, университет заканчивает только в 1902 году. Проработав в течение года учителем, как и многие студенты из небогатых семей, он получает место библиотекаря в Сельскохозяйственной академии в Стокгольме.

В 1895 году Карлфельдт выпустил первый из шести своих поэтических сборников – «Песни о дикой природе и любви» («Vildmarcks – och karleksvisor»). Как и в большинстве его будущих произведений, в этих стихах описывается крестьянская жизнь в Далекарлиа, причем, в обращении к языческому прошлому шведского крестьянства звучат явные мистические оттенки. В поэзии Карлфельдта, этнографически очень точной и конкретной, очень шведской, глубоко лирической и традиционной по духу, сквозит ностальгия по простой жизни, по крестьянской культуре, постепенно уходящей из-за нарастающей индустриализации и урбанизации Швеции.

Поэтические сборники «Песни Фридолина» («Fridolins visor», 1898) и «Сад наслаждений Фридолина» («Fridolins lustgard», 1901) получили свое название по имени Фридолина, любимого лирического героя Карлфельдта, за которым, собственно, скрывается сам автор. Устами своего персонажа – полупоэта, полукрестьянина – Карлфельдт говорит о себе как о человеке, который «с крестьянами изъясняется на языке простонародья и по-латыни – с образованными людьми».

Одно из первых изданий «Vildmarcks – och karleksvisor»

В сборник «Сад Фридолина» вошел цикл стихов «Настенная живопись Далекарлиа» («Dalekarligar, utlagda pa rim») – самые оригинальные, пожалуй, стихи, в которых описываются традиционные народные рисунки на библейские и мифологические сюжеты, украшавшие стены крестьянских домов. Карлфельдт никогда не переставал писать о Далекарлиа, однако его поэзия менялась, становилась более зрелой – безоблачность ранних стихотворений уступала место более сложным и неоднозначным по настроению, порой, даже мрачным или мистическим стихам.

В этом доме написаны почти все лучшие стихи Карлфельдта…

Ты кто, откуда дорога твоя?
– Не знаю, не все ли едино?
Ни дома нет, ни отца у меня,
не будет ни дома, ни сына.
Я есмь путь, моя доля – чужбина.
Во что ты верил и кто твой бог?
– Я знаю, что знаю мало.
Я верил неверно, верил, как мог,
но вера мне помогала.
Бога искал я, конец и начало.
А как ты прожил? – Борясь, я жил,
изведал нужду и напасти,
пустые надежды, напрасный пыл,
просветы среди ненастья.
Я жил на земле, это счастье.

(«Бродяга», перевод И.Бочкаревой)

В 1904 году Карлфельдт был избран в Шведскую академию, а в 1907 году вошел в состав Нобелевского комитета по литературе. В 1912 году поэт был назначен постоянным секретарем этого комитета. Пока он занимал эту должность, ему несколько раз предлагали Нобелевскую премию, однако Карлфельдт отказывался, ссылаясь при этом на свое положение в Академии, а также на то, что за пределами Швеции он был относительно мало известен. Карлфельдт был первым, кто отказался от столь

высокой награды…

Рабочий стол секретаря Нобелевского комитета Э.Карлфельдта

Эрик Карлфельдт практически не писал прозу – чуть ли не единственные его прозаические произведения – это некролог шведскому поэту Густафу Фредингу, умершему в 1911 году, и речь при вручении Нобелевской премии Синклеру Льюису в 1930 году. Правда, остались чудесные письма друзьям и родным, часто – с небольшими рисунками.

На родине Карлфельдт котировался достаточно высоко, но за пределами Швеции был малоизвестен. Его стихи трудны для перевода – в основном, из-за большого количества шведской разговорной идиоматики и архаизмов, передающих речь шведских крестьян.

В 1916 году Карлфельдт женился на Герде Хольмберг, у них было двое детей.

Карлфельдт скоропостижно умер в 1931 году, а спустя шесть месяцев после его смерти Шведская академия проголосовала за присуждение ему Нобелевской премии по литературе. Формулировка была краткой: **«за поэтическое творчество…».**

Аверс памятной медали Э.Карлфельдта

Особенно активно ратовал за присуждение премии Н.Седерблюм, член Шведской академии и архиепископ Упсалы. Решение академии вызвало широкое недовольство в Скандинавии да и во всем мире, в связи с чем пришлось напомнить, что, согласно правилам присуждения Нобелевской премии, посмертное награждение возможно в том случае, если кандидатура впервые выдвигалась еще до смерти лауреата. В результате семье Карлфельдта была передана Нобелевская премия.

«В эпоху, когда вещи ручной работы – большая редкость, – сказал в своей речи член Шведской академии А. Эстерлинг, – в мастерски отточенном языке карлфельдтовских стихов есть какая-то особая, если угодно, высоконравственная значимость. Особенно подкупает то, что поэт, черпавший свое вдохновение, главным образом, из исчезающего прошлого, в средствах выражения глубоко нетрадиционен, что он смелый новатор, тогда как модернисты нередко довольствуются лишь преходящей языковой модой».

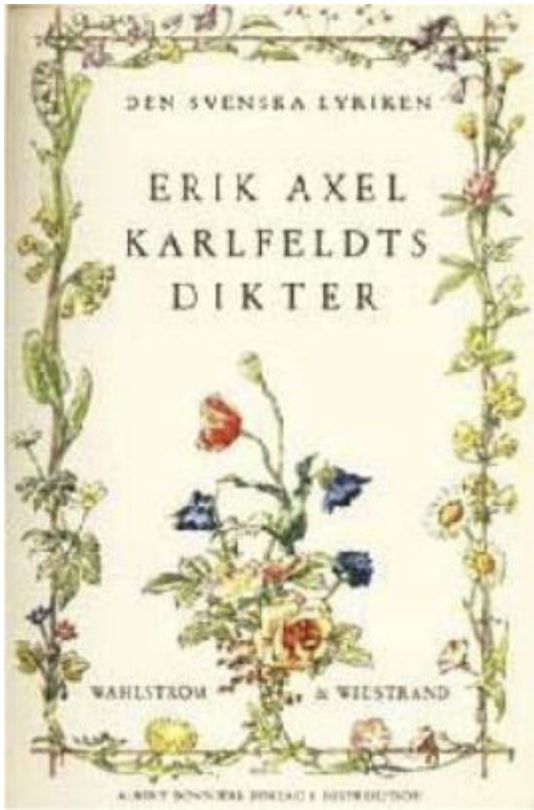
Американский литературовед А. Густафсон определил вклад Карлфельдта в литературу следующим образом: «Карлфельдт – один из величайших шведских поэтов. Его стихи отличаются продуманностью и изысканностью, солидным и в то же время исключительно образным мастерством… Поэтический стиль Карлфельдта во многом традиционен, но это традиционность особенная».

Один из переводчиков его стихов писал: «Как никакой другой шведский поэт, Карлфельдт близок к земле и народу…».

Я из земли, тяжел, холодноват,
повадкой я старик, годами – млад.
В моей душе осенний дуб стоит,
листва его прощально шелестит.
Я из воды, и влажен, и студен,
медлительность моя – застылый стон.
Зато и радость средь зимы сильна,
коль полон стол дичины и вина.
Из воздуха я, легок и прогрет,
вокруг меня всегда весенний свет.
Какой зеленый, свежий, длинный год
под ветрами из сырости растет.
Я из огня, горяч и иссушен,
Недвижным, летним солнцем обожжен,
и я дивлюсь, как не сожгло оно
Меня и все стихии заодно.

(«Мотив из крестьянской практики», перевод И.Бочкаревой)

В настоящее время, однако, Карлфельдт за пределами Швеции никому не известен, его стихи практически недоступны, критики почти не уделяют ему внимания.

Обложка раритетного аукционного прижизненного издания стихотворений Э.Карлфельдта

В России произведения Эрика Карлфельдта, к сожалению, известны только специалистам по скандинавской поэзии, монографии по его творчеству отсутствуют, а тех, кто читает немногочисленные переводы его стихотворений, удивляет факт получения Нобелевской премии. Однако, как было сказано выше, порой премия отмечает не только и не сколько литературные заслуги, сколько вполне конкретный, ощутимый вклад в развитие мировой и национальной культуры и литературы, умение творчески трудиться, мыслить и сопереживать человечеству.

Глава II
Джон Голсуорси (Galsworthy)
1932, Великобритания

Джон Голсуорси

Английский прозаик, драматург и поэт *Джон Голсуорси* (14 августа 1867 года – 31 января 1933 года) родился в городке Куме (графство Суррей), в состоятельной буржуазной семье. Единственный сын Джона Голсуорси, богатого юриста, директора Лондонской компании, и Бланш (Бартлит) Голсуорси, он получил прекрасное образование в Харроу и Оксфорде. Дорогой частный колледж университет сделали из молодого Голсуорси профессионального юриста – в этом он последовал традициям семьи.

Но, став в 1890 году адвокатом, он так и не занялся юридической практикой, предпочитая жить в свое удовольствие, много читать и ездить по всему миру. Во время кругосветного путешествия, которое будущий писатель предпринял для углубления знаний в морском праве, Голсуорси встретил писателя Джозефа Конрада, с которым подружился на всю жизнь.

Капитан Конрад баловался пером и хотел стать литератором. Решение самого Голсуорси о перемене занятий было принято не без его влияния.

В возрасте 28 лет под влиянием Ады Голсуорси, жены его двоюродного брата Артура, с которой у Голсуорси начался роман, молодой человек окончательно решает стать писателем и в 1897 году под псевдонимом Джон Синджон выпускает свою первую книгу – сборник рассказов «Четыре ветра» («From the Four Winds»). Первый роман писателя – «Джослин» («Jocelyn») появился годом позже, второй – «Вилла Рубейн» («Villa Rubein») – в 1900 году. «Виллу Рубейн» можно считать «большой повестью (в ней всего 29 глав), она невелика по объему. Влияние русской классической литературы, особенно творчества И.С.Тургенева чувствуется в обилии экскурсов в прошлое, во введении в повествование вставных историй, в постановке проблемы отцов и детей, которая у Голсуорси обрела социальный смысл и прозвучала как конфликт «верхов» и «низов».

Сюжет книги построен на истории любви австрийского художника Алоиза Гарца к английской аристократке Кристиан Деворелл. Гарца отличают демократизм, нигилизм и критическая острота суждений, которые напоминают нам базаровские принципы, фанатическая преданность искусству. Он сын крестьянина, прошел суровую жизненную школу: работал помощником маляра, реставрировал и расписывал церкви, чтобы оплатить обучение в Венской академии художеств. Даже фамилия, которая в переводе означает «деготь», говорит о его плебейском происхождении. Бывший анархист и «вероотступник», Алоиз вынужден покинуть родину из-за участия в политическом заговоре. Вполне естественно, что такая жизненная позиция сразу же ставит Гарца в оппозицию к обитателям виллы Рубейн – Моравицам, Сарелли, Трефри, миссис Диси и др.

Одна из комнат с картинами, где любил отдыхать Голсуорси

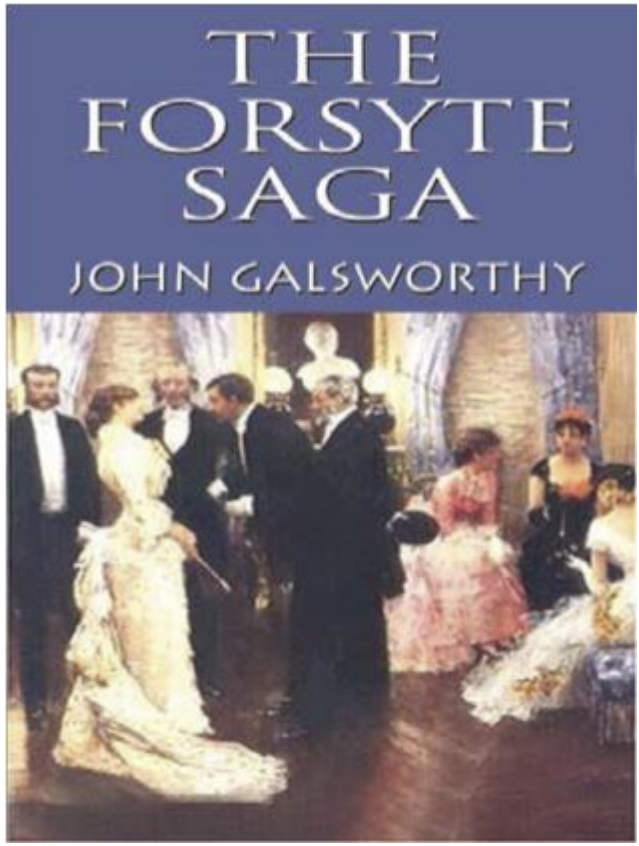
Любовь Кристиан к иностранцу, да еще и простолюдину, в чем-то повторяет сюжетную линию другого романа Тургенева – «Накануне». Решившись бросить вызов условностям, героиня Голсуорси выступает против мира наживы, представленного, прежде всего, Николасом Трефри. Это первый образ «подлинного английского джентльмена», созданный писателем, первая заявка на историю форсайтизма. «Пачка чеков на крупные суммы» в его глазах значит больше, чем все вместе взятые картины, созданные Гарцем, однако он готов пожертвовать самым главным в жизни – деньгами, чтобы расстроить отношения молодых людей, помешать их счастью. Но старику Трефри приходится признать свое поражение. Он умирает, уходит «в небытие, в пропасть, отделяющую юность от старости, убеждение от убеждения, жизнь от смерти».

Эпилог книги, посвященный семейной жизни Алоиза и Кристиан, написан в лирическом плане. Чувствуется смутная неудовлетворенность героев, приходят мысли о непрочности счастья, мучит вопрос о вечном недовольстве человека своим положением. Традиционный счастливый финал не снимает сложности настроений, драматических переживаний и многообразия эмоциональной окраски. В этом произведении уже явственно ощущается мастерство Голсуорси-романиста, умение создать динамичное повествование, повышенное внимание к языку, слову, к речевой и психологической характеристике образов.

Следующий сборник рассказов, вышедший еще через год, уже содержит упоминание о семье Форсайтов, которую ему

предстояло увековечить в книгах более позднего времени. Под влиянием Тургенева, Мопассана и Льва Толстого Голсуорси в течение трех лет писал и переписывал свою пятую книгу – «Остров фарисеев» («The Island of Pharisees», 1904), первый роман, который Голсуорси выпустил под своим настоящим именем. Уже в его названии заключена метафора, олицетворяющая состояние английского общества: политиков и священнослужителей, людей искусства и науки. Правдоискатель Шелтон, выходец из высших кругов, после встречи с Ферраном, задевшим «молчавшую струну» в его душе, порывает со своим классом и отдает все силы разоблачению «стандартных лозунгов», выражающих то состояние, когда богатые живут за счет бедных, когда сильный попирает слабого, когда существуют трущобы и ночлежки, а «удар под ложечку» Индии, чья независимость была попрана англичанами, выдается за великую миссию Британии. Свои оценки Шелтон формулирует весьма резко и критично, но его мысли и действия все же не лишены наивности даже тогда, когда он тратит часть своего состояния на нужды бедняков. Герой Голсуорси постоянно сталкивается с наглым равнодушием фарисеев, которые не способны на милосердие.

Не все в этом произведении удалось автору. Несколько преувеличена «гипертрофия совести» у Шелтона, слишком скоротечно его прозрение, а сатирический настрой, возможно, чересчур прямолинеен. Но роман, несомненно, созданный в традициях лучших творений Диккенса и Теккерея, явился непосредственным подступом ко всей «Саге о Форсайтах». Эпиграф из Шекспира: «Так в обществе высоком повелось…», которым Голсуорси предварил «Остров фарисеев», отражает суть и всего созданного им позднее.

Обложка одного из полных изданий «Саги о Форсайтах» Д.Голсуорси.

После смерти отца (1904) Голсуорси обрел материальную независимость, Ада переезжает к нему, а когда через год закончился ее бракоразводный процесс, молодые люди женятся. Возможность жить вместе, не скрываясь, после девяти лет общественного порицания, резких нападок со стороны родных и друзей вдохновила Голсуорси на роман «Собственник» («The Man of Property»), который был закончен в 1906 году и в котором описан неудачный брак Ады на примере отношений Сомса и Ирен Форсайт. Этот роман, принесший Голсуорси репутацию серьезного писателя, стал самым известным из его произведений. По словам известного критика Д.Баркера, Голсуорси утверждал, что «на этих страницах он высек крупную буржуазию». «Собственник» явился первым томом трилогии «Саги о Форсайтах» («The Forsyte Saga»). К Форсайтам Голсуорси не возвращался вплоть до конца первой мировой войны, однако за это время выпустил «Усадьбу» («The Country House», 1907) – роман о мелкопоместном дворянстве, «Братство» («The Fraternity»),

1909) – об интеллигенции, и «Патриций» («The Patrician», 1911) – об аристократии.

В результате постановки первой законченной пьесы Голсуорси «Серебряная шкатулка» («The Silver Box», 1906) писатель получил признание и как драматург. Самыми удачными пьесами, написанными Голсуорси до первой мировой войны, кроме «Серебряной шкатулки», были «Борьба» («Strife», 1909) и «Справедливость» («Justice», 1910). Все три пьесы реалистического направления и разоблачают социальные злоупотребления; кроме того, последняя («Справедливость») осуждает практику одиночного заключения, в связи с чем Уинстон Черчилль заявил, что эта пьеса оказала серьезное влияние на его программу тюремной реформы.

В это же время Голсуорси тратит не меньше половины своих доходов на благотворительность и активно выступает за социальные реформы, агитирует за пересмотр законов о цензуре, разводе, минимальной зарплате, женском избирательном праве. Даже смертельно больной, писатель распорядился, чтобы Нобелевская премия была передана ПЕН-клубу (организации, объединяющей поэтов, эссеистов, новеллистов) – международной писательской организации, которую Голсуорси и основал в октябре 1921 года.

Одна из известных иллюстраций к «Саге о Форсайтах» Р.Така

В 1917 году Голсуорси отказался от рыцарского звания, полагая, что писатели и реформаторы принимать титулы не должны.

В начале следующего года писатель выпустил сборник из новелл, озаглавленный «Пять историй» («Five Tales»). В одной из новелл – «Последнее лето Форсайта» («The Indian Summer of a Forsyte») – Голсуорси вновь возвращается к семье Форсайтов. «В петле» («In Chancery»), второй том «Саги о Форсайтах», появился в 1920 году, а «Сдается внаем» («To Let»), последняя часть трилогии, – в 1921 году. Однотомник «Саги о Форсайтах», вышедший в 1922 году, имел колоссальный успех, благодаря которому Голсуорси стал ведущей фигурой в англо-американской литературе.

Так выглядят Форсайты по одной из телевизионных версий

Неукоснительно соблюдая правило писать каждое утро, Голсуорси создал 20 романов, 27 пьес, 3 сборника стихотворений, 173 новеллы, 5 сборников эссе, по меньшей мере, 700 писем и множество очерков и заметок различного содержания.

Вторую трилогию о Форсайтах, озаглавленную «Современная комедия» («A Modern Comedy»), писатель закончил в 1928 году. «Современная комедия» была издана посмертно в одном томе в 1929 году. Последняя трилогия Голсуорси, посвященная семье Чаруэлл, была выпущена в 1933 году вдовой писателя под заглавием «Конец главы» («End of the Chapter»).

Как никто другой, зная жизнь британского общества, так называемого «верхнего слоя среднего класса» и профессионально разбираясь в головоломной структуре английского права, Голсуорси обречен был стать обстоятельным бытописателем английских семейных трагедий и комедий.

В одном из писем Голсуорси отметил, что им «руководит ненависть к форсайтизму». Писатель исследовал это явление целеустремленно и весьма тщательно, ибо оно – «точное воспроизведение целого общества в миниатюре», оплота Британской империи в эпоху королевы Виктории. Деньги для Форсайтов – «светоч жизни, средство восприятия мира», они всегда знают ценность вещей, «живут в раковине, подобно тому чрезвычайно полезному моллюску, который идет в пищу как величайший деликатес… никто их не узнает без этой оболочки, сотканной из различных обстоятельств их жизни, их имущества, знакомств и жен…», а поэтому лица этих людей – «тюремщики мысли».

Собственность – основа их существования, отсюда трезвый расчет в делах, «осторожность прежде всего», цепкость, умение «сохранять энергию», «держаться». Все эти черты типичны для среднего класса с его особенностями, нормами поведения и с убогим стандартом оценок.

В 1929 году Голсуорси был награжден британским орденом «За заслуги», а в 1932 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за высокое искусство повествования, вершиной которого является «Сага о Форсайтах»**».

«Автор проследил историю своего времени на протяжении трех поколений, – сказал представитель Шведской академии А. Эстерлинг, – и то, что писатель с таким успехом овладел чрезвычайно сложным как по объему, так и по глубине материалом, делает ему честь. «Сага о Форсайтах» – заметное явление в английской литературе». Мастерство Голсуорси сравнивали с тургеневским, особо отметив его иронию, «синоним жизнелюбия и человечности». К сожалению, Голсуорси был тяжело болен (опухоль мозга) и на церемонии награждения не присутствовал. Меньше чем через два месяца после вручения ему Нобелевской премии писатель умирает…

Аверс памятной медали Д.Голсуорси

После смерти Голсуорси его слава идет на убыль. Самыми непримиримыми из его критиков были Д.Г. Лоуренс и Вирджиния Вулф. Критикуя Голсуорси и его современника Г. Уэллса в пропаганде, Вулф писала: «Чтобы их романы закончились, герою нужно что-то сделать – вступить в какое-то общество или, что еще ужаснее, выписать чек». На страницах «Спектейтора» («Spectator») в 1963 году английский критик Б. Бергонци заметил, что, «нарушив светские условности, Голсуорси стал писателем, но стоило ему утвердиться в этом качестве, как он тут же вновь стал жертвой предрассудков своего класса и воспитания… Голсуорси продолжал оставаться великолепным рассказчиком…». Английский прозаик Энтони Берджесс в 1969году сказал, что Голсуорси умел завоевывать читателя, однако писал рассудком, а не сердцем. «Он оказал влияние на таких гигантов, как Томас Манн, его читали во Франции и боготворили в России, – писал Берджесс, – однако у себя на родине, в Англии, он завоевывал сердца посредственностей. Интеллектуалы его отвергали».

Мы полагаем, что все же стоит вчитаться в строки Голсуорси повнимательней…

В этот памятный день середины октября 1922 года сэр Лоренс Монт, девятый баронет, вышел из «Клуба шутников», как прозвал его Джордж Форсайт в конце восьмидесятых годов, спустился по ступеням, стертым ногами приверженцев существующего порядка

вещей, повел своим острым носом по ветру и быстро засеменил тонкими ногами. Занимаясь политикой скорей по долгу высокого рождения, чем по призванию, он смотрел на переворот, вернувший к власти его партию, с беспристрастностью, не лишенной юмора. Проходя мимо клуба «Смена», он подумал: «Да, им теперь придется попотеть! Пусть посидят без сладкого для разнообразия»!

Командоры и короли удалились из «Клуба шутников» еще до вступления туда сэра Лоренса; он – то не принадлежит к этим крохоборам, которым теперь дали отставку, нет, сэр! Он не из тех людей, что отмахнулись от земельной проблемы, как только кончилась война, – брр! Однако целый час он слушал отклики на последние события, и его живой и гибкий ум, насквозь пропитанный культурой прошлого и полный скептицизма по отношению к настоящему и ко всем политическим платформам и декларациям, с насмешкой отмечал путаницу патриотических мотивов и забот о личной выгоде, которая осталась после этого знаменательного собрания. Как большинство землевладельцев, он не доверял никаким доктринам. Его единственным политическим убеждением был налог на пшеницу, и, насколько он мог судить, единомышленников у него не осталось; впрочем, он и не думал выставлять свою кандидатуру на выборах, – другими словами, на его принцип не могли покуситься избиратели, которым приходилось платить за хлеб. «Принципы! – думал он, – ведь au fond – это карман!» И, черт побери, когда же люди перестанут притворяться, что это не так! Карман, разумеется, в широком смысле слова, – так сказать, эгоистические интересы каждого как члена определенного общества. А как, черт возьми, это определенное общество английская нация – сможет существовать, если все его поля останутся необработанными, а вражеские аэропланы будут грозить разрушением английским кораблям и докам? В клубе он весь этот час ждал, чтобы хоть раз упомянули о земле. И никто – ни слова! Это, видите ли, не политика! Вот проклятье! Им бы только протирать брюки, чтобы удержаться на своем месте или добиться нового. Какая связь между их брюками и заботой о будущем страны? Никакой, ей-богу! При мысли о будущем страны ему неожиданно пришло в голову, что жена его сына до сих пор, по-видимому, никак этим будущим не озабочена. Два года! Пора им подумать о детях. Опасная привычка – не заводить детей, когда от этого зависят и титул и поместье. Улыбка тронула его губы и лохматые брови, похожие на путаные черные закорючки. Очень мила, удивительно привлекательна! И знает это сама! С кем только она не встречается! Львы и тигры, обезьяны и кошки – ее дом стал просто зверинцем для всяких больших и маленьких знаменитостей. Есть в этом что-то неестественное. И, глядя на

одного из бронзовых британских львов на Трафальгар-скверу, сэр Лоренс подумал: «Скоро она и этого затащит к себе в дом! У нее страсть к коллекционированию. Майклу надо быть начеку – в доме коллекционеров всегда есть чулан для старого хлама, и мужьям легко попасть туда. Да, кстати: я обещал ей китайского посланника. Придется ей, пожалуй, подождать до окончания выборов».

Из иллюстраций к роману

В конце Уайтхолла, под сереющим на востоке небом, на миг появились башни Вестминстера. «Что-то нереальное даже в них, – подумал он. – А Майкл со своими причудами! Впрочем, это модно – социалистические убеждения и богатая жена. Самопожертвование и безопасность! Мир и процветание. Шарлатанское снадобье от всех болезней – десять пилюль на пенни!» Миновав газетную сутолоку Чэринг-Кросса, обезумевшего от политического кризиса, сэр Лоренс повернул налево, к издательству Дэнби и Уинтера, где его сын состоял младшим компаньоном. Новая тема для книги только что зародилась в мозгу, уже подарившем миру «Жизнь Монтроза», «Далекий Китай» – книгу о путешествиях на Восток, и фантастический диалог между тенями Гладстона и Дизраэли, озаглавленный «Дуэт». С каждым шагом, уводившим сэра Лоренса от «Шутников» на восток, его прямая тонкая фигура в пальто с каракулевым воротником и худое лицо с седыми усами и черепаховым моноклем под темной подвижной бровью казались все более редким явлением. Но он стал почти феноменом в этом

унылом переулке, где тележки застревали, словно зимние мухи, и люди проходили с книгами под мышкой, будто шли учиться.

Он почти дошел до дверей издательства, когда навстречу ему показались двое молодых людей. Один из них, конечно, его сын; он после женитьбы стал одеваться много лучше и, слава богу, курит сигару вместо этих вечных папиросок. А вот другой – ах да, поэт, любимец Майкла, был у него шафером – идет, закинув голову, велюровая шляпа, и лицо какое тонкое!

– А, Майкл!

– Алло, Барт. Ты знаком с моим родителем, Уилфрид? Это – Уилфрид Дезерт, автор «Медяков». Настоящий поэт, Барт, верно говорю! Непременно прочтите! Мы идем домой. Пойдемте с нами.

Сэр Лоренс повернул.

– Что нового у «Шутников»?

– «Le roi est mort»! Лейбористы уже могут начинать свое вранье, Майкл, – выборы назначены на следующий месяц.

– Барт вырос в те дни, Уилфрид, когда люди еще не имели понятия о Демосе.

– Скажите, мистер Дезерт, а вы-то находите что-нибудь реальное в нынешней политике?

– А разве для нас на свете есть что-нибудь реальное, сэр?

– Да, подоходный налог.

Майкл засмеялся.

– Кроме дворянского звания, нет ничего лучше простодушной веры.

– Предположим, твои друзья придут к власти, Майкл; отчасти это неплохо, они бы выросли немного, а? Но что они смогли бы сделать? Могут ли они воспитать вкус народа? Уничтожить кино? Научить англичан хорошо готовить? Предотвратить угрозу войны со стороны других стран? Заставить нас самих растить свой хлеб? Остановить рост городов? Разве они перевешают изобретателей ядовитых газов? Разве они могут запретить самолетам летать во время войны? Разве они могут ослабить собственнические инстинкты где бы то ни было? Разве они вообще могут что-нибудь сделать, кроме как переменить немного распределение собственности? Политика всякой партии – это только глазурь на торте. Нами управляют изобретатели и человеческая природа; и мы сейчас в тупике, мистер Дезерт.

– Вполне согласен, сэр.

Майкл пыхнул сигарой.

– Оба вы – старые ворчуны!

И, сняв шляпы, они прошли мимо Гробницы.

– Удивительно симптоматично – эта вот вещь, – заметил сэр Лоренс, памятник страху… страху перед всем показным. А боязнь

показного…

– Говорите, Барт, говорите, – сказал Майкл.

– Все прекрасное, все великое, все пышное – все исчезло! Ни широкого кругозора, ни великих планов, ни больших убеждений, ни большой религии, ни большого искусства – эстетство в кружках и закоулках, мелкие людишки, мелкие мыслишки.

– А сердце жаждет Байронов, Уилберфорсов, памятника Нельсону. Бедный мой старый Барт! Что ты скажешь, Уилфрид?

– Да, мистер Дезерт, что скажете?

Хмурое лицо Дезерта дрогнуло.

– Наш век – век парадоксов, – проговорил он. – Мы все рвемся на свободу, а единственные крепнущие силы – это социализм и римско-католическая церковь. Мы воображаем, что невероятно многого достигли в искусстве, а единственное достижение в искусстве – это кино. Мы помешаны на мире и ради этого только и делаем, что совершенствуем ядовитые газы.

Из иллюстраций к роману

Сэр Лоренс поглядел сбоку на молодого человека, говорившего с такой горечью.

– А как дела в издательстве, Майкл?

– Что ж, «Медяки» раскупаются, как горячие пирожки, и ваш «Дуэт» тоже пошел. Как вы находите такой новый текст для рекламы: «Дуэт», сочинение сэра Лоренса Монта, баронета. Изысканнейшая беседа двух покойников». Должно подействовать на психологию читателя! Уилфрид предлагал: «Старик и Диззи – по радио из ада». Что вам больше нравится?

Но тут они оказались рядом с полисменом, поднявшим руку перед мордой ломовой лошади, так что ее движение разом остановилось. Моторы автомобилей жужжали впустую, взгляды

шоферов вперились в запретное для них пространство, девушка на велосипеде рассеянно оглядывалась, держась за край фургона, на котором боком сидел юноша, свесив ноги в ее сторону. Сэр Лоренс снова поглядел на Дезерта. Тонкое, бледное и смуглое лицо красивое лицо, но какая-то в нем судорожность, как будто нарушен внутренний ритм; в одежде, в манерах – никакой утрировки, но все же чувствуется некоторая вольность; в нем меньше живости, чем в этом веселом повесе, собственном сыне сэра Лоренса, но такая же неустойчивость и, пожалуй, больше скептицизма – впрочем, он, наверно, способен на глубокие переживания! Полисмен опустил руку.

– Вы были на войне, мистер Дезерт?

– О да!

– В авиации?

– И в пехоте – всего понемногу.

– Трудновато для поэта!

– О нет! Поэзией только и можно заниматься, когда тебя в любую минуту может разорвать в клочки или если живешь в Пэтни .

Бровь сэра Лоренса приподнялась.

– Разве?

– Теннисон, Браунинг, Вордсворт, Суинберн – вот кому было раздолье писать: ils vivaient, mais si peu.

– А разве нет третьего благоприятного условия?

– Какого же, сэр?

– Как бы это выразиться… ну, известное умственное возбуждение, связанное с женщиной?

Лицо Дезерта передернулось и словно потемнело.

Майкл открыл французским ключом парадную дверь своего дома…

(«Белая обезьяна», перевод Р.Райт)

При жизни Голсуорси удостоился почетных степеней Тринити-колледжа, Дублинского университета, а также почетных степеней Кембриджского, Оксфордского и Принстонского университетов, университетов Манчестера и Шеффилда.

Одно из последних выступлений Д.Голсуорси на радио

Необходимо сказать и о широко известных теоретических работах английского реалиста: «Аллегория о писателе» (1909), «Туманные мысли об искусстве» (1911), «Искусство и война» (1912), в которых он горячо отстаивает свои эстетические взгляды. Для Голсуорси искусство неразрывно связано с жизнью, поэтому он всегда принципиально противостоит эстетизму. «Любой художник, живописец, музыкант или писатель – это паломник, – рассуждал он, – к какой святыне он идет на поклонение? Чей лик узреть бредет он безводными пустынями, неся крест своего таланта? Лик красоты и лик истины – или морду скачущего сатира и золотого тельца? Какова цель и предназначение искусства?.. На вопрос, ради чего мы отдаемся искусству, есть только один верный ответ: ради большего блага и величия человека». Именно в этих словах и заключено основное достоинство того, что создал за свою долгую творческую жизнь Голсуорси.

Стоит добавить о значительном количестве экранизаций «Саги о Форсайтах», созданных английским и американским телевидением и имевшим успех во всем мире. Русскоязычный читатель, конечно, знает имя Голсуорси, однако многих пугает объем его великой книги, хотя читается она в замечательных переводах необыкновенно легко…

Глава III
Бунин Иван Алексеевич
1933, Россия-Франция

Иван Бунин

Иван Алексеевич Бунин (22 октября 1870 года – 8 ноября 1953 года), русский писатель и поэт, родился в имении своих родителей под Воронежем, в центральной части России. Отец писателя, Алексей Николаевич Бунин, происходил из старинного дворянского рода, восходящего к литовскому рыцарству XV века. Мать, Людмила Александровна Бунина, урожденная Чубарова, также принадлежала к дворянскому роду. Из-за отмены крепостного права в 1861 году и весьма нерачительного ведения дел хозяйство Бунина и Чубаровой находилось в чрезвычайно запущенном состоянии, и к началу XX века семья была на грани разорения.

До 11 лет Иван воспитывается дома, а в 1881 году поступает в Елецкую уездную гимназию, однако через четыре года из-за финансовых затруднений семьи возвращается домой, где продолжает образование под руководством старшего брата Юлия, человека необычайно способного и придерживающегося крайне радикальных взглядов. Но аристократ по духу, Иван Бунин не разделял страсти брата к политическому радикализму. Юлий же,

с блеском окончивший университет, прошел с Ваней весь гимназический курс. Они занимались языками, психологией, философией, общественными и естественными науками. Именно Юлий оказал большое влияние на формирование вкусов и взглядов Бунина и, чувствуя литературные способности младшего брата, познакомил его с русской классической литературой, посоветовал писать самому.

Гимназия в Ельце, где учился И.Бунин

Бунин с увлечением читал Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а в 16-летнем возрасте начал писать стихи сам. В мае 1887 года журнал «Родина» напечатал стихотворение «Нищий» шестнадцатилетнего Вани Бунина. С этого времени началась его более или менее постоянная литературная деятельность, в которой нашлось место и для стихов, и для прозы.

Внешне стихи Бунина выглядели традиционными как по форме, так и по тематике: природа, радость жизни, любовь, одиночество, печаль утраты и новое возрождение. И все же, несмотря на подражательность, была в бунинских стихах какая-то особая, только ему одному присущая интонация.

И.Бунин и А.Чехов. 1900 год

Не имея средств к существованию, Иван Бунин в 1889 году идет работать корректором в местную газету «Орловский вестник» и вскоре влюбляется в сотрудницу редакции Варвару Пащенко, с которой, вопреки родительской воле, в 1892 году отправляется на Украину, в Полтаву. Их отношения продолжались до 1894 года, когда Пащенко вышла замуж за друга Бунина, писателя А.Н. Бибикова.

Первый томик стихов Бунина вышел в свет в 1891 году в приложении к одному из литературных журналов. Классические по стилю, стихи Бунина были насыщены чудесными образами природы – свойство, характерное для всего будущего поэтического (да и прозаического) творчества писателя. В это же время он пробует писать рассказы, которые появляются в различных литературных журналах, вступает в переписку с А.П. Чеховым. Спустя четыре года, в 1895 году, писатели встречаются

и становятся близкими друзьями. Несмотря на определенное сходство, тематика и стиль их произведений, конечно же, совершенно различны. Свойственная Бунину традиционная манера повествования с упором на сюжет и описательность в корне отличается от новаторской краткости Чехова. Вообще, как и его консервативно настроенные друзья, пианист и композитор Сергей Рахманинов и певец Федор Шаляпин, Бунин придерживается традиционных взглядов на искусство.

В начале 90-х годов XX века Бунин находился под влиянием философских идей Льва Толстого, таких, как близость к природе, необходимость занятий ручным трудом, непротивление злу насилием. Тем не менее, когда они встретились в 1894 году, Бунин был разочарован утопичностью взглядов своего кумира. Впрочем, это никак не помешало ему всегда восхищаться реализмом Толстого и считать его величайшим из русских писателей.

С 1895 года Бунин живет в Москве и в Петербурге.

Литературное признание пришло к писателю после выхода в свет таких рассказов, как «На хуторе», «Вести с родины» и «На краю света», посвященных голоду 1891 года, эпидемии холеры 1892 года, переселению крестьян в Сибирь, обнищанию и упадку мелкопоместного дворянства. Свой первый сборник рассказов Бунин назвал «На краю света» («Край света», 1897).

Тот самый, первый сборник…

В 1898 году Бунин выпускает поэтический сборник «Под открытым небом», а также свой великолепнейший перевод «Песни о Гайавате» Г.Лонгфелло, получивший очень высокую оценку и удостоенный Пушкинской премии первой степени. Еще через год Бунин женится на Анне Николаевне Цакни, дочери греческого революционера, с которой он познакомился в Одессе. Брак был непродолжительным и несчастливым: их единственный сын, родившийся в 1900 году, умер в пятилетнем возрасте от скарлатины.

В начале 1899 года Бунин знакомится с Максимом Горьким, который привлек его к сотрудничеству в радикальном издательстве «Знание». Хотя возвышенный реализм в ядовитой смеси с «революционным романтизмом» и прогрессистские взгляды Горького не импонировали Бунину, он посвятил Горькому сборник стихотворений «Листопад» (1901) и продолжал сотрудничество со «Знанием» вплоть до революции 1917 года.

Портрет И.Бунина работы Л.Туржанского. 1905 год

В первые годы XX века Бунин активно занимается переводом на русский язык английских и французских поэтов. Им переведены поэмы А.Теннисона «Леди Го– дива» и Д.Байрона «Манфред», произведения Альфреда де Мюссе и Франсуа Коппе.

С 1900 по 1909 год издаются многие, теперь уже широко известные рассказы писателя – «Антоновские яблоки», «Сосны», – в которых звучит озабоченность Бунина в связи с разорением дворянских гнезд и миграцией городского и сельского населения.

В конце 1906 года Бунин влюбляется в Веру Николаевну Муромцеву, дочь члена Московской городской думы, и вступает с ней в гражданский брак. В годы, предшествующие революции, Бунин и Муромцева много путешествуют вместе. Влюбленный Бунин становится романтиком…

Когда подняли якорь, в толпу на спардеке вошли молодые, французы. И, заглядевшись на них, я не заметил, как поплыли кровли и купола Стамбула.

По глянцевитой мраморно-голубой воде черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренние пары таяли в тепле и свете, но даль еще терялась в матовом тумане.

За мысом дорогу перерезал колесный пакебот, переполненный фесками, и, мелькнув, обдал теплым дымом. Старые стены дворца Константина и цветущие сады Сераля дремали, пригретые солнцем. В оврагах алело искривленное иудино дерево. Бледно-розовые минареты Софии уносились в небо…

Извиваясь, протянулись, вслед за Сералем, стены Феодосия, полчища кипарисов в Полях Мертвых… Стены кончились руиной Семибашенного замка… И сиренево-серый очерк Стамбула стал уменьшаться и таять. Справа шли обрывы плоского прибрежья, цвета пемзы. А налево, до нежно-туманной сини Принцевых островов, и впереди, до еще более туманных гор Азии, все шире разбегались сияющие среди утреннего пара заливы. Над их необозримой гладью кое-где висели дымки невидных пароходов…

Нижние палубы, заваленные грузом в Пирей и Александрию, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково– застенчивые улыбки и блестящие зубы, карие глаза и гортанный говор. Белыми коконами сидели на коврах закутанные женщины. Мечтательно играли четками хаджи в чалмах и халатах. Пели, пили мастику, страстно спорили и бились в кости греки, похожие на плохеньких итальянцев. Седобородый еврей в люстриновом пальто, в черной непримятой шляпе на затылок, с пейсами и поднятыми бровями, ел, уединенно сидя на крышке трюма, маслины с белым хлебом и обсасывал пальцы. В проходах несло кухонным чадом, теплом из стальной утробы мерно работающей машины, бегали белые повара с помоями. Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослепительный блеск под левым бортом. За этим блеском расстилались и как будто наклонно скользили вдаль, в чуть видной Азии, зеркала Кианского залива. В миле, в полумиле от нас проходили итальянские и греческие грузовики с низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись в Стамбул, раскинувшись по всему морю, парусные барки. Одна бригантина прошла так близко, что вся закачалась и закланялась, попав в волну от парохода, и ярко озарила нас парусами. Под их серебристой тенью бежал загорелый человек в полосатой фуфайке. А зеленый хрусталь под бригантиной был так прозрачен, что видно было все дно ее.

Ют загромождали тюки прессованного сена. Матросы натягивали над ними тент. Близился полдень, и в проходах между сеном уже стоял жаркий сладковатый запах степи.

За завтраком в кают-компании открыли все иллюминаторы.

По белому низкому потолку переливались зеркальные змеи, отраженные из-под левого борта водою и солнцем.

Часа в два слева заголубели каменистые прибережья древней Фригии. Близко прошла дикая горбина острова Марморы, и было весело смотреть на его блиставшие над водой обрывы, на сероватую зелень, покрывавшую его ребра и скаты, на белые точки какого-то селенья, рассыпанного в одной из его впадин.

Очень близко прошел перед вечером и Галлиполи, желтевший на пустынных обрывах справа.

В темноте, усеянной зоркими огнями, осторожно пропустила нас теснина Дарданелл.

II

Троя, Скамандр, Холмы Ахиллеса – сколько прелести в этих звуках! Равнина Скамандра серебрилась в эту ночь легким туманом и печальным лунным светом. Я видел ее смутно… Но это была уже Греция.

Шерстяная вишневая занавеска на открытом иллюминаторе в моей каюте стала утром, против солнца, прозрачно– красной. Сладкий ветер ходил по каюте. Быстро одевшись, я выбежал на недавно вымытую, еще темную палубу.

Был опять тонкий пар, полный блеска, легкий, влажный воздух. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди и влево по его равнине таяли в светлой дымке фиолетовые силуэты Архипелага. А направо тянулись зелено– сиреневые горы: Эвбея.

И все утро выгибалась мимо нас эта каменистая страна, вся в складках, как кожа бегемота. А позднее, когда солнце уже жгло плечи и я с изумлением глядел на это горящее масло, лизавшее пароход и порою плескавшее языками бирюзового пламени, открылись, наконец, «пустынные горы» Гимета.

По мертвенно-белым волооким статуям, по тысячелетним толкам о вакханках и дриадах, о богах и празднествах с цветами и хорами, – как будто в древней Греции только и делали, что праздновали, – тысячи тысяч людей рисуют себе какой-то пошлый элизиум вместо этой каменистой, сухой страны. Каков-то Акрополь? Все бинокли искали его, греки с юта с азартом тыкали пальцами вдаль. И вот нашел, наконец, я нечто смутно-желтевшее на каменистом холме, одиноко стоящем за морем крыш в долине, – нечто вроде небольшой дикой крепости. И, взглянув на этот голый холм пелазгов, впервые в жизни всем существом своим ощутил я древность.

В Пирсе, где в жаркий полдень мы бросили якорь, нас окружили гиды, комиссионеры отелей… Маленький быстрый поезд в полчаса доставил нас в Афины. По ослепительно-белым улицам еду я,

выйдя из вагона. Высоко сидит на козлах кучер в соломенной шляпе, хлопая бичом над парой резвых кляч в дышле. Яркая лента неба льется над коридором улицы с белой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и в тени чувствуешь и видишь, как прозрачен сухой жаркий воздух. Спущены зеленые жалюзи на окнах, спущены маркизы над витринами. Быстро выезжаем, миновав площадь, королевский дворец и предместье, на меловое шоссе, – и этот холм пелазгов с руинами храмов поражает меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова гор, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный пик холма, воедино слитый двадцатипятивековой древностью с голым остовом Акрополя, – останками стен, колоннад и порталов. Зной и ветер давно обожгли кости этой чуждой и уже непонятной нам жизни. Медленно тянут лошади по мелу, хрустит щебень шоссе, кольцом охватившего холм и поднимающегося все в гору, – со всех сторон оглядываю я загорелый камень стен Акрополя и его желобчатых колонн… Наконец, коляска останавливается как раз против входа в гранитной стене, за которым широкая лестница из лоснящегося мрамора поднимается к Пропилеям и Парфенону… И на мгновенье я теряюсь… Боже, как все это просто, старо и прекрасно! Налево, в сквозной тени маслин, стоит другая коляска. Высокий, очень прямой человек с биноклем через плечо, в сером костюме и тропическом шлеме, и высокая худая женщина, тоже в сером шлеме, в фильдекосовых перчатках, с длинной тонкой палочкой в одной руке и с книжкой в другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокойнейшие люди изумленно смотрят круглыми глазами на то, что блещет перед нами золотыми руинами в жарком синем небе, на то, что так божественно-легко и стройно громоздится на гранитных укреплениях, вросших в темя этого «Алтаря Солнца». Они входят, поднимаются по лестнице, делаются маленькими среди колонн, уцелевших от Пропилеи… Я тоже иду и смотрю… Но я уже все видел!

Я иду, но души древности, создавшей все это, я коснулся еще с парохода. А божественное совершенство Акрополя раскрывает один взгляд на него.

Вот я поднялся по скользким плитам к Пропилеям и храму Победы. Я теряюсь в беспредельном пространстве Эгейского моря и вижу отсюда и маленький порт в Пирее, и бесконечно-далекие силуэты каких-то голубых островов, и Саламин, и Эгину. А когда я оборачиваюсь, меня озаряет сине-лиловый пламень неба, налитого между руинами храмов, между золотисто-обожженным мрамором колоннад и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, пред которыми слово бессильно. Я

вступаю в громаду раскрытого Парфенона, вижу скользкие мраморные плиты, легкий мак в их расселинах… Что иное, кроме неба и солнца, могло создать все это? Какой воздух, кроме воздуха Архипелага, мог сохранить в такой чистоте этот мрамор? Глыбам гранита и мрамора, кряжам каменистых гор, накаленных зноем, поклонялись древнейшие греческие племена. «Амфион, древнейший из поэтов, извлекал из лиры столь сладкие звуки, что вечный мрамор, в котором заключена высшая чистота земли, сам стал складываться в колоннады, стены и ступени». А Гомер изваял образы богов-людей: ведь Эллада «только устами поэтов и философов» созидала пантеоны и культы. И «уста поэтов» высшей религией признали красоту, высшим загробным блаженством – Элизиум, «от века не знавший тьмы и холода», высшей загробной мукой – лишение света…

«Бог – жизнь, свет и красота», – сказал народ, населивший землю в этом «прелестнейшем из морей». – «Бог – это мое тело», – сказал он, возмужав и забыв, что земля его, как и всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, как и всюду, разрушает на его земле плотскую радость. «Я завоевал высшую мудрость», – сказал он – и отлил свои завоеванья в мрамор – воздвиг «Алтарь Возврата», как Александр на границах Индии. И чтобы не слышать о новых завоеваниях, умертвил Сократа. Но дух искал и жаждал. Александр, снедаемый этой жаждой, раздвинул пределы земли, смешал народы и, возвратясь, сказал: «Мир бесконечен, и Бог тысячелик. Я поклонялся всем ликам; но истинный – неведом. Иудея говорит, что лик его – мощь и пламя гнева; Египет, что лик его – Солнце в лике Сфинкса и Ястреба. Но Иудея – это горючее Мертвое море, Египет – могила в пустыне: он тоже свершил свой путь – от поклонения вечно возрождающемуся «сыну Солнца», Гору, до своего Алтаря Возврата – до Великой пирамиды. И храмы Солнца ныне пусты и безмолвны». Тогда Греция снова послала поэтов в философов искать Бога. И они пошли в Сирию и Александрию – и среди смешавшегося человечества зачалось смутное и радостное предчувствие нового рассвета. Впервые случилось, что завоеватель мира не дерзнул покорить мир богу своей нации. И всемирная монархия, смешав человечество, распалась. Человечество пресытилось кровью, землею и смертью – и возжаждало братства, неба, бессмертия. И когда, наконец, снова взошло Солнце, «Радуйся! – сказал миру ясный голос. – Нет более ни рабов, ни царей, ни жрецов, ни богов, ни отечества, ни смерти. Я – египтянин, иудей и эллин, я сын земли и духа. Дух животворит и роднит все сущее: и лилии полевые, и птицы небесные, и Соломона в славе его, и раба Соломона. Сила и жизнь его так велики во мне, что вот я полагаю руку мою на голову умирающего

– и слышу, как трепетно исходит из меня любовь и жизнь. На Фаворе, в росистое солнечное утро, мир, в блеске и голубых туманах лежащий подо мною, наполняет мою душу таким восторгом, светом отца моего, что лицо мое повергает на землю братьев моих…»

III

На предвечернее солнце было больно смотреть, когда я возвращался на рейд. Зеркальные отражения струились, переливались по нагретому за день борту. Медные ободки открытых иллюминаторов искрились. Лебедки уже затихли, трюмы были нагружены и закрыты… Потом заревела, сотрясая все палубы, труба и забурлил винт…

В несказанной пышности и нежности червонной пыли и воздушно-фиолетовых вулканов пламенело солнце за беспредельным Эгинским заливом, из которого мы уходили от Акрополя к югу. Потом оно сразу потеряло весь свой блеск, стало огромным малиновым диском, стало меркнуть – и скрылось. Тогда в золотисто-бирюзовую глубину небосклона высоко поднялись дымчато-аметистовые радиусы. Но на острова и на горы за заливом уже пал вечерний пепел, а все необозримое пространство заштилевшего моря внезапно покрыла мертвенная, малахитовая бледность. Я стоял на юте, облокотясь на решетку борта, и смотрел то на этот малахит, то на запад. Вдруг по кораблю там и сям тепло и весело вспыхнуло электричество. На минуту оно отвлекло меня, а когда я снова взглянул на запад, его уже настигла тьма южной ночи.

Скоро в ней потонули и море и небо. Но вот за бортом стал реять слабый таинственный свет – темно-лиловый полукруг моря, явственно отделившийся от более легкого неба, как бы задымился водным светом.

– Миль десять идем? – спросил я забелевшего в сумраке матроса, по шороху за бортом угадывая ровный полный ход.

– Миль тринадцать идем…

И по тому, как мелькали навстречу мне, когда я пошел на бак, горбы волн, полных дымившегося фосфора, видно было, что правда.

Черный и в темноте особенно упорный бугшприт неуклонно вел в звездный склон неба. На северо-востоке широко раскидывалась Большая Медведица, «любимое созвездие Гомера». На юго– западе низко, но ярче и великолепнее всех сверкала розово– серебристая Венера. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими в Млечном Пути алмазами. И отовсюду лились в море нити тонкого, дивного света. Но свет моря был еще прекраснее.

– Эй, не курить на баке! – раздался молодой звучный голос.

И опять наступила глубокая тишина, полная шороха волн и

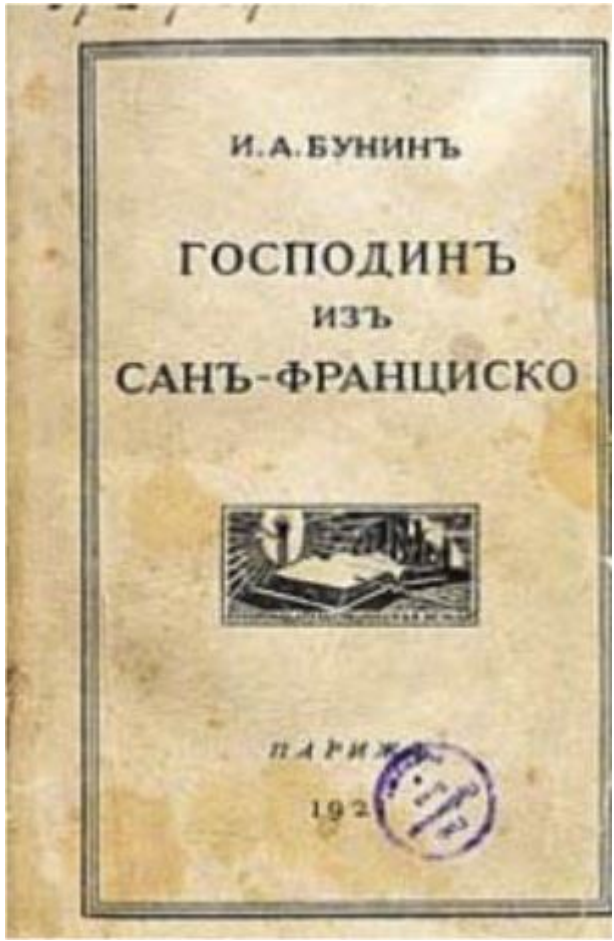
дыханий машины.

Спотыкаясь на цепи и паруса, я добрался до бугшприта. Острая железная грудь резала кипевшую бледно-синим пламенем воду – и все пространство моря, озаренного и полного таинственным светом, быстро бежало навстречу. Звезды дрожали от едва уловимого теплого воздушного тока… Да, «свет и во тьме светит». Вот закатилось солнце, но и во тьме только солнцем живет и дышит все сущее. Это оно вращает винт парохода, оно несет навстречу мне море; оно, неиссякаемый родник всех сил, льющихся на землю, правит и непостижимым для моего разума стремлением своего необъятного царства в бесконечность – к Веге, и безумной радостью этого стрелой летящего подо мною дельфина – как бы сплошной массы дымно-синего фосфора. И только к свету стремится все в мире. Мириады едва зримых семян жизни, лишенных солнца тьмою ночи и глубинами вод, все же светят сами себе – теми атомами его, которыми рождена в них жизнь. И над всем этим морем, видевшим на берегах своих все служения Богу, всегда имевшие в основе своей служение только Солнцу, стоит как бы голубой дым: дым кадениия ему.

(«Море богов», 1907 год)

В этот период Бунин пишет и свои лучшие книги, например, поэму в прозе «Деревня» (1910), первое крупное произведение писателя, в котором нарисована довольно мрачная картина жизни русского крестьянства после революции 1905 года. Хотя «Деревня» пришлась либеральным писателям не по вкусу, литературная репутация Бунина продолжала расти, и в 1911 году Горький назвал его «лучшим современным писателем». Вслед за «Деревней» в 1912 году появляется повесть «Суходол», в которой с беспощадной силой описывается вырождение помещичьей семьи и всего ее окружения.

Параллельно с деревенской писатель развивал в своих рассказах и лирическую, любовную тему, которая уже ранее наметилась в его стихах. Появились женские характеры, хотя и едва очерченные – очаровательная, воздушная Оля Мещерская (рассказ «Легкое дыхание»), бесхитростная Клаша Смирнова (рассказ «Клаша»).

Одно из первых изданий великого рассказа

Позже женские типы со всей лирической страстью проступят в эмигрантских повестях и рассказах Бунина – «Ида», «Митина любовь», «Дело корнета Елагина» и, конечно же, в его знаменитом цикле «Темные аллеи»… Вероятно, стоит сказать, что Иван Бунин был и остается одним из тончайших, нежнейших и искуснейших авторов эротических произведений, без малейшего оттенка пошлости или порнографии…

В прозаический сборник, вышедший из печати в 1917 году, Бунин включает свой самый, пожалуй, известный рассказ «Господин из Сан-Франциско», многозначительную притчу о смерти американского миллионера на Капри.

Из иллюстраций к «Окаянным дням»

Хотя Октябрьская революция 1917 года не явилась для Бунина неожиданностью, он опасался, что победа большевиков приведет Россию к катастрофе. Уехав из Москвы в 1918 году, он на два года поселяется в Одессе, где в это время стояла белая армия, а затем, после долгих скитаний, в 1920 году приезжает вместе с Муромцевой во Францию.

Сначала они живут в Париже, а затем переезжают в Грасс, на Ривьеру. В 1922 году Муромцева и Бунин, наконец, вступают в законный брак. Вера Николаевна была предана Ивану Алексеевичу до конца его жизни, став ему верной помощницей во всех делах. Обладая большой духовной силой, помогая стойко переносить все невзгоды и тяготы эмиграции, Вера Николаевна имела еще и великий дар терпения и всепрощения, что было немаловажно при общении с таким трудным и непредсказуемым человеком, каким был Бунин.

На юге Франции, на вилле «Бельведер», им было суждено прожить большую часть своей жизни, пережить Вторую мировую войну. В 1927 году Бунин знакомится с русской поэтессой Галиной Кузнецовой, которая с мужем проводила там отпуск. Бунин был очарован молодой женщиной, она же, в свою очередь, была в восторге от него (а уж Бунин умел очаровывать женщин!). Их роман получил широкую огласку. Оскорбленный муж уехал, страдала от ревности Вера Николаевна. И здесь произошло невероятное – Иван Алексеевич сумел убедить Веру Николаевну, что его отношения с Галиной чисто платонические, и ничего,

кроме отношений учителя и ученицы, у них нет. Вера Николаевна, как это покажется невероятным, поверила. Поверила потому, что без Яна (так она называла Ивана Бунина) своей жизни она не представляла. В результате Галина была приглашена поселиться у Буниных и стать «членом семьи»…

Почти пятнадцать лет делила Кузнецова общий кров с Буниным, играя роль приемной дочери и переживая с ними все радости, беды и лишения.

Эта любовь Ивана Алексеевича была и счастливой, и мучительно трудной. Она же оказалась и безмерно драматичной. В 1942 году Кузнецова покинула Бунина, увлекшись оперной певицей Марго Степун.

Иван Алексеевич был потрясен, его угнетала не только измена любимой женщины, но и то, с кем она изменила! «Как она отравила мне жизнь – до сих пор отравляет! 15 лет! Слабость, безволие…», – писал он в своем дневнике 18 апреля 1942 года. Эта дружба между Галиной и Марго для Бунина была как кровоточащая рана до конца его жизни. В России не так давно был поставлен фильм «Дневник его жены» (режиссер А.Учитель), рассказывающих о трагическом любовном «многоугольнике» в доме Буниных…

Аверс памятной медали Ивана Бунина

Свою ненависть к большевистскому режиму Бунин выразил в книге-дневнике «Окаянные дни» (1925–1926). В новой России

книга была напечатана полностью лишь после 1985 года…

Из произведений, созданных в 20-е гг., за рубежом, наиболее запоминающимися являются повесть «Митина любовь» (1925), где затрагиваются темы любви и смерти, а также рассказы «Роза Иерихона» (1924) и «Солнечный удар» (1927). Очень высокую оценку читателей и литературной критики получила и автобиографическая повесть Бунина «Жизнь Арсеньева» (1933), где представлена целая галерея дореволюционных типажей – реальных и вымышленных.

Ивану Бунину была присуждена Нобелевская премия 1933 года по литературе «**за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы**». В своей речи при вручении премии представитель Шведской академии Пер Хальстрем, высоко оценив поэтический дар Бунина, особо остановился на «его способности необычайно выразительно и точно описывать реальную жизнь». В ответной речи Бунин отметил смелость Шведской академии, оказавшей честь писателю-эмигранту…

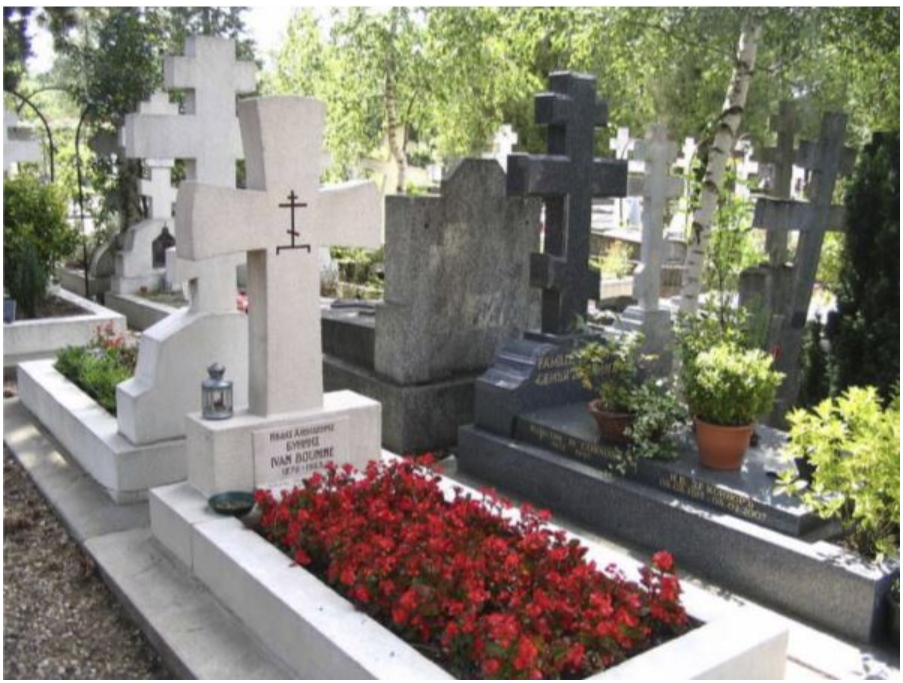
Фрагмент спектакля «Темные аллеи» Русского драматического театра в Литве. 1996 год

10 ноября 1933 года газеты в Париже вышли с огромными заголовками «Бунин – Нобелевский лауреат». Впервые за время существования этой премии награда по литературе была вручена русскому писателю. Всероссийская известность Бунина переросла во всемирную славу.

Каждый русский в Париже, даже тот, который не прочитал ни

одной строчки Бунина, воспринял это как личный праздник. Русские люди испытали сладчайшее из чувств – благородное чувство национальной гордости.

Присуждение Нобелевской премии стало огромным событием для самого писателя. Пришло признание, а вместе с ним (хотя и на очень короткий период – Бунины были на редкость непрактичны) материальная обеспеченность…

Могила Бунина на кладбище Сен-Женевьев де Буа

Пойдя навстречу пожеланиям своих многочисленных читателей, Бунин подготовил 11-томное собрание сочинений, которое с 1934 по 1936 год выходило в берлинском издательстве «Петрополис». Несмотря на то, что у Бунина было немало почитателей и в Советском Союзе, писатель даже не допускал мысли о возвращении на родину при И.Сталине.

Хотя творчество Ивана Бунина получило широкое международное признание, его жизнь на чужбине была нелегкой. Последний сборник рассказов «Темные аллеи», написанный в мрачные дни нацистской оккупации Франции, прошел незамеченным. Сборник вышел в 1943 году в Нью-Йорке. Перед нами вершина лирической прозы писателя, подлинная энциклопедия любви. В «Темных аллеях» можно найти все – и возвышенные переживания, и противоречивые чувства, и неистовые страсти. Но ближе всего Бунину была любовь чистая,

светлая, подобная гармонии земли с небом. В «Темных аллеях» она, как правило, коротка, а порой мгновенна, но ее свет озаряет всю жизнь героя.

Некоторые критики того времени обвиняли бунинские «Темные аллеи» то в порнографии, то в старческом сладострастии. Ивана Алексеевича это оскорбляло: «Я считаю «Темные аллеи» лучшим, что я написал, а они, идиоты, считают, что я ими опозорил свои седины… Не понимают, фарисеи, что это новое слово, новый подход к жизни», – жаловался он поэтессе И. Одоевцевой.

До конца жизни ему пришлось защищать свою любимую книгу от «фарисеев». В 1952 году он написал Ф. А. Степуну, автору одной из рецензий на бунинские произведения: «Жаль, что вы написали, что в «Темных аллеях» есть некоторый избыток рассматривания женских прельстительностей… Какой там «избыток»! Я дал только тысячную долю того, как мужчины всех племен и народов «рассматривают» всюду, всегда женщин со своего десятилетнего возраста и до 90 лет»…

Вероятно, Иван Алексеевич предвидел свое будущее, когда в 1908 году написал стихотворение «Пилигрим»…

Стал на ковер, у якорных цепей,
Босой, седой, в коротеньком халате,
В большой чалме. Свежеет на закате,
Ночь впереди – и тело радо ей.
Стал и простер ладони в муть зыбей:
Как раб хранит заветный грош в заплате,
Хранит душа одну мечту – о плате
За труд земной, – и все скупей, скупей.
Орлиный клюв, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядят туда, где синь
Святой страны, где слезы звезд – как четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.
Открыто все: и сердце и ладони…
И блещут, блещут слезы в небосклоне.

В 1937 году Бунин закончил книгу «Освобождение Толстого», которая по мнению специалистов, стала одной из лучших книг во всей литературе о Льве Николаевиче.

В конце жизни Бунин написал еще ряд рассказов, а также на редкость язвительные «Воспоминания» (1950), в которых советская культура подвергается резкой критике. Через год после появления этой книги Бунин был избран первым почетным членом Пен-клуба. представлявшим писателей в изгнании.

В последние годы Бунин начал также работу над воспоминаниями о Чехове, которые он собирался написать еще в 1904 году, сразу после смерти друга. Однако литературный портрет Чехова так и остался неоконченным – в 1953 году Бунин умер в Париже от болезни легких… В два часа ночи с 7 на 8 ноября 1953 года… Отпевание было торжественным – в русской церкви на улице Дарю в Париже при большом стечении народа. Все газеты – и русские, и французские – поместили обширные некрологи.

А сами похороны состоялись намного позже, 30 января 1954 года (до этого прах находился во временном склепе). Похоронили Ивана Алексеевича на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем. Рядом с Буниным через семь с половиной лет нашла свой покой верная и самоотверженная спутница его жизни Вера Николаевна Бунина.

Памятник Ивану Бунину в Орле. Россия

Больше всего Бунин известен как прозаик, хотя некоторые критики полагают, что в поэзии ему удалось достигнуть большего. Например, знаменитый русский и американский писатель Владимир Набоков ставит бунинскую поэзию выше, чем прозу. Итальянский литературовед Р.Поджиоли объясняет точку зрения Набокова тем, что стихи Бунин «более ясные и лаконичные, чем его проза».

Несмотря на то, что в 30-е годы XX века Бунин пользовался репутацией ведущего русского эмигрантского писателя, ему никогда не удавалось встать в один ряд с Толстым и Чеховым. Хотя в настоящее время Бунин мало известен широкому читателю

на Западе, современная критика ставит его достаточно высоко. Главным шедевром писателя считается «Жизнь Арсеньева». Тем не менее, многие критики считают, что в этом произведении Бунин слишком увлекается автобиографией как литературной формой…

Глава IV
Луиджи Пиранделло (Pirandello)
1934, Италия

Луиджи Пиранделло

Луиджи Пиранделло (28 июня 1867 года – 10 декабря 1936 года), итальянский драматург, новеллист и романист, родился в Джирдженти (ныне Агридженто) на Сицилии и был вторым из шести детей в семье преуспевающего владельца рудника по добыче серы.

Литературный талант будущего писателя проявился уже в школе – еще подростком он сочинял стихи, написал трагедию «Варвар» («Barbaro»), которая не сохранилась.

После безуспешной попытки приобщиться к семейному бизнесу Пиранделло поступает в Римский университет (1887), однако через год, недовольный уровнем преподавания, переводится в Боннский университет, где изучает литературу и философию, и в 1891 году получает диплом по романской филологии, написав работу о сицилианских диалектах.

В 1889 году выходит первый поэтический сборник Пиранделло «Радостная боль» («Mal giocondo»), в котором чувствуется влияние Джозуэ Кардуччи. Закончив учебу,

Пиранделло остается в Бонне в качестве преподавателя и еще год читает лекции в университете. Надо сказать, что преподавательской деятельностью Луиджи Пиранделло занимается достаточно долго – с 1897 по 1921 год он занимал кафедру стилистики в Высшем женском учительском институте в Риме.

Дом, где родился Л.Пиранделло. Сицилия. Италия

Вернувшись в 1893 году в Рим и заручившись финансовой поддержкой отца, Пиранделло начинает писать: его первый роман «Отвергнутая» («L'esclusa») выходит в 1901 году, а написанный в традициях веризма[1] первый сборник новелл «Любовь без любви» («Amori senz amore») – в 1894 году. В этом же году писатель женится на Антуаньетте Портулато, дочери компаньона отца, от брака с которой у него было двое сыновей и дочь.

В 1898 году Пиранделло становится профессором итальянской литературы в педагогическом колледже в Риме, где преподает до 1922 года.

Свою первую пьесу, одноактную драму «Эпилог» («L'epilogo»), Пиранделло пишет в 1898 году, однако в театре она была поставлена только через 12 лет, в 1910 году, под названием «Укус» («La morsa»).

В 1903 году в результате наводнения был разрушен

отцовский рудник, и теперь литература и преподавание остались для Пиранделло единственным средством к существованию.

В 1904 году жена писателя перенесла серьезный нервный срыв и в течение последующих 15 лет страдала манией преследования, устраивала мужу из ревности истерики, и в 1919 году Пиранделло вынужден был поместить ее в психиатрическую клинику…

Несмотря на семейные и финансовые неурядицы, Пиранделло продолжает писать и печататься. Большой успех выпадает на долю его третьего романа «Покойный Маттиа Паскаль» («Il fu Mattia Pascal», 1904), где отчетливо звучит тема «лица и маски», противоречие между социальной «маской» и истинным «лицом» человека, живущего в современном обществе. Герой романа «Покойный Маттиа Паскаль» стремится уйти от своей среды и построить новую жизнь (его считают утонувшим) под вымышленным именем Миса, но попытка оканчивается неудачей, ибо сознание его крепко связано с ненавистными условностями, он бессилен выйти из их привычного круга. Пиранделло в романе превосходно показал противоречивость подобной практики маленьких людей, которые и хотят, и не могут вырваться из рамок буржуазного общества, занимая в нем некое неустойчивое, колеблющееся положение.

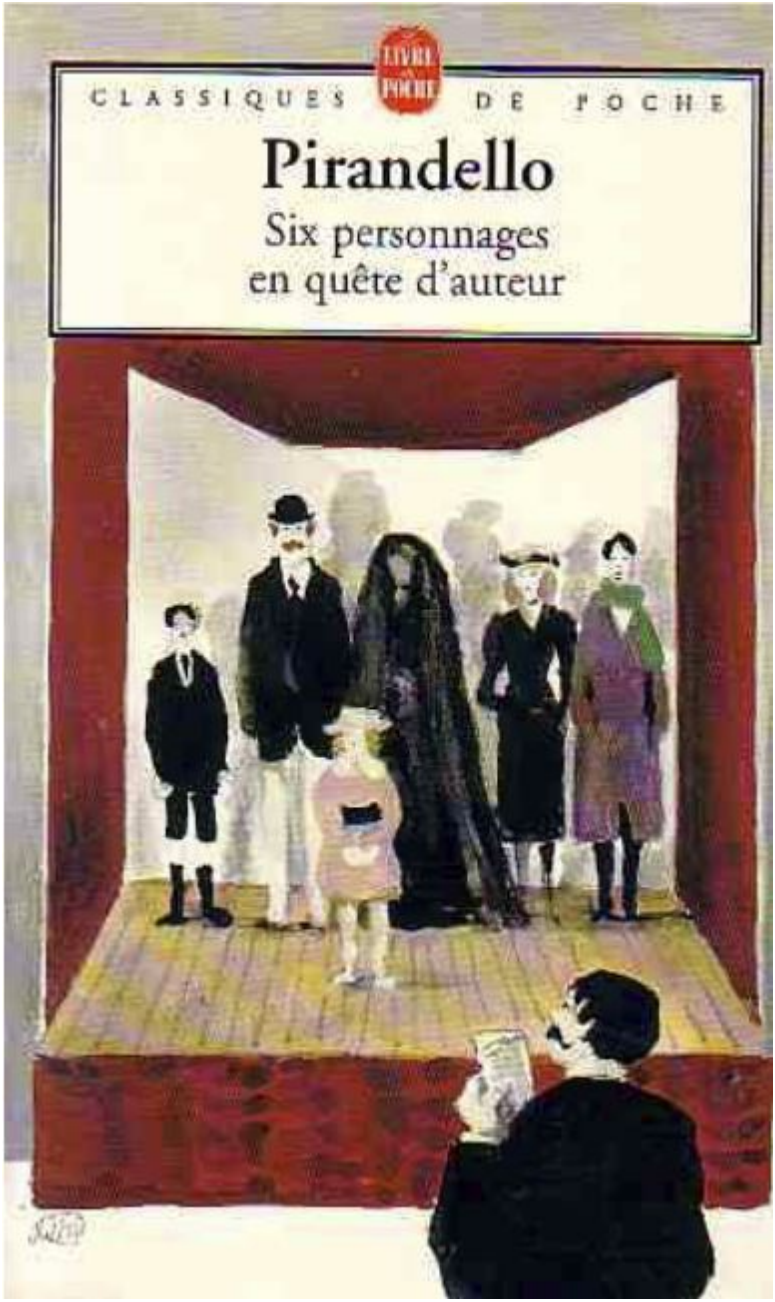
Свой необыкновенный литературный стиль, который, в конечном итоге, означал его переход к новой, глубоко индивидуальной писательской манере, отмеченной заостренным психологизмом и своеобразной «театральностью» в изображении жизни, сам писатель назвал «юморизмом». Теоретические и эстетические взгляды на искусство писатель изложил в двух книгах 1908 года: статье «Юмор» («L'umorismo»), где раскрывается его сложное трагикомическое видение мира, и сборнике эссе «Наука и искусство» («Arte e scienza»).

Комната в музее Пиранделло в Палермо

До 1915 года, когда была поставлена первая трехактная пьеса Пиранделло «Если это не так…» («Se non cosi…»), писатель работал, в основном, в жанре романа и новеллы: однако после 1915 года целиком посвящает себя драматургии, давшей ему возможность жить безбедно и со временем совсем оставить преподавательскую деятельность.

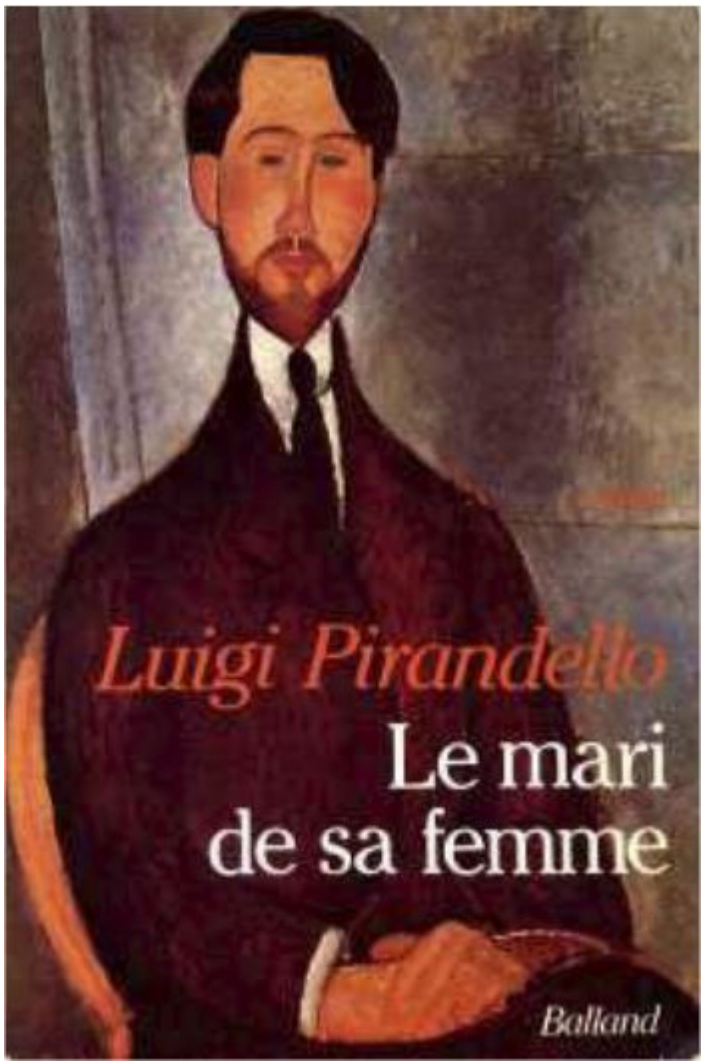
С 1915 по 1921 год Пиранделло пишет 16 пьес, причем, все они шли на сцене. Особый успех у критики и зрителей имела пьеса «Это так (если вам так кажется)» («Cosi e (se vi pare)»), впервые поставленная в 1917 году.

Обложка одного из ранних печатных изданий пьесы Л.Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора»

Сюжеты многих пьес Пиранделло заимствованы из ранее написанных им новелл. В драматургии Пиранделло в 1910–1917 годов преобладают бытовые комедии на сицилийском диалекте, такие, например, как «Лиола» («Liola», 1916). В дальнейшем они

уступают место исполненным парадоксов (порой даже чересчур) философско-психологических драмам на итальянском языке, написанным под влиянием идеалистических концепций.

Сборник новелл Л.Пиранделло. Италия. 50-е годы

Международное признание приносит Пиранделло пьеса «Шесть персонажей в поисках автора» («Se personaggi in cerca d'autore», 1921), которая с огромным успехом с 1922 года идет на сценах Лондона и Нью-Йорка. В драме «Шесть персонажей в поисках автора» воплощено противоречие между искусством и жизнью и представлена социальная трагедия людей, бессильных против навязанной им «маски». Однако римская премьера этой пьесы, самой популярной из 44 пьес драматурга, закончилась

скандалом: зрители были оскорблены рассуждениями персонажей об относительности добра и истины. Та же проблема, но в другом аспекте и чуть позже поставлена в драме «Обнаженные одеваются» (1923), в которой автор обличает ханжескую мораль «порядочных» людей.

Премьера пьесы «Генрих IV» («Enrico IV»), по мнению многих критиков, – вершины творчества Пиранделло, состоялась в 1922 году. И снова глазам зрителей предстал бунт против действительности и создание иллюзорного мира.

Драматургическая техника Пиранделло поражает своей виртуозностью. Необычайная точность, концентрированность и лаконичность фразы, насыщенной напряженной внутренней динамикой, выявляет сложную психологическую игру, характеризующую всех его персонажей. При всей своей театральности драматургическая форма Пиранделло тяготеет к монологу. Персонажи его пьес говорят обычно не столько друг с другом, сколько со зрителем. Для построения реплики характерно частое повторение самых обычных разговорных слов, превращающее их в своеобразные голосовые жесты, рассчитанные на мимическое сопровождение и передающие бурлящие в его героях эмоции. Особое и, несомненно, значительное место в пьесах Пиранделло занимают ремарки, имеющие самостоятельное литературное значение. Необычайное формальное мастерство Пиранделло-драматурга, прогрессирующее прямо пропорционально его установке на самоцельное и самодовлеющее «театральное» представление, надо сказать, серьезно еще никем не исследовалось.

В своих зрелых произведениях Пиранделло развивает тему иллюзорности человеческого опыта и непостоянства личности; его герои лишены постоянных ценностей, черты их характера размыты. В мире книг Пиранделло личность относительна, а истина – лишь то, что происходит в данный момент. Писатель срывал со своих персонажей маски, освобождал от иллюзий, придирчиво исследовал их интеллект и личность. Надо сказать, что Пиранделло находился под большим влиянием теории подсознательного, выдвинутой французским психологом-экспериментатором Альфредом Бине. Еще в бытность свою преподавателем Боннского университета Пиранделло познакомился с работами немецких философов-идеалистов. В нестабильности человеческой психики писатель убедился и на собственном опыте, в течение 15 лет ухаживая за психически больной женой.

Со временем Пиранделло становится не только знаменитым драматургом, но и не менее известным режиссером,

осуществлявшим постановки собственных пьес. Вообще, каждая новая пьеса Пиранделло, написанная после 1921 года, превращалась в событие общеевропейского значения. Фашистское правительство Италии осыпало Пиранделло наградами и почестями…

В 1923 году писатель уже официально вступает в фашистскую партию и при поддержке Муссолини создает в Риме Национальный художественный театр, который в 1925–1926 годах совершает турне по странам Европы, а в 1927 году – по Южной Америке. Ведущая актриса театра, Марта Абба, становится для драматурга постоянным источником вдохновения. Несмотря на государственные субсидии, театр со временем начинает испытывать серьезные финансовые затруднения, и в 1928 году труппа распускается.

По мнению некоторых исследователей, Пиранделло вел себя с фашистами как соглашатель, приспособленец. В защиту писателя следует сказать, что он не раз во всеуслышание заявлял о своей аполитичности, в ряде случаев выступал с критикой фашистской партии, в связи с чем после закрытия Национального художественного театра у него возникли трудности с постановкой в Италии своих пьес. Некоторое время Пиранделло живет в Париже и Берлине, много путешествует и в 1933 году, по личной просьбе Муссолини, возвращается на родину.

Л.Пиранделло за рабочим столом в последние годы жизни

В 1934 году Пиранделло получает Нобелевскую премию по литературе «**за творческую смелость и изо**бретательность в возрождении драматургического и сценического искусства». В своей речи Пер Хальстрем, член Шведской академии, отметил, что «…самая замечательная черта искусства Пиранделло заключается в его почти магической способности сделать из психологического анализа хорошую пьесу». В ответной речи Пиранделло объяснил свои творческие возможности «любовью и уважением к жизни, без которых было бы невозможно перенести горькие разочарования, тяжкий опыт, жестокие раны и те ошибки невинности, что придают глубину и ценность нашему опыту». Особо были отмечены и новеллы Л.Пиранделло…

Аверс памятной медали Л.Пиранделло

Для Диди это было первым настоящим путешествием. Шутка сказать – из Палермо в Цунику. Почти восемь часов поездом.

Цуника была для нее обетованной землей, правда очень далекой, но далекой скорее во времени, чем в пространстве. Когда Диди была еще совсем маленькой, отец привозил ей из Цуники какие-то необыкновенные душистые плоды, цвет, вкус и запах которых Диди никак не могла припомнить впоследствии, хотя отец и потом продолжал привозить ей оттуда и иссиня-черную шелковицу в глиняных деревенских посудинах, выложенных виноградными листьями, и груши, прозрачно-восковые с одного бока и кроваво-красные с другого, даже с зелеными листиками, и переливающиеся всеми цветами радуги сливы, и фисташки, и сладкие сицилийские лимоны.

И хотя с некоторых пор Диди уже отлично знала, что Цуника – всего лишь пыльный городишко Центральной Сицилии, опоясанный грядами жженой серы и выщербленными известковыми скалами, ослепительно сверкавшими под яростными лучами солнца, и что фрукты – конечно, столь непохожие на сказочные плоды ее детских грез – привозились из поместья Чумиа, расположенного за много километров от этого города, и, тем не менее, при одном упоминании Цуники перед ее глазами вставал непроходимый лес сарацинских олив, возникали просторы густо-зеленых виноградников и ярких садов, обнесенных живыми изгородями, над которыми роились пчёлы, ей мерещились

подернутые ряской пруды, цитрусовые рощи, напоенные одуряющим запахом жасмина и апельсиновых деревьев.

Обо всем этом Диди слышала от отца. Сама она никогда не бывала дальше Багерии, что возле Палермо. В белую Багерию, спрятавшуюся от огнедышащей синевы неба в густую зелень, Диди вывозили на лето. В прошлом году она ездила еще ближе, в апельсиновые рощи Санта-Флавия. Правда, тогда еще она бегала в коротких платьицах.

А вот теперь, ради столь длительного путешествия, она впервые в жизни надела длинное платье.

Диди сразу же показалась себе совсем другой. Просто взрослой. Даже взгляд ее посерьезнел и, казалось, под стать платью приобрел трен – она так уморительно поводила бровями, словно волокла трен своего взгляда, и при этом вздергивала свой задорный носик, подбородок с ямочкой и поджимала губки – губки настоящей дамы, облаченной в длинное платье, губки, скрывавшие зубы подобно платью, скрывавшему ее маленькие ножки.

Вот если бы только не этот Коко, ее старший брат, плут Коко, который, устало откинувшись на красную спинку дивана купе первого класса и посасывая сигаретку, приклеившуюся к верхней губе, время от времени так тяжело не вздыхал и нудно не твердил:

– Диди, не смеши меня.

Боже, как она злилась! Боже, как чесались у нее руки!

Счастье Коко, что, следуя моде, он не носил усов! Не то Диди мигом бы выдрала их, набросившись на него, словно разъяренная кошка.

Но Диди только сдержанно улыбалась в ответ и бесстрастно отвечала:

– Милый, если ты такой дурак… Не дурак, а просто идиот. Подумать только! Смеяться над ее платьем или, предположим, даже над выражением ее лица, и это после того серьезного разговора, который был у них накануне вечером по поводу этого таинственного путешествия в Цунику…

Разве не походило их путешествие на военную экспедицию, на штурм хорошо укрепленного горного замка? Разве не было ее длинное платье главным оружием этого штурма? Так что же смешного в том, что она заблаговременно делала смотр этому оружию, училась обращению с ним?

Накануне вечером Коко сказал ей, что, наконец, приспело время всерьез потолковать об их делах. Диди только вытаращила на него глаза. Об их делах? Каких делах? Разве могли быть у неё какие-то дела, о которых стоило бы потолковать, да еще серьезно?

Оправившись от первого удивления, Диди расхохоталась. Она

знала только одну особу, как бы нарочно созданную для того, чтобы думать о делах – своих или чужих, безразлично. Этой особой была донна Сабетта, ее гувернантка, которую Диди называла донной Бебе или, в скороговорке, просто донной Бе. Донна Бе постоянно думала о своих делах. Когда Диди особенно досаждала ей своими неожиданными сумасбродными выходками, бедняжка, доведенная до отчаяния, делала вид, что плачет, и, хватаясь руками за голову, начинала причитать:

– Ради всего святого, синьорина, дайте мне подумать о своих делах!

Неужели Коко в тот вечер спутал ее с донной Бе? Нет, он ничего не спутал. В тот вечер Коко открыл ей, что эти благословенные их дела и в самом деле существуют и что они важны, и даже весьма важны, как, впрочем, важно и ее длинное дорожное платье.

Л.Пиранделло. Стилизация Д.Алькорна

С детских лет, привыкнув к тому, что раз, а то и два в неделю отец уезжал в Цунику, и, наслушавшись разговоров о поместье

Чумиа, о серных копях Монте-Дьези и о разных других копях, владениях и домах, Диди легко освоилась с мыслью о том, что все эти богатства являются собственностью баронов Брилла и принадлежат ее отцу.

На самом же деле они принадлежали маркизам Нигренти ди Цуника. Отец ее, барон Брилла, был всего лишь опекуном. И вот эта опека, доставлявшая отцу в течение двадцати лет завидное благополучие, а Диди и Коко – полный достаток, должна была кончиться через три месяца.

Диди было чуть больше шестнадцати, и она родилась и выросла среди этого благополучия. Коко же перевалило за двадцать шесть, и он сохранял отчетливое воспоминание о далеких годах нищеты, в которой билась семья, прежде чем отец всеми правдами и неправдами выхлопотал себе опекунство над несметным богатством этих маркизов Цуника.

А вот теперь над ними снова нависает угроза нищеты, быть может, и не такой, как раньше, но которая после двадцати лет благоденствия наверняка показалась бы им еще более тяжелой, и отвратить ее можно, только приведя в исполнение тот план военной кампании, который с таким искусством измыслил отец. Путешествие в Цунику и было первым стратегическим маневром.

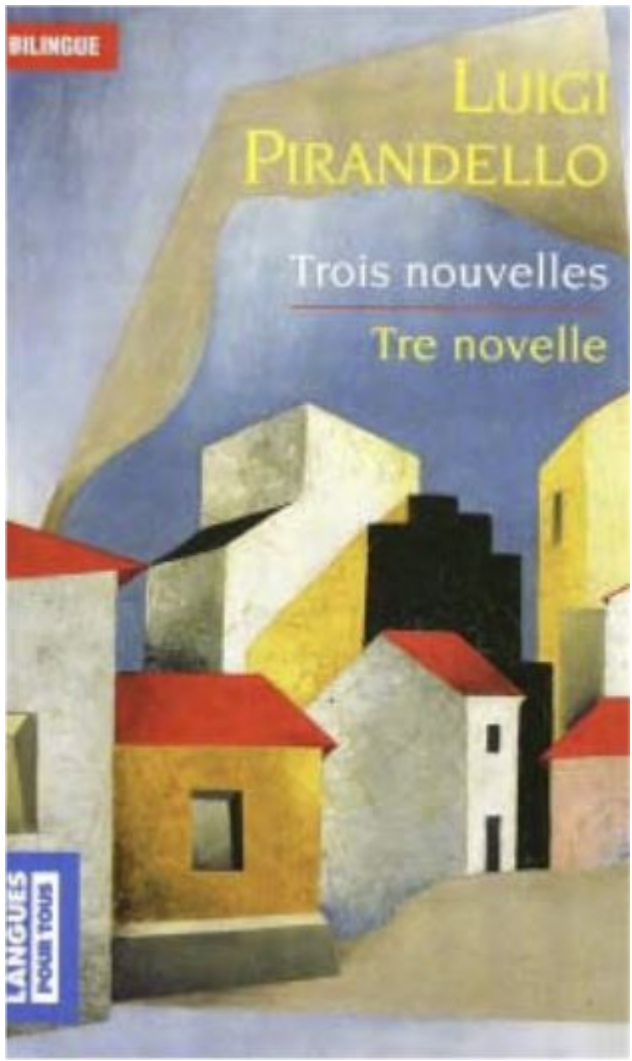
По правде говоря, даже не первым. Дело в том, что три месяца назад Коко уже ездил с отцом в Цунику на разведку; он пробыл там около двух недель и познакомился с семейством Нигренти.

Насколько Коко мог понять, семейство состояло из сестры и трех братьев. Твердо он не был в этом уверен, потому что в старинном замке, расположенном на горе, которая господствует над всей Цуникой, проживали еще две восьмидесятилетние старухи, две тетки, принадлежность которых к Нигренти он точно не мог определить. Это были не то сестры деда нынешнего маркиза, не то сестры бабушки.

Самого маркиза звали Андреа, ему было около сорока пяти лет, и по окончании срока опеки к нему, согласно завещательному документу, должна была перейти главная часть наследства. Два брата Андреа: один – дон Фантазер, как окрестил его отец, был священником, а другой, по прозвищу Кавалер, был просто лоботряс. Следовало остерегаться обоих, и больше священника, чем лоботряса. Сестре маркиза было двадцать семь лет – на год больше, чем Коко; звали ее попеременно то Ага– той, то Титиной. Была она хрупкая, как облатка для причастия, и бледная, словно воск; в глазах у нее застыла безысходная тоска, а длинные, костлявые и холодные руки всегда дрожали от смущения, робости и неуверенности в себе. Видимо, бедняжка была самим воплощением добродетели и чистоты: за всю жизнь она не сделала

и шагу из замка, ухаживала за двумя восьмидесятилетними старухами, своими тетками, вышивала да еще «божественно» играла на рояле.

Так вот, план отца был простой: прежде чем минет срок опеки, устроить два брака – дочь выдать за маркиза Андреа, а Коко женить на Агате.

Современное издание Пиранделло

Когда Диди объявили об этом впервые, лицо ее вспыхнуло, словно раскаленный уголек, а глаза заискрились негодованием. Ее взорвало не столько известие, сколько тот непринужденный цинизм, с каким Коко сам шел на эту сделку и теперь предлагал ей то же самое в качестве единственного спасения. Как! Выйти ради

денег замуж за старика, который ровно на двадцать восемь лет старше ее?

– Ну, уж будто на двадцать восемь? – подтрунивал Коко над этим взрывом негодования. – Какие там двадцать восемь, Диди! Зачем привирать? На двадцать семь… ну, на двадцать семь и несколько месяцев.

– Коко, ты просто мерзавец! Мерзавец, вот и все! – выкрикнула Диди, дрожа от негодования и показывая ему кулачок.

Но Коко не унимался:

– Я же говорю тебе, что женюсь на добродетели! На самой что ни на есть добродетели, Диди, на воплощенной добродетели! Я женюсь на добродетели, а ты называешь меня мерзавцем. Она, правда, на какой-нибудь годик старше меня… Но, видишь ли, милая, я должен тебе заметить, что добродетель не может быть особенно юной. А ведь я так нуждаюсь в добродетели! Ты же знаешь, что я шалопай из шалопаев, распутник из распутников – словом, настоящий проходимец, как утверждает папа. Пора образумиться – буду расхаживать в шикарных туфлях с вышитым на них золотым вензелем и баронской короной, а на голове у меня будет бархатная шапочка, тоже расшитая золотом, с великолепной шелковой кистью. Барон Коко ди Добро д'Етель… Барончик-красавчик! Правда, здорово, Диди?

Тут он дурашливо склонил голову набок и принялся расхаживать с глупым-преглупым видом, потупив глаза, вытянув губы трубочкой и изобразив сложенными ладонями подобие козлиной бородки.

Диди невольно прыснула со смеху.

Воспользовавшись этим, Коко принялся вкрадчиво уговаривать сестру, перечисляя ей все радости, какие он смог бы доставить бедняжке, хрупкой, как причастная облатка, и бледной, как воск. Ведь за те две недели, которые он гостил в Цунике, Агата ясно дала понять, несмотря на всю свою робость, что видит в нем спасителя. Ну да! В этом же все дело! Братья – Кавалер (кстати, на стороне у него есть бабенка, от которой он прижил десять, пятнадцать, двадцать, уж не знаю, сколько там детишек) – заинтересованы в том, чтобы она оставалась незамужней и чахла взаперти. Так вот, для нее Коко будет ярким солнышком, самой жизнью. Он увезет ее с собой в Палермо, в чудесный новый дом, и пойдут празднества, театры, путешествия, поездки в автомобилях… Конечно, спору нет, красавицей ее не назовешь, скорее она даже уродлива, но что поделаешь, для жены сойдет. Главное, она добра и настолько нетребовательна, что будет довольствоваться самым малым.

Он еще долго продолжал болтать все в том же шутовском

тоне и только о себе, о своем жертвенном благодеянии, так что Диди, раздосадованная и подстрекаемая любопытством, наконец, не выдержала:

– Ну а какая же роль отводится мне? Тяжело вздохнув, Коко ответил:

– Что касается тебя, Диди, то твое дело куда более хлопотное. Беда в том, что тут замешана не только ты.

Диди нахмурилась:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хочу сказать… хочу сказать, что вокруг маркиза увиваются и другие женщины. И в особенности… одна!

И тут весьма красноречивым жестом, видимо призванным пробудить воображение, Коко намекнул на необыкновенную красоту этой женщины.

– Вдова… лет тридцати… вдобавок кузина… Сладко прищурившись, Коко чмокнул кончики своих пальцев.

Диди даже передернуло от отвращения:

– Ну и пусть забирает его себе!

(«Длинное платье», перевод А. И. Алексеева)

Пиранделло умер в Риме 10 декабря 1936 года. Согласно его последней воле, похороны проходили без публичной церемонии, прах писателя был предан земле на его родине в Сицилии.

Хотя новеллы писателя получили достаточно высокую оценку критики, наибольший вклад в литературу Пиранделло внес как драматург, отступивший от традиционной формы и выдвинувший новые темы и проблемы. Американский критик М.Эсслин сравнивал влияние революционных идей Пиранделло в области человеческой психики «…с влиянием на физику теории относительности Альберта Эйнштейна»…

Памятник Л.Пиранделло в Палермо на Сицилии. Италия

Можно резюмировать, что за время своей 45-летней литературной деятельности Пиранделло, без сомнения, проделал сложную эволюцию, в точности отображающую процесс идеологического развития мелкобуржуазной интеллигенции в эпоху созревания и разложения итальянского империализма. Резкие противоречия, характеризующие мировоззрение и творческую практику художественного развития Луиджи

Пиранделло глубоко специфичны для Италии, в которой переход капитализма в его последнюю империалистическую стадию до чрезвычайности обострил все кричащие противоречия экономически отсталой, наполненной пережитками феодализма страны. Его творчество, в основном, проходило под знаменем веризма, «народнического», оппозиционного капиталистической культуре стиля, пронизанного пессимистическим фатализмом, сознанием неотвратимости гибели этого мира… Однако было столько попыток вырваться…

Творчество Пиранделло часто рассматривают как итог психологических исканий, начатых в пьесах Генрика Ибсена и Августа Стриндберга. В свою очередь Пиранделло оказал влияние на таких европейских драматургов, как Жан Ануй, Жан-Поль Сартр, Сэмюэл Беккет, Эжен Ионеско, Жан Жене. Многие критики говорят о влиянии Пиранделло на Юджина О'Нила, Эдварда Олби и Гарольда Пинтера…

Глава V
Юджин О'Нил (O'Neill)
1936, США

Юджин О'Нил

Будущий выдающийся американский драматург *Юджин Гладстон О'Нил* (16 октября 1888 года – 27 ноября 1953 года) родился в Нью-Йорке и был третьим сыном Эллы (Квинлан) О'Нил и Джеймса О'Нила, выдающегося актера, который получил известность после исполнения роли графа Монте-Кристо в одноименной мелодраме по роману А.Дюма-отца. Поскольку Элла О'Нил, как и ее муж, жила «на колесах», первые семь лет Юджин провел, по его же словам, «в отелях и поездах», что мальчику и его матери, которые жили в постоянном волнении, без средств, очень не нравилось.

В возрасте семи лет Юджин пошел в католическую школу-интернат в Нью-Йорке, а тремя годами позже перешел в дневную школу в Нью-Лондоне (штат Коннектикут), где они жили в это время с матерью. В эти годы Элла О'Нил пристрастилась к морфию, что угнетающе действовало на ее сына-подростка.

Воспитанный в католических традициях, О'Нил молился за выздоровление матери, но, когда все его усилия оказались тщетными, к церкви он охладел. В 1902 году О'Нил поступает в Беттс-акэдеми, интернат для протестантов и католиков в Стамфорде (штат Коннектикут). И хотя учится он посредственно, много и жадно читает и в 1906 году поступает в Принстонский университет, где также не утруждает себя занятиями. После первого же курса он уходит из университета. В эти годы Юджин находится под влиянием своего старшего брата Джеймса (Джейми), который познакомил молодого О'Нила с ночной жизнью Нью-Йорка.

Покинув Принстон, О'Нил вел рассеянную жизнь, а в 1909 году, за несколько недель до того, как ему исполнился 21 год, женился против воли отца на Кэтлин Дженкинз и почти сразу же после свадьбы отправился золотоискателем в Гондурас. Вскоре он ненадолго вернулся в Нью-Йорк, где в 1910 году у него родился сын, тоже Юджин, и вновь, на этот раз на полтора года, уехал в Англию, а затем в Аргентину, где бродяжничал и нищенствовал. В 1911 году жена с ним развелась, и О'Нил встретился с сыном, когда тому исполнилось уже 12 лет. Юджин-младший, ставший впоследствии театральным критиком, покончил жизнь самоубийством в возрасте 40 лет.

В 1911 году О'Нил возвращается в Нью-Йорк, работает, где придется, много пьет и в 1912 году пытается покончить с собой, после чего решает начать новую жизнь. Он устраивается репортером в газету НьюЛондона, где летом живут его родители, однако через несколько месяцев заболевает туберкулезом, направляется в частный санаторий, где проводит шесть месяцев, размышляет о жизни и переживает то, что он впоследствии назовет «вторым рождением». Именно в это время О'Нил и начинает писать пьесы, решив «стать художником, любой ценой», и в 1914 году поступает в Гарвардский университет в семинар по драматургии Джорджа Пирса Бейкера.

Памятник юному О'Нилу в Нью-Лондоне. Коннектикут. США

Хотя полный курс лекций Бейкера О'Нил не прослушал, ему удалось в это время написать семь одноактных пьес, вошедших в сборник «Жажда и другие одноактные пьесы» («Thirst and Other One-Act Plays», 1914).

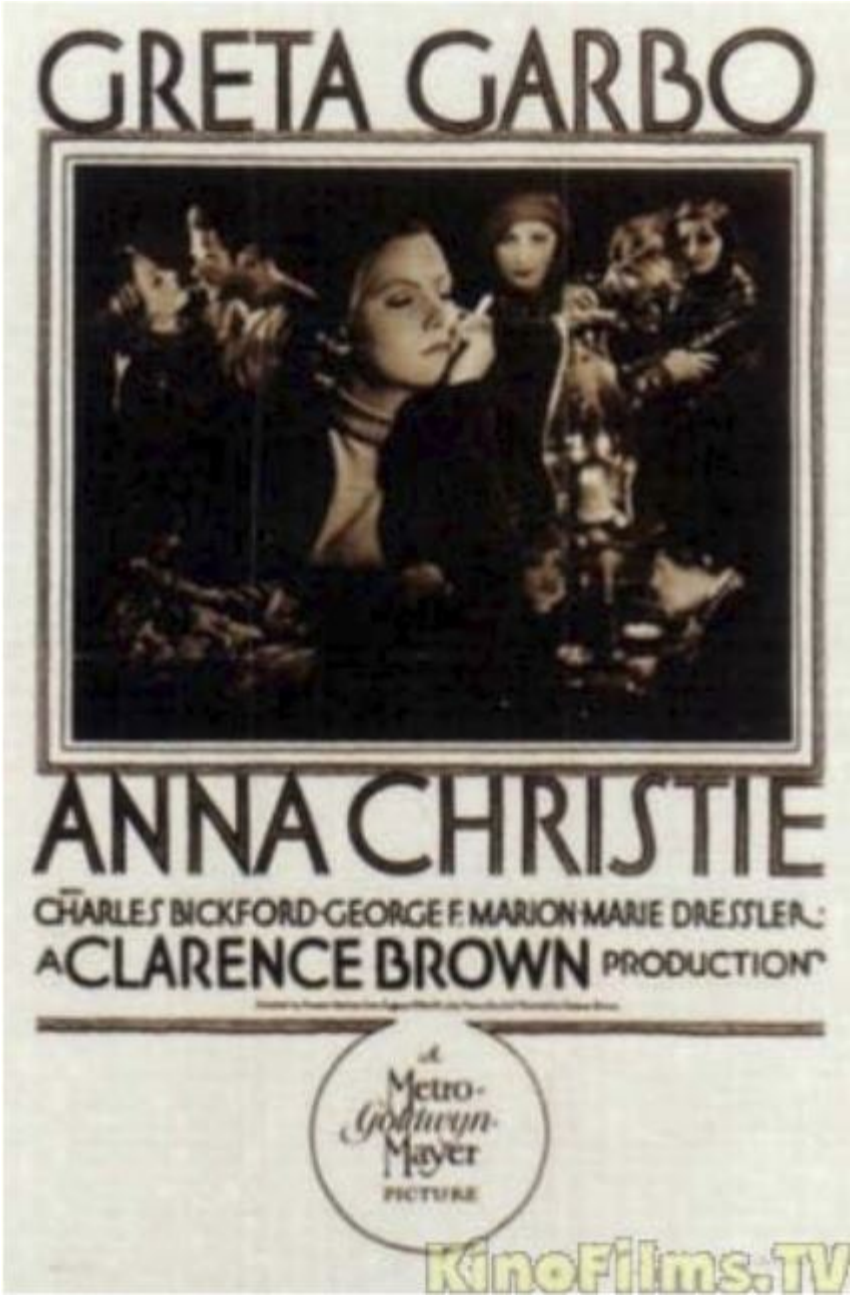
Фрагмент спектакля по пьесе О'Нила в Театральном центре». 1988 год

Первой пьесой О'Нила, которая появилась на сцене, была «К востоку, на Кардифф» («Round East for Cardiff»), поставленная наряду с другими «морскими» пьесами драматурга, бросавшими вызов коммерческому театру Бродвея, театральной труппой «Провинстаун плейерс» летом 1916 года на заброшенной верфи Провинстауна. Когда же театральный коллектив «Провинстаун плейерс» открыл Плейрайтс-тиэтр в Гринвичвиллидже, спектакль по пьесе «К востоку, на Кардифф» стал нью-йоркским дебютом О'Нила. Действие его ранних пьес происходило в матросском кубрике, в портах, их персонажи – моряки, портовые рабочие, что никак не соответствовало условностям салонных и семейно-бытовых драм, с традициями которых драматург решительно порывает.

Театральный центр О'Нила в Коннектикуте. США

Прежде чем начать писать, О'Нил много читал Августа Стриндберга, пьесы которого были для него источником вдохновения, «уроком современной драмы», как он писал впоследствии в своей Нобелевской речи. Впрочем, по большей части драматург черпал вдохновение не из книг, а из своей богатой событиями жизни. В 1920 году на Бродвее пошла первая полнометражная пьеса О'Нила «За горизонтом» («Beyond the Horizon»), повествующая о горькой судьбе двух братьев, мечтателя и практика. Эта пьеса была удостоена Пулитцеровской премии, первой из четырех, полученных О'Нилом (Пулитцеровскую премию получили также пьесы «Анна Кристи» («Anna Christie»), «Странная интерлюдия» («Strange Interlude») и «Долгий день уходит в ночь» («A Long Day's Journey Into Night»).

Афиша фильма «Анна Кристи»

С 1920 по 1943 год О'Нил написал 20 полнометражных пьес и несколько одноактных: натуралистические, реалистические, экспрессионистические; комедии, трагедии, пьесы по мотивам древнегреческих драм.

«Анна Кристи» (1920) – история двух моряков и девицы

легкого поведения, которая искренней любовью искупает свой грех (в экранизации этой пьесы блистала несравненная Грета Гарбо).

«Император Джонс» («The Emperior Jones», 1920), экспрессионистическая драма о Джонсе, чернокожем проводнике пульмановского вагона, который совершает убийство и становится правителем острова в Вест– Индии, потрясла нью-йоркскую публику и обеспечила драматургу репутацию вождя нового театрального направления.

Еще большую известность драматургу принесла пьеса «Косматая обезьяна» («The Hairy Ape», 1922), причем известность скандальную – за нее О'Нила обвинили в богохульстве.

В «Любви под вязами» («Desire Under the Elms», 1924) поднимаются темы кровосмешения, супружеской измены, детоубийства. Пьеса сразу же привлекла к себе внимание трагедийной мощью, острыми конфликтами и до сих пор считается выдающимся достижением современного театра. В этом произведении О'Нил психологически обосновывает страсть к обладанию – землей, женщиной, детьми, душами близких людей. Драма представляет собой уникальный синтез традиций античной трагедии и фрейдистского подтекста. Над кланом Кэботов тяготеет рок – жажда собственничества и секса. Семидесятишестилетний Эфраим привозит на ферму третью жену, Абби Пэтнем. Межу ней и младшим сыном фермера, Эбином, вспыхивает страсть, в которой переплетается желание Эбина отомстить отцу за загубленную жизнь матери, стремление Абби иметь ребенка и унаследовать ферму. Сгущающая атмосфера пуританского благочестия, жадности, лжи разряжается взрывом: Абби убивает младенца, чтобы доказать Эбину чистоту своей любви…

«Великий бог Браун» («The Great God Brown», 1926) строится на конфликте идеализма и материализма. Здесь О'Нил использует приемы условного театра, театра масок, становясь тем самым предтечей авангардистского движения в американском театре.

Аверс памятной медали Ю. О'Нила

В конце 20-х годов О'Нил, по единодушному мнению, был ведущим американским драматургом, однако его личная жизнь складывается неудачно. В 1918 году он женился на писательнице Агнесс Боултон, от брака с которой у него были сын Шейн и дочь Уна (в 18 лет, вопреки воле отца, она вышла замуж за Чарли Чаплина).

За три года, с 1920 по 1923 год, О'Нил потерял отца, мать и своего любимого брата Джейми, а в 1928 году развелся со своей второй женой. В 1929 году драматург женился в третий раз – на актрисе Карлотте Монтрей, с которой познакомился в начале 20-х годов.

В 1936 году О'Нил первым из американских драматургов был удостоен Нобелевской премии по литературе «**за силу воздействия, правдивость и глубину драматических произведений, по-новому трактующих жанр трагедии**». Из-за болезни писатель не смог присутствовать на церемонии награждения, однако прислал текст ответной речи, в которой, в частности, говорилось: «Эта награда принадлежит не только мне, но и всем моим коллегам в Америке; для меня эта Нобелевская премия – символ того, что Европа признала зрелость американского театра».

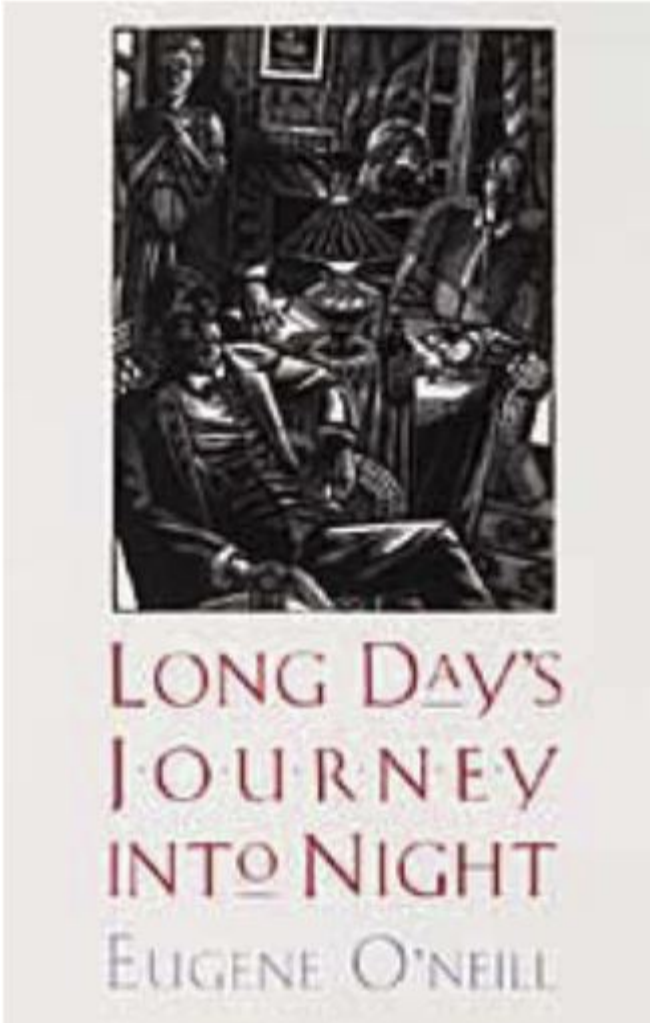
В 20-е – начале 30-х годов О'Нил получает почетную степень Йельского университета (1929). Он пишет свои наиболее зрелые и

оригинальные произведения: «Марко-миллионщик» («Marco Millions», 1928), романтическую сатиру на буржуазную цивилизацию, материализм и религиозное ханжество, в центре которой стоит Марко Поло, а также девятиактную драму «Странная интерлюдия» («Strange Interlude», 1928), где действующие лица делятся со зрительным залом самыми своими сокровенными мыслями, которые не должны слышать другие персонажи; один из них произносит слова, проливающие свет на смысл названия пьесы: «Жизнь – это странная интерлюдия между прошлым и тем, что еще должно произойти».

В трилогии «Траур – участь Электры» («Mourning Becomes Electra», 1931), представляющей собой переложение «Орестеи» Эсхила, действие происходит в Новой Англии во времена гражданской войны; премьера «Электры» прошла на Бродвее с участием Аллы Назимовой и получила высокую оценку критики. В это же время написана единственная комедия О'Нила «О, молодость» («Ah, Wilderness!», 1933), проникнутая щемящим ностальгическим чувством.

Когда Нобелевский комитет признал, что произведения О'Нила «отличаются необычайной глубиной, разносторонностью и оригинальностью», еще не были созданы три шедевра драматурга: «Разносчик льда грядет» («The Iceman Cometh», 1939, поставлена на Бродвее в 1946), «Долгий день уходит в ночь» (1941, поставлена в 1956) и «Луна для пасынков судьбы» («A Moon for the Misbegotten», 1943, поставлена в 1957).

В философско-натуралистической притче «Разносчик льда грядет» драматург со знанием дела описывает завсегдатаев притонов и пивных. Пьеса, одна из наиболее сложных в творчестве О'Нила, отличается религиозным символизмом, метафизической глубиной и эмоциональной насыщенностью. Основной смысл пьесы – в спасительности иллюзий, в стремлении человека к самообману.

Афиша спектакля «Долгий день уходит в ночь» на Бродвее. США

Пьеса «Долгий день уходит в ночь», премьера которой состоялась в Королевском драматическом театре в Стокгольме, насыщена автобиографическими мотивами. В семье Тайрон (под которыми подразумеваются О'Нилы) властвует Джеймс Тайрон-старший, актер– романтик и прагматик, доведший жену до наркомании. У него два сына – один пьяница, другой – мечтатель. Писатель с удивительной силой передает сложные и мучительные отношения между мужем и женой, родителями и детьми. Написанная, по словам самого О'Нила, «слезами и кровью с глубокой жалостью и пониманием ко всем четырем страдающим Тайронам», эта пьеса была впоследствии экранизирована с участием таких звезд, как Ральф Ричардсон, исполнивший роль

отца, и Кэтрин Хепберн, сыгравшая роль матери.

В этих произведениях драматург говорит о том, что жестокая реальность уничтожает личность, и чтобы выжить, человеку надо иметь мечту.

Доказывая необходимость создания национальной трагедии, Ю. О'Нил писал: «Трагедия чужеродна нашему образу жизни? Нет, мы сами трагедия, самая потрясающая из всех написанных и ненаписанных»…

В «Луне для пасынков судьбы», явившейся продолжением пьесы «Долгий день уходит в ночь», изображено дальнейшее падение беспутного Джеймса Тайронамладшего после смерти его матери Мэри Тайрон.

Без сомнения, значение творчества О'Нила далеко не исчерпывается техническим мастерством – гораздо важнее его стремление пробиться к смыслу человеческого существования…

Необходимо заметить, что драматург всегда принимал активное участие в постановках своих пьес, но в период с 1934 по 1946 он отошел от театра, сосредоточившись на новом цикле пьес под общим названием «Сага о собственниках, обокравших самих себя» («A Tale of Possessors Self-Dispossessed»). Несколько пьес из этой драматической эпопеи О'Нил уничтожил, остальные были поставлены после его смерти.

Последнее десятилетие жизни драматурга ознаменовалось упадком физических сил, расстройством здоровья. О'Нил планировал создать цикл пьес из истории рядовой американской семьи, но в 1943 году полностью утратил работоспособность из-за тяжелого поражения нервной системы, лишившей его возможности даже владеть ручкой. В результате из намеченного цикла драматург успел написать только две пьесы: «Душа поэта» («A Touch of the Poet»; премьера состоялась в 1957 году в Шведском королевском драматическом театре) и «Дворцы побогаче» («More Stately Mansions»; премьера состоялась там же, в 1962 году).

Хотя творчество писателя неоднородно, а отдельные пьесы справедливо критикуются за мелодраматизм и невыразительность языка, по-прежнему считается одним из наиболее выдающихся американских драматургов. Как писали критики, О'Нил – «…человек, который сумел возвысить свои жизненные тяготы до метафоры общечеловеческих тягот».

Хотелось бы добавить, что Юджин О'Нил всегда оставался настоящим поэтом, поэтичны и его пьесы, а стихотворения, которые, кстати, мало известны как российскому, так и англоязычному читателю, так много говорят нам о душе автора…

Я – тихий человек;
Очевидно,
Я жажду уединения,
Исступленно за ним гоняюсь.
Даже в кабинетах врачей -
Жду, себя ощущаю старым,
Устарелым, словно журналы.
Говорю, удостоен Лицезрения:
«Ах, доктор, я болен».
«Вы?
(Добрая улыбка.)
Возможно, болен ваш мозг,
Или желудок,
Или почки,
Или нервы.
Да, я вижу: вы нервничаете,
Но в наши дни
Мы способны вылечить и рассудок.
Медицина прогрессирует.
Она дает рассудку ответы,
Которые, к несчастью, иные упрямцы
Принимают за вопросы».
«Ах, доктор, может быть, это -
Душа».
«Душа?»
(Улыбка – все еще добрая,
Но с еле заметной
И плохо скрываемой снисходительностью.)
Ах, стало быть, это душа
Вас беспокоит?»
«Да, доктор, я ночью лежу
И не могу заснуть,
Испытываю мучения».
«Вот вам рецепт на
Безвредный барбитурат.
Многие страдают, как вы:
Дело в войне.
Каждый теперь нервничает».
Ухожу с таблетками.
Грязные
Кирпичи
Зданий!
Пожелтевшие
Осенние занавески!

Даже коты
Вопят,
Призывая свободу
На задворках.
Кальсоны
На веревках
Между
Пожарных лестниц
Теряют им присущее
Мимолетное
Очарование.
Ах, Любовь,
Неприличная,
Прекрасная,
До чего ж я по тебе тоскую!

(«Я тихий человек…», перевод В.Рогова)

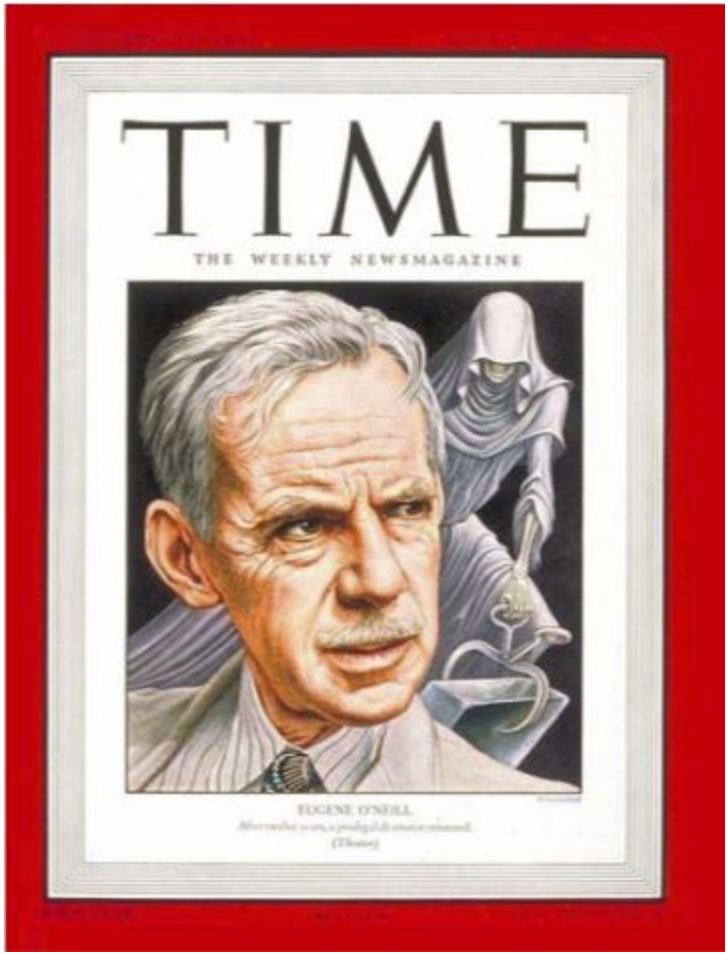
А эти строки:

Моя душа – субмарина,
Мои стремленья – торпеды,
Я скроюсь, незримый,
В глубину бытия,
Подстерегая суда,
Скучные, тяжело нагруженные торговые суда,
Изъеденные ржавчиной, чумазые галеоны коммерции,
Идущие вразвалку с самонадеянностью ожиревших,
Настолько отупелые, что не в силах пугаться и удивляться;
Их провожают насмешки волн
И плевки презрительной пены.
Я уничтожу их,
Потому что море прекрасно.
Вот почему я таюсь
Угрожающе
В зеленых глубинах.

(«Субмарина», перевод В.Рогова)

Хотя, по мнению американского критика Д.Гасснера, «от других современных трагиков (в том числе и от Чехова) О'Нил отличается, быть может, тем, что его персонажи часто

псевдотрагедийны, поскольку им не хватает величия духа и жизненных сил», он вместе с тем признавал, что «…О'Нил практически создал американскую натуралистическую драму и, если бы не он, не было бы ни «Табачной дороги» Э.Колдуэлла, ни «О мышах и людях» Стейнбека»…

Обложка журнала «Тайм», сообщившая об очередном вручении Ю. О'Нилу Пулитцеровской премии.

Российскому читателю и зрителю произведения Юджина О'Нила знакомы по книгам, многочисленным экранизациям его пьес и новелл, по замечательным пьесам, идущим в театрах разных городов – от Москвы до Новосибирска, от Санкт-Петербурга до Омска…

Глава VI
Роже Мартен дю Гар (Martin du Gard) 1937, Франция

Роже Мартен дю Гар

Французский романист и драматург *Роже Мартен дю Гар* (23 марта 1881 года – 23 августа 1958 года) родился в парижском пригороде Нейи-сюр-Сен, в зажиточной семье, ведущей свое происхождение из Бургундии и Лоррена. Роже был старшим из двух детей. Его отец, Поль Эмиль Мартен дю Гар, и дед были юристами, мать, урожденная Мадлен Жанна Вими, происходила из семьи биржевого маклера. Когда Роже было около 10 лет, он подружился в школе с мальчиком, писавшим пьесы, и с этого времени сам, как он впоследствии вспоминал, загорелся желанием стать писателем.

В 11-летнем возрасте Мартен дю Гара отправили в католическую школу Эколь Фенелон, где мальчик попадает под влияние аббата Марселя Эбера, одного из вождей французского неотомизма (движения внутри католической церкви, которое стремилось к пересмотру церковных догм в свете современной науки и философии и потому считалось еретическим в начале XX века). Со временем Мартен дю Гар отошел от католицизма, но с Эбером у него установились близкие, дружеские отношения,

которые сохранились вплоть до смерти священника в 1916 году.

Поместье дю Гара в Нормандии. Франция

Мартен дю Гар был довольно нерадивым студентом и учился неважно, поэтому отец отправил его к профессору Луи Меллерио, который несколько месяцев давал юноше частные уроки. Попав в интеллектуальную среду, где от него требовалось много читать и ничего не принимать на веру, он развил в себе привычку к регулярному труду и приобрел то, что впоследствии называл «исследовательской жилкой».

В 17-летнем возрасте, по совету Эбера, Мартен дю Гар прочитал «Войну и мир». Толстой произвел на молодого человека неизгладимое впечатление, желание писать самому после этого окрепло еще больше.

Вскоре Роже поступает в Сорбонну, однако, провалившись на экзамене, уходит из университета и в том же году поступает в Эколь де Шарт, высшее архивно– историческое учебное заведение. Хотя впоследствии Мартен дю Гар говорил, что не знает, почему он выбрал именно это заведение, оно сыграло огромную роль в развитии его писательской техники, в основе которой лежала педантичная научная методология, заложенная еще профессором Меллерио.

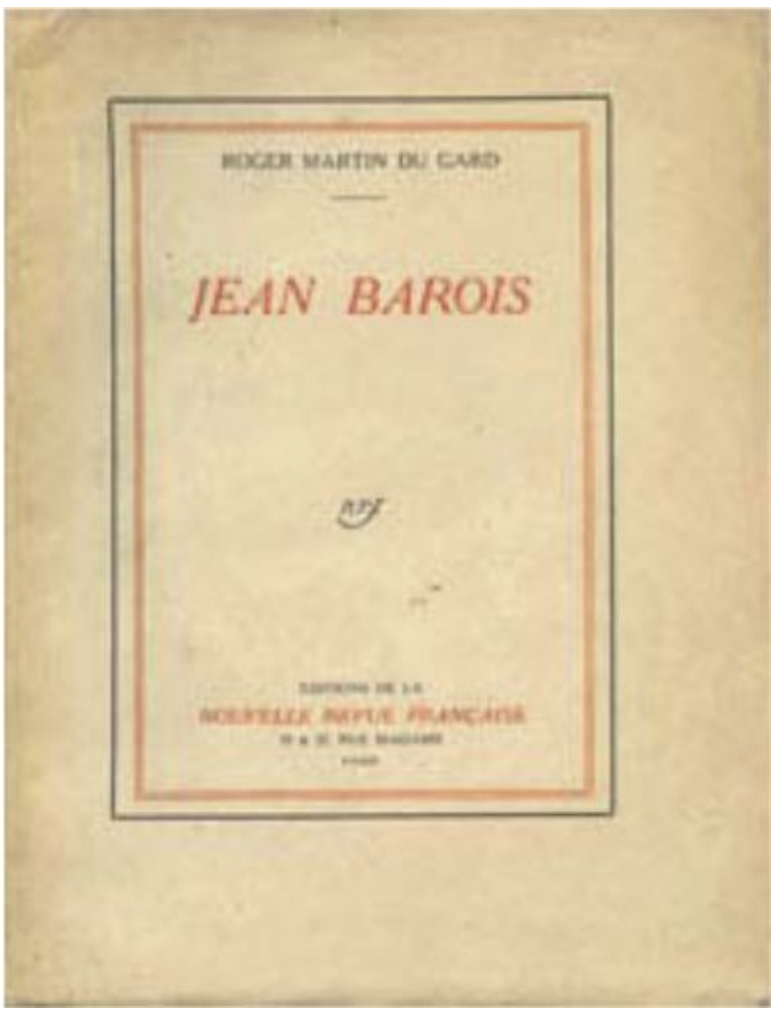
В 1905 году Мартен дю Гар получил диплом палеографа-архивиста за работу об аббатстве Жюмьеж под Руаном.

Через год молодой человек женится на Элен Фуко, дочери парижского юриста.

Поселившись в Париже, Мартен дю Гар задумывает длинный,

в духе Толстого, роман о сельском священнике, прототипом которого, возможно, был его наставник Эбер. Однако после полутора лет работы начинающий писатель понимает, что роман такого масштаба ему не по силам. Глубоко подавленный, Мартен дю Гар терзается тяжелыми сомнениями относительно своего призвания.

В 1907 году у него рождается дочь Кристина, будущее которой он должен обеспечить, и вот весной 1908 года, буквально за несколько недель, что называется, на одном дыхании, Мартен дю Гар пишет «Становление» («Devenire»), историю человека, который хочет стать писателем, однако все его попытки что-то сочинить, а также обрести личное счастье заканчиваются крахом. Писатель издает этот роман на собственные средства – и с этого момента становится профессиональным литератором.

Первое издание «Жана Баруа»

Приступив к работе над следующим произведением, которое он собирался назвать «Мариз» («Marise»), Мартен дю Гар вновь чувствует, что его возможности не соответствуют его амбициям, и начинает искать темы, более близкие его жизненному опыту. Вообще, взыскательность была отличительной чертой Мартена дю Гара, который нередко сжигал свои рукописи, если находил их неудовлетворительными. Отказавшись от «Мариз», Мартен дю Гар пишет роман «Жан Баруа» («Jean Barois», 1913), ставший первым значительным произведением писателя, принесшим ему успех. Используя новаторскую для того времени технику совмещения диалога и исторического документа, Мартен дю Гар изображает молодого человека, мятущегося между рационализмом и верой. В романе дается яркая картина политического скандала, разыгравшегося вокруг офицера французской армии Альфреда Дрейфуса, – скандала, оказавшего разрушительное действие на всю структуру французского общества конца XIX – начала XX века. «Жан Баруа» был издан по рекомендации Андре Жида, который стал близким другом Мартен дю Гара и с которым он многие годы вел переписку.

Во время первой мировой войны Мартен дю Гар служит во французской армии на Западном фронте. Демобилизовавшись в 1919 году, он некоторое время работает в парижском театре, а в 1920 году переезжает в имение родителей в Центральной Франции, где начинает писать свой знаменитый роман «Семья Тибо» («Les Thibault»), 8 томов которого выходили с 1922 по 1940 год. В романе, действие которого происходит в первое двадцатилетие XX века, изображены две буржуазные семьи, одна – католическая, другая – протестантская. Повествуя о жизни двух главных героев, братьев Тибо – Жака, социалиста и революционера, и Антуана, врача, придерживающегося более консервативных взглядов, – автор показывает упадок предвоенного общества. «Семья Тибо», как и другие книги Мартен дю Гара, писалась в жанре roman fleuve (буквально – многотомного романа) – детального, основанного на исторических документах повествования…

На углу улицы Вожирар, когда они уже огибали здание школы, г-н Тибо, на протяжении всего пути не сказавший сыну ни слова, внезапно остановился:

– Ну, Антуан, на сей раз, на сей раз я сыт по горло!

Молодой человек ничего не ответил.

Школа оказалась закрытой. Было воскресенье, девять часов вечера. Сторож приотворил окошко.

– Вы не знаете, где мой брат? – крикнул Антуан.

Обложка одного из изданий романа Дю Гара

Тот вытаращил глаза.
Господин Тибо топнул ногой.
– Позовите аббата Бино.

Сторож отвел их в приемную, вытащил из кармана витую свечку, зажег люстру.

Прошло несколько минут. Г-н Тибо без сил рухнул на стул; он опять пробормотал сквозь зубы:

– Ну, знаете ли, на сей раз!..

– Прошу извинить, сударь, – сказал аббат Бино, бесшумно входя в комнату. Он был очень мал ростом, и, чтобы положить руку на плечо Антуану, ему пришлось встать на цыпочки.

– Здравствуйте, юный доктор! Так что же случилось?

– Где мой брат?

– Жак?

– Он не вернулся сегодня домой! – воскликнул г-н Тибо, поднимаясь со стула.

– Куда же он ушел? – спросил аббат без особого удивления.

– Да сюда, черт побери! Отбывать наказание!

Аббат заложил руки за пояс.

– Жака никто не наказывал.

Фрагмент сериала «Семья Тибо

– Как?

– Жак сегодня в школу не приходил.

Дело запутывалось. Антуан не спускал со священника глаз. Г-н Тибо передернул плечами и обратил к аббату одутловатое лицо с набрякшими, почти никогда не поднимавшимися веками.

– Жак сказал нам вчера, что его оставили на четыре часа без обеда. Сегодня утром он ушел, как обычно. А потом, часов около одиннадцати, вернулся, но застал только кухарку, мы все были в церкви; сказал, что завтракать не придет, потому что оставлен на восемь часов, а не на четыре.

– Чистейшая фантазия, – заявил аббат.

– Днем мне пришлось выйти из дома, чтобы отнести свою хронику в де «Ревю де Монд», – продолжал г-н Тибо. – У редактора был прием, я вернулся только к обеду. Жак не появлялся. Половина девятого – его нет. Я забеспокоился, послал за Антуаном, вызвал его из больницы с дежурства. И вот мы здесь.

Аббат задумчиво покусывал губы. Г-н Тибо приподнял веки и метнул острый взгляд на аббата, потом на сына.

– Итак, Антуан?

– Что ж, отец, – сказал молодой человек, – если этот номер он задумал заранее, значит, предположение о несчастном случае отпадает.

Поведение Антуана внушало спокойствие. Г-н Тибо придвинул стул и сел; его живой ум перебирал десятки вариантов, но заплывшее жиром лицо ничего не выражало.

– Итак, – повторил он, – что же нам делать?

Антуан размышлял.

– Сегодня – ничего. Ждать.

Это было очевидно. Но невозможность покончить с неприятной же, историей тут сразу, применив отцовскую власть, а также мысль о конгрессе моральных наук, который открывался послезавтра в Брюсселе и куда он был приглашен возглавлять французскую секцию, вызвали у г-на Тибо приступ ярости, его лоб побагровел. Он вскочил.

Фрагмент сериала «Семья Тибо»

– Я подниму на ноги всю жандармерию, – крикнул он. – Или во Франции больше нет полиции? Или у нас разучились разыскивать преступников?

Его сюртук болтался по обеим сторонам живота, складки на подбородке то и дело ущемлялись углами воротничка, и он дергал головой, выбрасывая вперед челюсть, точно конь, натягивающий поводья. «Ах, негодяй, – пронеслось у него в мозгу. – Попасть бы ему под поезд!» И на какой-то миг г-ну Тибо представилось, что все улажено – выступление на конгрессе и даже, быть может, избрание на пост вице-президента… Но почти в ту же секунду он увидел младшего сына лежащим на носилках, а потом в гробу, обрамленном горящими свечами, увидел себя, сраженного горем отца, и всеобщее сочувствие окружающих… Ему стало стыдно.

– Провести целую ночь в такой тревоге! – сказал он вслух. –

Тяжело, господин аббат, да, тяжело отцу переживать такие часы.

Он направился к дверям. Аббат выпростал из-за пояса руки.

– С вашего разрешения, – сказал он, потупясь.

Люстра освещала его лоб, наполовину прикрытый черной бахромкой волос, и хитрое лицо, клином сбегавшее к подбородку. На щеках аббата проступили два розовых пятна.

– Мы сомневались, сообщать ли вам об одном случае, сударь, который произошел с вашим сыном совсем недавно и который должно рассматривать как весьма и весьма прискорбный… Но, в конце концов, мы сочли, что в беседе с вами могут выясниться важные подробности… И если вы будете так любезны, сударь, уделить нам несколько минут…

Пикардийский акцент подчеркивал нерешительность аббата. Г-н Тибо, не отвечая, вернулся к своему стулу и грузно сел; веки его были опущены.

– В последние дни, сударь, – продолжал аббат, – мы уличили вашего сына в проступках особого свойства… в проступках чрезвычайно тяжелых… Мы даже пригрозили ему исключением. О, разумеется, лишь для острастки. Он вам об этом рассказывал?

– Вы же знаете, какой он лицемер! Он, как всегда, промолчал!

– Невзирая на серьезные недостатки нашего дорогого мальчика, не следует считать его испорченным существом, – уточнил аббат. – И мы думаем, что и в последнем случае согрешил он не намеренно, а по слабости своей; здесь следует усматривать дурное влияние опасного товарища, каких, увы, так много в государственных лицеях…

Господин Тибо скользнул по аббату тревожным взглядом.

– Вот факты, сударь. Изложим их в строгом порядке. Дело происходило в минувший четверг… – Он на секунду задумался, потом продолжал почти радостно: – Нет, прошу прощенья, это произошло позавчера, в пятницу, да– да, в пятницу утром, во время уроков. Незадолго до двенадцати мы вошли в класс – вошли стремительно, как привыкли делать это всегда…

– Он подмигнул Антуану. – Осторожно нажимаем на ручку, так что дверь и не скрипнет, и быстрым движением отворяем ее. Итак, мы входим и сразу же видим нашего друга Жако, ибо мы предусмотрительно посадили его прямо напротив дверей. Мы направляемся к нему, приподнимаем словарь. Попался, голубчик! Мы хватаем подозрительную книжонку. Это роман, перевод с итальянского, имя автора мы забыли, – «Девы скал».

– Этого еще не хватало! – воскликнул г-н Тибо.

– Судя по его смущенному виду, мальчик скрывает еще кое– что, глаз у нас на это наметан. Приближается время завтрака. Звонок; мы просим надзирателя отвести учеников в столовую и,

оставшись одни, открываем парту Жака. Еще две книжки: «Исповедь» Жан-Жака Руссо и, что гораздо более непристойно, прошу извинить меня, сударь, гнусный роман Золя – «Проступок аббата Муре»…

– Ах, негодяй!

– Только закрыли мы крышку парты, как нам в голову приходит мысль пошарить за стопкой учебников. И там мы обнаруживаем тетрадку в сером клеенчатом переплете, которая, на первый взгляд, должны вам признаться, выглядит вполне безобидно. Раскрываем ее, просматриваем первые страницы… – Аббат взглянул на своих гостей; его живые глаза смотрели жестко и непреклонно. – Все становится ясным. Мы тут же прячем нашу добычу и в течение большой перемены спокойно обследуем ее. Книги, тщательным образом переплетенные, имеют на задней стороне переплета, внизу, инициал: Ф. Что касается главного вещественного доказательства, серой тетради, она оказалась своего рода сборником писем; два почерка, совершенно различных, – почерк Жака и его подпись: «Ж.» – и другой, нам незнакомый, и подпись: «Д.» – Он сделал паузу и понизил голос: – Тон и содержание писем, увы, не оставляли сомнений относительно характера этой дружбы. Настолько, сударь, что поначалу мы приняли этот твердый и удлиненный почерк за девичий или, говоря вернее, за женский… Но потом, исследовав текст, мы поняли, что незнакомый почерк принадлежит товарищу Жака, – о нет, хвала господу, не из нашего заведения, а какому-нибудь мальчишке, с которым Жак наверняка познакомился в лицее. Дабы окончательно в этом убедиться, мы в тот же день посетили инспектора лицея, достойного господина Кийяра, – аббат обернулся к Антуану, – он человек безупречный и обладает печальным опытом работы в интернатах. Виновный был опознан мгновенно. Мальчик, который подписывался инициалом «Д», это ученик третьего класса, товарищ Жака, по фамилии Фонтанен, Даниэль де Фонтанен.

– Фонтанен! Совершенно верно! – воскликнул Антуан. – Помнишь, отец, их семья живет летом в Мезон-Лаффите, у самого леса. Конечно, конечно, в эту зиму, возвращаясь вечерами домой, я много раз заставал Жака за чтением стихов, которые давал ему этот Фонтанен.

– Как? Чтение чужих книг? И ты не поставил меня в известность?

– Я не видел в этом ничего опасного, – возразил Антуан, глядя на аббата так, будто собирался с ним спорить; и вдруг его задумчивое лицо озарилось на миг молодой улыбкой. – Это был Виктор Гюго, Ламартин, – объяснил он. – Я отбирал у него лампу,

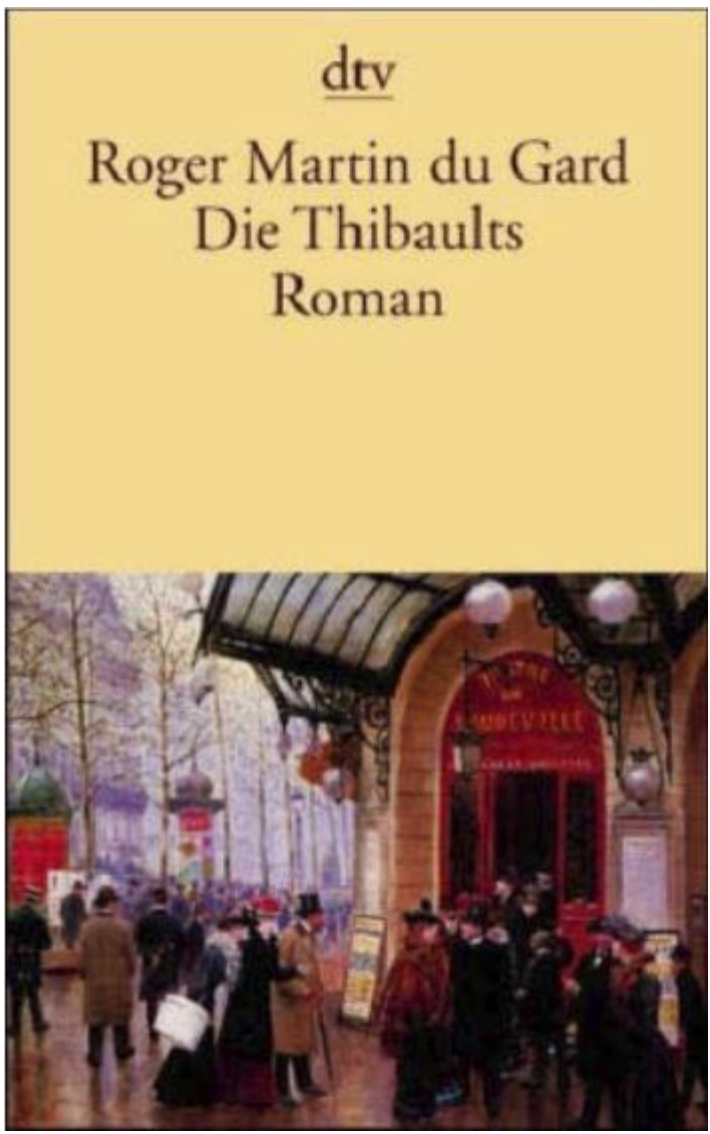
чтобы заставить спать.

Аббат поджал губы.

– Но что еще важнее: этот Фонтанен – протестант, – сказал он, решив взять реванш.

– Ну вот, так я и знал! – удрученно воскликнул г-н Тибо.

– Впрочем, довольно хороший ученик, – поспешно заверил аббат, выказывая свою беспристрастность. – Господин Кийяр сказал нам: «Это взрослый мальчик, который всегда казался серьезным; здорово же он всех обманул! Его мать тоже держится вполне достойно».

Обложка одного из французских изданий «Семьи Тибо». 50-е

– Ах, мать… – перебил г-н Тибо. – Совершенно невозможные люди, несмотря на весь их достойный вид.

– К тому же хорошо известно, – ввернул аббат, – что кроется за суровостью протестантов!

– Во всяком случае, отец у него вертопрах… В Мезоне никто их не принимает; с ними едва здороваются. Да, нечего сказать, умеет твой братец выбирать знакомых!

– Так вот, – продолжал аббат, – мы вернулись из лицея, вооруженные всеми необходимыми сведениями. И уже собирались произвести расследование по всем правилам, как вдруг вчера, в субботу, в начале утренних занятий наш друг Жако ворвался к нам в кабинет. Ворвался, в полном смысле этого слова.

Бледный, зубы стиснуты. И прямо с порога, даже не поздоровавшись, стал кричать: «У меня украли книги, записи!..» Мы обратили его внимание на крайнюю непристойность его поведения. Но он не желал ничего слушать. Глаза его, всегда светлые, потемнели от гнева: «Это вы украли мою тетрадь, – кричал он, – это вы!» Он даже сказал нам, – добавил аббат с глуповатой улыбкой: «Если вы посмеете ее прочесть, я покончу с собой!». Мы попытались действовать на него лаской. Он не дал нам говорить: «Где моя тетрадь? Верните мне ее! Я тут все у вас переломаю, если мне ее не вернут!». И прежде чем мы успели ему помешать, он схватил с нашего письменного стола хрустальное пресс-папье, – вы помните его, Антуан? – сувенир, который наши бывшие воспитанники привезли нам из Пюи-деДом, – и с размаху швырнул в мраморный камин. Это пустяк, – поспешил добавить аббат в ответ на сконфуженный жест г-на Тибо, – мы вспомнили об этой мелочи лишь для того, чтобы показать вам, до какой степени возбуждения дошел наш дорогой мальчик. Потом он стал кататься по полу, с ним начался настоящий нервный припадок. Нам удалось схватить его, втолкнуть в маленькую классную комнату, смежную с нашим кабинетом, и запереть на ключ.

– Ах, – произнес г-н Тибо, вздевая вверх кулаки, – бывают дни, когда он точно одержимый! Спросите у Антуана – разве не приходил он на наших глазах – из-за сущей безделицы – в такое неистовство, что мы, конечно, сдавались; весь посинеет, на шее вздуются вены, – кажется, еще миг, и задушит кого-нибудь от ярости!

– Ну, все Тибо отличаются вспыльчивостью, – констатировал Антуан, всем своим видом показывая, что он ничуть этим не огорчен, и аббат счел своим долгом снисходительно улыбнуться…

(«Семья Тибо», перевод М.Ваксмахера)

В 1931 году писатель попадает в автомобильную катастрофу и вынужден два месяца пролежать в больнице. За это время он пересмотрел план оставшихся частей романа, переработал финал, а главное, сменил акценты, обратившись, как в «Жане Баруа», к технике исторического документа. По мнению английского критика М. Сеймура-Смита, «Семья Тибо» «впечатляет подробностями, рельефностью главных персонажей, своей честностью; из крупных романов нашего века «Семья Тибо» – самый трагический». Мартен дю Гар начал жизнь при Третьей республике (1881), закончил – при Пятой (1958). На его глазах французский республиканизм прошел через грандиозные победы и поражения. В год смерти выдающегося писателя Марселя Пруста (1922), словно подхватив оброненное знамя, Мартен дю Гар взялся за цикл семейных романов, которые намеревался писать серийно, один за другим. И никаких эпических замыслов он вначале не держал. Когда в 1940 году шеститомная хроника «Семья Тибо» была наконец завершена, автор уже ходил в лауреатах Нобелевской премии по литературе.

Взятые в руки два огромных тома русского перевода «Семьи Тибо» испугают, возможно, любого читателя…

Роман действительно огромен, величествен, обстоятелен и написан удивительно ровно. Мартен дю Гар сознательно писал именно семейную сагу трех поколений, не отклоняясь от сюжета и не вводя в роман боковых линий. Образ Оскара Тибо чрезвычайно впечатляет…

Это уже не бальзаковский нувориш с остатками демонизма и романтизма, не чудесным образом разбогатевший Жан Вальжан из книги Гюго… Столь же полнокровен и образ Жака Тибо, наследника состояния отца, культурного гурмана и интеллектуала Франции начала XX века, все иллюзии которого вдребезги разбиваются Первой мировой войной.

«Семья Тибо» – одна из тех книг, чудовищный объем которых все же не должен останавливать читателя, желающего получить связное представление о европейском романе. Премудрости постмодернизма и «нелинейного письма» покоятся на могучем фундаменте подобных созданий. «Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара – книга, созданная в тот короткий исторический миг, когда опыт золотого века европейской культуры был уже освоен, а разрушительный опыт начавшегося XX столетия еще не принял всеобъемлющего характера.

Аверс памятной медали Роже Мартен дю Гара

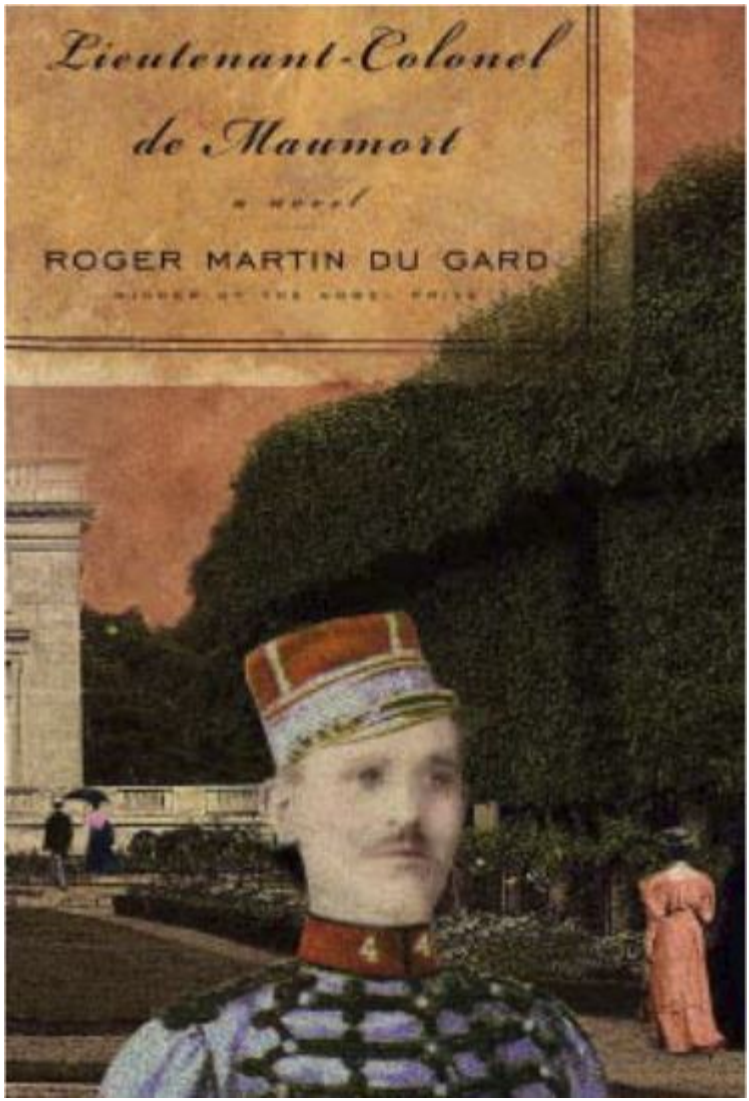
В 1937 году Мартен дю Гару присуждается Нобелевская премия по литературе «**за художественную силу и правду в изображении человека, а также наиболее существенных сторон современной жизни**». Остановившись подробнее на романе «Семья Тибо», член Шведской академии П. Хальстрем отмечает, что, «подвергнув человеческую душу скрупулезному и скептическому анализу, Мартен дю Гар в конце концов превозносит идеализм человеческого духа». В ответной речи Мартен дю Гар высказался против догматизма, которым, по его мнению, характеризуется жизнь и мышление людей XX века. Он приветствовал «независимую личность, которая избегает соблазна фанатичных идеологий и сосредоточена на самопознании». В то время, когда Гитлер угрожал Европе новой войной, Мартен дю Гар выразил надежду, что его творчество «может служить не только литературе, но и делу мира».

В годы создания «Семьи Тибо» Мартен дю Гар написал также «Африканское признание» («Confidence africaine», 1931) – весьма откровенную историю о кровосмешении; «Молчаливого» («Un Taciturne», 1932) – психологическую пьесу, в которой сказался интерес писателя к гомосексуализму, а также «Старую Францию» («Vieille France», 1933) – циничное и язвительное описание

французского крестьянства, повесть, нехарактерную для его творчества и по интонации, и по теме.

После 1940 года писатель 17 лет работает над романом-эпопеей «Дневники полковника Момора» («Les Souvenirs du colonel Maumort»), так и оставшимся незавершенным. Мартен дю Гар умер от сердечного приступа в своем нормандском особняке в возрасте 77 лет.

На протяжении всей жизни Мартен дю Гар был человеком необщительным, крайне замкнутым, полагавшим, что за писателя должны говорить его книги. За несколько месяцев до смерти он привел в порядок свои бумаги, в том числе, огромную переписку и дневник, который он вел с 1919 по 1949 год. И письма, и дневник, по его распоряжению, были переданы в Национальную библиотеку в Париже, где хранились нераспечатанными на протяжении 25 лет. Однако, несмотря на скромность, нежелание быть на виду, Мартен дю Гар, как пишет один из его биографов, «…пользовался огромным уважением у своих современников».

Обложка одного из первых изданий «Дневников полковника Момора» Р.Мартен дю Гара

По мнению К.Саваж, «…исследуя современные социальные проблемы в реалистическом ключе, Мартен дю Гар оставался верен традиции XIX века и, в то же время, указал пути дальнейшего развития романа». Русскоязычному читателю роман дю Гара «Семья Тибо» достаточно известен, чему, кстати, способствовала одна из масштабных его экранизаций в конце 70 годов прошлого века. Остальные произведения читателей, в частности прекрасно переведенный «Жан Баруа», практически остаются неизвестными для сегодняшнего читателя России…

Глава VII
Перл Бак (Buck)
1938, США

Перл Бак

Американская писательница *Перл Комфорт (Сайденстрикер) Бак* (26 июня 1892 года – 6 марта 1973 года) была дочерью пресвитерианских миссионеров в Китае, единственной из шести детей, родившейся в Соединенных Штатах, в г. Хилсборо (штат Западная Виргиния). Ее отец, Абсалом Сайденстрикер, был суровым, замкнутым человеком, ученым, посвятившим многие годы переводу Библии с греческого на китайский язык. Ее мать, урожденная Каролина Сталтинг, была весьма образованной, культурной женщиной, в молодости много путешествовавшей и очень любившей литературу.

Родители вернулись в Китай, когда Перл была еще ребенком, и поселились в г. Чинкьянь, предпочитая жить среди китайцев, а не в тех районах страны, которые были преимущественно заняты

иностранцами. В результате девочка научилась говорить по-китайски раньше, чем по-английски. Кроме того, ее так хорошо приняли китайские сверстники, что до девяти лет она не чувствовала себя в Китае иностранкой. Когда началось «боксерское восстание» и императрица приказала казнить всех белых, Сайденстрикеры бежали в Шанхай, однако после того, как восстание было подавлено, снова возвратились в Чинкьянь.

Дом в Виргинии, где родилась П.Бак

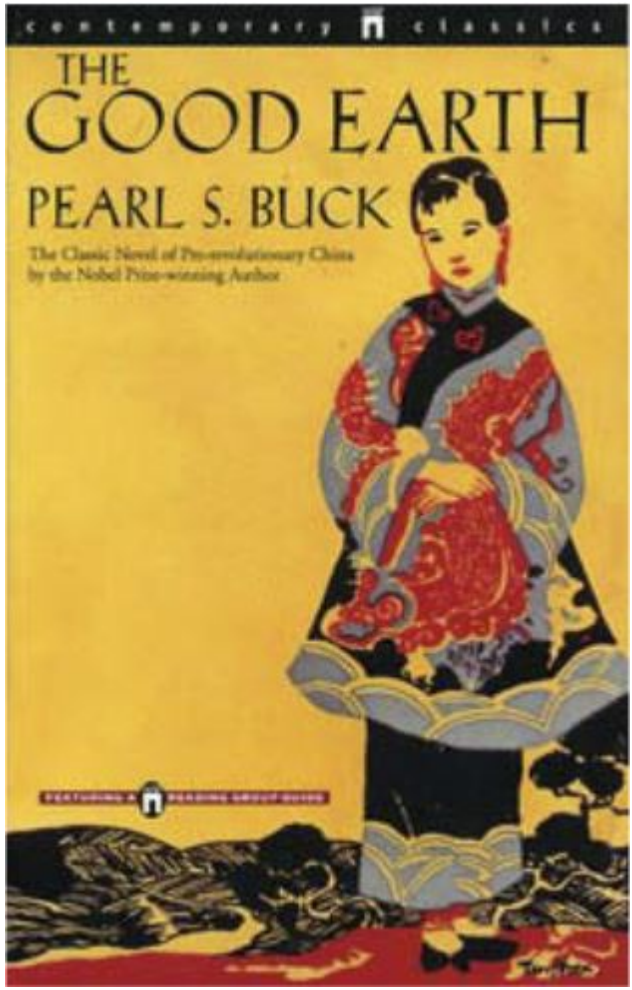
Первоначально образованием Перл занимались ее мать и наставник-китаец, который был конфуцианским ученым. В 15-летнем возрасте девочка была отправлена в пансион в Шанхай. В 1910 году она возвращается в Соединенные Штаты и поступает в женский колледж в Виргинии, где изучает психологию и получает две литературные премии. После окончания колледжа в 1914 году она возвращается в Китай для работы преподавателем в пресвитерианской миссии, а спустя три года выходит замуж за Джона Лоссинга Бака, специалиста по сельскому хозяйству, который тоже служил миссионером в Китае. Молодая чета поселяется в одной из северных деревушек, где Бак продолжает преподавать, а также исполняет обязанности переводчика при своем муже во время путешествий. В 1921 году у них рождается дочь Кэрол, а еще через несколько месяцев умирает мать Перл, и будущая писательница решает написать ее биографию. К этому времени семья Бак переселяется в Нанкин, где в местном университете Джон преподает сельскохозяйственные науки, а

Перл – английскую и американскую литературу.

Перл Бак с приемными детьми

Писать Бак начала еще в детстве – ее первые литературные опыты появлялись в детском приложении к англоязычной газете «Шанхай меркьюри» («Shanghai Mercury»). Закончив биографию матери, которая была опубликована значительно позже, Бак берется за роман, а в начале 20-х годов в «Атлантик мансли» («Atlantic Monthly») и других американских журналах печатаются ее статьи о Китае. Возвратившись на год в Соединенные Штаты, супруги Бак учатся в аспирантуре Корнеллского университета, где Перл получает ученую степень магистра гуманитарных наук в области литературы (1926). Позднее, в 1923 году, Бак получает еще одну ученую степень в Йельском университете. К этому времени супруги Бак узнают от врачей, что их дочь умственно отсталая, и решают удочерить другую девочку, Дженис (позднее Бак усыновит девятерых…).

Обложка романа «Земля»

Когда супруги Бак возвратились в 1927 году в Китай, в стране бушевала гражданская война. Дом в Нанкине оказался разграбленным, причем пропала рукопись первого романа Бак. В том же году семья Бак была эвакуирована – вначале в Шанхай, а затем в Японию. К этому времени Бак закончила свой второй роман «Восточный ветер, западный ветер» («East Wind: West Wind»), который начала писать на пароходе, по пути из Соединенных Штатов в Китай, и который был опубликован в 1930 году. «Восточный ветер…» – это вполне традиционный любовный роман, в котором затрагивается и проблема «отцов и детей». Действие романа происходит в Китае на рубеже веков, его герои – простые китайцы, жизнь которых Бак прекрасно знала с раннего детства. Хотя первоначально роман был отвергнут издателями на том основании, что у читающей публики едва ли возникнет

интерес к жизни Китая, «Восточный ветер…» за короткое время выдержал три издания. Затем, в 1931 году, появился роман «Земля» («The Good Earth»), за который Бак была удостоена Пулитцеровской премии. Эта книга, которая до сих пор считается лучшим произведением Бак, повествует о попытке бедной крестьянской семьи добиться благополучия и создать нечто вроде семейной династии. Роман отличается тем простым стилем, который характерен для всего творчества Бак, и сравним, по мнению одного из критиков, с библейским. «Земля» быстро стала бестселлером, который был назван «притчей о жизни человеческой». Этот роман восходит к традиции китайской народной литературы, цикличная форма которой отражает веру в непрерывность жизни и предназначена для развлечения простого народа. Центральный персонаж романа Ван Лун – плоть от плоти земли, он ничего не знает, кроме работы на ней, она все, что у него есть. Пришедшая в дом Ван Луна молодая жена смиренно принимает образ жизни мужа – когда каждый день похож на предыдущий. Тяжело работая, они расширяют свое поле, прикупают участок за участком. Так Ван Лун постепенно создает благополучие своей семьи, дети его посещают школу и одеваются как горожане. До Ван Луна доходят слухи о какой-то революции на севере, о новых порядках, но все они кажутся ему ничтожными и преходящими перед величием Земли. Умирая, он дает наказ сыновьям никогда не продавать землю: «От земли мы ведем начало и в землю должны лечь». Соглашаясь с ним для виду, сыновья, однако, переглядываются за его спиной – им не передалась любовь Ван Луна к земле, в них нет отцовского созидательного начала…

Аверс памятной медали Перл Бак

Продолжением «Земли» стали еще два романа – «Сыновья» («Sons», 1932) и «Разделенный дом» («A House Divided», 1935). Все три романа были в 1935 году опубликованы в одном томе под заглавием «Дом земли» («The House of Earth»).

В эти первые годы своей литературной деятельности Бак пишет очень много: роман «Мать» («Mother», 1934), биографии матери «Изгнание» («The Exile», 1936) и отца «Сражающийся ангел» («Fighting Angel», 1936), «Гордое сердце» («The Proud Heart»), первую книгу, действие в которой происходит в Америке, перевод двухтомного классического китайского романа «Шуй-ху Хуан», изданный в 1933 году и названный «Все люди братья» («All Men Are Brothers»).

В 1938 году Бак становится первой американской писательницей, получившей Нобелевскую премию по литературе «**за многогранное, поистине эпическое описание жизни китайских крестьян и за биографические шедевры**». В своей приветственной речи представитель Шведской академии П. Хальстрем обобщил тематику наиболее значительных произведений Бак, которые, как он выразился, «прокладывают путь к человеческому взаимопониманию вопреки любым расовым барьерам и позволяют изучать общечеловеческие идеалы, составляющие вечно живой предмет художественного творчества».

«Эта премия будет вдохновлять не только меня, но и всех

американских писателей, сказала Бак при вручении премии. – Присуждение женщине Нобелевской премии в нашей стране имеет огромное значение». Бак выразила также глубокую признательность китайскому народу, жизнь которого многие годы теснейшим образом была связана с ее собственной.

…Я не нахожу слов, чтобы выразить чувство благодарности за все то, что было высказано в мой адрес, и за дарованную мне награду. Я принимаю ее, полагая, что оценка моего труда намного превышает значимость того, что я сумела сделать, написав свои книги. Могу лишь уповать на то, что те многие сочинения, которые мне еще предстоит создать, будут в большей мере достойны признания, нежели уже опубликованные. И, конечно, я принимаю награду, разделяя те принципы, которые были положены в ее основу. Эту премию я рассматриваю не столько как награду за уже опубликованные произведения, сколько как аванс на будущее. Все, что я в дальнейшем напишу, надеюсь, будет стимулироваться воспоминанием об этом дне.

Я принимаю эту награду от имени Соединенных Штатов Америки. Как народ, мы еще молоды, а потому понимаем, что подлинный расцвет наших возможностей – дело будущего. Настоящая награда, присужденная американке, поддерживает не только одну меня, но и всех американских писателей, ободренных и вдохновленных этим великодушным актом признания. Еще я хотела бы сказать, что для моей страны особенно весомо, что эта награда присуждена женщине. Вам, уже оказавшим подобное доверие Сельме Лагерлеф, а также отметившим вклад женщин в различные другие области, однако, возможно, трудно представить себе всю значимость того факта, что именно женщина стоит сейчас перед вами. И я говорю не только от имени писателей или женщин, я говорю от лица всех американцев, ибо все мы причастны к этому знаменательному событию.

Перл Бак на приеме в Белом доме с президентом Д.Кеннеди и его женой. 1962 год

Я не была бы честна перед собой, если бы не высказалась со всей откровенностью о народе Китая, с которым жила одной жизнью в течение многих лет. Его судьба была также и моей судьбой. Мироощущение моих соотечественников и народа Китая, моей приемной родины, сходно во многих отношениях, но более всего мы похожи друг на друга в любви к свободе. И сегодня это более справедливо, чем когда-либо, ибо ныне Китай вовлечен в величайшую из битв – в битву за свободу. Я никогда не восхищалась Китаем искренней, чем в настоящее время, когда он объединился, как никогда прежде, перед лицом врага, посягнувшего на его независимость. В своей решимости отстоять свободу, – а это чувство глубоко ему присуще, – Китай, думается, неодолим. Свобода сегодня есть нечто большее, чем любое другое драгоценное человеческое достояние. Мы, Швеция и Соединенные Штаты, ею обладаем. Моя страна молода, но она приветствует с особым дружеским чувством вас, на вашей земле, древней и свободной.

(«Нобелевская речь», перевод Б.А. Гиленсона)

Присуждение Бак Нобелевской премии вызвало оживленную полемику среди критиков, некоторые из которых утверждали, что творчество Бак, писательницы, несомненно, талантливой и интересной, недостаточно масштабно для такой премии. Тем не менее, книги Бак продолжали пользоваться огромной

популярностью, творческая активность писательницы не иссякала. За сорок лет ею было написано восемьдесят произведений: романы, биографии, автобиография, радиопьесы, книги для детей, такие, как «Буйволята» («Water Buffalo Children», 1943), «В один прекрасный день» («One Bright Day», 1950) и «Рождественское привидение» (The Christmas Ghost», 1966).

Впрочем, пиком ее творчества оставалась «Земля». После получения Нобелевской премии ее репутация стала постепенно падать, стали замечаться характерные для ее книг дидактизм и сентиментальность. По мнению некоторых критиков, Бак заслуживает большего внимания как гуманист, борец за «единый мир», чем как художник. Споры о ее творчестве продолжались и продолжаются до сих пор…

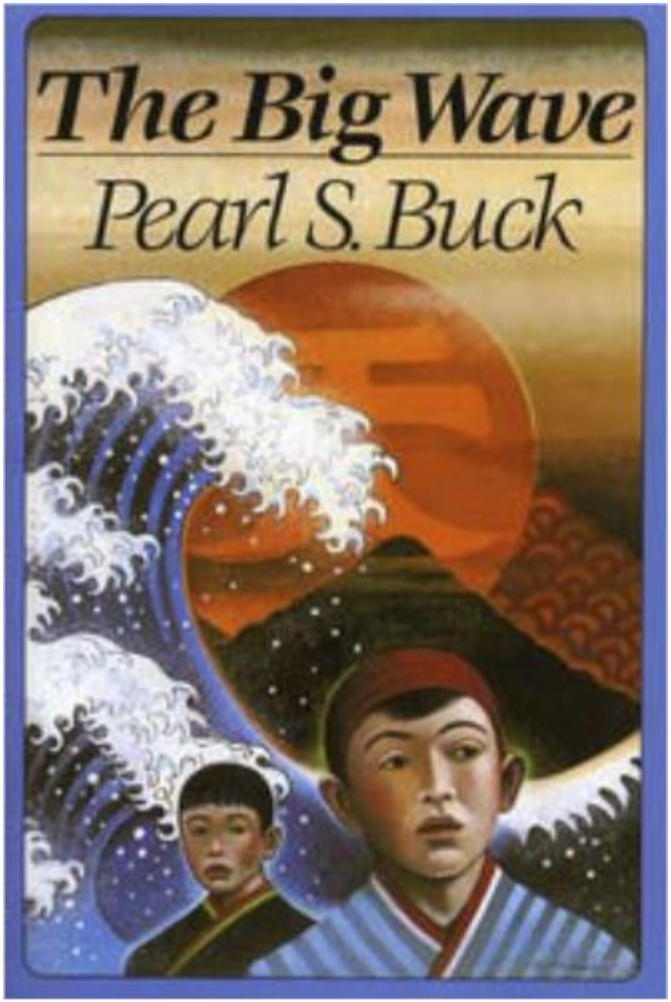
Памятник Перл Бак в Филадельфии

В 1935 году Бак разводится с первым мужем и выходит замуж за своего издателя Ричарда Уолша, с которым они берут на воспитание нескольких детей. Супруги были активными

деятелями «Ассоциации Восток-Запад», занимавшейся культурными связями, а также благотворительной организации «Уэлкам хаус», оказывавшей материальную помощь всем тем, кто хотел усыновить детей азиатско-американского происхождения. В Фонд Перл Бак писательница отчисляла сбережения, шедшие на различные благотворительные и образовательные цели.

К более поздним ее книгам относятся «Китай в черном и белом» («China in Black and White», 1946), «Большая волна» («Big Wave», 1948), «Женщина-император» («Imperial Woman», 1956), «Письмо из Пекина» («Letter from Peking», 1957), «Прикажи утру» («Command the Morning», 1959), «Время – полдень» («The Time is Noon», 1967), «Три дочери мадам Лянь» («The Three Daughters of Madame Liang», 1969), «Американский триптих» («American Triptych», 1958) – одна из пяти книг, посвященных американской жизни и опубликованных под псевдонимом Джон Седжес (John Sedges).

В 1951 Перл Бак была избрана членом Американской академии искусств и словесности.

Обложка одного из первых изданий книги П.Бак «Большая волна»

Бак умерла в возрасте восьмидесяти лет в Дэнби (штат Вермонт), пережив Уолша почти на тринадцать лет. Помимо Нобелевской премии, писательница была удостоена медали Уильяма Хоуэллса от Американской академии наук и искусств (1935), а также многочисленных гуманитарных наград, почетных степеней Йельского университета, Университета Западной Виргинии, Гарвардского университета, Филадельфийского женского медицинского колледжа и других высших учебных заведений. В 1951 году Бак была избрана членом Американской академии наук и искусств. Русскоязычному читателю книги Перл Бак практически неизвестны…

Могила П.Бак с надписью на китайском языке

Глава VIII
Франс Силланпя (Sillanpaa)
1939, Финляндия

Финский романист *Франс Эмиль Силланпя* (16 сентября 1888 года – 3 июня 1964 года) родился в крестьянской семье в Хяменкюре, на юго-западе Финляндии. Следуя местным обычаям, его отец, Франс Коскинен, взял себе фамилию по названию той местности, где он проживал: Силланпя (дословно – «предмостное укрепление», «плацдарм»). За десять с лишним лет до женитьбы на Луизе Вильгемине Иисаксдоттер старший Силланпя переехал в Хяменкюре, где из поколения в поколение жила семья его будущей жены. Женившись, он построил небольшую ферму, где и родился будущий писатель. Старший брат и сестра Силланпя умерли в детстве.

Родители, люди бедные, все же накопили денег, чтобы Франс мог пойти в среднюю школу в Тампере. Он учился прилежно и получил стипендию, позволившую ему в 1908 году поступить в университет в Хельсинки, где около четырех лет изучал естественные науки, особенно настоятельно биологию, намереваясь стать врачом. В это же время он познакомился с известными в городе людьми, представителями литературной и художественной богемы. Хотя Силланпя так и не окончил университет, изучение биологии убедило его в том, что поведение человека биологически мотивировано.

В университете Силланпя много читал, особенно любил Стриндберга, Метерлинка и Гамсуна, говорил даже, что «Пан» и «Виктория» действуют на него опьяняюще. Литература была для Силланпя выходом из мучивших его психологических проблем.

Франс Силланпя

Свои первые рассказы он печатает в столичных журналах и газетах еще в годы учебы и довольно быстро становится известен.

В 1913 году Силланпя бросает учебу в университете, возвращается домой и начинает писать. Его первый роман «Солнце и жизнь» («Elama ja aurinko») был опубликован в 1916 году. Впоследствии Силланпя со смехом рассказывал, как его издатель, чтобы заставить его закончить роман, запирал незадачливого автора в номере отеля. «Солнце и жизнь», где рассказывается о летних приключениях трех молодых людей, мужчины и двух женщин, получил благожелательные отзывы и, по словам финского критика Л.Вильянена, был «для первого романа исключительно хорош».

В 1916 году Силланпя женился на Сигрид Саломяки, дочери фермера из соседней деревни. У них было восемь детей, один из которых умер в детстве.

В 1917 году, когда Финляндия получила государственную независимость, выходит сборник новелл Силланпя «Дети человеческие в шествии жизни» («Ihmislapsia elaman saatossa»), а в 1919 году – первое крупное произведение писателя, роман «Праведная бедность» («Hurskas kurjuus»), навеянный трагическими событиями гражданской войны в Финляндии.

Дом писателя. Чудесное место в лесу…

В «Праведной бедности» Силланпя первым из финских писателей осознал весь ужас вооруженной борьбы между «красными» и «белыми». Не вставая на чью-либо сторону, он показал жестокость, страдание и боль этих лет. Хотя современному читателю роман может показаться монотонным и невыразительным, в 1919 году он имел успех, был встречен с интересом и пониманием. Роман, в котором Силланпя с бесстрашной объективностью изобразил и «белых» и «красных», стал первым шагом на пути выхода страны из кризиса – он помог финнам излечиться от тяжкой психической травмы, и в 1920 году Силланпя получает от правительства Финляндии пожизненную стипендию.

Первое издание новелл Силланпя

В последующие годы Силланпя выпускает несколько сборников новелл, в числе которых «Хилту и Рагнар» («Hiltu ja Ragnar», 1923), «Под защитой ангелов» («Enkelten suojatit» 1923), «На земле» («Maan tasalta» 1924), «Дом в горах» («Tollinmaki» 1925), «Причастие» («Rippi», 1928) и «Спасибо тебе, Господь, за эти мгновения…» («Kiitos hetkista, Herra…», 1930), благодаря которым становится известен не только в Финляндии, но и в других скандинавских странах.

Самым же большим успехом пользовался его роман «Усопшая в юности» («Nuorena Nukkunut» 1931), принесший писателю европейскую славу. В центре романа тихая жизнь и смерть молодой одинокой девушки из знатной, но обедневшей семьи. Натура тонкая и чистая, сохранившая доброту и мягкость, несмотря на многочисленные невзгоды, героиня никак не вписывается в свою среду. Особенно удались писателю характер девушки и описание природы. Американский писатель и переводчик Ф.Карлтон в рецензии 1933 года заметил: «Личность независимая, она живет своей жизнью, словно далекая, неведомая планета, двигающаяся по своей орбите. В результате происходит переоценка ценностей: по мере развития повествования внешний

мир словно бы тускнеет, зато иллюзии героини выходят на первый план…». «Роман, – продолжает Ф.Карлтон, – отличается продуманностью, незабываемой красотой языка».

Обложка одной из любимых финнами книг Силланпя «Хилту и Рагнар»

Одновременно с романом «Усопшая в юности» пишется роман «Путь мужчины» («Miehen tie»), опубликованный в 1932 году. Критики сравнили этот роман с произведениями английского писателя Д.Г. Лоуренса. При этом, как писали, «…у обоих авторов ощущается связь между сменой времен года и переменами в жизни людей. В романе Силланпя чувствуется дыхание эпоса…»

Аверс памятной медали Ф.Силланпя

«Люди в летнюю ночь» («Ihmiset suviyossa», 1934) считается главным произведением Силланпя и часто сравнивается с поэмой в прозе из-за размытости композиции и повышенной эмоциональности. Многие исследователи полагают, что «Люди в летнюю ночь» – самое продуманное и сложное из произведений писателя.

Силланпя назвали поэтическим мечтателем, у которого нежный лиризм сочетается с проницательным интеллектуальным анализом…

В 1939 году Силланпя находится в состоянии тяжелой депрессии, вызванной, по-видимому, смертью жены, началом второй мировой войны, а также войной между Финляндией и Советским Союзом. В этом же году писатель женится на Анне фон Герцен, однако брак оказался непродолжительным и несчастливым.

В это сложное для Силланпя и его страны время он получает Нобелевскую премию по литературе за 1939 год «**за глубокое проникновение в жизнь финских крестьян и превосходное описание их обычаев и связи с природой**». Из-за войны торжественная церемония награждения не проводилась, однако Силланпя получил медаль и диплом лауреата на заседании Шведской академии в декабре 1939 года. В своей речи Пер

Хальстрем выразил сочувствие финскому народу от имени членов академии, сказав «Мы преисполнены восхищения не только вами, но и вашим народом…».

Не последнюю роль в решении Нобелевского комитета сыграло знаменитое обращение Силланпя к известным политическим деятелям:

Господа… Я употребил привычное обращение, но тотчас спохватился, что взял неверный тон. С большой долей вероятности могу предположить, что звание «господа» вам не очень по вкусу – хотя оно единственное принятое в мире обращение, в том числе, и к весьма могущественным особам. Наиболее могущественный из вас пожелал, – виноват, приказал! – именовать себя «товарищем», а поскольку он в то же время и самый кровавый, то в этом, несомненно, проявилось его изрядное чувство юмора. Второй назвался «фюрером», то есть вождем, а третий просто дуче. Что ж, Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором, а ваше положение диктаторов и ваши амбиции живо напоминают именно этого человека, который в мировой истории явил собой самый выдающийся пример парадокса. Он был – я пока говорю о Наполеоне, а не о вас – единственным из выдающихся европейских злодеев, оставившим после себя лишь память о преступлениях, навечно занесенных на скрижали истории. В остальном он показал себя вполне ничтожным существом, страдавшим тяжелой нервической болезнью, подверженным резким сменам настроений и взглядов и потому часто игравшим роль посмешища. Он, как и вы, выдвинулся в очень своеобразную эпоху. Однако наступят и другие времена, когда ваши великие и талантливые народы очнутся от своего лунатического помрачения. И тогда вы исчезнете. А вперед выйдут те, кто устоял, не дав себя обморочить, и в ком сохранится искра высокой человечности. Именно она заставляет бороться, и многим суждено погибнуть в этой битве, пасть под ударами вашей власти, вернее, погибнет их тело, их бренная плоть, ибо ваша власть – власть над плотью или прахом. И здесь ее предел.

Выступление ф.Силланпя на радио

Кто-то падет, но другие останутся и доживут до того часа, когда сквозь мглу проглянет солнце человечности и засияет для всех просыпающихся от тяжкого кошмарного сна. Это будет великая радость, и эллины, и иудеи смогут обнять друг друга, по слову того учения, что пережило за свою тысячелетнюю историю многие мрачные периоды, когда казалось, что тучи пыли, поднятые легионами марширующих ног, навсегда затмили солнце. Это будет такая великая радость, что мы на мгновение забудем обо всем, что претерпели. Но потом, позже, мы оглянемся. И мы увидим все ваши земные дела, все эти дороги, каналы и осушенные болота, которые (на наш финский взгляд) осушать было вовсе не обязательно. Мы окинем все это взором, как окидывают взором кладбище. Мы догадываемся – нет, мы знаем, что за всеми свершениями стоит не радостный труд, а кровь, кровь и слезы, пролитые под ударами бича. И что, скорее всего, практическая польза от ваших сооружений будет такой же, что и от египетских пирамид.

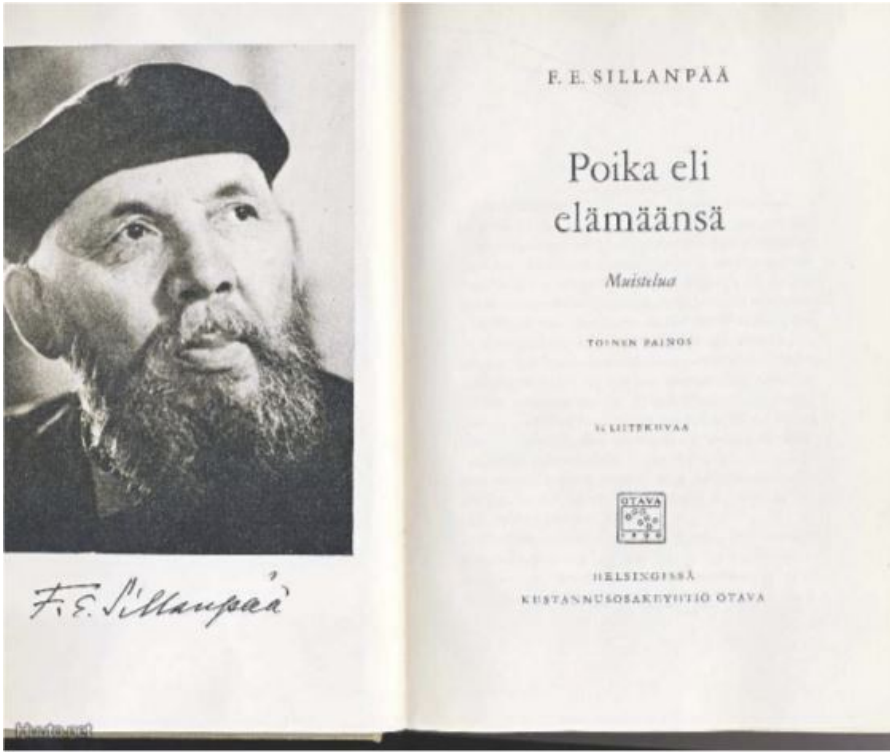
Но есть и другое – даже в тяжелейшие времена продолжают жить бессмертные творения ваших великих – истинно великих! – соотечественников, потому что они обитают в таких заоблачных высях, куда не дано вознестись ни одному из ваших кромешных злодеев ни на каком совершенном устройстве, изобретенном техническим гением. Ничто не может умалить значение Данте, Гете, Толстого, Баха и Бетховена. Они никогда не потускнеют, но в час обретения свободы засияют еще ярче.

Но прежде всего и ярче всех воссияет то великое изначальное Слово, что было принесено евреями, и Рождество, которое мы можем безбоязненно праздновать здесь, на севере, и еще в некоторых других местах. Это учение о великой бескорыстной любви, которое вы называете предрассудком и над которым насмехаетесь. Но оно, как сказано, будет живо во все дни до скончания века – пока живо человечество…

(«Рождественское письмо вождям (Сталину, Гитлеру, Муссолини)», перевод Е.Каменской).

Еще в 1930 году у Силланпя появляются первые признаки интеллектуального и эмоционального кризиса, когда писатель чувствовал, что творческие силы покидают его. Несмотря на присуждение ему Нобелевской премии, писатель пребывает в депрессивном состоянии и с 1940 по 1943 год находится в психиатрической клиники, однако продолжает писать. «Август» («Elokuu», 1941) и «Красота и страдания человеческой жизни» («Ihmiselon ihanuus ja kurjuus», 1945) отличаются глубоким пессимизмом, герои этих произведений – несчастные писатели и поэты, считающие себя неудачниками – мотив, безусловно, автобиографический.

Последней книгой писателя стал трехтомник воспоминаний, куда вошли «Парень жил своей жизнью» («Poika eli elamaansa», 1953), «Рассказываю и изображаю» («Kerron ja kuvailen», 1955) и «Главное событие дня» («Paiva korkeimmillaan», 1956).

Одна их последних книг воспоминаний Ф.Силланпя – Дедушки

За 23 года, отделяющие начало писательской карьеры Силланпя от ее вершины, он выпустил значительное число романов и рассказов. Большинство его произведений имеют ярко выраженный реалистический характер. Он описывает факты и обстоятельства, составляющие жизнь безвестных «маленьких» людей, и, вместе с тем, его романы отмечены психологической глубиной. Книги Силланпя переведены на 18 языков, включая иврит и японский. В 1936 Хельсинкский университет присвоил писателю звание почетного доктора. Высокий, широкоплечий мужчина, лысый и бородатый, с пристрастием к алкоголю, Силланпя стал, наконец, в эти годы любимцем нации, ее патриархом. За ним утвердилось прозвище Дедушка. В последние годы жизни писатель часто выступал по радио и пользовался огромной популярностью. Силланпя умер в Хельсинки в 1964 году.

Один из современников Силланпя писал о его литературных достижениях: «Ни одному финскому писателю еще не удавалось «подметить» мельчайшие события, происходящие на деревенской улице, в избах и в шалашах, в любое время дня и ночи, в праздники и будни. Едва ли будет преувеличением сказать, что

как психолог Силланпя – уникальное явление в европейской прозе». Для Силланпя «…человек является частью природы: в его героях ощущается огромная жизненная сила, та сила, благодаря которой растут деревья и рождаются звери…».

К сожалению, русскоязычному читателю произведения Ф.Силланпя незнакомы – причинами, возможно, являются направленные против Советского Союза статьи и речи писателя в годы войны с Россией и в годы Второй мировой войны. Кроме того, ряд переводчиков обращает внимание на сложность восприятия языка и стилистики Силланпя для нашего читателя. Как бы то ни было, скорее всего, нам просто еще предстоит знакомство с творчеством Дедушки – его книги достойны лучшего читателя в нашей стране…

Глава IX
Йоханнес Йенсен (Jensen)
1944, Дания

Йоханнес Йенсен

Датский романист *Йоханнес Вильгельм Йенсен* (20 января 1873 года – 25 ноября 1950 года) родился в городе Фарсе в Химмерланде, на севере Ютландии, в семье ветеринара Ганса Йенсена и Марии (Кирстин) Йенсен. Широкий кругозор отца, его интерес к естественным наукам, истории, антропологии и другим предметам передался Йоханнесу, который в детстве очень много читал. Живя в уединенном, открытом всем ветрам Химмерланде, Йенсен с ранних лет полюбил природу, заинтересовался жизнью датских крестьян. До 11-летнего возраста Йоханнеса учила мать, потом в течение двух лет мальчик посещал местную школу, после чего брал частные уроки, готовясь к поступлению в Виборгскую кафедральную школу (1890).

Проучившись три года в Виборге, Йенсен поступает в Копенгагенский университет, где изучает медицину и естественные науки, однако больше интересуется литературой.

Помимо датских писателей юноша читает Гейне, Золя, Шекспира. В эти годы как раз выходят первые романы Кнута Гамсуна. «Он производил огромное впечатление… своим стилем и совершенно новым отношением к жизни», – вспоминал впоследствии Йенсен. Однако еще большее влияние на будущего писателя оказал Редьярд Киплинг, чьи произведения, по словам Йенсена, распахнули перед ним ворота в мир и на всю жизнь приохотили молодого человека к путешествиям и далеким странам.

В студенческие годы Йенсен зарабатывает на жизнь, сочиняя детективные романы, печатавшиеся серийными выпусками под псевдонимом Ивар Люкке. В это же время начинающий писатель работает над романом «Датчане» («Danskere», 1896) и на вырученные за книгу деньги в том же году совершает короткую поездку в Соединенные Штаты, которые просто потрясли его уровнем жизни, развитием технологии и явились идеалом идущей по пути прогресса нации. Особый интерес у Йенсена вызвала жизнь в Америке датских эмигрантов, и, вернувшись в Копенгаген, он пишет «Эйнар Элькер» («Einar Elkoer», 1897), психологический, навеянный автобиографическими мотивами роман о молодом человеке, тщетно стремящемся к любви и новой жизни. Роман получил хорошую прессу, однако в дальнейшем Йенсен отходит от автобиографичности, явившейся основой его ранних книг.

Ободренный литературным успехом, Йенсен в 1898 году бросает медицину и становится корреспондентом датской газеты «Политика» («Politiken»), по заданию которой едет в Испанию освещать испано– американскую войну. Затем в течение нескольких месяцев Йенсен находится на военной службе, после чего едет в Париж, а в 1902–1903 годах совершает кругосветное путешествие. Все это время он продолжает писать книги и статьи в «Политику».

После женитьбы в 1904 году на Эльзе Марии Улрик Йенсен живет с семьей (жена и трое сыновей) в Копенгагене.

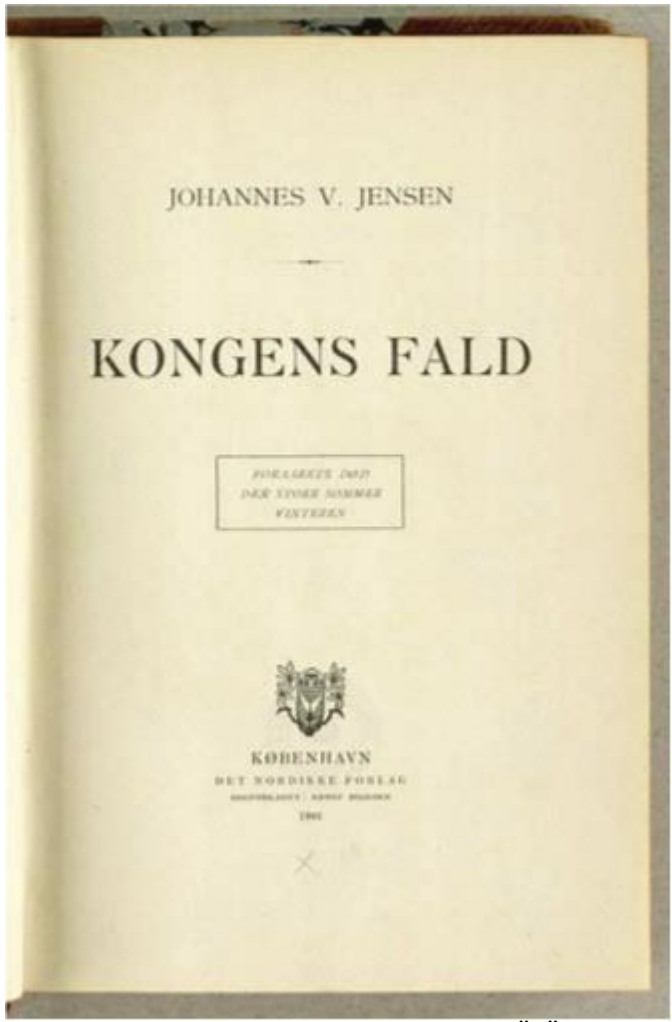

Непоседа и путешественник Йенсен с женой. Начало 30-х годов

«Люди Химмерланда» («Himmerlandsfolk»), сборник реалистических рассказов о нравах и обычаях жителей Ютландии, появился в 1898 году и привлек пристальное внимание читателей. Последующие сборники – «Новые химмерландские истории» («Nye Himmerlandschistorier», 1904) и «Химмерландские истории. Третий том» («Himmerlandschistorier. Tredie Samling», 1910) – продолжают ту же тему.

Во многих героях рассказов и новелл Йенсена живет необыкновенное, первобытное жизненное начало, которое часто прорывается наружу. Поэтому их жизнь так полна бурных кровавых событий, позволяющих им в полной мере проявить свои упорство и волю. Благодаря Йенсену форма короткого рассказа с острой драматической интригой, развертывающейся на культурно-историческом фоне жизни крестьянской общины, с широким использованием фольклорных традиций и прекрасной, живой и яркой разговорной речью нашла среди датских

писателей множество поклонников и получила широкое распространение в национальных скандинавских литературах XX и XXI веков.

JOHANNES V. JENSEN

KONGENS FALD

KØBENHAVN

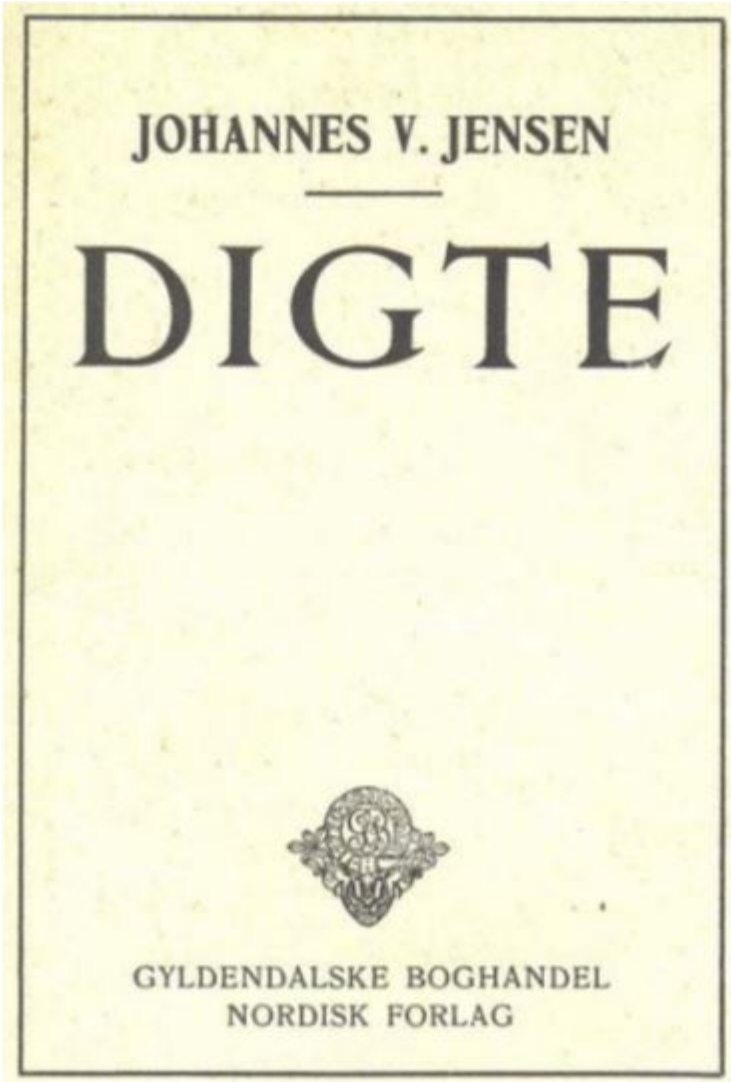
Титульный лист первого издания книги Й.Йенсена «Падения короля»

В трехтомном романе «Падение короля» («Kongens Fald», 1901), крупнейшем датском историческом романе о жизни короля Кристиана II, причудливо совмещаются мифические и реалистические элементы. В этой книге тема расчета с прошлым воплощается Йенсеном в истории трагической судьбы не только самого датского короля Кристиана II (1481–1559), но и его верного слуги, недоучившегося студента, а затем солдата королевской армии Миккеля Тегерсена, по сути, главного героя

романа, сквозь призму восприятия которого изображаются происходящие в книге события. Роман состоит из трех частей, каждая из которых охватывает определенный промежуток времени. В первой части – «Смерть весны» рассказывается о событиях, происходивших в конце 1490-х годов, когда в Дании шла подготовка к войне со Швецией. Во второй части – «Великое лето» описываются кровавая расправа короля с противниками в Стокгольме, свержение короля Кристиана II в 1523 году. Действие третьей части – «Зима» происходит двенадцать лет спустя во время неудачного восстания крестьян против феодалов – врагов Кристиана II.

На фоне всех этих бурных событий и развертываются истории судеб героев эпопеи, соединенных вместе и волею случая, и духовно, героев с одинаковым отношением к миру, в центре которого их собственное «я». Они просто больны одной и той же неизлечимой болезнью – стремлением к счастью и неспособностью отделить мечту от действительности.

Вот почему каждый из героев вновь и вновь совершает ошибки, в результате которых наделенный сильным, но противоречивым характером и постоянно мучимый сомнениями король, мечтающий о превращении Дании в великую державу, невольно сам становится главной причиной ее исторического упадка, а переполненный гордостью и мировой скорбью Миккель – «прародителем» «…целой династии мечтателей и фантазеров». В видениях героя, живущего одновременно словно в двух мирах, подлинном и мнимом, воспринимающего жизнь и людей не такими, каковы они на самом деле, запечатлены мысль о бренности всего живого…

Тот самый сборник «Стихи»

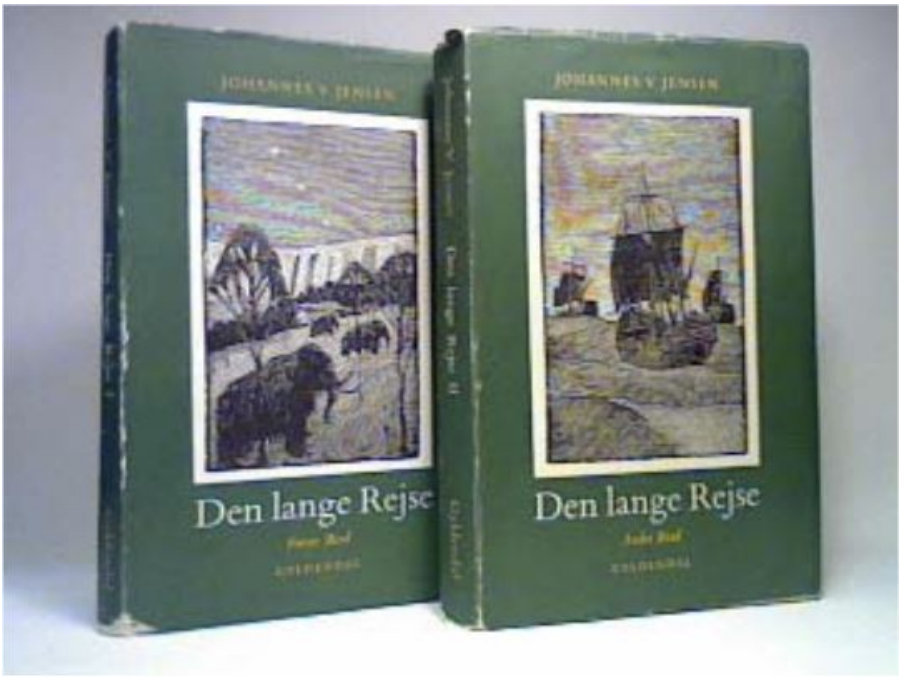
Однако скоро Йенсен оставил XVI век и под впечатлением от посещения США обратился к XIX столетию в романах «Мадам д'Ора» («Madame d'Ora», 1904) и «Колесо» («Hjulet», 1905). В этих книгах даны реалистические картины жизни бурно развивающейся в начале XX века Америки. Желание ученого Эдмунда Халла в «Мадам Д'Ора» материализовать образ своей погибшей возлюбленной и тем самым познать то, что лежит за пределами реальной действительности, осуждается Йенсеном как высокомерное пренебрежение законами природы и безнадежная погоня за призраками. В «Колесе» же представлен острый психологический конфликт между носителем высокой

духовности, поклонником Уитмена поэтом Ли и его антиподом, одержимым низменными инстинктами, сладострастием и жестокостью Эванстоном. Побеждает Ли, потому что, как считает Йенсен, агрессивность и злоба, соответствующие низшей форме развития человеческой цивилизации, именно в силу законов эволюции рано или поздно уступят место доброте и любви к людям.

В эти же годы появляется первый поэтический сборник Йенсен «Стихи» («Digte», 1906)…

Листву сдувает. Листву сдувает.
Нагие сучья друг к другу жмутся,
и духи бури в лесу взывают,
поют и плачут, рычат, смеются.
От слез и горя не видишь света –
навек погибло царство лета.
Могуче солнце, и с небосвода
холодным блеском, но все же блещет.
Рождений новых жаждет природа,
в объятьях света она трепещет.
Лишь он во власти вечной ночи –
закрылись ставни, потухли очи.
Земля над звездной летит долиной.
Лежит он молча, как воин павший,
сам стал он формой, прахом, глиной,
весь век свой глине форму дававший.
Он камню счастье дал и страданье
и в Еву вдунул свое дыханье.
Уж вечер. Дождик в окно стучится,
вопрос старинный лукаво ставит:
ведь мысль, как прежде, вперед стремится,
зачем же смерть, как прежде, правит?
А буря в сердце полночи мчится,
лети, душа, вместе с ней, как птица…

(«Кай Нильсен», перевод В.Максимова)

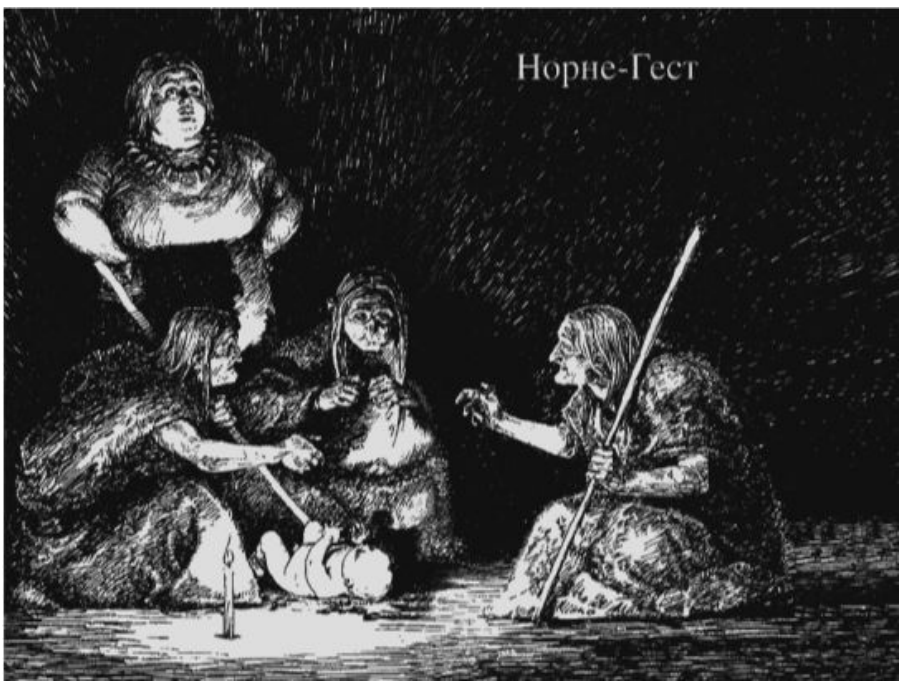
«Долгое путешествие» – издание 1956 года

В 1912 году Йенсен вновь отправляется в кругосветное путешествие – посещает Цейлон, Сингапур, Пекин, Монголию и, наконец, снова Нью-Йорк, откуда в 1914 году он возвращается в Копенгаген. Впечатления от поездки описаны им в книге «Вступление в нашу эпоху» («Introduktion til vor Tidsalder», 1915).

С 1922 по 1924 год Йенсен выпускает шесть томов «Долгого путешествия» («Den lange Rejse»), широкомасштабного художественного изложения своих эволюционистских теорий, где суровая природа представляется стимулом в поисках потерянной идеальной земли. Начинается цикл с изображения первобытных обитателей Ютландии и достигает кульминации, повествуя об открытии Нового Света Христофором Колумбом. Эту гигантскую книгу составили шесть романов: «Ледник» («Braeen»), «Потерянная страна» («Det tabte land»), «Поход кимвров» («Cimbrernes tog»), «Гость норны («Norne-gaest»), «Корабль» («Skibet») и «Христофор Колумб» («Christopher Columbus»). Замысел эпопеи ясен – показать неудержимый прогресс человечества на протяжении веков! Вообще необходимо заметить, что Йенсен выступал с проповедью возрождения так называемой готической расы (сборники очерков «Готический ренессанс», 1901, и другие), заявив о своей приверженности крестьянской культуре Ютландии. Одновременно писатель восторженно приветствовал наступление века научно– технического прогресса.

С точки зрения Йенсена, наибольшие достижения в области науки и техники были достигнуты в англо-саксонских странах, прежде всего в США, и теперь дело за Скандинавией и Германией. У народов, населяющих эти страны, общие корни. Все они являются потомками готов – древних германских племен, следы которых теряются в истории. Высказанные в «Готическом ренессансе» взгляды получили дальнейшее развитие в сборнике «Новый мир» (1907).

Увлечение расово-биологической теорией, без сомнения, наложило отпечаток на эпопею «Долгое путешествие»…

Из иллюстраций к «Мифам»

Один из самых сложных и самобытных датских писателей, Йенсен необычайно тонко чувствовал живое народное слово. Язык и стиль его произведений доходит до высочайшего художественного совершенства. Однако в то же время в Йенсене жил талант ученого, и уже в этом качестве он отличался неумолимой силой логики, последовательностью взглядов, сформировавшихся у него в первое десятилетие XX века под влиянием идей технического прогресса, с одной стороны, и эволюционной теории Дарвина с другой. Последняя, собственно, и составила ядро его натурфилософии, в которой наряду с глубокими мыслями о человеке и подлинными открытиями было много фантазии и вымысла.

С «Долгим путешествием» перекликаются более ранние «Мифы» («Myter»), двенадцатитомное собрание небольших рассказов и очерков, опубликованных между 1907 и 1944 годами и представляющих собой изложение всевозможных научных и философских теорий Йенсена. Красота некоторых произведений, входящих в этот сборник, просто не поддается описанию…

…И зверинец прибыл! Многие были так поражены этим зрелищем, что потом даже забыли, с чего же все началось. Никто не успел опомниться, как по дороге одна за одной уже грохотали чудесные повозки. А дорога была все та же, и те же придорожные канавы, и та же мельница привычно высилась на холме. Возле верстового столба канавы всегда выглядели как-то особенно таинственно, будто именно в этом месте и следовало ожидать чего-то неведомого. Бог знает, почему так казалось, может, потому, что канавы здесь были очень широки и глубоки и в них росли совсем иные цветы, чем в других местах, а может, еще и потому, что знакомые окрестности города здесь кончались и за ними начинался чужой мир. Как бы там ни было, но при виде этой вереницы повозок ощущение реальности почти покинуло всех присутствующих. Не сон ли это? Наша ли это проселочная дорога? А может, катившиеся по ней повозки, запряженные живыми верблюдами, и темно-серые слоны с ушами, похожими на трехпудовые мешки, и тяжелыми, как бабы для мощения дорог, ногами, топтавшими пыльную колею проселка, – это только какое-то чудовищное знамение?

К счастью, зверинец сделал привал, и за это время глаза всех успели привыкнуть к нему. Процессия остановилась, и, пока повозки стояли неподвижно, те, кто, запыхавшись, отбежал в поле, чтобы охватить все целиком, увидели, как через всю долину от горизонта до горизонта, от мельницы Кельбю до Аллерупских холмов, протянулся бесконечный висячий мост, составленный из повозок! Этого зрелища здесь уже никогда не забудут, оно панически взволновало людей, им стало жутко, по коже побежали мурашки. Люди то бросались бежать, то останавливались как вкопанные, вздрагивая, словно их покидали последние силы.

И еще иллюстрация к рассказам Йенсена

Всех охватило необычайное рвение, каждый чувствовал непреодолимую потребность сообщить другому об этом великом зрелище, которое, разумеется, всем было видно одинаково хорошо. С побледневшими лицами, точно больные, люди наперебой рассказывали друг другу об одном и том же событии. Чего только тут не происходило! Одни вдруг проявили такую горячность, о существовании которой у них никто никогда и не подозревал, и потом еще долго все смеялись, вспоминая об этом; другие неожиданно лишились того уважения, каким пользовались в течение многих лет; третьи, не сумев скрыть свои чувства, сделались предметом унизительной жалости, и ничего хорошего не было в том, что люди как бы впервые узнали цену самим себе и своим соседям.

(«Умбвелл», перевод Л. Гординой)

В 1925 году Йенсен снова отправляется путешествовать – на этот раз в Египет, Палестину и Северную Африку. Вернувшись в Копенгаген в 1928 году, писатель заканчивает «Вехи сознания» («Andens Stadier»), философский трактат об эволюции природы и

человека. Продолжая писать прозу и поэзию, Йенсен, однако, уделяет теперь больше внимания эссеистике, в которой чувствуется влияние, как уже упомянуто, дарвинских теорий и которая запоминается скорее стилем изложения, чем научной проницательностью.

В 1939 году Йенсен снова посетил Соединенные Штаты, однако болезнь уже через несколько месяцев заставила его вернуться в Данию. Хотя сам писатель считал себя совершенно аполитичным, фашизм и антисемитизм он подверг резкой критике, и, когда Гитлер оккупировал Данию, Йенсен уничтожил свои дневники и большую часть личной переписки.

В 1944 году Йенсену была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за редкую силу и богатство поэтического воображения в сочетании с интеллектуальной любознательностью и самобытностью творческого стиля**». Из-за войны традиционная церемония вручения была отменена, однако в Нью-Йорке на средства Американо-скандинавского фонда был дан торжественный завтрак.

Аверс памятной медали Й.Йенсена

В 1945 году на официальной церемонии Андерс Эстерлинг, член Шведской академии, сказал, что «…огромный литературный труд Йенсена охватывает самые разнообразные эпические и лирические жанры, романтические и реалистические произведения, а также исторические и философские эссе… Читая Йенсена, мы убеждаемся, что впечатлительному человеку не хватает первобытного примитивизма, а примитивному – мягкости и чувствительности».

В своей ответной речи Йенсен отдал дань уважения не только Альфреду Нобелю, но и Карлу Линнею, шведскому ботанику, которому Дарвин, по словам Йенсена, «обязан своей теорией происхождения видов».

Свои «Мифы» и эссе Йенсен писал до самой смерти, создавая поистине гениальные притчи… Умер писатель в Копенгагене в 1950 году.

Йенсен на портрете, созданном другим великим датчанином, Ф.Сюбергом

Вероятно, справедливости ради следует сказать, что для творчества Йенсена характерно сочетание реализма с модернистскими тенденциями.

Йенсен завоевал репутацию ведущего представителя датской натуралистической литературы. «Ясновидящим пятью чувствами» называл его Кнут Гамсун. Критики сравнивали авторитет Йенсена в Дании с положением Сигрид Унсет в Норвегии и Томаса Манна в Германии. В то же время один из современников сравнивал Йенсена с игроком в бейсбол, которого перевели из низшей лиги в высшую: «Несмотря на то, что Йенсен получил Нобелевскую премию, в высшей литературной лиге ему делать нечего».

И все же, несмотря на практически полную неизвестность книг Йенсена русскоязычному читателю, стоит отметить, что мало найдется писателей, которые бы так глубоко и с таким

изяществом, умением, мастерством сумели проникнуть в прошлое своего народа и показать взаимосвязь времен… Произведения Йенсена, без сомнения, имеют огромное значение для европейской литературы. В его книгах современность соединяется с вечностью, мифологией, что, при неугасающем интересе к фантастике, фэнтези, может, наконец, привести и к новой вспышке интереса к творчеству Йенсена.

Глава X
Габриэла Мистраль (Mistral)
1945, Чили

Габриэла Мистраль

Габриела Мистраль (7 апреля 1889 – 10 января 1957) – псевдоним чилийской поэтессы и педагога *Лусилы Годой Алькаяги*, родившейся в высокогорной деревне Викунья в Андах в семье Херонимо Вийануэва, индейца по происхождению, учителя начальной школы в деревне ЛяЮнион, и Петронилы Алькаяги де Молины, по происхождению из басков, у которой была дочь от первого брака. Отец Мистраль был pallador, то есть менестрель,

который сочинял стихи для местных праздников и вел бродячую жизнь, постоянно отлучаясь из семьи.

В 1892 году Мистраль с матерью поселились в городе Монте-Гранде, а через 9 лет они переехали в деревню Ля-Серена, где сводная сестра Мистраль Эмелина получила место учительницы. Под влиянием сестры Мистраль тоже захотела стать учительницей, а также заинтересовалась политикой. В последующие годы осведомленность в этой области позволила ей свободно выражать свои взгляды в стихах и газетных статьях, публикуемых в местной печати.

В этом доме родилась Габриэла Мистраль

В 1907 году, работая помощником учителя в деревне Ля-Кантера, девушка познакомилась с железнодорожником Ромелио Уретой, с которым вскоре обручилась. Однако молодые люди так и не поженились, ибо часто ссорились, а два года спустя Урета покончил жизнь самоубийством.

Именно тогда Мистраль, тяжело переживавшая смерть жениха, пишет первое свое серьезное поэтическое произведение «Сонеты смерти» («Sonetos de la muerte», 1914), получившее первый приз на чилийском литературном конкурсе «Фестиваль цветов» в Сантьяго. Опасаясь, что любовные стихи могут повредить ее педагогической карьере, молодая поэтесса издает «Сонеты смерти» под псевдонимом Габриела Мистраль, взятым в честь ее любимых писателей, итальянца Габриеле Д'Аннунцио и провансальского поэта Фредерика Мистраля. Этим псевдонимом, ставшим вскоре известным всему испаноязычному миру, поэтесса

пользовалась и в дальнейшем.

Через год после самоубийства Уреты Мистраль получает по конкурсу место преподавателя в педагогическом училище в Сантьяго и делает быструю карьеру – вскоре она становится старшим инспектором и одновременно преподавателем истории, географии и испанского языка в северном чилийском городе Антофагасте.

Другая любовная история Габриелы также окончилась печально, хотя подробности ее малоизвестны, неизвестно даже имя молодого поэта из Сантьяго, в которого она была влюблена. Известно только, что, в конце концов, он женился на богатой женщине, а Мистраль, вновь пережившая горечь утраты, переехала в Пунта-Аренас, на юг страны, где в течение двух лет напряженной работы пишет стихотворный цикл, в котором дает выход своему тяжелому душевному состоянию…

Неужели вновь никогда не случится?
Ни в ночах, наполненных дрожью звездной,
Ни в рассветах девственных,
И ни в полднях,
Словно камень жертвенный, раскаленных?
Никогда? – А там, на краю тропинки,
Возле поля пыльного, иль под струны
Звонких струй фонтана при свете лунном?
Никогда? – А там, под покровом сельвы,
Где его искала, в тенистой чаще,
Или в гроте, звуки мне возвращавшем?
Нет! Увидеть снова, а где – неважно:
В облаках небесных, в ревущих вихрях,
Среди лун печали, в аду палящем,
И, к груди прижавшись, залитой кровью,
Стать – зимой,
весною,
и мирозданьем.
И потерей горькой, и обладаньем.

(«Увидеть его снова», перевод Г. Каневского)

Из Пунта-Аренаса Мистраль переезжает в Темуко, город в центральной, индейской, части Чили, где становится директором женского лицея и где знакомится с Пабло Нерудой, который в свои 16 лет уже был президентом местного литературного общества. Мистраль, оценив его дарование и всячески способствуя развитию его поэтического мастерства, открыла ему

доступ в библиотеку лицея.

В такой спартанской обстановке Мистраль провела почти всю жизнь…

В 1921 году Мистраль назначается директором лицея в Сантьяго. Те, кто знал ее в эти годы, не могли не обратить внимания на то, что в Мистраль причудливо сочетались черты одинокой, величественной и печальной натуры с чертами веселой, порой даже кокетливой женщины. Переезд Мистраль в столицу совпал с ее знакомством с Федерико де Онисом, профессором Колумбийского университета, который способствовал изданию сборника ее стихов «Отчаяние» («Desolacion», 1922) осуществленному Институтом Испании при Колумбийском университете. В заглавие сборника вынесено название одного из включенных в него стихотворений, где описывается безлюдный пейзаж – только ветер и густой туман, символизирующие интеллектуальное и духовное смятение.

Примерно через 20 лет американский критик М. Адамс писала в журнале «Нейшн» («Nation»): «Отчаяние» – это страсть и трагедия, самоубийство любимого, мучение женщины, которая ссорилась с ним и потеряла его; это неистовое желание иметь ребенка от любимого человека. Темы скорби, тоски, отчаяния сочетаются с любовью к деревенскому пейзажу и деревенским детям, с пониманием высокой миссии учителя в обществе. Поэтический язык прост, почти примитивен»…

В обращении к читателям в этом своем первом поэтическом сборнике Мистраль пишет: «Да простит мне Бог эту горькую

книгу, а также да простят мне ее люди, для которых жизнь сладка». Парадоксально, но в поэзии Мистраль мы не найдем безысходности и отчаяния, просто поэтесса всегда на стороне тех, кому плохо, кто находится на вершине страдания. Она находит для таких людей слова утешения и надежды… А впрочем, в этом сборнике не все стихи проникнуты горечью, часто они соседствуют с чудесными балладами о родном крае, первой любви и стихами истинно религиозными, даже проникнутыми благочестивой молитвой…

Габриэла Мистраль – Пожизненный консул Чили

Благодаря престижу Института Испании, а также таланту поэтессы первая публикация ее стихов за пределами Чили почти сразу принесла ей международное признание. Американский литературовед Альфред Ортис-Варгас писал в «Науке о поэзии», что появление такого поэта, как Мистраль, – это «…событие

эпохи, ибо на ее стихах лежит отпечаток вечности… Ее поэзия возвышает читателя благородством мысли, высокими идеалами, искренним сочувствием ко всему слабому, страдающему, умирающему».

Вскоре после того, как Мистраль была назначена директором лицея в Сантьяго, в Чили вышел закон, запрещающий лицам без университетского образования работать преподавателями. Мистраль уволилась и вскоре получила приглашение от Хосе Васконселоса, министра образования Мексики, составить проект реформы мексиканских школ и библиотек. Разработанный Мистраль проект оказался удачным. Живя в Мексике, поэтесса находила время для изучения истории индейцев и для путешествий по стране.

Из Мексики Мистраль едет в Соединенные Штаты, а оттуда в Испанию, Швейцарию и Италию. Когда поэтесса вернулась в Чили, ее встретили с высшими почестями как полпреда чилийской культуры и образования, дали ей пенсию за преподавательскую работу и назначили советником правительства по латиноамериканской культуре.

Второй сборник стихов Мистраль, «Нежность» («Ternura», 1924), также имел большой успех. Во многих стихотворениях этой книги поэтесса не скрывает своего горя женщины, не испытавшей радости материнства.

Через два года после выхода «Нежности» Мистраль едет в Париж для работы в Комитете по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций. В ее обязанности входил, в частности, отбор произведений латиноамериканских авторов для публикации в Европе, и Мистраль всячески рекомендует произведения Неруды, который в то время работал чилийским консулом в Сайгоне. В 1930–1931 годах поэтесса преподает латиноамериканскую литературу в Барнард-колледже Колумбийского университета, примерно в это же время читает лекции в Вассар-колледже и Мидлбериколледже, и в течение семестра преподает в Пуэрториканском университете.

Сделала Мистраль и дипломатическую карьеру: в 1932 году она была чилийским консулом в Италии, а в 1934 году – в Испании.

Одно из современных изданий стихотворений Мистраль – «Поэмы матери»

В начале 1938 года выходит сборник «Рубка леса». Сама Мистраль считала эту книгу своим «исповедальным творением». Именно здесь читателю наиболее ярко предстает ее подлинно христианское творчество. Мистраль постаралась показать реальное присутствие Бога во всем, что ее окружает. «Рубка леса» – это, прежде всего, книга веры, благочестивое приятие страдания. Интересен и ярок язык, которым написаны многие стихотворения этого сборника. Наравне с неповторимым самобытным слогом поэтесса использует архаичные обороты, народную речь, идиомы и неологизмы. Своеобразие стихотворений «Рубки леса» приближает их к языку Библии – Мистраль старается отдать должное уважение своей любимой книге и найти верный тон в диалоге с читателем, что, безусловно, у нее получается мастерски.

В 1938 году выходит «Уничтожение» («Tala»), сборник стихов, резко антифашистских по духу, проникнутых глубоким

сочувствием к пострадавшим в гражданской войне в Испании. В этом же году Мистраль назначается чилийским консулом во Франции, но из-за угрозы второй мировой войны ходатайствует о переводе в Бразилию. Здесь Мистраль становится близким другом эмигрировавшего из Австрии выдающегося писателя Стефана Цвейга. В 1942 году Цвейг и его жена, тяжело переживая еврейский геноцид, покончили жизнь самоубийством. Спустя полтора года покончил с собой и восемнадцатилетний племянник Мистраль, Хуан Мигель, который жил вместе с ней с четырехлетнего возраста. По всей видимости, на него тяжело подействовало самоубийство Цвейгов, а также презрительное отношение к нему со стороны бразильских студентов. Для Мистраль потеря Хуана Мигеля была равносильна потере родного сына…

Я как фонтан, иссохший от рыданий.
Ведь он, и мертвый, слышит в шуме дня
Свой гул, и голос в каменной гортани
еще дрожит, как песнь внутри меня.
Еще не все потеряно! Я верю, –
Судьба не напрорчила беду, –
Лишь голос обрету – верну потерю,
Лишь руку протяну – тебя найду.
Я как фонтан, лишенный дара слова.
В саду другой поет среди ветвей,
А он, от жажды обезумев, снова
С надеждой слышит песнь в душе своей.
Журчащий веер чудится бедняге,
А голос уж погас, – не стало сил.
Он грезит, что алмазной полон влаги,
А Бог его уже опустошил.

(«Фонтан», перевод И. Лиснянской)

Нобелевский диплом Г.Мистраль

В 1945 году Мистраль была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за поэзию истинного чувства, сделавшую ее имя символом идеалистического устремления для всей Латинской Америки**». В своей речи член Шведской академии Я. Гульберг сказал: «Отдавая должное богатой латиноамериканской литературе, мы приветствуем ее королеву, создательницу «Отчаяния», ставшую великим певцом печали и материнства». Мистраль стала первым латиноамериканским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. В ответной речи чилийская поэтесса сказала, что считает себя представителем всей латиноамериканской культуры и приветствует «духовных первопроходцев Швеции». Мистраль отметила также, что Нобелевскую премию она получила, возможно, потому, что в ее поэзии звучат голоса женщин и детей, чьим представителем она является.

Вручение Нобелевской премии Габриэле Мистраль. Стокгольм. Швеция. 1945 год

В 1946 году Мистраль становится чилийским консулом в Лос-Анджелесе, одно время работает в Комиссии ООН по правам человека. В 1951 году она награждается Чилийской национальной премией по литературе и в том же году вновь назначается консулом в Италии, однако из-за слабого здоровья вскоре уходит в отставку и переезжает в свой дом в Нью-Йорке. Тем не менее, в 1954 году поэтесса находит в себе силы поехать на родину в связи с присвоением ей почетной степени доктора Чилийского университета и выступить в президентском дворце с речью, которую слушали 200 тысяч человек. После возвращения в Нью-Йорк ей присуждается почетная степень Колумбийского университета.

Памятник Мистраль в Монте-Гранде. Чили

Мы говорим о поэзии Мистраль, но не менее интересна она и как прозаик. Ее многочисленные публикации в различных газетах и журналах Европы и Америки, которые сама поэтесса называла «посланиями», затрагивают самые животрепещущие темы современности – она пишет о педагогике и странах, которые посетила, о природе и о тех опасностях, которые ей угрожают, она обращается к проблемам духовной, литературной и общественной жизни латиноамериканского континента и к его наиболее выдающимся личностям. Стоит отметить тот факт, что именно Мистраль открыла для чилийского читателя богатство русской литературы – Достоевского, Толстого, Чехова, Горького.

В 1954 году Мистраль опубликовала свою последнюю книгу стихов «Давильня» («Lagar»), в основном посвященную самоубийству Цвейгов и своего племянника. «Ссылка и возвращение, траур и возрождение, – писали о «Давильне» Мистраль критики, – вот темы, которые проходят через всю ее жизнь, и только вера, по мысли поэтессы, может принести спасение»…

Книга, конечно же, написана непосредственно под неостывшим еще впечатлением от ужасов Второй мировой войны. Отсюда гневный тон чилийской поэтессы, поиски высшей истины.

Книга, наполненная символами и аллегориями, позволяет Мистраль еще раз обратиться к современному человеку с призывом веры. Темы скорби, войны, странствия переплетаются с размышлениями благочестивой христианки. Именно в этом сборнике, ставшем итоговым для всего ее творчества, особенно видны мотивы отказа от радостей и тревог этого мира, самопожертвования ради любви к людям.

Мистраль умерла от рака в Нью-Йорке в возрасте 67 лет. Панихида состоялась в соборе св. Патрика, после чего тело было перевезено в Чили и после трехдневного национального траура похоронено в МонтеГранде, где поэтесса провела свое детство. На надгробии выбиты ее собственные слова: «Народ без своего художника – это тело без души»…

И читатели, и литературные критики отмечали, что часто стихи Мистраль звучали как молитва, в которой слышны и любовь, и отчаянный призыв, они просты и естественны, без выспренности и цветистости.

Стихи Габриэлы Мистраль знали в каждом испаноязычном доме…

Творчество ее оригинально и самобытно. Поворачиваясь спиной к изысканности, Мистраль пользуется резкими, порой грубоватыми штрихами…

Здесь похоронена Габриэла Мистраль. Чили. 2005 год

Русскоязычному читателю стихотворения Габриэлы Мистраль достаточно известны – у нас есть блестящие переводы и книги о

великой чилийской поэтессе, поэтому строки ее звучат и в сегодняшней России, оставаясь в сердцах и душах, прежде всего, конечно, женщин– читательниц, однако не оставляя равнодушными и мужчин… А ее поэтические заповеди и сегодня живы как никогда:

1. Любите красоту – тень Бога во Вселенной.
2. Безбожного искусства нет.
И Бога не любя,
Вы, все-таки – свидетели Его,
Воссоздающие Его подобье.
3. Творите красоту
Не ради возбуждения страстей,
Но лишь – для пропитания души.
4. Не к роскоши и злобе красота
Должна вести – а к пробужденью в Боге.
5. Не следует пытаться красоту
Найти на бесконечных карнавалах
И ярмарках земных, и продавать
Свои работы там; ведь красота –
Как девушка, что бродит в тишине.
6. Лишь песнею из сердца красота
Должна идти, и эта песня вас
Должна очистить первыми.
7. Ту красоту, что создаете вы,
Должны мы ощущать, как состраданье
И утешение сердцам людским.
8. Пусть кровью сердца
Рождаются работы ваши – так,
Как мать свое дитя рождает: в муках.
9. Не маком усыпляющим должна
Быть красота, но молодым вином,
Что к жизни пробуждает. Ибо если
Не женщина иль не мужчина ты –
То ты и не художник.
10.Храните, труд закончив, тишину
И скромность, ибо созданное вами –
Лишь слабый отблеск вашей же мечты;
В сравненьи с миром Божиим – песчинка.

(«Десять заповедей художника», перевод Г. Каневского)

Глава XI
Герман Гессе (Hesse)
1946, Швейцария

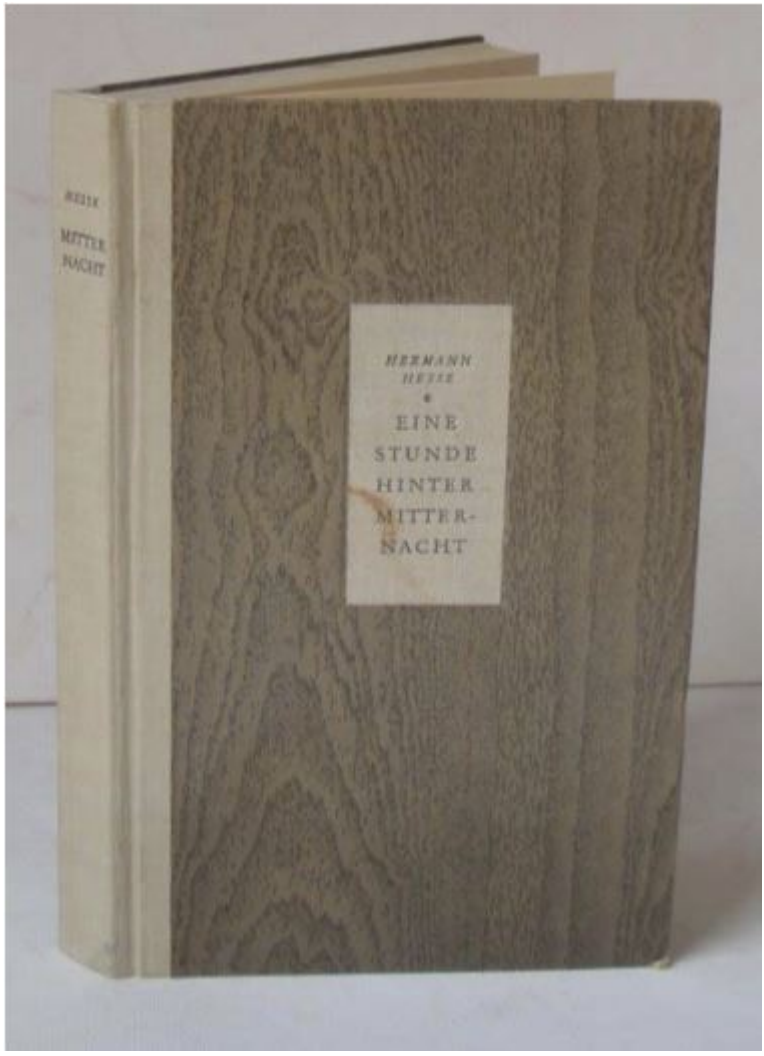
Герман Гессе

Романист, поэт, критик и публицист *Герман Гессе* (2 июля 1877 – 9 августа 1962) родился в семье миссионеров-пиетистов[2] и издателей богословской литературы в городе Кальве в Вюртемберге. Мать писателя, Мария (Гундерт) Гессе, была филологом и миссионером, многие годы прожила в Индии, замуж за отца Гессе вышла, уже будучи вдовой и имея двоих сыновей. Иоханнес Гессе, отец писателя, в свое время также занимался в Индии миссионерской деятельностью.

Дом, где родился Г.Гессе. Кальв, Германия

В 1880 году семья переехала в Базель, где отец Гессе преподавал в миссионерской школе до 1886 года, когда Гессе снова возвратились в Кальв. Хотя Герман с детства мечтал стать поэтом, его родители надеялись, что он последует семейной традиции, и готовили его к карьере теолога. Исполняя их желание, в 1890 году он поступает в Латинскую школу в Геппингене, а на следующий год переходит в протестантскую семинарию в Маульбронне. «Я был старательным, но не очень способным мальчиком, – вспоминал Гессе, – и мне стоило большого труда выполнять все семинарские требования». Но как Гессе ни старался, пиетиста из него не получилось, и после неудачной попытки бежать (и попытки покончить жизнь самоубийством) мальчик был исключен из семинарии. Учился Гессе и в других школах, но столь же безуспешно.

«Час после полуночи» Г.Гессе

Некоторое время юноша работал в издательстве отца, а затем сменил несколько профессий: был подмастерьем, учеником книготорговца, часовщиком и, наконец, в 1895 году устроился работать продавцом книг в университетском городе Тюбингене. Здесь у него появилась возможность много читать (особенно юноша увлекался Гете и немецкими романтиками) и продолжить свое самообразование.

Вступив в 1899 году в литературное общество «Маленький кружок» («Le Petit Cenacle»), Гессе опубликовал свои первые книги: томик стихов «Романтические песни» («Romantische Lieder») и сборник коротких рассказов и стихотворений в прозе «Час после полуночи» («Eine Stunde hinter Mitternacht»). В том же

году он начал работать продавцом книг в Базеле…

В одной из своих автобиографий Гессе многое поведал нам:

Я родился под конец Нового времени, незадолго до первых примет возвращения средневековья, под знаком Стрельца, в благотворных лучах Юпитера. Рождение мое совершилось ранним вечером в теплый июльский день, и температура этого часа есть та самая, которую я любил и бессознательно искал всю мою жизнь и отсутствие которой воспринимал, как лишение. Никогда не мог я жить в холодных странах, и все добровольно предпринятые странствия моей жизни направлялись на юг. Я был ребенком благочестивых родителей, которых любил нежно и любил бы еще нежнее, если бы меня уже весьма рано не позаботились ознакомить с четвертой заповедью. Горе в том, что заповеди, сколь бы правильны, сколь бы благостны по своему смыслу они ни были, неизменно оказывали на меня худое действие; будучи по натуре агнцем и уступчивым, словно мыльный пузырь, я перед лицом заповедей любого рода всегда выказывал себя строптивым, особенно в юности. Стоило мне услышать «ты должен», как во мне все переворачивалось и я снова становился неисправим. Нетрудно представить себе, что свойство это нанесло немалый урон моему преуспеванию в школе. Правда, учителя наши сообщали нам на уроках по забавному предмету, именовавшемуся всемирной историей, что мир всегда был ведом, правим и обновляем такими людьми, которые сами творили себе собственный закон и восставали против готовых законов, и мы слышали, будто люди эти достойны почтения; но ведь это было такой же ложью, как и все остальное преподавание, ибо, стоило одному из нас по добрым или дурным побудительным причинам в один прекрасный день набраться храбрости и восстать против какой-либо заповеди или хотя бы против глупой привычки или моды – и его отнюдь не почитали, не ставили нам в пример, но наказывали, поднимали на смех и обрушивали на него трусливую мощь преподавательского насилия.

По счастью, еще до начала школьных годов мне удалось выучиться самому важному и незаменимому для жизни: мои пять чувств были бодрственны, остры и тонки, я мог на них положиться и ждать себе от них много радости, и, если позднее я безнадежно поддался приманкам метафизики и временами даже налагал на свои чувства пост и держал их в черном теле, все же атмосфера развитой чувственной впечатлительности, особенно по части зрения и слуха, никогда не покидала меня и явственно играет свою роль и в мире моего мышления, каким бы абстрактным этот мир подчас ни казался.

Итак, некоторой оснасткой для жизни я обзавелся, согласно

выше сказанному, еще задолго до школьных годов. Я не был неучем в нашем родном городе, смыслил кое-что в птичниках и лесах, в виноградниках и мастерских ремесленников, я распознавал деревья, птиц и бабочек, умел распевать песни и свистать сквозь зубы, знал и другие вещи, не вовсе бесполезные для жизни. К этому добавились школьные предметы, которые давались мне легко и славно меня развлекали, я получал особенно удовольствие от латыни и начал сочинять латинские стихи почти так же рано, как немецкие. Что до искусства лжи и дипломатии, то ему я обязан второму школьному году, когда господин учитель и помощник учителя обогатили меня соответствующими навыками, между тем как до того я, по моей ребяческой открытости и доверительности, навлекал на себя одну неприятность за другой. Оба вышеназванных наставника сумели исчерпывающе разъяснить мне, что честность и правдолюбие суть свойства, отнюдь не желательные в школьнике. Они приписали мне один случившийся в классе пустячный проступок, в котором я был решительно неповинен; поскольку же им не удалось побудить меня сознаться в несодеянном, из сущей безделицы проистекло форменное судебное расследование, и оба совместными усилиями после долгого мучительства извлекли из меня если не желаемое признание, то последние остатки веры в порядочность учительской касты. Позднее мне встречались, благодарение богу, и настоящие учителя, достойные самого глубокого почтения, но непоправимое уже свершилось, и мое отношение не только к школьным педагогам, но и ко всякому авторитету было извращено и отравлено. В общем же, я, был на протяжении первых семи или восьми школьных годов хорошим учеником, по крайней мере, место мое было всегда среди первых в классе. Лишь при начале тех испытаний, которых не минует ни один человек, обреченный стать личностью, я вступил в конфликт со школой, становившийся все тяжелее и тяжелее. Понять смысл этих испытаний мне удалось лишь два десятилетия спустя, тогда же они были голой данностью и отовсюду обступали меня против моей воли, как тяжкое несчастье.

Дело обстояло так: с тринадцати лет мне было ясно одно – я стану либо поэтом, либо вообще никем…

(«Автобиография», перевод С.Апта)

Первый роман Гессе «Посмертные сочинения и стихи Германа Лаушера» («Hinterlassene Schriften und Gedichte von Hermann Lauscher») появился в 1901 году. Книга создана в духе исповеди. Это был первый случай, когда Гессе говорил от лица вымышленного издателя – прием, который он в дальнейшем активно использовал и развивал.

Однако литературный успех пришел к писателю только через три года, когда вышел его второй роман «Петер Каменцинд» («Peter Camenzind»). После этого Гессе оставил работу, уехал в деревню и стал жить исключительно на доходы от своих произведений. В 1904 году он женился на Марии Бернуйи. У супругов было трое детей.

Раритетное издание «Германа Лаушера»

«Петер Каменцинд», как и другие романы писателя, автобиографичен. Здесь Гессе впервые касается своей излюбленной темы, которая впоследствии повторялась во многих его произведениях: стремление личности к

самосовершенствованию и цельности. Гессе выводит в романе типаж всех своих будущих книг – ищущего аутсайдера. Перед нами история духовного формирования юноши из швейцарской деревни, который, увлекшись романтическими мечтами, отправляется в странствия, но не находит воплощения своих идеалов.

Домик в Монтаньоле (Швейцария), где сейчас находится музей Г.Гессе

Разочаровавшись в большом свете, он возвращается в родную деревню к простой жизни и природе. Пройдя через горькие и трагические разочарования, Петер приходит к утверждению естественности и человечности как непреходящих жизненных ценностей.

В 1906 году Гессе пишет повесть «Под колесами» («Unterm Rad»), которая была навеяна воспоминаниями об учебе в семинарии и в которой исследуются проблемы творческой личности в буржуазном обществе – чувствительный и тонкий по натуре школьник погибает от столкновения с миром и косной педагогикой.

В эти годы Гессе пишет много очерков и эссе в различные периодические издания и до 1912 года работает соредактором журнала «Март» («Marz»). Его роман «Гертруда» («Gertrud») появился в 1910 году.

На следующий год Гессе совершает путешествие в Индию, намереваясь, прежде всего, посетить место рождения матери. Но путешествие продлилась недолго – по приезде в южную Индию он почувствовал себя плохо и вернулся. Возвратившись оттуда, он выпускает сборник рассказов, очерков и стихотворений «Из Индии» («Aus Indien», 1913).

В 1914 году выходит роман «Росхальде» («Rosshalde»).

В повести «Три истории из жизни Кнульпа», вышедшей в 1915 году, появляется образ одинокого скитальца, бродяги, который противопоставляет себя бюргерской рутине во имя личной свободы.

Еще в 1912 году Гессе и его семья окончательно поселяются в Швейцарии и в 1923 году получают швейцарское гражданство. Будучи пацифистом, Гессе выступал против агрессивного национализма своей родины, что привело к падению популярности писателя в Германии и личным оскорблениям в его адрес. Вместе с тем, во время Первой мировой войны Гессе оказывает поддержку благотворительной организации помощи военнопленным в Берне и выпускает газету, а также серию книг для немецких солдат. Гессе придерживался мнения, что война – это неизбежный итог духовного кризиса европейской цивилизации. Писатель, по его рассуждению, должен способствовать рождению нового мира.

Обложка первого издания «Демиана»

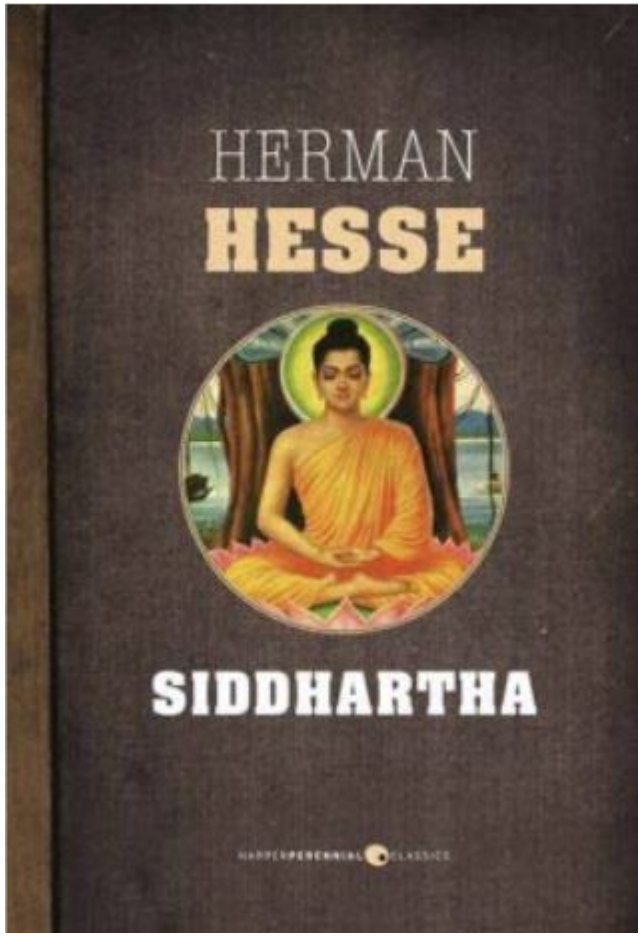
В 1916 году из-за тягот военных лет, постоянных болезней сына Мартина и душевнобольной жены, а также из-за смерти отца у писателя произошел тяжелый нервный срыв, от которого он лечился методом психоанализа у последователя Карла-Густава Юнга (доктора Ланга и других). Позже Гессе встречается и с самим Юнгом. Под влиянием теорий Юнга Гессе пишет роман «Демиан» («Demian», 1919), который печатает под псевдонимом Эмиль Синклер. «Демиан» снискал большую популярность среди молодежи, вернувшейся с войны и пытавшейся наладить жизнь в послевоенной Германии. Томас Манн считал эту книгу «не менее

смелой, чем «Улисс» Джеймса Джойса и «Фальшивомонетчики» Андре Жида: «Демиан» передал дух времени, вызвав чувство благодарности у целого поколения молодых людей, которые увидели в романе выражение собственной внутренней жизни и проблем, возникающих в их среде». Разрываясь между домашними устоями и опасным миром чувственных переживаний, герой романа сталкивается с двойственностью своей собственной природы. Эта тема нашла свое дальнейшее выражение в более поздних произведениях Гессе, где вскрываются противоречия между природой и духом, телом и сознанием. Чрезвычайно поэтически описанные встречи со значимыми людьми (друзья героя: Ева – олицетворение вечной женственности, органист Писториус – носитель знания, Кромер – манипулятор и вымогатель), символизирующими образы-архетипы психики, помогают молодому человеку освободиться от влияния семьи и осознать свою индивидуальность. Конец романа, действительно, исполнен глубокой уверенности в том, что, несмотря на все испытания, личность обладает немалой внутренней силой.

В 1919 году Гессе покидает семью и переезжает в Монтаньолу, на юг Швейцарии.

В 1920 году выходит сборник из трех новелл – «Последнее лето Клингзора». Сам Гессе назвал эту книгу «взглядом в хаос»…

А в 1923 году, через год после выхода в свет «Сиддхартхи» («Siddhartha»), писатель официально разводится с женой. Местом действия «Сиддхартхи» является Индия времен Гаутамы Будды. В книге воссоздается путь «индивидуации», достигаемый через преодоление противоречий между плотью и духом, через растворение собственного «я» в бессознательном и обретении единства с сущим. Здесь нашли свое отражение давний интерес писателя к восточным религиям и попытки синтеза восточного и западного мышления.

Одно из современных изданий «Сиддхартхи»

В 1925–1932 Гессе каждую зиму проводил в Цюрихе, регулярно бывал в Бадене – по мотивам этих поездок написана повесть «Курортник» (1925).

В 1924 году Гессе женится на Руфи Венгер, однако этот брак продлился всего три года.

В романе «Степной волк» («Der Steppenwolf», 1927), следующем значительном произведении писателя, Гессе продолжает развивать тему фаустовского дуализма на примере своего героя, мятущегося художника Гарри Галлера, ищущего смысл жизни. По словам критиков, «Степной волк» был первым немецким романом, проникшим в глубины подсознания в поисках духовной цельности». Книга тоже во многом автобиографична.

Однако считать героя романа. Гарри Галлера, двойником Гессе было бы ошибкой. Галлер, Степной волк, как он сам себя называет – мятущийся, отчаявшийся художник, измученный одиночеством в окружающем его мире, не находящий с ним

общего языка. Действие романа охватывает около трех недель жизни Галлера. Некоторое время Степной волк живет в небольшом городе, а затем исчезает, оставив «Записки», которые и составляют большую часть романа. Из «Записок» предстает перед читателем образ талантливого человека, не способного найти свое место в мире, человека, живущего мыслью о самоубийстве, для которого каждый день становится мукой…

Два дня спустя извозчик доставил вещи незнакомца, которого звали Гарри Галлер. Очень красивый кожаный чемодан произвел на меня хорошее впечатление, а большой плоский кофр свидетельствовал о прежних дальних поездках, – во всяком случае, он был облеплен пожелтевшими ярлыками отелей и транспортных агентств разных стран, даже заморских. Потом появился он сам, и началась та пора, когда я постепенно узнавал этого необычного человека. Сначала я со своей стороны ничего для этого не предпринимал. Хотя Галлер заинтересовал меня, едва я его увидел, в первые несколько недель я не сделал ни шагу, чтобы встретиться с ним или вступить с ним в разговор. Однако, признаюсь, я с самого начала немного за ним наблюдал, даже захаживал в его отсутствие к нему в комнату и вообще немножко шпионил из любопытства.

О внешности Степного волка я уже кое-что сообщил. Он, безусловно, и с первого же взгляда производил впечатление человека значительного, редкого и незаурядно одаренного, лицо его было полно ума, а чрезвычайно тонкая и живая игра его черт отражала интересную, необыкновенно тонкую и чуткую работу духа.

Обложка одного из первых переводов «Степного волка» на английский язык

Когда он, что случалось не всегда, выходил в беседе из рамок условностей и, как бы вырвавшись из своей отчужденности, говорил что-нибудь от себя лично, нашему брату ничего не оставалось, как подчиниться ему, он думал больше, чем другие, и в вопросах духовных обладал той почти холодной объективностью, тем продуманным знанием, что свойственны лишь людям действительно духовной жизни, лишенным какого бы то ни было честолюбия, не стремящимся блистать, или убедить другого, или оказаться правыми.

Фрагмент спектакля театра в Тюбингене по книге Гессе «Степной волк»

Мне вспоминается одно такое высказывание последней поры его пребывания здесь, собственно даже и не высказывание, ибо состояло оно только в брошенном им взгляде. В актовом зале университета должен был выступить с докладом один знаменитый философ и историк культуры, человек с европейским именем, и мне удалось уговорить Степного волка, который сперва всячески отнекивался, послушать этот доклад. Мы пошли вместе и в зале сидели рядом. Взойдя на кафедру и приступив к лекции, оратор разочаровал многих слушателей, ожидавших увидеть чуть ли не пророка, своим щеголеватым и суетным видом. Когда он для начала сказал несколько лестных слов слушателям, поблагодарив аудиторию за ее многолюдность, Степной волк бросил мне короткий взгляд, выразивший критическое отношение к этим словам и вообще к оратору, – о, взгляд незабываемый и ужасный, о смысле которого можно написать целую книгу! Его взгляд не только критиковал данного оратора, уничтожая знаменитого человека своей убийственной, хотя и мягкой иронией, это еще пустяк. Взгляд его был скорее печальным, чем ироническим, он был безмерно и безнадежно печален; тихое, почти уже вошедшее в привычку отчаяние составляло содержание этого взгляда. Своей отчаянной ясностью он просвечивал не только личность суетного оратора, высмеивал не только сиюминутную ситуацию, ожидания и настроения публики, несколько претенциозное заглавие

объявленной лекции – нет, взгляд Степного волка пронзал все наше время, все мельтешение, весь карьеризм, всю суетность, всю мелкую возню мнимой, поверхностной духовности – да что там, взгляд этот проникал, увы, еще глубже, был направлен гораздо дальше, чем только на безнадежные изъяны нашего времени, нашей духовности, нашей культуры. Он был направлен в сердце всего человечества, в одну– единственную секунду он ярко выразил все сомнения мыслителя, может быть мудреца, в достоинстве, в смысле человеческой жизни вообще. Этот взгляд говорил: «Вот какие мы шуты гороховые! Вот каков человек!» – и любая знаменитость, любой ум, любые достижения духа, любые человеческие потуги на величие и долговечность шли прахом и оказывались шутовством! Я сильно забежал вперед и, собственно, вопреки своему намерению и желанью, в общем-то, уже сказал самое существенное о Галлере, хотя сперва собирался нарисовать его портрет лишь исподволь, путем последовательного рассказа о моем с ним знакомстве.

Раз уж я так забежал вперед, то не стоит больше распространяться насчет загадочной «диковинности» Галлера и подробно излагать, как я постепенно почувствовал и узнал причины и смысл этого чрезвычайного и ужасного одиночества. Так будет лучше, ибо свою собственную персону мне хотелось бы по возможности оставить в тени. Я не хочу ни писать исповедь, ни рассказывать истории, ни пускаться в психологию, а хочу лишь как очевидец прибавить кое-какие штрихи к портрету этого странного человека, от которого остались эти записки Степного волка.

Памятник Гессе в Кальве

Уже с первого взгляда, когда он вошел через тетушкину застекленную дверь, запрокинул по-птичьи голову и похвалил хороший запах нашего дома, я заметил в незнакомце что-то особенное, и первой моей наивной реакцией было отвращение. Я почувствовал (и моя тетка, человек, в отличие от меня, совсем не умственный, почувствовала примерно то же самое) – я почувствовал, что он болен, то ли как-то душевно, то ли какой–то болезнью характера, и свойственный здоровым инстинкт заставил меня обороняться. Со временем это оборонительное отношение сменилось симпатией, основанной на большом сочувствии к тому, кто так глубоко и долго страдал и чье внутреннее умирание происходило у меня на глазах. В этот период я все больше и больше осознавал, что болезнь этого страдальца коренится не в каких-то пороках его природы, а, наоборот, в великом богатстве его сил и задатков, не достигшем гармонии. Я понял, что Галлер – гений страдания, что он, в духе некоторых тезисов Ницше, выработал в себе гениальную, неограниченную, ужасающую способность к страданию. Одновременно я понял, что почва его пессимизма – не презрение к миру, а презрение к себе

самому, ибо, при всей уничтожающей беспощадности его суждений о заведенных порядках или о людях, он никогда не считал себя исключением, свои стрелы он направлял в первую очередь в себя самого, он ненавидел и отрицал себя самого в первую очередь…

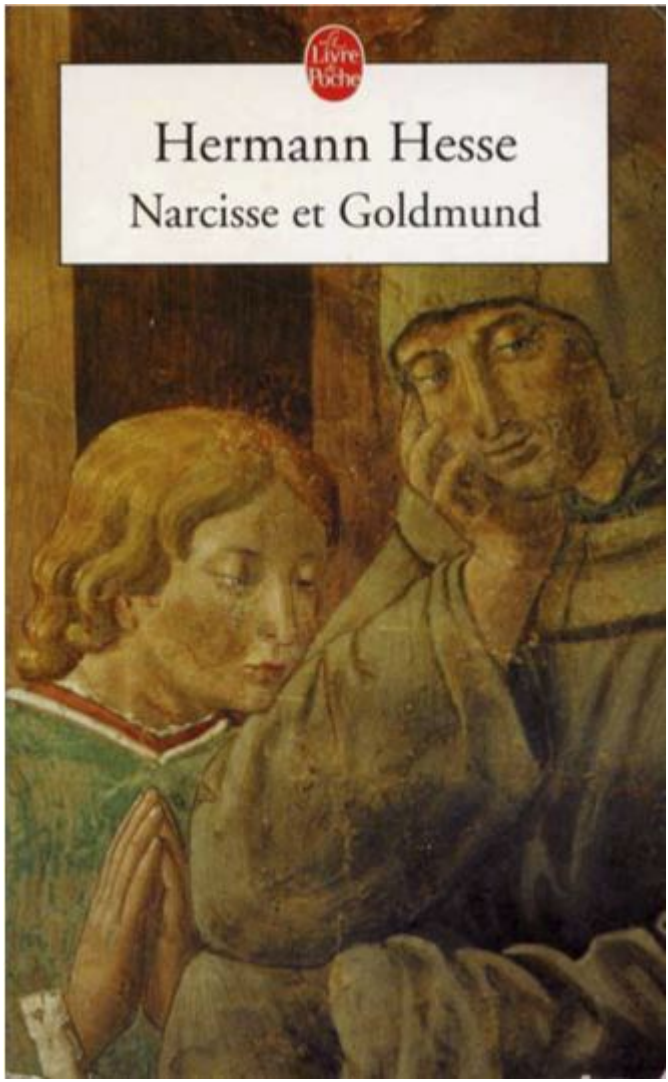
Тут я должен вставить одно психологическое замечание. Хотя я мало что знаю о жизни Степного волка, у меня есть все причины полагать, что любящие, но строгие и очень благочестивые родители и учителя воспитывали его в том духе, который кладет в основу воспитания «подавление воли». Так вот, уничтожить личность, подавить волю в данном случае не удалось, ученик был для этого слишком силен и тверд, слишком горд и умен. Вместо того чтобы уничтожить его личность, удалось лишь научить его ненавидеть себя самого. И против себя самого, против этого невинного и благородного объекта, он пожизненно направлял всю гениальность своей фантазии, всю силу своего разума. Ибо в том-то он и был, несмотря ни на что, истинным христианином и истинным мучеником, что всякую резкость, всякую критику, всякое ехидство, всякую ненависть, на какую был способен, обрушивал, прежде всего, первым делом на себя самого. Что касалось остальных, окружающих, то он упорно предпринимал самые героические и самые серьезные попытки любить их, относиться к ним справедливо, не причинять им боли, ибо «люби ближнего твоего» въелось в него так же глубоко, как ненависть к самому себе, и, таким образом, вся его жизнь была примером того, что без любви к себе самому невозможна и любовь к ближнему, а ненависть к себе – в точности то же самое и приводит к точно такой же изоляции и к такому же точно отчаянию, как и отъявленный эгоизм.

Но пора мне отставить собственные домыслы и перейти к фактам. Итак, первое, что я узнал о Гарри Галлере, – отчасти благодаря своему шпионству, отчасти из замечаний тетушки, – касалось его образа жизни. Что он человек умственно-книжный и не имеет никакого практического занятия, выяснилось вскоре. Он всегда залеживался в постели, часто вставал чуть ли не в полдень и проделывал в халате несколько шагов, отделявших маленькую спальню от его гостиной. Эта гостиная, большая и приятная мансарда с двумя окнами, уже через несколько дней приобрела другой вид, чем при прежних жильцах. Она наполнилась и со временем наполнялась все больше. Вешались картины, прикалывались к стенам рисунки, иногда вырезанные из журналов иллюстрации, которые часто менялись. Южный пейзаж, фотографии немецкого провинциального городка, видимо родины Галлера, висели здесь вперемешку с яркими, светящимися акварелями4, о которых мы лишь впоследствии узнали, что они

написаны им самим. Затем фотография красивой молодой женщины или девушки. Одно время на стене висел сиамский Будда, смененный сперва репродукцией «Ночи» Микеланджело, а потом портретом Махатмы Ганди. Книги заполняли не только большой книжный шкаф, но и лежали повсюду на столах, на красивом старом секретере, на диване, на стульях, на полу, книги с бумажными закладками, постоянно менявшимися. Книги непрестанно прибавлялись, ибо он не только приносил целые кипы из библиотек, но и получал весьма часто бандероли по почте. Человек, который жил в этой комнате, мог быть ученым. Такому впечатлению соответствовал и сигарный дым, все здесь окутывавший, и разбросанные повсюду окурки сигар, и пепельницы. Однако изрядная часть книг была не ученого содержания, подавляющее большинство составляли сочинения…

(«Степной волк», перевод С.Апта)

В «Нарциссе и Гольдмунде» («Narziss und Goldmund», 1930), где действие происходит в средневековой Германии, духу противопоставляется жизнь, аскетизму – жизнелюбие.

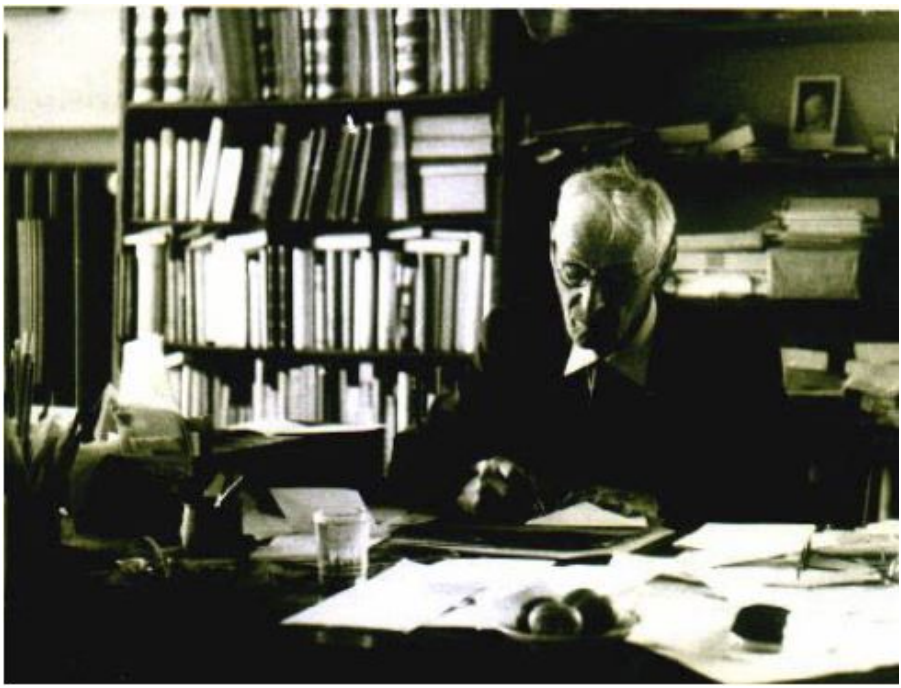
Современное издание книги Г.Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»

В 1931 году Гессе женится в третий раз – на этот раз на Нинон Долбин (по профессии – историк искусства) – и в том же году начинает работу над своим будущим шедевром «Игра в бисер» («Das Glasperlenspiel»), который был опубликован в 1943 году.

В повести «Паломничество в Страну Востока» (1932), напоминающей романтическую сказку, полную символов и таинственных, но легко разгадываемых реминисценций, описан магический образ Братства – тайного общества единомышленников, стремящихся достичь вершин духа и проникнуть в тайну бытия…

И, наконец, свет увидела «Игра в бисер»! Этот утопический

роман представляет собой биографию Йозефа Кнехта, «магистра игры в бисер», интеллектуального занятия, которым увлекалась элита высокодуховной страны Касталии в начале XXV века. В этой самой главной книге Гессе повторяются основные темы ранних романов писателя.

Г.Гессе за рабочим столом. 40-е годы. Время написания «Игры в бисер»

В этом произведении Гессе пытается разрешить всегда тревожившую его проблему – как совместить существование искусства с существованием бесчеловечной цивилизации, как спасти от губительного влияния массовой культуры высокий мир художественного творчества. История фантастической страны Касталии и жизнеописание Иозефа Кнехта – «магистра игры» – написаны историком-касталийцем, живущем в неопределенном будущем. Страна Касталия основана избранными высокообразованными людьми, которые видят свою цель в сохранении духовных ценностей человечества. Им чужд жизненный практицизм, они наслаждаются только чистой наукой, высоким искусством, сложной и мудрой игрой в бисер, игрой «со всеми смысловыми ценностями нашей эпохи». Реальный облик этой игры остается туманным для читателя. Жизнь Кнехта – «магистра игры» – история его восхождения к касталийским высотам и ухода из Касталии. Кнехт начинает понимать всю

опасность отчужденности жителей этой страны от жизни других людей. «Я жажду действительности», – говорит он.

Аверс памятной медали Германа Гессе

Писатель приходит к выводу, что попытка поставить искусство вне общества превращает его в бесцельную, беспредметную игру. Символика романа, множество имен и терминов из различных областей культуры требуют от читателя достаточно значительного уровня эрудиции для понимания всей глубины содержания книги Гессе.

По словам американского литературоведа Т. Циолковского, роман «Игра в бисер» доказывает, что Гессе «предпочитает… ответственные действия бездумному мятежу. «Игра в бисер» – это не телескоп, направленный на далекое будущее, но зеркало, отражающее с волнующей остротой парадигму сегодняшней реальности».

В 1946 году Гессе была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за вдохновенное творчество, в котором все с большей очевидностью проявляются классические идеалы гуманизма, а также за блестящий стиль**». В своей речи представитель Шведской академии А. Эстерлинг сказал, что Гессе вручается награда «за поэтические достижения человека добра – человека, который в трагическую эпоху сумел защитить истинный гуманизм». Гессе не смог присутствовать на торжественной

церемонии, и от его имени выступил шведский министр Г.Валлотон, который в ответной речи процитировал слова З. Клурмана, президента Шведской королевской академии: «Гессе призывает нас: вперед, подымайтесь выше! Побеждайте себя! Ведь быть человеком – это значит страдать от неизлечимой двойственности, это значит разрываться между добром и злом».

После получения Нобелевской премии Гессе не написал больше ни одного крупного произведения. Продолжали появляться его эссе, письма, новые переводы романов. Последние годы писатель безвыездно прожил в Швейцарии, где и умер в 1962 году в возрасте 85 лет, во сне, от кровоизлияния в мозг.

Помимо Нобелевской премии Гессе был награжден Цюрихской литературной премией Готтфрида Келлера, Франкфуртской премией имени Гете, премией Мира Западногерманской ассоциации книгоиздателей и книготорговцев, а также удостоен почетной докторской степени Бернского университета. В 1926 году Гессе был избран в Прусскую академию писателей, однако через четыре года, разочарованный происходящими в Германии политическими событиями, вышел из состава академии.

Хотя творчество Гессе высоко ценили такие выдающиеся писатели, как Манн, Жид, Эллиот, к моменту присуждения ему Нобелевской премии он был известен в основном только в германоязычных европейских странах.

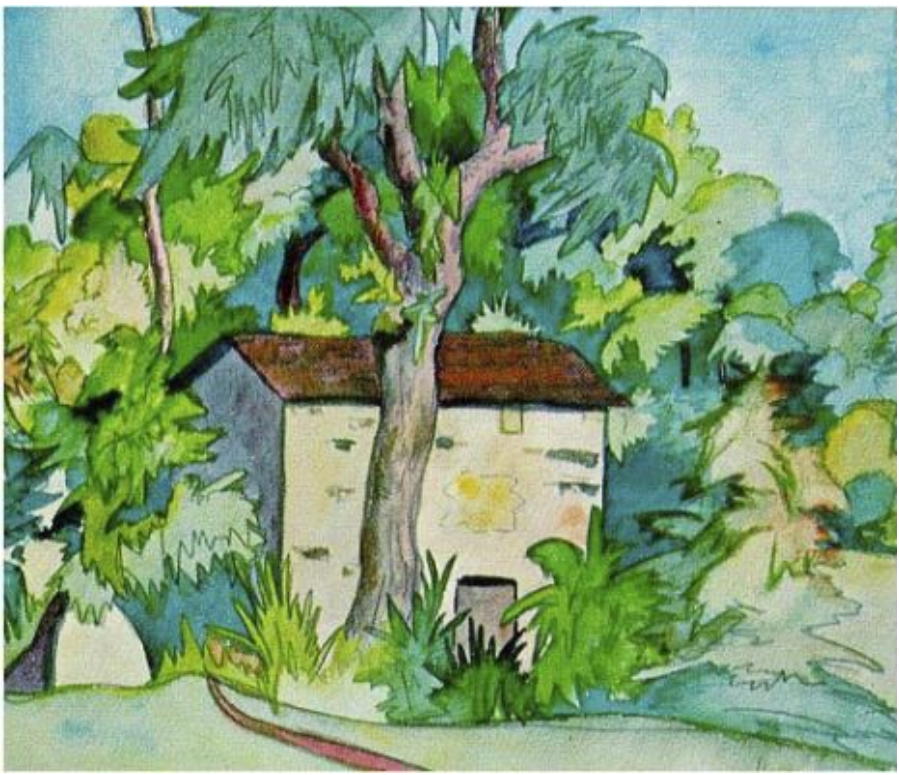

Одна из последних фотографий Г.Гессе

За последние 40 лет книги Гессе переводились на многие

языки мира, появились новые монографии и критические статьи о его творчестве – на сегодняшний день Гессе считается одним из крупнейших писателей XX века. Гессе обращается к центральной проблеме начала XX столетия: разрушению традиционной действительности во всех сферах жизни. Он сумел показать своими книгами до какой степени новое является традиционным по своим мыслям и форме.

В 60–70-е годы слава Гессе выходит за пределы элитарных кругов, творчеством писателя заинтересовалась современная молодежная культура. Возможно, это было связано определенным образом с культурой хиппи, рок-культурой (один из музыкальных рок-ансамблей в США назывался «Степной волк»). Чтение «Игры в бисер» считалось в среде молодежи чуть ли не основным показателем некой избранности…

Г.Гессе. Маленький домик… 40-е годы XX века

Многие отнеслись к этому иронически, считая, что молодежь сделала Гессе своим пророком, не особенно вникая в суть его творчества. Молодежь Соединенных Штатов Америки буквально создала культ Гессе. Тем временем (и может быть, благодаря этой резкой вспышке интереса к книгам Гессе) творчество писателя

стало предметом скрупулезного анализа многих литературоведов и критиков. К началу 80-х годов культ Гессе начал спадать, интерес критиков (но не читателей) к романисту уменьшился. В новую Россию книги Гессе пришли давно, однако только после 1985 года стали переиздаваться и вышли в свет практически все произведения великого и уникального романиста XX века – Германа Гессе.

Стоит добавить, что примерно в возрасте 40 лет Гессе открыл в себе еще один дар – живописца. К сожалению, чудесные картины Германа Гессе пока знакомы в нашей стране совсем немногим…

Глава XII
Андре Жид (Gide)
1947, Франция

Андре Жид

Андре Поль Гийом Жид (22 ноября 1869 – 19 февраля 1951), будущий известный французский романист, эссеист и критик, родился в Париже в семье потомственных гугенотов Поля Жида, профессора Парижского университета, и Жюльетты (Рондо) Жид. После смерти отца в 1880 году Жид воспитывался матерью–кальвинисткой, посвятившей ему всю жизнь.

Из-за слабого здоровья юноша получил беспорядочное образование: он посещал различные школы, занимался с репетиторами дома. В Эколь Эльзасьен, протестантской средней школе в Париже, у него появился интерес к литературе, особенно к древнегреческой поэзии. Поощряемый матерью, он также всерьез занялся музыкой. В 1889 году Жид сдает выпускные экзамены в лицее и решает стать писателем.

Обеспеченный отцовским наследством, Жид смог полностью посвятить себя литературе и в 1891 году издал свою первую книгу – «Тетради Андре Вальтера» («Les Cahiers d'Andre Walter»). Тема этого автобиографического произведения, написанного в стихах и поэтической прозе, – борьба между плотью и духом, которая завершается отречением плоти, – прослеживается и в более поздних произведениях писателя, хотя получает порой иное направление.

Школьный друг Жида писатель Пьер Луи свел его с символистами – представителями ведущего литературного течения того времени. В их салонах Жид знакомится с самыми крупными литераторами эпохи, в том числе с поэтом Стефаном Малларме.

С 1891 по 1893 год Жид пишет очерк и две повести в символистской манере.

Освобожденный из-за туберкулеза от воинской службы, Жид решил составить компанию своему другу художнику Полю Альберу Лорану в его поездке по Северной Африке в октябре 1893 года, и там, в тунисском городе Сусе, молодой человек впервые вступил в гомосексуальную связь.

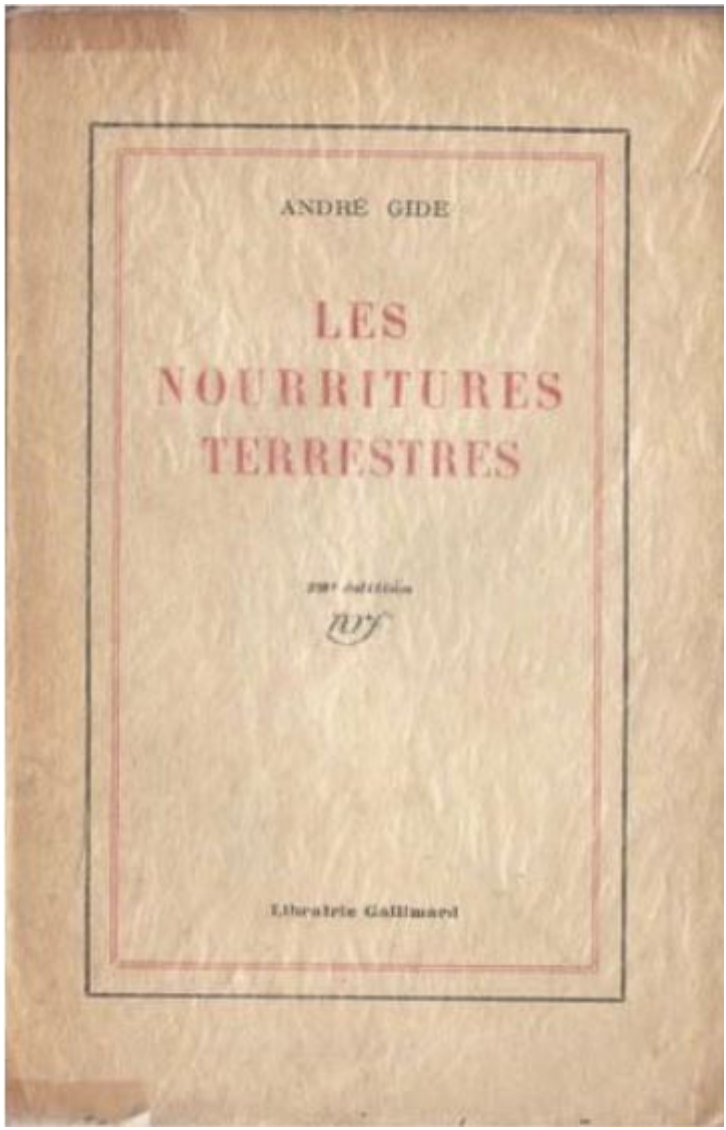
Возвратившись в Европу, Жид обнаружил, что плотские наслаждения, испытанные им в Северной Африке, вызвали у него отчуждение от литературного общества, в котором он еще недавно находил духовное удовлетворение.

Вскоре после этого писатель создает «Болота» («Les Paludes», 1895) – сатирический портрет претенциозных завсегдатаев символических литературных салонов. К этому времени Жид окончательно излечился от туберкулеза и в январе 1895 года возвращается в Северную Африку, где в Алжире, в городе Бискра знакомится с Оскаром Уайльдом и лордом Алфредом Дугласом.

Андре Жид в 1893 году

Во Францию писатель возвращается в конце 1895 года, чтобы проститься с умирающей матерью. Вскоре после кончины матери Жид женится на своей кузине Мадлен Рондо, в которую был влюблен многие годы. Некоторые исследователи считают, что Мадлен Рондо, несгибаемая пуританка, заменила писателю мать. Брак с Мадлен Рондо оказался бездетным (лишь в 1923 году у Жида от связи с Элизабет ван Рюссельберг родилась дочь). Спустя год после женитьбы Жид становится мэром Ларока, однако продолжает писать и вскоре возвращается в Алжир.

Одно из первых изданий «Яств земных»

Жид впервые выразил новое понимание личной свободы в «Яствах земных» («Les Nourritures terrestres», 1897) – книге, написанной стихами в прозе. В этом произведении плоть и дух составляли единое целое, условности, привычки и принципы отбрасываются ради высвобождения собственного «я», стремящегося к удовольствиям и радости. Успеха у широкого читателя «Яства земные» не имели. Кроме того, эта книга послужила причиной разрыва писателя с его друзьями–символистами, которые не могли смириться с тем, что Жид превозносит враждебную им реальность. Однако в 20-е годы

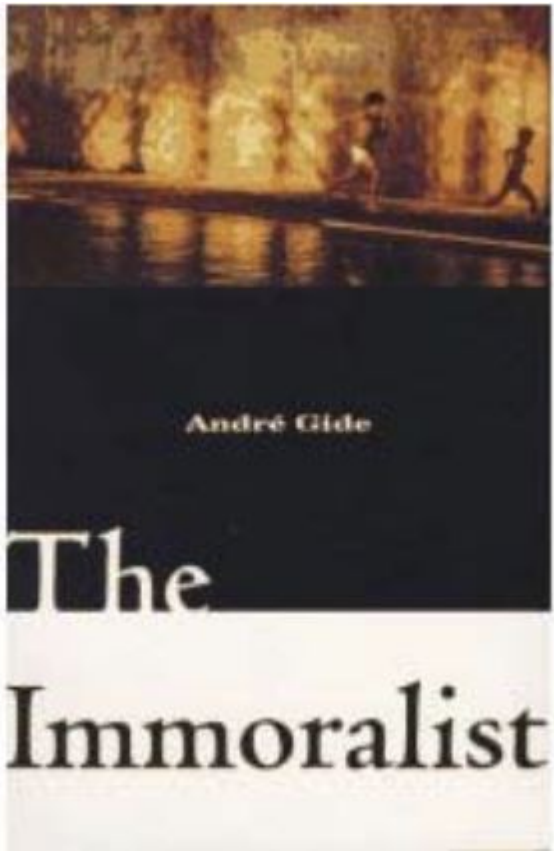
«Яства земные» стали самым знаменитым произведением Жида и оказали влияние на целое поколение молодых писателей, включая экзистенциалистов Альбера Камю и Жана-Поля Сартра.

После 1897 года физическое и эмоциональное состояние Жида заметно ухудшилось из-за непрекращающейся борьбы между его духовными устремлениями и плотскими страстями. Он трудно перенес разрыв с женой, которая, узнав, что муж – гомосексуалист, уехала в их имение в Кювервиль в Нормандии. С тех пор Жид часто расставался с женой, однако вплоть до ее смерти в 1938 году их объединяла духовная близость.

Вообще, 1899–1907 годы – стабильный и плодотворный период в творческой биографии А. Жида. Одна за другой выходят книги: «Плохо прикованный Прометей», «Филоктет», «Эль Хадж», «Письма к Анжеле», «Царь Кандавл», «Саул» и многие другие. В январе 1907 года Жид за пятнадцать дней пишет «Возвращение блудного сына»…

В феврале 1909 года работа над созданием «Нувель ревю франсез» («La Nouvelle Revue Francaise»), ставшим вскоре одним из самых влиятельных литературных журналов мира, без сомнения, помогла писателю преодолеть тяжелую депрессию. «Нувель ревю» и его детище издательство «Галлимар» всячески поощряли новые таланты, а также, под влиянием Жида, издавали переводы его любимых авторов: Достоевского, Джозефа Конрада, Уолта Уитмена, Германа Мелвилла.

С 1902 по 1919 год Жид опубликовал четыре небольших психологических романа, которые он назвал «recits» – «историями»: «Имморалист» («L'lmmoralist», 1902), «Тесные врата» («La Porte etroite», 1909), «Изабелла» («Isabelle», 1911) и «Пасторальная симфония» («La Symphonic pastorale», 1919). Многие читатели и литературоведы сходятся во мнении, что эти романы, в которых разрабатывается тема борьбы личности за самовыражение, принадлежат к числу лучших произведений Жида.

«Имморалист» А.Жида в английском переводе сегодня

В 1912 году Андре Жид, страдая от тяжелой неврастении, отправляется для поправки здоровья в целительный Тунис, но, задержавшись в Марселе, сворачивает во Флоренцию и, воссоединившись в Пизе с другом-писателем Анри Геоном, ведет с ним «…в продолжении десяти дней несказуемую блудную жизнь»…

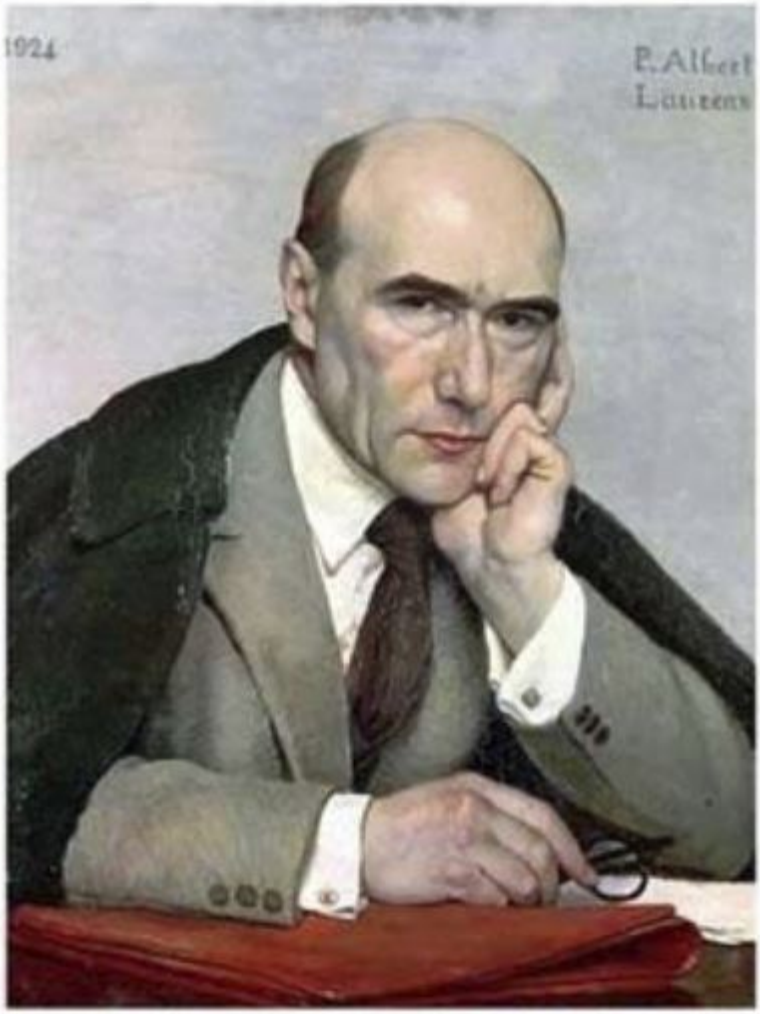
Новый этап в творчестве Жида-романиста ознаменовался «Подземельями Ватикана» («Les Caves du Vatican», 1914), книгой, жанр которой сам писатель, по аналогии со средневековым сатирическим фарсом, определил как «sotie». Более сложные композиционно и психологически, чем «recits», «Подземелья Ватикана» представляют собой своего рода язвительную мистификацию, где рассказывается об убийстве, на которое убийца идет только для того, чтобы доказать свою свободу; Жид высмеивает здесь буржуазный конформизм католиков и «вольных каменщиков», их ханжество. Воспитанный в благочестивой протестантской семье, Жид еще в 1906 году пережил религиозный кризис и, подобно многим серьезным писателям,

своим друзьям, испытал сильную тягу к католицизму, особенно к ревностному апостольскому католицизму поэта и драматурга Поля Клоделя. Однако «Подземелья Ватикана» стоили Жиду дружбы с Клоделем и вызвали яростные нападки на писателя за его антиклерикализм.

Огромный успех «Нувель ревю франсез» (где печатались такие выдающиеся писатели, как Марсель Пруст и Поль Валери), а также растущая популярность книг Жида обеспечили ему полную финансовую независимость.

В 1915–1916 годах Андре Жид переживает тяжелый религиозный кризис. Он переходит в католицизм и пишет вдохновенные, стилизованные под средневековье жития святых, в то время, как его жена Мадлен начинает мало-помалу отдаляться от римской церкви. В мае 1916 года она вскрывает невзначай письмо Геона, адресованное ее мужу. Намечается первая трещина в двадцатилетнем счастливом супружестве…

В 1919 году Жид публикует «Пасторальную симфонию» и собирает материалы для так никогда и не написанных «Размышлений о греческой мифологии». С высоты отточенного классического стиля он снисходительно приветствует рождение дадаизма и первые шаги сюрреализма.

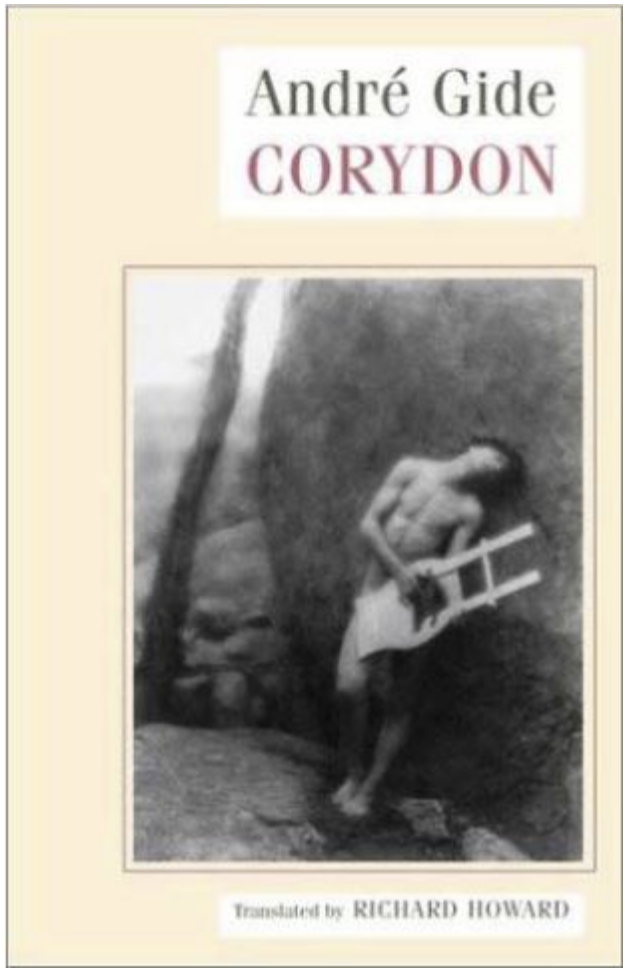

П.Лоранс. А.Жид. 1924 год

В 1920–21 годах Андре Жид выпускает в свет несколько своих сборников и противостоит нападкам довольно многих литературных критиков и читателей на «La Nouvelle Revue Francaise».

В 1922 году Жид организует шесть конференций по Достоевскому и переводит книги английского поэта У.Блейка. Лето этого года он проводит на Лазурном берегу совместно с семьей ван Риссельберг.

Кроме работы организатора, как уже становится ясно, Жид занимается переводами – в том числе, и книг русских писателей. Так, с подстрочника, он переводит пушкинскую «Пиковую даму».

Обложка одного из первых переводов «Коридона» А.Жида на английский язык

В 20-е годы, правда, писатель снова подвергается нападкам, на этот раз со стороны правящих кругов, которые утверждали, что произведения Жида развращают молодежь. В ответ на это в 1924 году писатель распространяет тысячи экземпляров «Коридона» («Corydon»), апологию гомосексуализма в форме диалогов Платона, над которой Жид начал работу еще в 1918 году). Выпуская «Коридон», Жид поступал довольно опрометчиво: он навлекал на себя публичное обвинение в гомосексуализме, из-за чего в свое время так пострадал его друг Оскар Уайльд. Писателя стали избегать даже близкие друзья, почти никто не подал голос в его защиту. Репутация Жида возродилась только к концу 20-х годов, когда общество стало терпимее относиться к гомосексуализму.

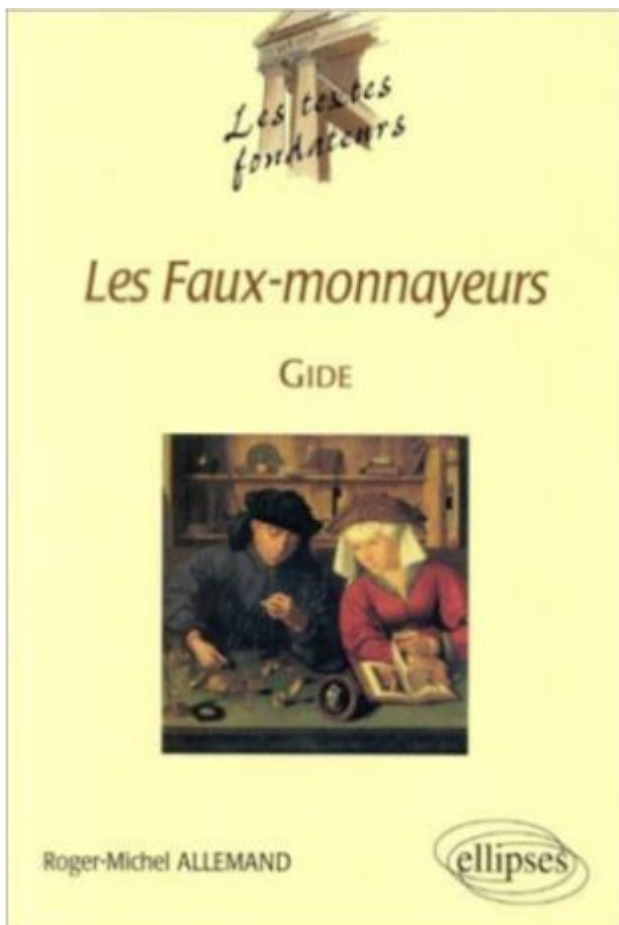
В июле 1925 года Жид в сопровождении своего друга Марка Аллегре отправился в длительное путешествие в Конго. Путешествие, кстати, было не вполне развлекательным, ибо писатель исполнял правительственную культурную миссию. За это время вышли из печати несколько его произведений. «Откуда ты?» («Numquid et tu..?», 1926) является своего рода дневником, который писатель начал вести десять лет назад и в котором выразилось его отношение к религии. Этот дневник является отражением религиозного кризиса, в нем Жид ведет поиск божественного существования и пытается оправдать свое неприятие идеи вины. В том же году появляется исповедальная по духу автобиография Жида «Если зерно не умрет» («Si le Grain ne meurt»), работа над которой началась в 1919 году. В 20-е годы это сочинение казалось непристойным, теперь же считается высоким образцом автобиографической литературы, стоящим в одном ряду с «Исповедью» Руссо.

«Фальшивомонетчики» («Les Faux-Monnayeurs»), роман, который Жид закончил непосредственно перед отъездом в Конго, был также издан в 1926 году. Жид называл «Фальшивомонетчиков» своим единственным романом, потому что по объему и замыслу он был крупнее всех остальных его художественных произведений. Роман отличается композиционной сложностью, которая выражается в не связанных между собой сюжетных линиях, в множественности происходящих одновременно событий, тем, героев, настроений и точек зрения, которые наслаиваются друг на друга и друг другу противопоставляются. В связи с этим французский критик Жан Итье отмечал: «Есть только две книги, в которые Жид попытался вложить всего себя: «Андре Вальтер» – в юности и «Фальшивомонетчики» – в зрелые годы». Благодаря «Фальшивомонетчикам» Жид получил международное признание, стал считаться одним из выдающихся писателей XX века. Этот главный и «единственный» роман Жида был задуман как продолжение «Подземелий Ватикана», но стал совершенно самостоятельным произведением. Его основная идея – подмена, обесценивание, инфляция – реализуется в сложном сцеплении человеческих связей. В повествование о писателях Эдуарде (который пишет роман под названием «Фальшивомонетчики») и Пассаване, имеющих свой круг интересов и привязанностей, вклинивается сначала авантюра с фальшивыми монетами, в которую ловкий и бесчестный Струвилу втягивает школьников. Затем перед нами предстает трагическая история мальчика Бориса, покончившего самоубийством в результате злого розыгрыша своих товарищей. Далее мы прочтем рассказ о

любовных интрижках неудачливого Винцента. В романе господствует принцип «двойного освещения», при котором никакой позитивный вывод невозможен. Хронология в книге сознательно нарушается в силу отсутствия последовательно фиксированного действия. Автор ощущает себя не создателем, творцом, а свидетелем событий, не подлежащих никакой моральной оценке.

Возвратившись из Конго в 1927 году, Жид опубликовал два путевых дневника, в которых подверг критике французскую колониальную политику.

В 1932 году «La Nouvelle Revue Francaise» приступает к изданию полного собрания сочинений Андре Жида, и до 1939 года в свет выходят пятнадцать томов. В том же 1932 году Жид принимается горячо пропагандировать коммунистические идеи, испытывая большие симпатии к Советскому Союзу, где, тем временем, тоже начинает издаваться собрание его сочинений.

Современное французское издание «Фальшивомонетчиков»

А.Жида

Политическая деятельность все больше увлекает знаменитого литератора. Он выезжает в Амстердам на организованный Роменом Ролланом антивоенный конгресс и начинает публикацию в коммунистической газете «L'Humanite» «Подземелий Ватикана».

В январе 1934 года Андре Жид и Андре Мальро прибывают в Берлин требовать у Геббельса освобождения из тюрьмы Г. Димитрова и других болгарских коммунистов. В июне 1935 года оба знаменитых тезки председательствуют на Всемирном писательском конгрессе в защиту культуры. В январе 1936 года Жид принимает деятельное участие в составлении призыва к греческому правительству освободить из тюрем две тысячи политических заключенных.

На протяжении почти десяти лет писатель принимает активное и очень противоречивое участие в политике и общественной жизни – например, поддерживал лоялистов[3] во время гражданской войны в Испании, в 1932 году вдруг объявил о своем обращении к коммунистической идеологии, а в 1937 году во втором из двух путевых очерков, написанных после рассеявшей его иллюзии поездки в Советский Союз, заявил о решительном разрыве с коммунизмом[4].

С 1942 года и до конца Второй мировой войны А.Жид жил в Северной Африке, где написал повесть «Тезей» («Thesee», 1946), которая проникнута верой в способность человечества к самосовершенствованию и в значимость земного существования и которую Жид считал своим литературным завещанием…

А.Жид в Советском Союзе

Эгей, мой отец, был человеком достойным, таким как нужно. Я, надобно признать, подозреваю, что не был его родным сыном. По слухам, великий Посейдон явился причиной моего рождения. Если это правда, то мой переменчивый нрав имеет божественные истоки. Что же до женщин, то тут я никогда не мог остановиться. Эгей временами мешал мне. Но я признателен ему за опеку и за то, что он приучил Аттику поклоняться Афродите. Как горько, что моя роковая рассеянность стоила ему жизни: я забыл заменить траурные черные паруса победными белыми на корабле, на котором возвращался с Крита. Но нельзя же было помнить обо всем. Да и, по правде говоря, допросив себя с пристрастием, чего я никогда не делал по доброй воле, вряд ли осмелюсь я поклясться в том, что это, в самом деле, была забывчивость. Эгей не давал мне воли, скажу я вам, особенно когда, глотнув приворотных зелий колдуньи Медеи, находившей его, с чем он вполне соглашался, староватым для мужа, он пришел к дурацкой мысли обрести вторую молодость, сводя на нет мое будущее, тогда как каждому свой черед. Как бы то ни было, при виде черных парусов… я узнал, возвратившись в Афины, что он бросился в море.

Так и есть: я, в самом деле, совершил несколько всем известных подвигов. Я очистил землю от множества душегубов, разбойников и чудовищ, прошел там, где прежде даже первые

храбрецы не показывались без дрожи, внес ясность в небесные дела, так что люди расправили плечи и меньше боялись неприятных неожиданностей.

Надобно признать, что в те времена страна имела вид неутешительный. Редкие поселения отделялись друг от друга обширными дикими пространствами, кое-где пересеченными далеко не безопасными дорогами. Дремучие леса, окруженные горами – так это было. В наиболее глухих местах хозяйничали разбойники, которые убивали и грабили путников или, по меньшей мере, захватывали их, требуя выкупа; и не было от них спасения. В добавление к разбойникам были еще хищные звери, были и неявные враги, так что когда неосторожность путника оборачивалась бедой, было непонятно, чьей жертвой он стал, а если то были чудовища, вроде Сфинкса или Горгоны, с которыми расправились Эдип или Беллерофонт, то человеческого они были происхождения или божественного. Божественным казалось все, что выглядело необъяснимым, и ужас распространялся на дела священные, а потому отвага и смелость представлялись безбожными. Первые и самые важные из побед, которые пришлось совершить человеку, были победы над богами.

Человек или бог – это всего лишь некто, владеющий оружием, его-то собственное оружие и нужно против него обратить, как сделал я сам с палицей Перифета, угрюмого великана из Эпидавра.

И зевсов перун, скажу я вам, рано или поздно будет обращен против него самого кем-нибудь из людей, как некогда Прометей проделал с огнем. Это об окончательных победах. Что же до женщин, силы и слабости моей, тут всякий раз приходится начинать заново. Я не успевал отделаться от одной, как попадал под чары другой, и не мог покорить никакую, не покорившись вначале сам. Пирифой был прав, когда говорил (почему же я его не слушал!), что главное – не отдаваться с потрохами какой-то одной, как случилось с Гераклом в объятиях Омфалы. Я не хотел и не мог остаться без женщин, потому и повторял себе, отправляясь на новые любовные подвиги: «Иди, но не останавливайся». Та, которая под предлогом защиты собиралась привязать меня к себе нитью тонкой, но нерастяжимой, и она тоже… Но говорить об этом еще не время.

Из всех Антиопа была ближе к тому, чтобы обладать мной. Царица амазонок, она была, как и все ее подданные, одногруда, но это ничуть не безобразило ее. Закаленное бегом и борьбой, тело ее было крепким и сильным, как у наших атлетов. Я боролся с нею. Она билась в моих руках, как снежный барс. Разоруженная, она пускала в ход ногти и зубы, бесилась от моего хохота (я-то тоже был безоружен) и от того, что не могла защититься от моих

притязаний. Из всех она была самой девственной. И меня мало заботило впоследствии, что она кормила Ипполита, своего сына, только одной грудью. Этого целомудренного дикаря, которого я хотел сделать своим наследником. Я расскажу в дальнейшем, как он стал скорбью моей жизни. Ибо недостаточно быть только затем, чтобы быть, надо передать наследство, как еще дед повторял мне. Питфей и Эгей были гораздо умнее меня, да и Пирифой тоже. Но во мне признавали здравый смысл, остальное же должно было прийти потом, вслед за желанием делать добро, никогда не оставлявшим меня. Я всегда был преисполнен мужества, оно-то меня и направляло в дерзких предприятиях. Вдобавок, я всегда отличался тщеславием: подвиги сродственника моего Геракла, о которых я был наслышан, будоражили меня в юности, и когда из Трезена, где я тогда жил, я должен был отправиться к отцу в Афины, я вовсе не намеревался сесть на корабль, как мне благоразумно советовали, ибо дорога морем была куда безопаснее. Я это знал, но именно из-за опасностей сухопутная дорога, со всем ее огромным обходом, привлекала меня – это была возможность доказать свою доблесть. Разбойники всех мастей опять наводнили страну и торжествовали, в то время как Геракл обабился у ног Омфалы. Мне было шестнадцать лет. Мне предстояла занятная игра. Был мой ход. Огромными рывками сердце мое неслось к вершинам счастья. Какое мне дело до безопасности! – кричал я себе, – и до самого спокойного пути! Я презирал отдых без славы, удобства и лень. На Афинской дороге, проходящей через Пелопонесский перешеек, я смог проверить себя, там ощутил я силу рук своих и сердца, уничтожив нескольких мрачных отъявленных разбойников: Синиса, Перифета, Прокруста, Гериона (нет, то дело Геракла, я хотел сказать: Керкиона). Я тогда слегка ошибся по поводу Скирона, очень достойного, казалось бы, человека, добронамеренного и куда как услужливого к прохожим. Но узнал я об этом слишком поздно, и когда я уже расправился с ним, люди решили, что он был всего-навсего шалопаем.

(«Тезей», перевод Э. Войцеховской и Ю. Белоцерковского)

Начавшаяся война, национальный раскол и предательство французского правительства, оккупация Франции вынудили писателя к отъезду с родины. Когда пушки отгремели, Андре Жид более ничего не писал – он просто устал и разуверился…

В 1947 году Жиду была присуждена почетная степень доктора Оксфордского университета. В том же году писатель был удостоен Нобелевской премии по литературе «**за глубокие и**

художественно значимые произведения, в которых человеческие проблемы представлены с бесстрашной любовью к истине и глубокой психологической проницательностью».

Аверс памятной медали А.Жида

В своей речи на церемонии награждения А. Эстерлинг, член Шведской академии, отметил, что «…Жид в большей степени, чем кто-либо из его современников, был человеком контрастов… Вот почему его творчество создает впечатление непрерывного диалога, в котором вера постоянно борется с сомнением, аскетизм – с жизнелюбием, а дисциплина – со стремлением к свободе». Плохое самочувствие не позволило Жиду прибыть на церемонию награждения в Стокгольм, и его Нобелевскую лекцию прочел за него французский посол в Швеции Габриэль Пюо. Выражая благодарность Шведской академии за награду, Жид писал: «В течение многих лет мой голос представлялся мне гласом вопиющего в пустыне, позже я думал, что обращаюсь к очень немногим; но вы доказали мне сегодня, что я был прав, когда верил в преимущество узкого круга читателей… Вы подали свой голос не столько за мой труд, сколько за тот независимый дух, который витает в моих книгах, за тот дух, который в наши дни подвергается всевозможным нападкам».

Одно из последних изданий в России (2000-е годы) «Дневника» А.Жида

В это же время А.Жид становится героем нескольких документальных фильмов, один из которых, «С Андре Жидом» был снят его другом Марком Аллегре.

В феврале 1950 года Жид приезжает в городок Жуан-ле-Пен на Лазурном берегу, где живет на вилле «Синяя птица». Возвратившись осенью в Париж, он принимает участие в репетициях спектакля по «Подземельям Ватикана» в «Theatre-Francais», премьера которого превращается в настоящий апофеоз автора.

В 1950 году Жид выпустил последний том своего «Дневника» («Journal»), охватывающий период с 1939 по 1949 год. Многие читатели наверняка согласятся с знаменитым писателем Франсуа

Мориаком, который ставил выше всех остальных произведений Жида его дневники и автобиографии. О «Дневниках», начатых в 1889 году и состоящих в общей сложности более чем из миллиона слов, в которых отразилась вся его жизнь, Э. Старки, видный английский специалист по французской литературе, писал, что «…это произведение – уникальное во французской литературе, да и в литературе вообще; это сокровищница мнений и споров по любому художественному и интеллектуальному поводу, по любой моральной проблеме за период в шестьдесят с лишним лет». Отдавая дань памяти Жиду, вскоре после его смерти Сартр писал: «Он не уставал учить нас, что можно сказать все что угодно, лишь бы это было хорошо сказано». Слава Жида с годами не потускнела. В 1980 году, например, американский литературовед А. Лесли Уилсон писал, что репутация Жида «… как одного из самых крупных писателей нашего [XX] столетия со временем только возросла».

В понедельник, 19 февраля 1951 года Андре Жид умирает в Париже от воспаления легких. Последняя, вышедшая из-под его пера фраза была такой: «Мое собственное нахождение на небе… не должно заставлять меня находить зарю менее красивой». А его последние слова: «Я боюсь, чтобы мои фразы не оказались грамматически неточными» и «…всегда происходит борьба между разумным и тем, что им не является».

После множества бурных скандалов А.Жид был предан земле на кювервильском кладбище, рядом с женой, в присутствии местного пастора. 24 мая 1952 года декретом Священной конгрегации Ватикана было предписано внести «Andreae Gide opera omnia» в Index librorum prohibitorum (внести сочинения А.Жида в Индекс запрещенных книг[5]).

Посмертная маска А.Жида

«И ныне пребывает в Тебе» («Et Nunc Manet in Te»), задушевная история семейной жизни писателя, увидела свет в 1951 году, уже после смерти Жида.

Читатель России познакомился с творчеством А.Жида давно – все его книги переводились еще в тридцатые годы. Но после выхода резко критикующей советскую сталинскую действительность книги «Возвращение из СССР» (созданной после поездки в СССР и встречи со Сталиным), произведения А.Жида находились под негласным запретом и всячески критиковались. Лишь в последние годы в нашей стране появился, наконец, уникальный и долгожданный многотомник А.Жида, дающий если и не полное, но достаточно яркое представление о творчестве этого великого и противоречивого французского мыслителя и писателя.

Глава XIII
Томас Элиот (Eliot)
1948, Великобритания

Томас Элиот

Американский (точнее, англо-американский) поэт *Томас Стернз Элиот* (26 сентября 1888 – 4 января 1965) родился в Сент-Луисе (штат Миссури). Он был младшим из семерых детей в семье. Среди его предков был преподобный Уильям Гринлиф Элиот, основатель Вашингтонского университета в Сент-Луисе, а с материнской стороны Айзек Стернз, один из первых переселенцев Массачусетса. Отец Томаса Элиота, Генри Элиот, был богатым промышленником, а мать, урожденная Шарлотта Стернз, женщина образованная и литературно одаренная, написала биографию Уильяма Элиота и драму в стихах «Савонарола». Почтенная протестантская семья. Семейные традиции Элиотов, строгое воспитание, постоянная привычка к самоанализу и к соотнесению своих действий с четким нравственным идеалом оказали большое влияние на будущего поэта.

Ему с детства внушали чувство бесконечного уважения к

памяти деда-проповедника, из чувства долга покинувшего родной Бостон и отправившегося на запад, в Сент-Луис, где он основал столь важные, облеченные символическим значением для всей общины церковь и колледж. Твердые пуританские принципы Новой Англии, верность своему долгу определяли жизнь Томаса Элиота в течение многих лет.

Закончив частную школу Смит-акэдеми в Сент– Луисе, Элиот год проучился в частном массачусетском колледже и в 1906 году поступил в Гарвардский университет. Талантливый, незаурядный студент, Элиот закончил университетский курс за три года и получил диплом магистра на четвертом курсе.

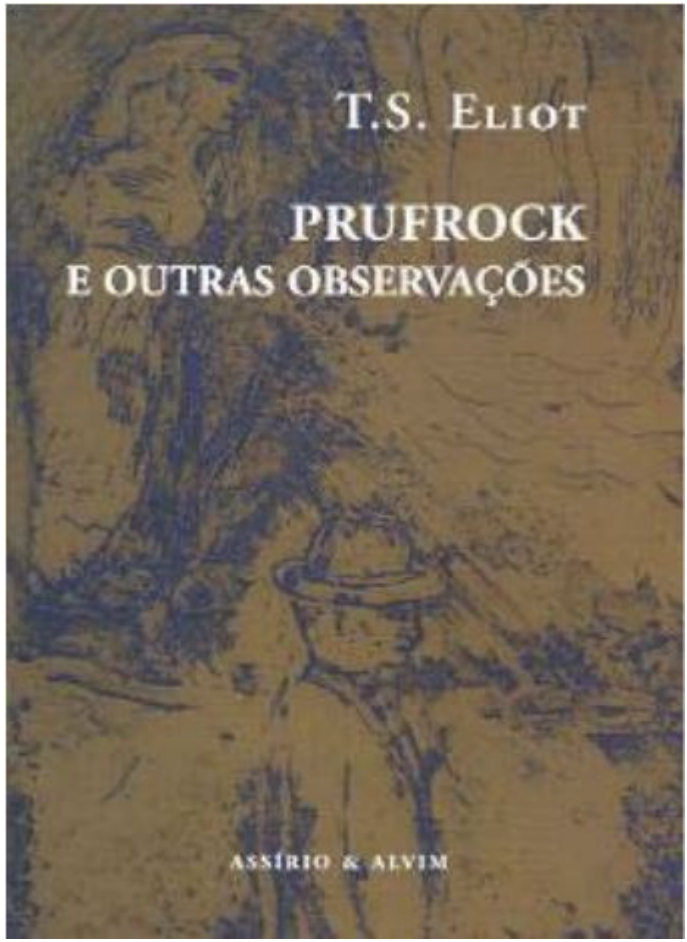
В это время он уже пишет стихи в «Харвард адвокет» («Harvard Advocate») и является редактором этого журнала с 1909 по 1910 год.

Затем Элиот едет в Париж, где посещает лекции в Сорбонне и изучает французскую литературу, прежде всего поэтов-символистов. Стоит обратить внимание и на то, что Элиот посещал лекции выдающегося философа А.Бергсона. Еще в Гарварде он заинтересовался символизмом, читал поэта-символиста Жюля Лафорга и книгу Артура Саймонса «Движение символизма в литературе», которая и оказала большое влияние на развитие поэта.

Вернувшись в 1911 году в Гарвард, Элиот пишет диссертацию об английском философе-идеалисте Ф.Г. Брэдли, изучает санскрит и буддизм.

Получив Шелдонскую стипендию он едет сначала в Германию, в Марбург, где продолжает заниматься философией, а затем в Англию, где изучает философию в оксфордском Мертон-колледже, в котором преподавал Брэдли. После долгих колебаний и сомнений Элиот решает посвятить себя литературе и не возвращаться в Гарвард для защиты диссертации (в Оксфорде он допишет магистерскую диссертацию «Познание и опыт в философии Ф.Г. Брэдли», в 1916 году отошлет ее в Гарвард, где она была принята).

Итак, Элиот остается жить в Лондоне. Теперь он пишет стихи. При содействии Эзры Паунда и Уиндэма Льюиса некоторые из них были напечатаны в 1915 году.

Литературно-критические работы Т.Элиота на русском языке

Чтобы заработать себе на жизнь, он около года занимается преподавательской деятельностью, затем служит клерком в банке Ллойда. В 1925 году он начинает работать в издательстве «Фейбер энд Гуайэр» (впоследствии «Фейбер энд Фейбер»), сначала литературным редактором, а затем одним из директоров фирмы.

В 1915 году Элиот женится на балерине Вивьен Хейвуд. С этого времени его жизнь на многие годы превратилась в постоянную борьбу как с внешними обстоятельствами – сложными отношениями с истеричкой-женой, недовольством американских родственников, необходимостью постоянно зарабатывать деньги и ради этого выполнять нелюбимую работу, сначала в школе, затем в банке, жизнью в небольшой квартире рядом с неприятными соседями, и в то же время в борьбу куда более сложную – с внутренними психологическими и творческими проблемами.

Однако, хотя брак и оказался несчастливым, Элиоты прожили вместе почти 20 лет. После развода Вивьен поместили в психиатрическую больницу, где она умерла в 1947 году.

С 1917 по 1919 год Элиот работает заместителем главного редактора журнала «Эгоист» («Egoist»).

Его ранние стихотворения появляются в различных периодических изданиях, в том числе в «Католической антологии» («Catholic Anthology») Эзры Паунда в 1915 году.

Два новых поэтических сборника Элиота «Пруфрок и другие наблюдения» («Prufrock and Other Observations») и «Стихи» («Poems») были опубликованы Вирджинией и Леонардом Вульф в «Хогарт-пресс» («Hogarth Press») соответственно в 1917 и 1919 годах. Написанные под влиянием Лафорга, стихи обоих сборников несут на себе печать глубокого разочарования действительностью. В «Любовной песне Дж. Альфреда Пруфрока» («The Love Song of J. Alfred Prufrock»), первой значительной поэме Элиота, запечатлен герой – «услужливый, почтительный придворный, благонамеренный, витиеватый…» – и мучительно нерешительный, косноязычный, особенно с женщинами. «Пруфрок» явился вехой в поэзии XX века. Многие критики писали о значении этой поэмы, а американский поэт Джон Берримен считал, что с «Пруфрока» берет начало вся современная поэзия.

Одновременно с ростом популярности Элиота– поэта быстро утверждалась и репутация Элиоталитературного критика. Начиная с 1919 года, он постоянный автор «Таймс литерэри сапплмент» («Times Literary Supplement») – литературного приложения к «Тайме». Здесь была опубликована серия статей Элиота о елизаветинской и якобинской драме, которые наряду с другими критическими статьями и обозрениями вошли в сборник эстетических работ Элиота «Священный лес» («The Sacred Wood», 1920). В статьях о Шекспире, Данте, Драйдене, Марло, Джоне Донне, Джордже Герберте, Эндрю Марвелле Элиот пытался «… вернуть поэта к жизни, что является великой, непреходящей задачей критики». Эссе Элиота «Воздавая должное Джону Драйдену» («Homage to John Dryden», 1924) и «Избранные эссе» («Selected Essays», 1932) явились программными для возникновения влиятельного критического течения, известного как кембриджская школа, а позднее, в Соединенных Штатах, как новая критика. Кроме того, Элиот ввел в литературный обиход два важнейших для развития критической мысли понятия: objective correlative – согласование эмоционального начала с объективным изображением конкретной психологической ситуации, соответствие между чувством и «набором предметов,

ситуацией, цепью событий, которые являются формулой, вызывающей именно это чувство»; и dissociation of sensibility (распад восприимчивости), под которым Элиот подразумевал утрату целостности «мышления» в поэзии после XVII века. Многие критические взгляды Элиота нашли свое отражение в статьях журнала «Крайтерион» («Criterion»), весьма влиятельного критического издании, выходившем 4 раза в год с 1922 по 1939 год. Как литературный критик, обращаясь к рассмотрению важных теоретико-методологических проблем, среди которых особый интерес его вызывали проблемы традиции, вопросы о соотношении творческой индивидуальности и традиции.

Такое скромное первое издание «Бесплодной земли»

В условиях кризиса культуры, происходившего на Западе, приобретали особую важность отстаиваемые Элиотом идеи непрерывности художественной традиции, которая основывается на признании нравственного пафоса искусства, и универсального смысла классических произведений, являющихся эталоном независимо от смены литературных эпох и доминирующих умонастроений. Эти мысли особенно тщательно аргументированы в трактате «Назначение поэзии и назначение критики» («The Use

of Poetry and the Use of Criticism», 1933) и в «Заметках к определению понятия «культура» («Notes Toward a Definition of Culture», 1949).

Элиот теоретически обосновал формализм в литературной критике. Одним из основных принципов его критики был отказ от рассмотрения художественного произведения в связи с личностью писателя, его биографией. По мнению Элиота, произведение существует независимо от автора, оно автономно и представляет самостоятельную ценность. Это замкнутая в себе данность. Этот взгляд Элиота лег в основу теории англо– американской «новой критики», которая отказывается от социально-исторического истолкования литературного произведения, настаивая на его имманентной сущности.

В 1922 году в «Критерионе» Элиот опубликовал поэму «Бесплодная земля» («The Waste Land»), которую его друг и наставник Эзра Паунд назвал «самой длинной поэмой, когда-либо написанной на английском языке».

Своей гиперболой (поэма состоит всего из 434 строк) Паунд намекает на поэтическую концентрацию и обилие аллюзий[6] в поэме. (Паунд, кстати, принимал участие в редактуре окончательного варианта поэмы, которую он сократил почти на треть). «Бесплодная земля», лучшее, по мнению многих, произведение Элиота, наложившее отпечаток на последующее развитие поэзии, состоит из пяти частей, которые объединяются сквозными темами бесплодия и размывания ценностей. «Бесплодная земля», в которой отразились сомнения и разочарования послевоенного поколения, выразила интеллектуальный настрой целой эпохи. Появление поэмы совпало с публикацией джойсовского «Улисса» и романов М.Пруста из цикла «В поисках утраченного времени».

Поэма, по сути, явилась одним из программных произведений западной литературы, выразившей потрясения, пережитые участниками и свидетелями Первой мировой войны. Для Элиота война – свидетельство банкротства всей системы духовных и культурных ориентаций, связанных с философией гуманизма. Бесплодие земли, тщетно ожидающей дождя – мифологический сюжет, который тяжело нагружен злободневными ассоциациями. Но Элиот говорит не о конкретном историческом моменте, он передает трагедию самой природы жизни, трагедийность бытия. В поэме развивается тема безуспешных попыток действовать и бессмысленных треволнений человека, неотвратимо ведущих к смерти. В ассоциативных образах выражены представления Элиота о деградации современного общества, о его безжизненности. Один из эпиграфов к поэме – цитата из поэмы «Сатирикон». Уже сама отсылка к произведению древнеримского поэта Петрония должна была вызывать мысль об уходящей, умирающей цивилизации.

У.Льюис. Портрет Т.С.Элиота. 1948 год

Содержание эпиграфа – рассказ о великой пророчице, Кумской сивилле, выставленной на посмешище и мечтающей умереть, потому что она прожила слишком долго и слишком сильно состарилась. Таким был для Элиота окружавший его мир – безнадежно старым и дряхлым. Крайне сложный язык поэмы оказался настолько непонятным, что в более поздних изданиях автору пришлось добавить свои комментарии, чтобы объяснить публике некоторые идеи. В частности, он пояснил, что на создание поэмы огромное влияние оказала средневековая легенда о Святом Граале и знаменитая работа английского этнографа Д.Фрейзера «Золотая ветвь». Формально ни о Граале, ни о

первобытных культах, описанных Фрейзером, в поэме нет ни слова. Действие ее происходит в послевоенной Европе, однако образы Данте, античной поэзии и мифологии, елизаветинской Англии создают сложный фон, из которого становится ясно, что все происходящее находится вне времени – или, скорее, принадлежит различным эпохам. Образы героев накладываются друг на друга. Они то разделяются, то превращаются в одну и ту же символическую фигуру. Некоторые исследователи считают, что мифы, которые Элиот объявил источником своего вдохновения, на самом деле были использованы им уже в последний период работы над поэмой. Они были нужны ему для того, чтобы придать единство разрозненным поэтическим отрывкам, и, наложив структуру «вечных» образов и сюжетных линий на свой текст, вывести своих героев в новое, более высокое измерение.

Вообще, использование мифов – крайне популярное в литературе XX века – давало Элиоту возможность увидеть вечные проблемы и ценности в сегодняшнем дне, взглянуть на весь путь развития, пройденный человечеством. Для Элиота древние верования были крайне важны еще и из-за его сильной религиозности и сосредоточенности на философских проблемах. С каждым годом он все больше приходил к убеждению, что поэзия не должна выражать чувства одного– единственного человека. Ее задача, по его мнению, в описании некоторых всеобщих, вечных структур и явлений. Завораживающая, гипнотическая музыкальность загадочного финала «Бесплодной земли», носящего многозначительное название «Что сказал гром», восходит к древним заклинаниям или индийским песнопениям…

Кстати, и в последующие годы Элиот придавал большое значение звучанию своих стихов, которые, по его мнению, должны были напоминать магические заклинания или песнопения. Сохранились записи чтения им своих произведений. Известно, что они производили сильное впечатление, но часто и разочаровывали слушателей, надеявшихся услышать что-то вроде «толкования» автором его все более и более усложнявшейся поэзии. Однако Элиот, читая стихи, практически не обращал внимания на их смысл, всегда подчеркивая музыкальность, выделяя аллитерации, звукосочетания и произнося свои тексты нараспев, подобно древнему шаману, распевавшему гимны богам…

Я велю: сорвите с меня пелену,
И алые ленты сдайте в музеи.
Я каменею в гранитном плену

И мрамором кожи теплею.
Я стою и стотонной своей головой
Небесного свода края задеваю.
Мне Эхнатоны, Рамзесы толпой
Поклон свой несут, обмирая.
Прокричит одинокий ночной муэдзин
С нерушимой башни Бастилии
И застынет в испуге не знающий зим
Изумленный житель Бразилии,
Когда вдруг обратившись глазами горе,
Где раньше были лишь небо и ветер,
Увидят – богов красивей и мудрей
Там я возвышаюсь, бессмертен и светел

(«Я – памятник себе», перевод Б.Летарова)

Из иллюстраций к «Полым людям»

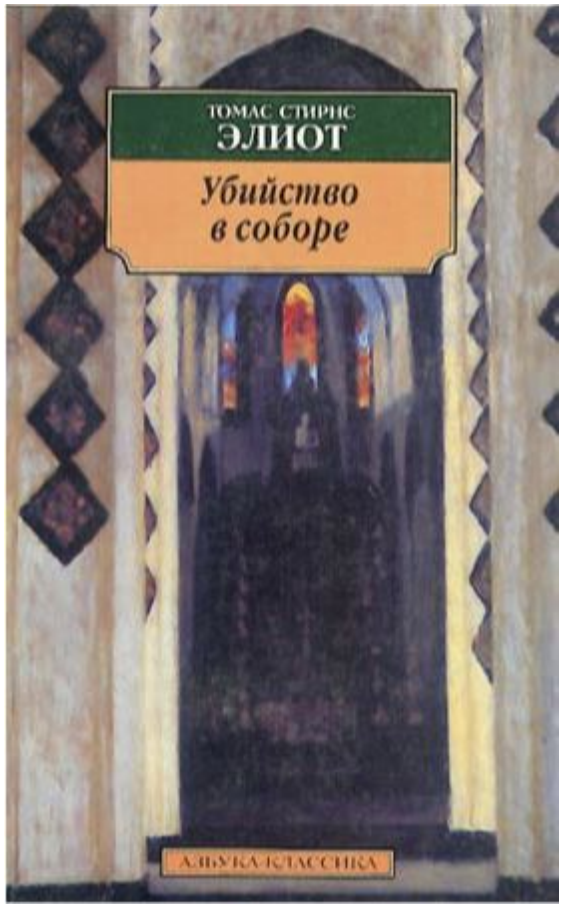
Опустошенность и трагизм современной жизни чрезвычайно сильно выражены в поэме «Полые люди» («Hollow men»), вышедшей в 1925. Здесь Элиот идет по проложенному «Бесплодной землей» пути все большего наращивания музыкальности и ритмичности стихов. Использовал образы и ритмы фольклорных песен, сопровождавшихся плясками и ритмичным хлопаньем в ладоши во время ежегодного ритуала сожжения соломенного чучела заговорщика Гая Фокса. Элиоту нужен был этот источник не только из-за его ритмики, с ее постоянными повторами и перекличками слов – сжигаемое соломенное чучело стало символом пустоты и бессмысленности жизни, ее вырождения. Неслучайно последние слова поэмы стали одним из самых часто цитируемых отрывков Элиота:

Вот как кончится мир
Вот как кончится мир
Вот как кончится мир
Вовсе не взрывом, а всхлипом.

(«Полые люди», перевод С.Степанова)

В 1927 году Элиот крестился по обряду англиканской церкви и в том же году получил британское подданство. В предисловии к сборнику эссе «В защиту Ланселота Эндрюса» («For Lancelot Andrewes») он называет себя «англокатоликом в религии, классицистом в литературе и роялистом в политике». Еще будучи американским студентом, Элиот проявлял живой интерес к культуре страны своих предков – сокурсники в шутку даже называли его «англичанином во всем, кроме акцента и гражданства». И если принятие британского подданства в какой-то степени отвечало его юношеским устремлениям, то его переход в англиканскую церковь был отходом от семейных традиций унитарианства[7], хотя и удовлетворял потребность Элиота, пуританина по происхождению, в строгих и четких моральных установках.

В поэме «Пепельная среда» («Ash Wednesday», 1930) со всей очевидность проявились душевные терзания, которыми сопровождалось его обращение в англиканскую веру. Именно в этот период интеллектуального и душевного разброда Элиот переводит поэму Сен-Жон Перса «Анабасис» («Anabasis», 1930), своего рода духовную историю человечества, и знакомит англоязычного читателя с творчеством близкого Элиоту по духу французского поэта.

Современное российское издание пьес Т.Элиота

В 30-е годы Элиот пишет поэтические драмы. «Камень» («The Rock», 1934) и «Убийство в соборе» («Murder in the Cathedral», 1935) предназначались для религиозных спектаклей. «Убийство в соборе» представляет собой философское моралите[8] о муках святого Томаса Беккета и считается лучшей пьесой Элиота. Она с большим успехом шла в театрах Европы и Соединенных Штатов. Его пьесы о современной жизни – «Воссоединение семьи» («The Family Retinion», 1939), «Вечерний коктейль» («The Cocktail Party», 1950), «Личный секретарь» («The Confidential Clerk», 1954) и «Пожилой государственный деятель» («The Elder Statesman», 1959) – считаются менее удачными. Автору не удалась попытка наполнить современным содержанием темы античной трагедии. «Вечерний коктейль», правда, в свое время пользовался успехом на сценах театров по обе стороны Атлантики. В 1939 году вышла замечательная «Книга Старого Опоссума о практичных кошках» («Old Possum's Book of Practical Cats»). Старый Опоссум –

литературное прозвище самого Элиота. Этот цикл из пятнадцати стихотворений о пятнадцати котах и кошках, написанный в лучших традициях английской юмористики, долгое время считался второстепенным на фоне серьезных, не всегда простых для восприятия сочинений поэта, однако именно благодаря этой книге Элиот вошел в историю мирового шоу– бизнеса. Эти забавные стихи автор сочинял для своих маленьких крестников. Большинство стихотворений были написаны между 1936 и 1938 годом. Книга вышла в Англии с рисунками самого Элиота на обложке. Поэт, кстати, очень боялся, что его книгу не примут читатели, но остроумные стихи о милых, таких разных и совершенно замечательных кошках пришлись по вкусу…

Судьба книги в наше время примечательна – в 1980– 1981 годах великолепным английским композитором Э.Ллойд-Уэббером на стихи Элиота был создан ставший одним из любимейших и популярнейших мюзиклов в мире «Кошки» («Cats»). Премьера состоялась 11 мая 1981 года в Новом Лондонском театре и имела оглушительный успех. Через 8 лет, спустя 3 358 спектаклей, «Кошки» побили рекорд долгожительства на лондонской сцене. В Лондоне «Кошки» закрылись в 2002 году, отпраздновав свою 21-ю годовщину. Бродвейская премьера «Кошек» состоялась в октябре 1982 года. «Кошки» шли без перерыва 17 лет и были закрыты в 2000 году. Рекорд долгожительства на Бродвейской сцене «Кошки» побили еще в 1997 году. Сейчас «Кошки» идут на сценах российских музыкальных театров.

В 1983 году Элиот был посмертно удостоен премии «Тони» за лучшее либретто мюзикла…

Дать имя коту – это трудное дело
Отнюдь не одна из воскресных причуд.
Как шляпник, Вы скажете, обалдел он,
Когда говорю, что три имени
Разных нужно коту.
Есть, прежде всего, повседневное имя:
Скажем Питер, Огюстус, Алонзо и Джеймс.
Скажем, Виктор и Джонатан,
Джордж или Билли -
Все эти прозвища на каждый день.
Есть сладкозвучнее летнего ветра -
Довольны и дама и джентльмен -
Есть Платон, есть Адметус,
Электра, Деметра
О, все эти прозвища на каждый день.
Но я говорю – кроме клички нейтральной,
Особенней имя быть должно у кота:
Иначе как сможет он хвост держать вертикально,
Гордиться собой и смотреть Вам в глаза?

Могу дать вам перечень прозвищ этого рода -
Скажем, Мункустрап, Квакссо, Корикопат
Скажем, Бомбальурина или Джеллилорум -
Те, что единственным могут сделать
кота.
Но осталось еще разобраться с последним,
И имени этого Вам не раскрыть,
Будь даже Вы самым искусным исследователем:
Лишь кот его знает и в тайне хранит.
Когда Вы увидите в глубокой задумчивости
Кота – я скажу Вам, причина того:
Его ум поглощен созерцанием вдумчивым
Мыслей о, мыслей о, мыслей об имени
его.
О невыразимо разительном,
О пронзительно выразительном,
Бездонном, немыслимом имени его.

(«Именование кота», перевод И. Юрьевой)

Поэмы 40-х годов – «Ист Кокер» («East Coker», 1940), «Бернт Нортон» («Burnt Norton», 1941), «Драй Сэлвейджес» («The Dry Salvages», 1941), «Литтл Гиддинг» («Little Gidding», 1942), «Четыре квартета» («Four Quartets», 1943) считаются наиболее зрелыми поэтическими произведениями Элиота. Каждая поэма – это размышления, навеянные созерцанием различных пейзажей, в которые поэт вплетает свои суждения об истории, времени, природе языка, а также свои личные воспоминания. В поэмах ясно выражен религиозно– философский взгляд на мир, на жизнь и вечность – жизнь приравнивается к смерти, умирание означает для поэта приобщение к божественному разуму.

В 1948 году Элиоту присуждается Нобелевская премия по литературе «**за выдающийся новаторский вклад в современную поэзию**». Член Шведской академии А. Эстерлинг в своей речи подчеркнул, что у стихов Элиота «…есть особое свойство – способность врезаться в сознание нашего поколения с остротой алмаза». «Я считаю вручение Нобелевской премии поэту подтверждением общечеловеческой ценности поэзии, –сказал Элиот в ответной речи, – ради одного этого следует время от времени награждать поэтов. Нобелевскую премию я рассматриваю не как признание своих собственных заслуг, но как символ значимости поэзии».

Аверс памятной медали Т.Элиота

В 1957 году Элиот женился на Эсме Валери Флетчер.

Поэт скончался в 1965 году, в возрасте 76 лет, и был похоронен в Ист-Кокер, деревне в Сомерсете, откуда в середине XVII века его предок Эндрю Элиот отправился в Америку.

Элиот был удостоен многих наград. Среди них британский орден «За заслуги» (1948), французский орден Почетного легиона (1954), премия Гете Ганзейского союза (1954). Элиот имел 16 почетных степеней английских, американских и европейских университетов и был почетным членом советов Магдален-колледжа и Мертон-колледжа (Оксфорд).

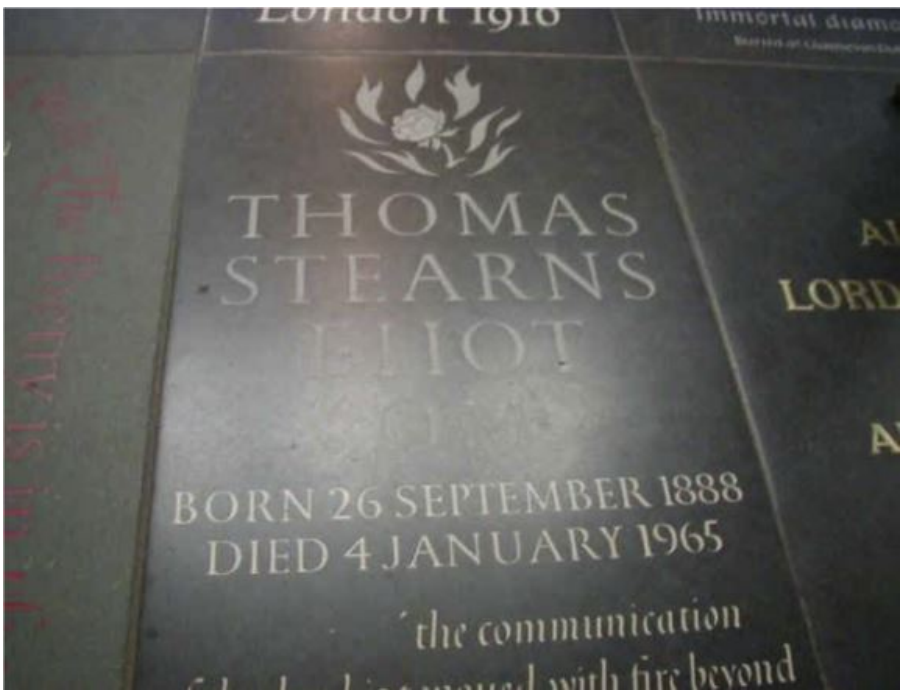
На протяжении своей жизни Элиот часто ездил на родину, навещал родных, выступал с лекциями, занимался издательской деятельностью. Поэт получил несколько американских наград и был членом научного совета Института фундаментальных исследований в Принстоне в 1948 году и членом совета американской Библиотеки конгресса с 1947 по 1954 год.

Критическая и текстологическая литература, посвященная творчеству Элиота, продолжает появляться и после смерти поэта. По мнению американского исследователя И. Эренпрайса, «… поэзия Элиота проникает в глубины морали и психологии. Элиот понимал меняющуюся, парадоксальную природу наших самых скрытых эмоций и суждений и пытался выразить этот парадокс в своем стиле».

Главные проблемы, поднятые поэзией Элиота – трагизм

существования человека, кризис духа в условиях антигуманной современной цивилизации. Модернизм Элиота определялся его позицией неверия в общественный прогресс и нравственные силы людей. Глубокий пессимизм и перерастающая в сатиру ирония вовсю взаимодействуют в его творчестве. Прозревая возможную гибель европейской культуры, Элиот ищет и обретает опору в христианской религии и вере, противостоящих отчаянию и бездуховности.

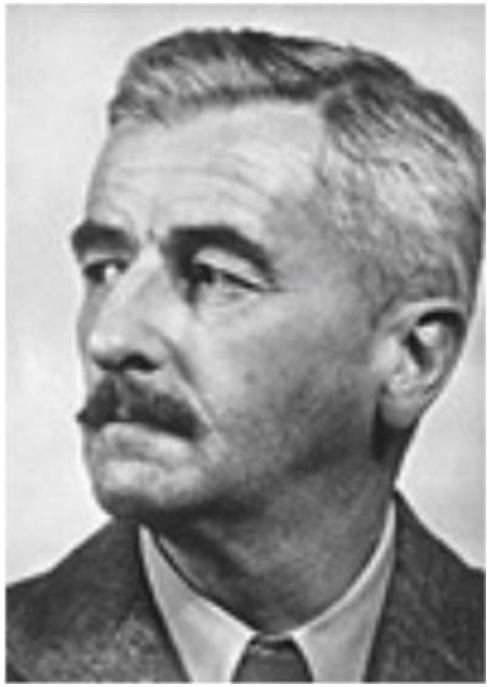
«Двоякая задача Элиота заключалась в том, – писал английский критик М. Брэдбрук, – чтобы найти истолкование своей эпохи, держа, как учил величайший из поэтов, Зеркало лицом к Природе, и вместе с тем следовать образцам истинного совершенства».

Памятная плита Томасу Стерну в Вестминстерском аббатстве, в «уголке поэтов». Лондон. Великобритания

Переводы произведений Т.Элиота на русский язык появились еще в 60-е годы, однако в полной мере познакомиться с его творчеством наш читатель смог только после 1985 года, когда были изданы его сборники стихотворений и поэмы «Полые люди» и «Бесплодная земля»…

Глава XIV
Уильям Фолкнер (Faulkner)
1949, США

Уильям Фолкнер

Американский романист и новеллист *Уильям Катберт Фолкнер* (25 сентября 1897 – 6 июля 1962) родился в Нью-Олбани (штат Миссисипи). Он был старшим из четырех сыновей управляющего делами университета Марри Чарлза Фолкнера и Мод (Батлер) Фолкнер. Его прадед, Уильям Кларк Фолкнер, во время войны Севера и Юга служил в армии южан и был автором известного в то время романа «Белая роза Мемфиса». Когда Фолкнер был еще ребенком, семья переехала в город Оксфорд, на север штата, где писатель прожил всю жизнь. До школы Уильяма, застенчивого, замкнутого мальчика, учила читать мать, а в 13 лет он уже писал стихи, посвященные Эстелл Олдхэм, девочке, в которую был влюблен. Школу Фолкнер не закончил, и некоторое время работал в банке у своего деда.

Из-за туманных финансовых перспектив, Фолкнер не смог жениться на Эстелл, и, когда девушка в апреле 1918 года вышла замуж за другого, «…жизнь для него, – как выразился его брат

Джон, – кончилась». Фолкнер хотел вступить добровольцем в армию, но ему отказали по причине малого роста.

Приехав к своему другу в Йельский университет, Фолкнер решает записаться в Канадские военно– воздушные силы и в июле поступает в военную школу в Торонто. Когда же спустя несколько месяцев первая мировая война закончилась, Фолкнер вернулся в Оксфорд и стал посещать занятия в университете Миссисипи.

Его литературный дебют состоялся в 1919 году – стихотворение «Дневной сон фавна» («L'Apres-midi d'un faune») было опубликовано в журнале «Нью рипаблик» («New Republic»).

В этом доме родился и жил У.Фолкнер

В 1920 году Фолкнер бросил университет, так и не получив диплома, и по приглашению романиста и театрального критика Старка Янга переехал в Нью-Йорк, где работал продавцом в книжном магазине Элизабет Пролл. Через некоторое время будущий писатель вновь возвращается в Оксфорд и устраивается почтмейстером при университете, пока его не увольняют за чтение книг на рабочем месте.

В 1922 году в студенческой газете университета Миссисипи в

Оксфорде был опубликован рассказ «Холм». Позднее, в 1925 году, Фолкнер создает удивительный симбиоз этого рассказа и первого своего стихотворения «Дневной сон фавна» рассказ «Нимфолепсия». Опубликован он был все в том же университетском журнале после смерти писателя…

…Он шел, а впереди, извиваясь словно змея, ползла его собственная тень, пока холм, наконец, не накрыл своей темнотой обоих. Его тяжелые башмаки были серыми от дорожной пыли, серой от пыли была его роба. Пыль – то было благословение, снизошедшее на него за дневные труды. Он уже не вспоминал, как жали они пшеницу, как потом работали вилами, натирая руки о натруженную и гладкую, словно шелк, рукоять, заглядывая в широкий зев амбара, словно в пропасть, уходящую вверх. Полова, словно насекомые, не кружилась больше перед его глазами в своем солнечном хороводе.

Дневные заботы ушли. Теперь его ждал неприхотливый комковатый ужин и глухой сон в дощатом бараке. А завтра снова работа, пока тень его не совершит свой очередной круг.

Он миновал холм: тот напоследок зацепил его краешком своей тени. Пред ним была сумрачная долина – за нею золотился в закате выпуклый холм. Внутри долины, средь лиловых теней, покоился городок. Там его ждали еда и сон. Но, может быть, словно живой слепок забытой мелодии, на дороге еще возникнет девушка, вся в капельках жары, в чем-то синем и льняном: и как многие другие молодые пары, они лягут под луной, и золотая пшеничная пыль налипнет на их разгоряченные тела.

Вот он, городок. Над серыми досками забора нависают ветки, усеянные яблоками, еще зелеными до оскомины. Вот амбар и сарай: словно огромные серые улья, а в них – пустые соты, из которых вытек весь мед золотого дня. А вон там, чуть дальше, здание суда, торжественное, достойное пера Фукидида. Но если подойти поближе, можно увидеть, что его почти ионические колонны испещрены черными грязными пятнами от притушенных сигарет.

Из кузницы неподалеку гулким эхом раздавался стук молота о наковальню, размеренный как призыв к вечерне.

Он остановился, объятый предзакатной прохладой. Жар уходил из его натруженного тела. Он взглянул на церковь в отдалении: острый шпиль отбрасывал тень на землю, словно знак рукотворный. Он нагнулся и снял башмаки, высыпал из них пыль и песок. Черные подошвы его ног были грубыми и зернистыми. Он снова одел башмаки и опять ощутил их влажное и теплое нутро.

Многие книги У.Фолкнера были написаны в этом кабинете писателя

Между тем красное горнило солнца опускалось все ниже и ниже, золотые язычки пламени перебегали с ветки на ветку, повсюду на листьях играли предзакатные переливы.

Он уставился на багряную кисточку закатного огня, мелькавшего меж сосен, и подумал: господи, как живая. Заблудшее пламя, что отправилось на поиски своей родной свечи.

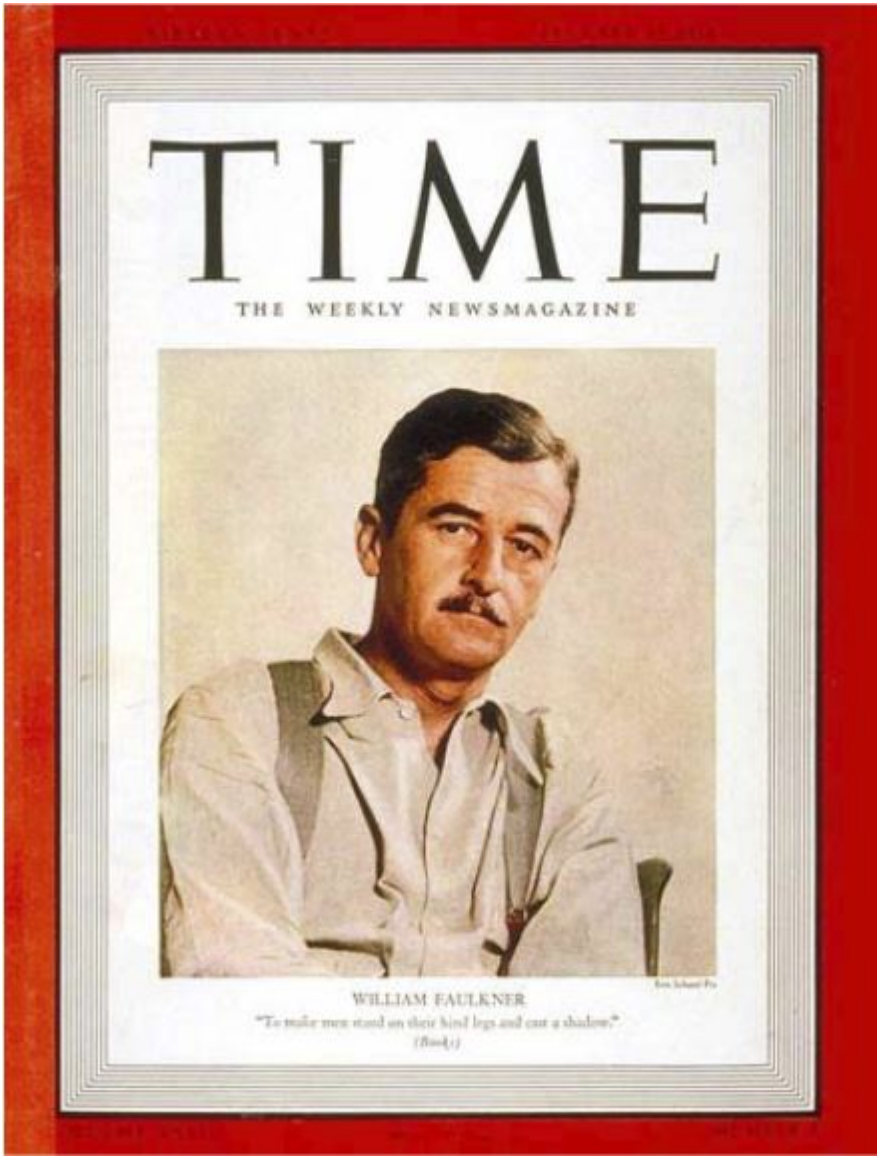
Сам не зная почему, но он твердо был уверен теперь, что видит девушку – там, вдалеке. Какое-то мгновение с еще неосознанным любопытством он наблюдал, как движется ее маленькая фигурка: словно пущенный кем-то солнечный зайчик. Девушка остановилась, а потом вдруг исчезла. Ослепленный на мгновение, он замер. Затем, жадной поступью самца, устремился вперед.

Он перемахнул через изгородь под тупые взоры чей-то припозднившейся на пастбище скотины, и грузно побежал через пшеничное поле, в сторону леса.

Колосья хрупко расступались под его напором, с колючим шуршанием колотились о колени: сзади оставалась легкая пышная борозда.

Чтобы достичь леса, ему пришлось перебраться еще через одну изгородь. На холмистой опушке леса он замер: закат щедро позолотил его щетину. Пред ним возникли охряные, бледно–лиловые стволы клена и березы: их растопыренные ветки

разбивали закатный цвет на множество оттенков. Здесь, на краю леса, сосны были словно отлиты из железа и бронзы – живой символ вечной гулкой тишины: закатное золото стекало с них каплями, а редкая трава внизу словно занималась огнем, который перебегал все дальше и дальше и, наконец, угасал в глубоком мраке соснового бора. Неподалеку, раскачиваясь на ветке, чирикнула птичка и вспорхнула прочь.

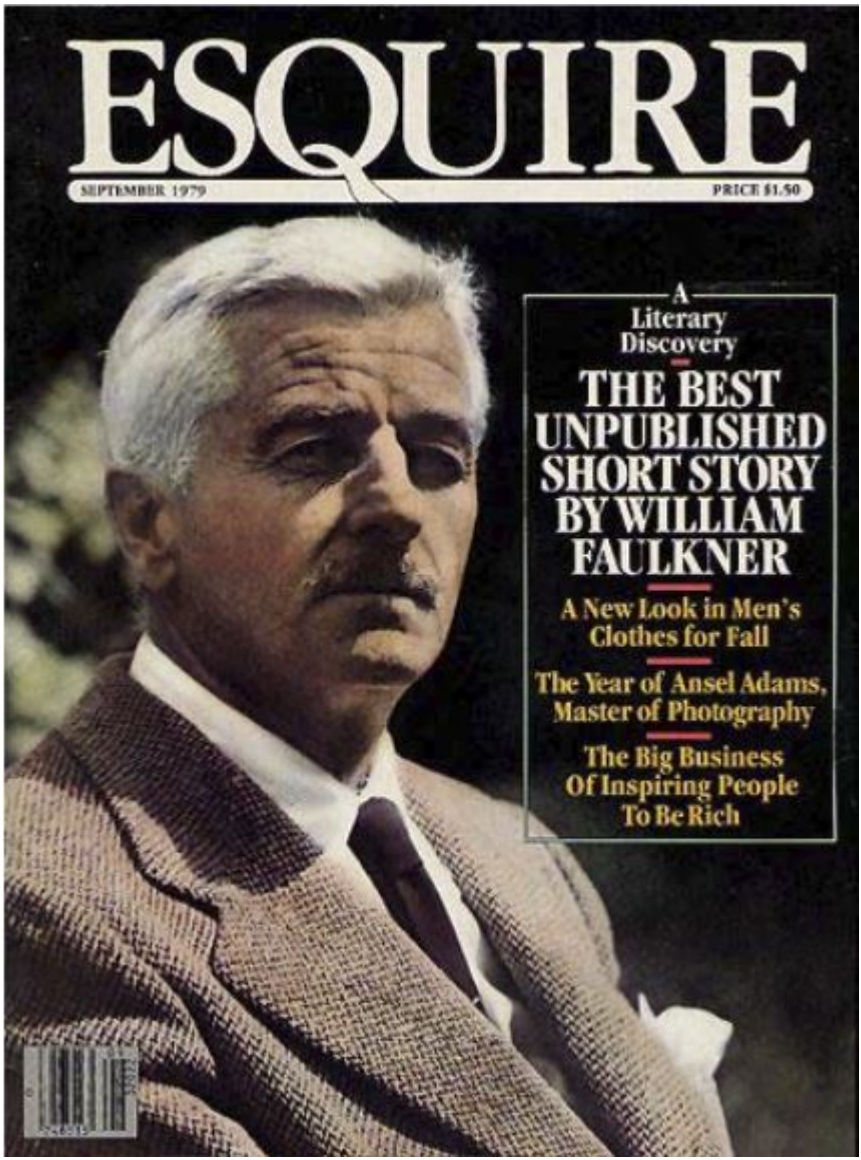
Обложка популярного американского журнала «Time» за 1939 год с портретом У.Фолкнера

Сейчас он стоял на невысоком холме, на пороге зеленого собора деревьев, опустошенный и дрожащий словно овца, прислушиваясь к звукам уходящего дня. День сочился из щелей мироздания, словно из кувшина или корыта, что дали от старости трещину. Там, за зелеными колоннами, кто-то невидимый воспевал тихую молитву. Он медленно двинулся вперед, вот-вот готовый столкнуться со священником, который остановит его словами назидания.

Но ничего подобного не произошло. День продолжал затихать беззвучно, и словно движимый притяжением земли, он начал медленно спускаться вниз с холма, вдоль широкого ряда молчаливых деревьев, погружаясь в сиреневый сумрак. Здесь, внизу, уже более не было солнца: лишь верхушки леса были слегка позолочены, да между черных стволов, словно за каминной решеткой, дотлевали остатки дня. И тогда он познал страх.

Он вдруг вспомнил обрывки дня: как глотал с сотоварищами по очереди холодную воду из кувшина, как шумно работала средь пшеницы жнейка – словно накидывала железный хомут на вздыбленную соловую кобылицу. Он вспомнил и про настоящих лошадей, помогавших им в работе: лошадей, которые, наверное, целый день мечтают об овсе насущном да об отдыхе в тени старой конюшни, пропитанной сладким запахом аммиака. Он вспомнил о черных дроздах, что порхали над пшеницей словно рассеянный по ветру бумажный пепел. Он вспомнил, как перекатывались его натруженные мышцы под выгоревшей голубой рубахой, как он переговаривался с другими батраками или просто слушал их разговор. Всегда рядом есть кто-то твоего роду-племени. Человек есть что угодно, кроме безмолвия. И теперь, оказавшись среди безмолвия, он испугался.

Здесь было нечто превыше вожделения женского тела. А может быть этот животный инстинкт специально заманил его в ловушку, подальше от безопасного места, и теперь бросил его тут одного? «Если я найду ее, я буду спасен», вдруг подумал он, сам еще не зная, спасет ли его само соитие или простая дружеская беседа. Но теперь вокруг себя он видел одни лишь холмы, разделенные тут и там небольшой извилистой речкой. Под черной ольхой и ивами текла темная вода: лишенная солнечного света, она показалась ему зловещей. «Эта река – словно линия жизни, словно глубокая длинная морщина на ладони мира. Я вполне могу утонуть здесь», – с ужасом вдруг подумалось ему. Вокруг кружились комары, деревья замерли, горделивые как боги: тусклый туманный воздух словно покровом прикрывал его собственное ничтожество.

Спустя много лет снова на обложке журнала

Деревья: он привык низводить их до уровня бревен, но эти деревья молчали со смыслом. Он знал, что такое дома из бревен, он кормил лесом костры, готовил себе пищу, питая огонь лесом; он долбил деревянные лодки, чтобы удержаться на воде, перебираясь от земли к земле. Но эти деревья… Нет… Эти деревья смотрели на него, словно готовясь к мести. Ибо тут не было другого огня, кроме закатного, не было другой воды, кроме той, что не подпустит к себе ни одну лодку. Потому что над всем этим царил Бог, и привычные понятия постепенно покидали его. Здесь был Бог –

он словно не замечал человека, но и не впускал его, чужака, невесть зачем забредшего сюда.

Он медленно опустился на колени, опершись руками о землю: он почувствовал ее живое тепло и приготовился к смерти.

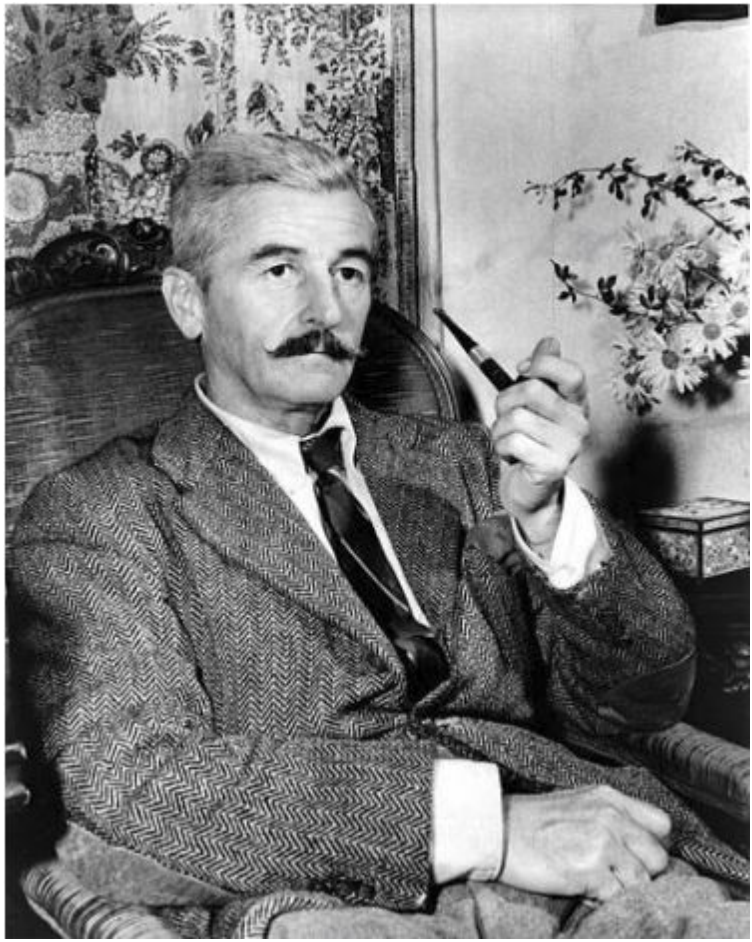
Но ничего не случилось, и он открыл глаза. Над ближним холмом, меж деревьев, он увидел звезду, одинокое светило – сейчас это было все равно, что увидеть собрата. Впрочем, светило было слишком далеко, чтобы он устыдился. Он встал и пошел обратно по направлению к городку. И тут ему преградила путь река. Мысль, что придется искать переправу, наполнила его новым страхом. Он попробовал помечтать об ужине и о том, что, возможно, еще доберется до этой девушки.

Но никак не покидало ощущение, что только что он оскорбил своим присутствием какое-то божественное существо. И теперь словно чувствовал над собой незримое колыханье чьих– то распростертых крыльев. Первый страх, однако, прошел, но все равно – он побежал изо всех своих сил. Может, надо было остановиться и проверить, он ли это по-прежнему, но он бежал и бежал. Здесь, в глухом сумраке, он увидел старое дерево, поваленное через реку. «Пройди, прошагай», твердил ему разум, но ноги несли его что есть мочи. Кусок гнилой коры подался под ногами и гулко шлепнулся в темный бурчащий поток. Он поскользнулся и, проклиная собственную неуклюжесть, будто видел уже со стороны, как начинает падать. «Ты умрешь», говорил он себе, ощущая в воздухе чье-то незримое присутствие: притяжение воды уже заглушило собственные мысли. На какое-то мгновенье, одним своим полуобморочным зрением, он увидел темные водяные недра, бревно через реку, контуры деревьев, пульсирующих и живых, воздевших ветви кверху, словно в немом, обращенном к Богу жесте. Его падение было как смерть, под чьей-то блеклый и невидимый смешок. Он переживал, что умирает, и не хотел этого. Затем вода приняла его.

Река приняла его. Но это было нечто большее, чем просто вода. Темные недра шарили под его одеждой, откидывали со лба мокрые пряди. И вдруг под рукой, словно змея, проскользнуло чье-то быстрое бедро: среди темных пузырей воздуха промелькнула чья-то нога. У самого дна по спине его прошелся чей-то острый сосок. И в этом медленном взбудораженном колыхании он увидел смерть – в облике девушки, бьющейся в предсмертной агонии, сверкающую смерть-утопленницу, поджидавшую его. И тогда, отплевываясь водой, он вынырнул на поверхность.

Взбудораженная хлябь плескалась у самого рта: остатки дневного света словно вынырнули наружу, разбиваясь на мелкие блики. Предзакатные лучи преломлялись о воду, покрывая ее

сверкающей рябью. Ступая по этой воде, отягощенный ею, как есть в одежде и башмаках, с мокрыми прядями, налипшими на лицо, он наблюдал теперь, как девушка, роняя речные капли, взбирается на берег.

Уильям Фолкнер. 40-е годы

Он побежал к ней, вспенивая воду. Казалось, он никогда не достигнет берега. Водяные девы льнули к нему, липли к его телу: или это была его мокрая одежда? Вода волновалась пред ним: на гребнях колыхались мелкие вечерние звездочки. Наконец он достиг прибрежных ив, ощутив под рукою мокрую и скользкую землю. Пошарив, он ухватился за корень, потом за ветку, подтянулся и забрался на берег. Вода ручьем стекала с его одежды, мокрая тяжесть постепенно перемещалась вниз к ногам.

В башмаках его хлюпало, влажная одежда налипала и не давала бежать. Впереди, в безлунной темноте, он видел луч ее обнаженного тела, он видел, как она взбирается вверх по холму.

Он бежал и ругался, проклиная такой счастливый случай, со всеми его несчастьями.

Обувь мешала бежать, и тогда, не спуская глаз с тусклого бегущего пламени, он скинул башмаки и припустил дальше. Одежда была грузной как свинец. Тяжело дыша, он взобрался на холм.

Над пшеничным полем всходила луна. Девушка была там, внизу: словно маленький корабль, порхающий на серебряной глади моря.

Он бросился вслед. Пшеница с шелестом расступалась перед ним. Там, где он шел, позади оставалась узкая серебряная борозда: тонкая царапина, которая тотчас же зарастала, когда пшеница, распрямляясь, возвращалась на место. Девушка была далеко впереди: там, где прошла она, поле уже разгладилось. Он видел, как быстро затягивается за ней серебряная дорожка. Наконец, на самом краю поля, тело ее словно чиркнуло о ближайший ствол дерева, вспыхнуло как спичка и погасло.

Все еще бегом он миновал остаток поля и, усталый, вошел в лес. Девушка исчезла. В приступе отчаяния он бросился на землю. «И все же я коснулся ее», с безнадежной обидой подумал он, чувствуя сквозь мокрую одежду прикосновение земли, ощущая лицом и руками тонкую жесткость опавших веток.

Луна взошла высоко: она плыла в небе, раздувая свои круглые золотые щеки.

Он скорчился в судороге, вспомнив тело девушки рядом со своим, вспомнив темный лес, закат и пыльную дорогу, проклиная, что не дошел до дому.

«И все же я коснулся ее!», шептал он, пытаясь представить, как все могло быть дальше. Он вспомнил ее пугливое бедро, прикосновение острого соска. Обиднее всего было то, что она испугалась его. «Я не причинил бы тебе зла», застонал он, «я не сделал бы тебе ничего плохого».

На мгновение мышцы его свело судорогой былого труда, машинальных движений, повторяемых им в поле и на току. Но свет луны расслабил его, успокоил, шаря в его мокрых волосах, перебирая тени и свет. Он подумал про завтра, поднялся. Ощущение потустороннего присутствия исчезло: остались только ночные тени. В лунном свете сверкнула проволока изгороди. Он понял, что вышел на дорогу.

Пыль тотчас же стала налипать на его мокрые босые ноги. Он еще раз взглянул с холмистой дороги на лунное поле, на чернильные пятна деревьев. Он вспомнил о девушке, быстрой словно ртуть, стремительной, словно укатившаяся монета. Скоро уже он видел внизу огни городка, часы на башне здания суда: в тихом мерцанье улиц ему виделась маленькая волшебная страна. И

тогда он забыл о девушке, мечтая только поскорее добраться до койки.

Освещенная луной, тянулась к городу длинная, однообразная дорога. А луна между тем поднималась все выше и выше. Но скоро она начнет медленно сползать вниз, чтобы рассмотреть поближе припорошенные ее светом деревья и пшеничные поля, холмы и стерню.

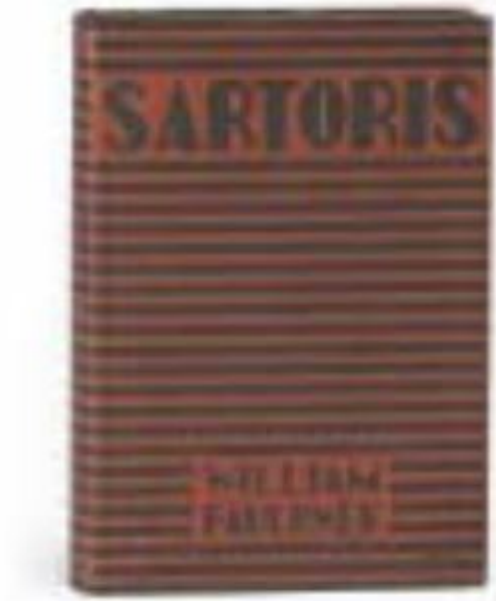
Он уже видел в отдалении посеребренный амбар и силосную башню – словно силуэты древнегреческого города. Серебристая яблоня стояла под луной – застывшие брызги фонтана. Лунный свет слоился в городском воздухе. Некоторые окна в здании суда еще горели: но свет их казался жидким и бесполезным.

Дневные заботы ушли, впереди – вечные заботы. Звезды, словно лепестки опавших цветов на черной воде, относило небесным течением все ниже на запад. Ступая мокрыми, но уже покрытыми пылью ногами, он медленно сошел с холма…

(«Нимфолепсия», перевод С.Чулковой)

Приехав в 1925 году в Новый Орлеан, Фолкнер знакомится с писателем Шервудом Андерсоном, который, заинтересовавшись творчеством Фолкнера, посоветовал ему уделять больше внимания прозе, чем поэзии. Провал поэтического сборника Фолкнера «Мраморный фавн» («The Marble Faun») подтвердил правоту Андерсона, и Фолкнер пишет роман «Солдатская награда» («Soldiers' Pay»), который Андерсон передал своему издателю (при издании своей первой книги, писатель добавил к своей фамилии букву U и стал писать ее Faulkner вместо Falkner).

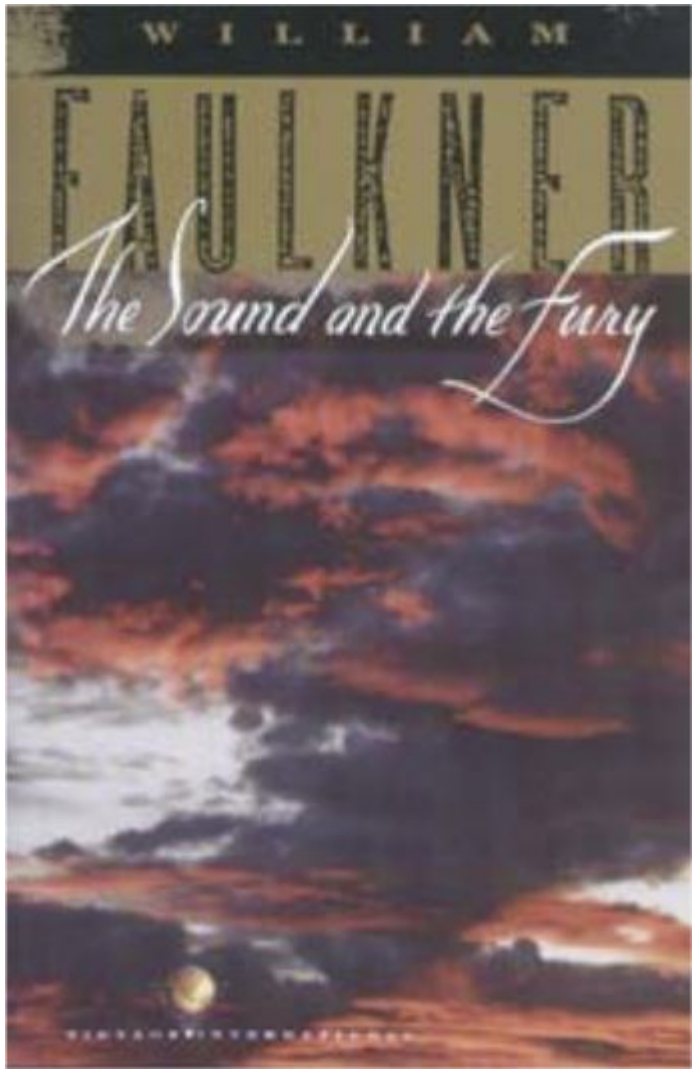
Пока рукопись романа лежала в издательстве, Фолкнер несколько месяцев путешествовал по Европе: сначала на грузовом судне отправился в Англию, затем объездил на велосипеде и Италию, и Францию…

Первое издание «Сарториса»

За «Солдатской наградой» последовал роман «Москиты» («Mosquitoes», 1927) – сатирическое изображение нью-орлеанской богемы. Хотя ни первый, ни второй роман не привлек внимания читателей, Фолкнер не отчаивается и пишет «Сарторис» («Sartoris», 1929), первый из пятнадцати романов, действие которого происходит в вымышленном округе Йокнапатофа, своеобразном микрокосме американского Юга, населенном несколькими поколениями колоритных персонажей. На карте этого воображаемого мира автор написал: «Единственный владелец и собственник – Уильям Фолкнер».

Первоначальный вариант этого романа, который был сокращен издателем, вышел в 1973 году под названием «Флаги в пыли» («Flags in the Dust»).

Современное американское издание романа У.Фолкнера «Шум и ярость»

Хотя «Сарторис» и был отмечен критикой, широкое признание Фолкнер получает лишь после выхода в свет романа «Шум и ярость» («The Sound and the Fury», 1929), где впервые осуществляется принцип «двойного видения» – основной творческий принцип прозы Фолкнера, с помощью которого раскрываются одни и те же события и характеры с разных точек зрения. Критики единодушно провозгласили роман «великой книгой», где трагическая тема «заставляет вспомнить о Еврипиде». На простого же читателя роман большого впечатления не произвел: новаторская повествовательная техника Фолкнера была трудна для восприятия.

Само название романа отсылает знающего читателя к шекспировскому «Макбету», интерпретирующему жизнь человека как рассказ сумасшедшего, в котором нет ничего, кроме шума и ярости. Семейство Компсонов – собирательный символ американского Юга, героическое прошлое которого растаяло, а новое настоящее разрушает устоявшиеся культурные традиции. Роман состоит из четырех частей и представляет одни и те же события, как уже упомянуто, с разных точек зрения. В первой части повествование ведется от лица тридцатитрехлетнего Бенджи, остановившегося в своем развитии на уровне трехлетнего ребенка. Бенджи воспринимает мир через ощущения, мир предстает в виде осколков зеркала. Фолкнер показывает внешние реалии через младенческое, ничем не отягощенное подсознание, в котором полностью отсутствуют причинно-следственные связи. Вторая часть романа являет собой поток сознания Квентина, интеллектуала, трагически переживающего дисгармонию мира. Квентина мучает воображаемый инцест с сестрой Кэдди и ее реальное грехопадение. Рушащиеся традиции и устои прошлого, бездушие настоящего приводят к тому, что Квентин существует в иллюзорном мире, пока, наконец, он не останавливает жизненные часы, покончив жизнь самоубийством… Третья часть романа, повествование от лица Джейсона, дает видимое представление о кризисе, который переживает когда-то уважаемая семья. Джейсон – самодовольный тиран, мучающий племянницу, расист, ненавидящий негров, завистник, считающий, что весь мир ему обязан.

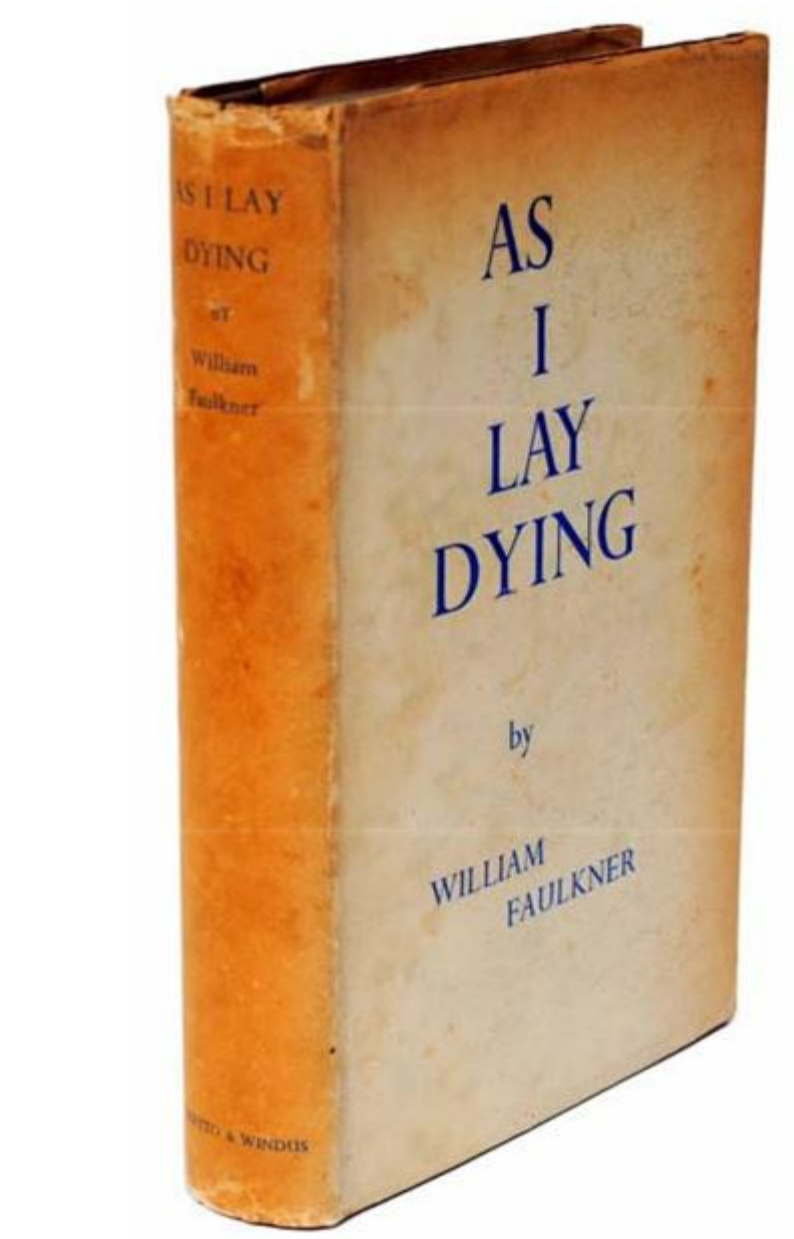
Последняя же часть романа написана в традиционной повествовательной технике. Через все произведение к читателю постепенно пробивается мысль о том, что жизнь человека – это бесконечная череда побед, которые не отличаются от поражений, и поражений, которые не отделимы побед. Библейская сентенция, что жизнь – это поток, в котором первые становятся последними, а последние – первыми, пронизывает весь роман. Носительницей этой идеи Фолкнер делает старую негритянку Дилси, выступающую хранительницей традиций Юга, сердцевиной, которая не поддается разрушению…

Все время работы над своими книгами Фолкнер продолжал встречаться с Эстелл Олдхэм, и после ее развода в 1927 году они, наконец, поженились. У Фолкнеров было две дочери: Алабама, которая умерла в 1931 году, и Джилл.

Свой следующий роман – «На смертном одре» («As I Lay Dying», 1930) – Фолкнер написал за шесть недель, работая в ночную смену на электростанции. В этой книге, состоящей из пятидесяти девяти внутренних монологов, рассказывается о

путешествии бедной семьи южан Бандренсов, которые везут тело миссис Бандрен в город Джефферсон на кладбище.

Хотя американский писатель К.Эйкен назвал этот роман «высшим пилотажем», «На смертном одре» продавался так же плохо, как и предыдущие книги писателя.

Первое издание книги «На смертном одре»

Оказавшись перед необходимостью содержать семью,

Фолкнер решает написать, говоря его же словами, «историю, ужасней которой не придумаешь», – и через три недели появляется «Святилище» («Sanctuary», 1931), история молодой женщины, которая была изнасилована гангстером, после чего, по иронии судьбы, нашла прибежище в публичном доме в Мемфисе. Роман стал бестселлером, был с успехом экранизирован – несмотря на сенсационный характер, он произвел впечатление на многих критиков, в том числе и на Андре Мальро, который заявил, что «Святилище» – это «греческая трагедия с детективным сюжетом».

Успех романа лишь временно решил финансовые проблемы писателя, поскольку спрос на книги в годы Великой депрессии резко упал. Кроме того, романы Фолкнера не давали читателю возможности отвлечься от жизненных неурядиц.

В 1932 году выходит «Свет в августе» («Light in August») – роман, рассказывающий о скитаниях Джо Кристмаса, трагедия которого состоит в том, что он не может с полной уверенностью идентифицировать себя ни с представителями черной, ни с представителями белой расы. По мнению Фолкнера, «…это самая трагическая ситуация, в которой может оказаться человек, – не знать, кто он, и знать, что никогда этого не узнает». В сцене гибели героя важна идея, занимавшая большое место в произведениях Фолкнера, – убеждение, что каждое преступление накладывает свою печать на души последующих поколений – печать страха, вины, ненависти. Кристмас Джо – и преступник, и жертва. Но, в первую очередь, он жертва расовой ненависти, и, что самое главное, он, как и большинство героев романа, – жертва идеи бегства от жизни. Сложностью затронутых в романе проблем продиктована и его сложная композиция: в нем переплетается несколько историй, почти независимых сюжетов, связанных между собой, казалось бы, почти случайно, только по воле автора. Но, заканчивая роман, читатель ощущает, что только взаимодействие этих вроде и независимых друг от друга историй дает смысл всему повествованию, обнажает и формулирует мысль писателя, идеи, которые он хотел выразить…

«Святилище» – издание 1931 г.

В поисках более прибыльной работы Фолкнер в этом же, 1932 году, совершает первую поездку в Голливуд в расчете на экранизацию одного из своих рассказов. На протяжении ряда лет Фолкнер пишет киносценарии таких популярных фильмов, как «Дорога к славе» («The Road to Glory», 1936), «Гунга Дин» («Gunga Din», 1939), «Иметь и не иметь» («To Have and Have Not», 1945) и «Вечный сон» («The Big Sleep», 1946).

Одновременно Фолкнер создает такие произведения, как «Пилон» («Pylon», 1934), «Авессалом, Авессалом!» («Absalom, Absalom!», 1936), «Дикие пальмы» («The Wild Palms», 1939), «Деревушка» («The Hamlet», 1940), а также «Сойди, Моисей» и другие рассказы» («Go Down Moses, and Other Stories», 1942), куда

вошел рассказ «Медведь» («The Bear»), один из лучших в мировой литературе.

Многие книги Фолкнера были переведены на французский язык и вызвали восторженные отклики ряда европейских писателей и критиков. «Фолкнер – это бог!» – писал Жан-Поль Сартр американскому критику М. Каули. Вместе с тем, как заметил впоследствии Каули, «…на родине Фолкнера читали мало и явно недооценивали».

Задавшись целью представить Фолкнера как можно более широкому кругу читателей, Каули в 1946 году издал «Избранного Фолкнера» («The Portable Faulkner»). Сборник имел большой успех и вызвал заметное оживление интереса к произведениям писателя. В своем предисловии к этому сборнику Каули исследовал сагу Йокнапатофы с точки зрения американского мифа, назвав романы Фолкнера «недосягаемым художественным подвигом».

В 1950 году Фолкнеру была присуждена Нобелевская премия за 1949 год «**за его значительный и с художественной точки зрения уникальный вклад в развитие современного американского романа**».

Присуждение Нобелевской премии Фолкнеру вызвало противоречивые отклики. «Его называют реакционером, – сказал в своей речи член Шведской академии Густаф Хельстрем, имея в виду чрезмерное увлечение Фолкнера темами ненависти и насилия на американском Юге, – но даже если это и так, ненависть у Фолкнера уравновешивается чувством вины. Для такого писателя, с его чувством справедливости и гуманности, ненависть невозможна. Именно поэтому его Йокнапатофа универсальна».

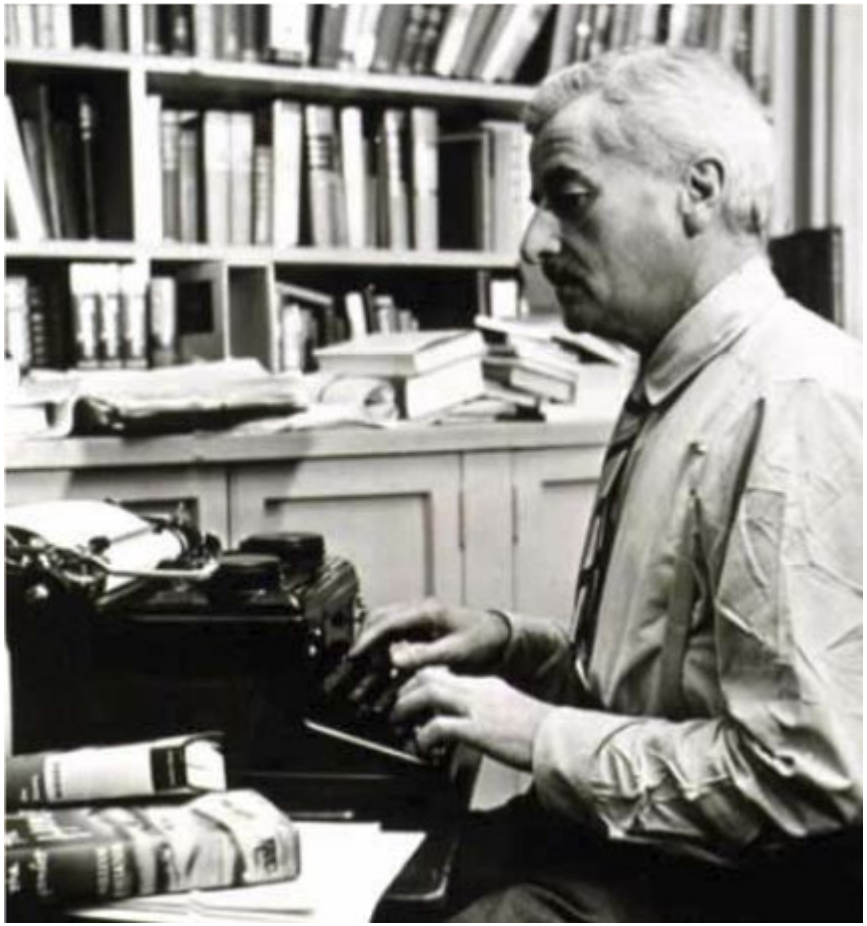

Аверс памятной медали У.Фолкнера

В своей краткой речи Фолкнер остановился на проблеме выживания человека и ответственности писателя. «Перед угрозой ядерного уничтожения, – сказал он, – молодой мужчина или молодая женщина, пишущие сегодня, забыли о сердечных проблемах, о мятущихся душах… И все же я верю, что человек не просто выстоит, но победит. Человек бессмертен… потому что у него есть душа, потому что он способен к состраданию, жертвенности и стойкости».

Фолкнер получил Нобелевскую премию в пору творческого кризиса. После очередной поездки в Голливуд он вернулся в Оксфорд и закончил «Реквием по монахине» («Requiem for a Nun», 1951), а затем попытался создать свой «magnum opus» – «Притчу» («A Fable», 1954), роман о первой мировой войне, главный герой которого, капрал, имеет много общего с Христом. Однако критики роман не приняли.

Хотя здоровье Фолкнера было серьезно ослаблено регулярными и тяжелыми запоями, он воспользовался приглашением госдепартамента представлять Соединенные Штаты Америки на Международной писательской конференции в Бразилии в 1954 году.

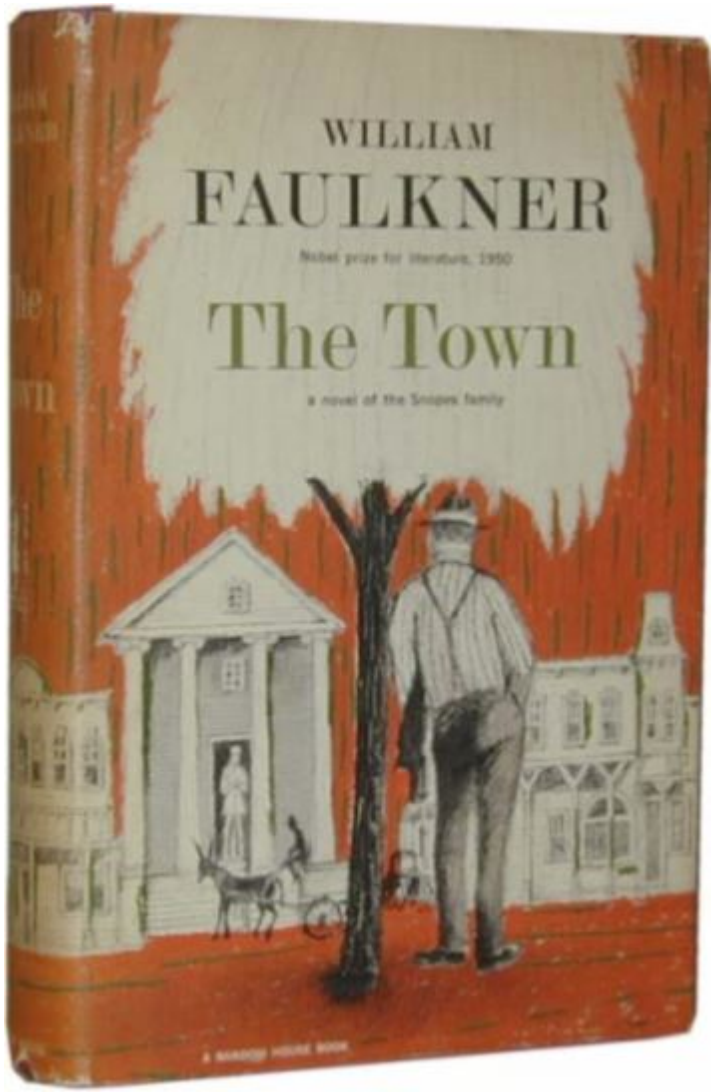
У.Фолкнер за рабочим столом в последние годы жизни

В следующем году Фолкнер совершает кругосветное путешествие в качестве официального представителя американского правительства.

Романами «Город» («The Town», 1957) и «Особняк» («The Mansion», 1959) Фолкнер подвел черту под историей семьи Сноупсов, которую он начал в 1940 году в «Деревушке»… В 1962 году он пишет комический роман «Похитители» – свое последнее произведение.

В подражание «Человеческой комедии» Бальзака Фолкнер сделал попытку художественного воссоздания места действия и его истории в целом ряде романов с повторяющимися персонажами и постепенно развивающимся сюжетом, который повествовал о взлете и падении американского Юга со времен вытеснения индейцев, образования сообщества плантаторов и присущего ему рыцарского кодекса чести и вплоть до трагедии рабства и замены прежних ценностей современными ценностями

меркантильного, стяжательского Севера.

Первое издание «Города» У.Фолкнера. 1957 год

Выдающийся фолкнеровский цикл о рае, потерянном по вине ограниченности человеческих возможностей и безудержных страстей, воплощен в повествовании о различных персонажах и историях их семей, в хронике региона и в прошлом, которое Фолкнер возвышает до уровня мифа и вселенского обобщения, показывая комическое и трагическое в жизни своих Сарторисов, Компсонов, Мак-Каслинов, Бандренсов, Сноупсов и других. Их истории зачастую преломляются в многочисленных повествовательных перспективах, нелинейной

последовательности времени и неясном, изменчивом, полном намеков и недомолвок стиле…

С 1957 года и почти до самой смерти писатель ведет семинары в университете штата Виргиния. Статус writer in residence (то есть, писателя, получающего стипендию от университета) еще больше повысило его репутацию и материальную обеспеченность.

Однако, завершив свою карьеру и поселившись неподалеку от Виргинского университета, Фолкнер, в некоторой растерянности от собственного успеха, зачастую выдавал себя за простого фермера, а не за всемирно известного писателя…

Признанный самым популярным американским писателем в Венесуэле, Фолкнер в 1961 году принимает участие в праздновании 150-летней годовщины этой страны.

В следующем, 1962 году, Фолкнер начал писать свою последнюю книгу «Похитители» («The Reivers», 1962)… 17 июня 1962 года он упал с лошади, а несколько недель спустя, 6 июля, приехав в санаторий в Байхелиа (штат Миссисипи), умер от тромбоза.

Литературная слава Фолкнер продолжает неуклонно расти и после его смерти. По словам исследователя его творчества в США Майкла Миллгейта, «…критики, анализируя причудливые композиционные и образные модели его книг, приходят к выводу, что продуманность стиля органически связана с материалом романов, с их нравственными и эмоциональными мотивами».

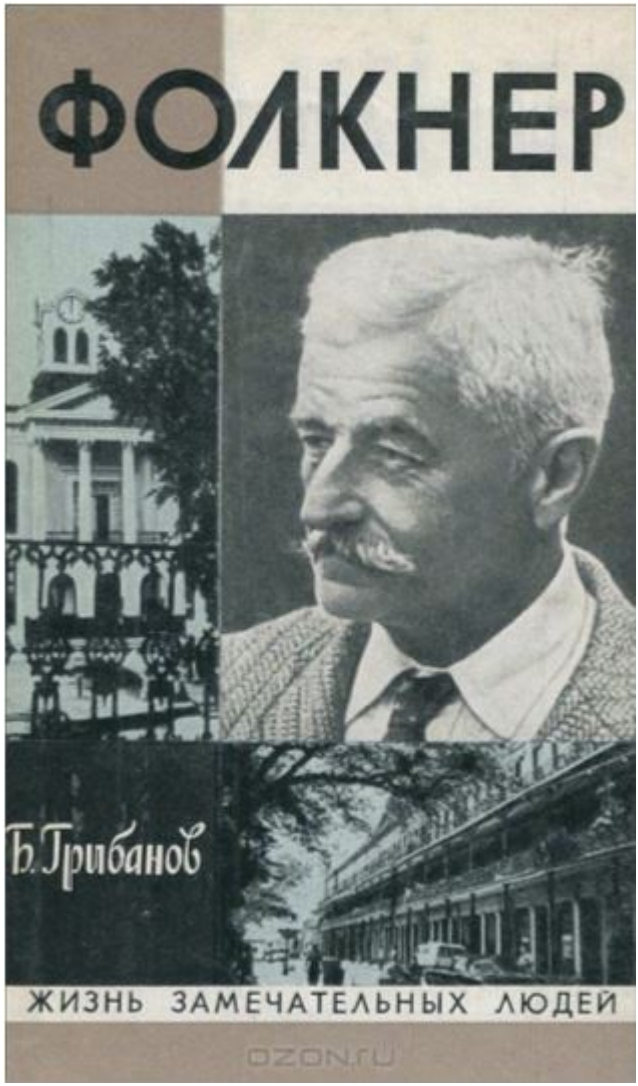

Бронзовый памятник У.Фолкнеру в Оксфорде (Миссисипи).

США

«Работая в одиночестве, в бескрайней культурной пустыне Миссисипи, – писал американский Д. Олдридж, – Фолкнер сумел создать оазис для своего ума и сад для своего творчества, – сад, который писатель возделывал с такой любовью, что и в наши дни он продолжает питать воображение образованных людей во всем цивилизованном мире»…

Уильям Фолкнер принадлежит к крупнейшим писателям США, мастерам новой американской прозы XX века, которая стала известна в Европе с 20-х годов, а в 30-х годах получила мировое признание. Этот самый американский из всех авторов Америки стал одним из гигантов мировой литературы. Опираясь на разговорный язык и американские народные традиции, Фолкнер сочетал эти элементы с литературным модернизмом и самыми смелыми европейскими экспериментами в символизме и в литературе «потока сознания», создавая свои бессмертные шедевры. В нашей стране с творчеством У.Фолкнера знакомы достаточно давно – практически все книги переведены, однако долгое время произведения великого американца считались чем-то вроде элитарного, доступного пониманию немногих чтива, открывающего некую тайну американской души… Советская критика (до 1985 года) трактовала Уильяма Фолкнера как крупнейшего представителя модернизма в литературе XX века, сводя его творческое мировоззрение только к выражению формулы отчаяния… Сегодня же произведения Фолкнера вполне доступны всем желающим, и, надо отметить, переиздания его книг не залеживаются на полках книжных магазинов, а инсценировки его книг ставятся во многих российских театрах.

Книга Б.Грибанова о Фолкнере из серии «Жизнь замечательных людей»

Глава XV
Бертран Рассел (Russell)
1950, Великобритания

Бертран Рассел

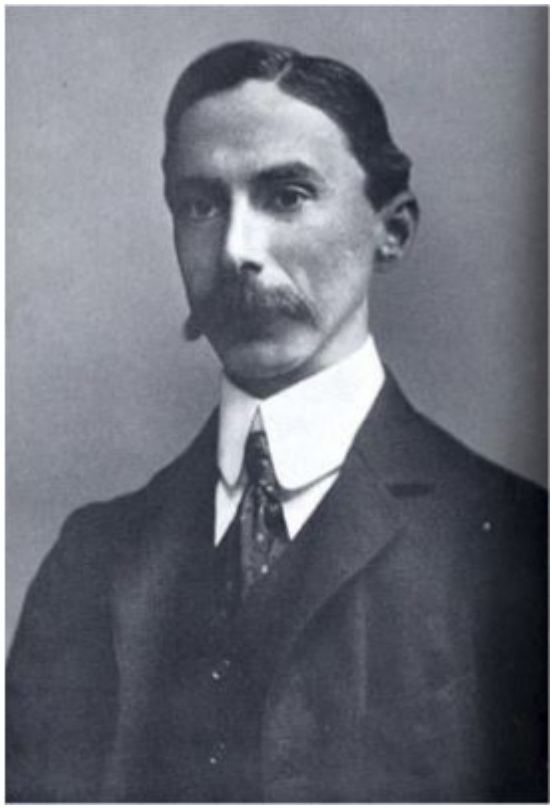
Выдающийся английский философ, математик, логик и общественный деятель *Бертран Артур Уильям Рассел* (18 мая 1872 – 2 февраля 1970) родился в Рейвенскрофте, в графстве Монмаутшир (ныне графство Гвэнт, Уэльс). Он был младшим из трех детей в семье Джона Рассела, виконта Эмберли, и Кэтрин (Стэнли) Рассел. Расселы активно участвовали в британской политической жизни с начала XVI века. Наиболее выдающийся представитель этого рода, лорд Джон Рассел, дед философа, дважды в годы правления королевы Виктории становился премьер-министром и получил титул первого графа Рассела в 1861 году (третьим графом Расселом стал в 1931 году Бертран Рассел). Лорд Джон, который в 1832 году внес билль о реформе парламента, придерживался радикальных убеждений и часто расходился во взглядах с консерваторами.

Когда Бертрану было два года, умерли его мать и сестра, а еще через полтора года – отец, и в 1876 году Рассел с братом переехали жить к бабушке, графине Рассел, в Пемброк-Лодж, где их воспитывали и обучали швейцарские и немецкие гувернантки, и английские домашние учителя. Заинтересовавшись геометрией

Евклида, Бертран увлекся математикой и философией и вскоре, к огорчению своей набожной бабушки, заявил, что в Бога не верит.

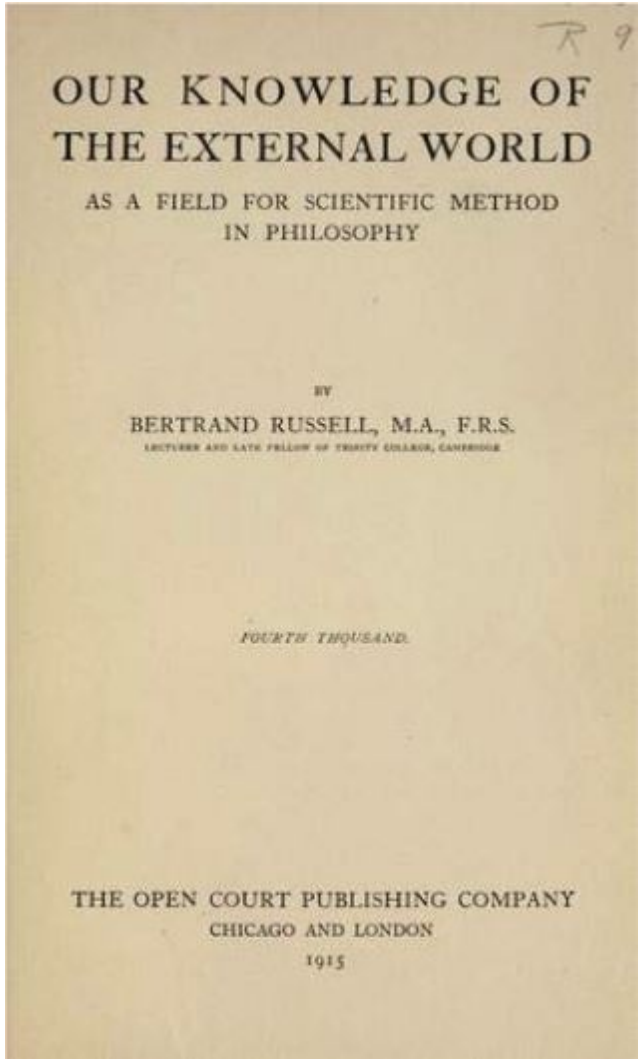
В 18 лет Бертран поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета, где в 1894 году получил степень бакалавра искусств. Дж. Э. Мак-Таггарт познакомил его с идеалистической философией Гегеля, однако юношу больше интересовали исследования в области аналитической философии Дж. Э. Мура, опиравшегося на исконно английские традиции эмпиризма в философии Джона Локка и Дэвида Юма. В 1895 году Рассел избирается членом научного общества Тринити-колледжа, а в 1897 году пишет диссертацию «Об основах геометрии» («An Essay on the Foundations of Geometry»).

Закончив в 1894 году Кембридж, Рассел едет в Париж почетным атташе британского посольства, а в декабре того же года женится на дочери квакера американке Элис Уитолл Пирсолл Смит. В 1895 году молодожены едут в Берлин, где Рассел изучает экономику и собирает материал для своей первой книги «Германская социал-демократия» («German Social Democracy», 1896). Побывав в 1896 году в Соединенных Штатах, Рассел возвращается в Англию и живет в графстве Суссекс, где пишет «Критическое толкование философии Лейбница» («A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz», 1900), куда вошли его кембриджские лекции.

Б.Рассел в 1907 году

В 1900 году, самом важном, как вспоминал впоследствии философ, Рассел вместе с преподавателем Тринити-колледжа Алфредом Нортом Уайтхедом участвует в международном философском конгрессе в Париже и, познакомившись с работами итальянского философа Джузеппе Пеано и немецкого философа Готлиба Фреге, двух основателей символической логики, пишет книгу «Принципы математики» («The Principles of Mathematics», 1903), принесшую ему международное признание. В этой книге он приходит к заключению, что математика и формальная логика идентичны и что вся математика строится всего на нескольких логических принципах…

OUR KNOWLEDGE OF
THE EXTERNAL WORLD

AS A FIELD FOR SCIENTIFIC METHOD
IN PHILOSOPHY

BY

BERTRAND RUSSELL, M.A., F.R.S.

FOURTH THOUSAND.

THE OPEN COURT PUBLISHING COMPANY
CHICAGO AND LONDON
1915

Лоуэлловские лекции. 1915 г.

В последующие годы Рассел и Уайтхед продолжают теоретические исследования на эту тему и с 1910 по 1913 год выпускают трехтомные «Основания математики» («Principia Mathematica»), работу, оказавшую большое влияние на европейских философов, которые отвергали традиционно английский эмпирический подход к метафизическим проблемам. По мнению Рассела и Уайтхеда, главная функция философии состоит в толковании естественных наук, а логика является основным компонентом научного исследования. С их точки зрения, философия не должна иметь ничего общего ни с этикой, ни с богословием; противодействуя «разлагающим» тенденциям идеалистической мысли, философия должна ограничиваться

простым объективным анализом явления. Рассел и Уайтхед были убеждены, что эмпирическое познание – это единственный способ достижения истины, а все прочие знания – субъективны и, следовательно, ошибочны.

Сборник замечательных фантастических рассказов Рассела на итальянском языке

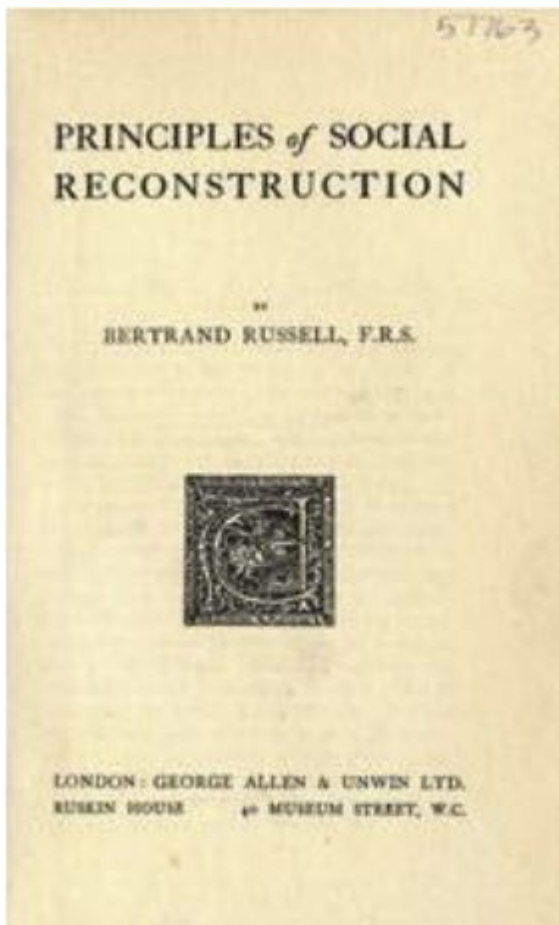
Со временем Рассел усомнился в том, что эмпирический метод – это единственное средство познания истины. В своих Лоуэлловских лекциях, прочитанных в Гарварде в 1914 году и опубликованных в том же году под названием «Познание внешнего мира как поле деятельности для научных методов в философии» («Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy»), а также в последующих философских исследованиях Рассел признал противоречивый

характер логики и допустил, что многое в философии действительно зависит от гипотез, которые нельзя доказать посредством опыта. Рассел был убежден, что, используя логико-аналитический метод, философия может стать наукой. Его специальные философские работы по большей части вдохновлялись желанием найти минимальный словарь для нашего нематематического знания.

Вышеназванный труд был первой попыткой применить этот метод в философии. Следуя Уайтхеду, Рассел показал, что точки и моменты времени в математической физике можно рассматривать как конструкции, построенные на грубых данных чувственного опыта, и предложил подобным же образом рассматривать физические объекты. Одной из традиционных проблем философии является отношение физического объекта (например, дерева) к его восприятию в чувственном опыте. Рассел надеялся решить эту проблему, предложив метод перевода предложений о физических объектах в предложения, содержащие указания исключительно на восприятия в чувственном опыте. Так, дерево можно рассматривать как логическую конструкцию, и нет необходимости иметь с ним дело как с предполагаемой метафизической сущностью, лежащей за пределами чувственных данных… Рассел говорил о присущем ему «инстинкте реальности», который допускает наличие в мире «чувственных данных», объектов здравого смысла (отдельных предметов), а также универсалий (то есть свойств и отношений), но исключает «единорогов», «крылатых коней» и «круглые квадраты». Философ-аналитик должен найти логические способы отрицания сомнительных сущностей, которых особенно много в метафизике. Принципиально важным для Рассела было различение двух видов знания – «знания-знакомства» и «знания по описанию». Первое есть изначальное и непосредственное знание о чувственных данных и универсалиях. Элементы языка, подтверждаемые «знанием– знакомством», Рассел называл «именами». «Знание по описанию» вторично. Это выводное знание о физических объектах и психических состояниях других людей, получаемое с помощью «обозначающих фраз». Главные логические проблемы и недоразумения порождаются именно «обозначающими фразами». Например, фраза «автор «Уэверли» в предложении «Вальтер Скотт есть автор «Уэверли» сама по себе не имеет своего объекта, то есть, лишена значения. Рассел разработал механизм анализа и устранения двусмысленных «обозначающих фраз». Он обнаружил проблемы и с собственными именами: например, мифологическое имя Пегас порождает «парадокс существования» (тезис о существовании несуществующего объекта). Позднее он признал

все собственные имена двусмысленными и пришел к выводу, что язык «соединяется» с миром только с помощью указательных местоимений («это» и «то»), которые «логически суть собственные имена»…

Еще работая над «Основаниями математики», Рассел активно занимается общественной и политической деятельностью. В течение нескольких лет он и его жена входят в «Фабианское общество», созданное для пропаганды социалистических идей в Великобритании. Философ принимает участие в кампании за предоставление женщинам равных избирательных прав. В 1910 году, будучи преподавателем Тринити– колледжа, Рассел выдвигает свою кандидатуру в парламент от либералов, однако поддержки в партии из-за своих взглядов на религию не получает.

«Принципы социального переустройства»

Принципиальный противник участия Англии в первой мировой войне, Рассел в 1914 году вступает в пацифистскую

организацию «Противодействие призыву на военную службу», выступает против войны в «Принципах социального переустройства» («Principles of Social Reconstruction», 1916), «Войне и справедливости» («Justice in Wartime», 1916), «Политических идеалах» («Political Ideals», 1917) и в «Дорогах к свободе» («Roads to Freedom», 1918). Эти книги не остались незамеченными, однако по-настоящему Рассел привлек к себе внимание лишь тогда, когда был оштрафован на большую сумму и заключен в тюрьму за памфлет, осуждающий практику тюремного преследования за отказ служить в армии. За штрафом и тюремным заключением последовали увольнение из Тринити-колледжа, распродажа библиотеки для уплаты штрафа и отказ правительства выдать ему паспорт на выезд в Соединенные Штаты для чтения лекций в Гарвардском университете. Однако Рассел, несмотря на преследования, продолжает выступать против войны и в 1918 году вторично попадает в тюрьму – на этот раз на четыре месяца за критику, которой он подверг США за вступление в войну. В Брикстонской тюрьме Рассел пишет книгу «Введение в математическую философию» («Introduction to Mathematical Philosophy», 1919).

В 20-е годы Рассел пишет популярные книги по различным научным дисциплинам, в том числе «Анализ мышления» («Analysis of Mind», 1921), «Основы атома» («The ABC of Atoms», 1923), «Основы относительности» («The ABC of Relativity», 1925) и «Анализ материи» («Analysis of Matter», 1927).

В 1920 году он проводит пять недель в Советском Союзе, встречается с Лениным, Троцким, Горьким. Хотя Рассел с симпатиями относится к идеям социализма, он выступает с резкой критикой советского режима в книге «Теория и практика большевизма» («The Practice and Theory of Bolshevism», 1920).

В 1920 и 1921 годах Рассел совершает поездки в Азию, преподает философию в Пекинском университете, с восхищением отзывается о Востоке в книге «Проблема Китая» («Problem of China», 1922).

С 1924 по 1931 год он ездит с лекциями по Соединенным Штатам.

После развода с первой женой, брак с которой был бездетным, Рассел в 1921 году женится на Доре Уинифред Блэк. У них были сын и дочь.

Одна из многочисленных карикатур на Б.Рассела

Рассел увлекается педагогикой и открывает экспериментальную школу. Его взгляды на образование находят свое отражение в книгах «Об образовании» («On Education», 1926), «Образование и добропорядочная жизнь» («Education and the Good Life», 1926), «Брак и мораль» («Marriage and Morals», 1929), «Образование и общественный строй» («Education and the Social Order», 1932).

В 30-е гг. Рассел обращается в своих работах к международным проблемам, в это время он пишет «Свобода и организация, 1814–1914» («Freedom and Organization, 1814–1914», 1934), «Какой путь ведет к миру?» («Which Way to Peace?», 1936), «Власть: Новый социальный анализ» («Power: A New Social Analysis, 1938).

В 1935 году Рассел снова разводится и через год женится на своей секретарше Патриции Элен Спенс, от брака с которой у

него был сын.

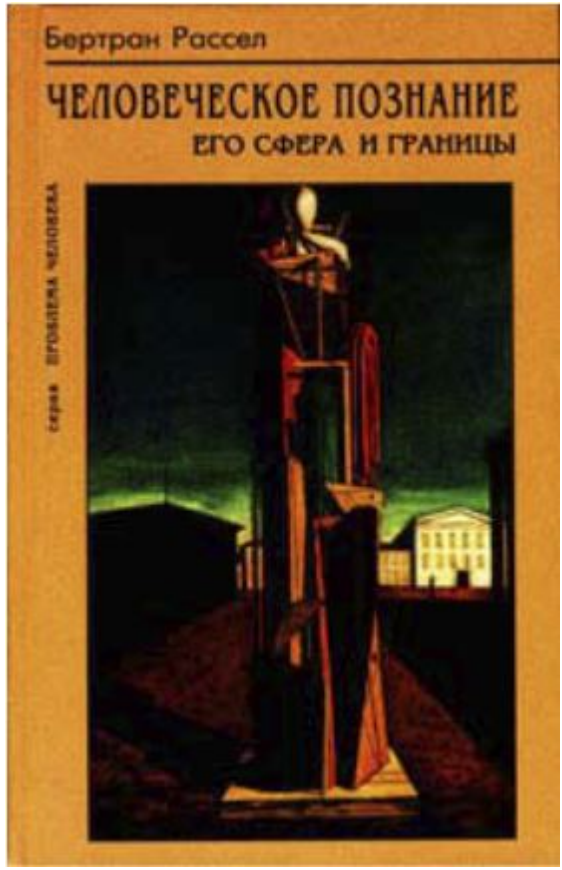
Обложка одного из современных российских изданий столь любимой студентами книги Б.Рассела «История западной философии»

Рассел с женой едут в США, где Рассел преподает философию в Чикагском (1938) и Калифорнийском (1939) университетах.

После вторжения нацистов в Польшу в сентябре 1939 года Рассел отказывается от пацифизма и высказывается в поддержку военных приготовлений Англии, однако в США его политические взгляды не были популярны. В 1940 году назначение Рассела профессором философии в нью-йоркский Сити-колледж вызвало

недовольство со стороны духовенства и членов городского совета. Тем не менее, Рассел в 1940 году прочел курс лекций в Гарварде, который в том же году был опубликован под названием «К вопросу о значении и истине» («An Inquiry Into Meaning and Truth»). Действие пятилетнего контракта на чтение лекций в Мерионе (штат Пенсильвания) с октября 1940 года было приостановлено в 1942 году, в связи с чем Рассел подал на колледж в суд, выиграл дело и получил в качестве компенсации 20 тысяч долларов. Частично прочитанные в Пенсильвании лекции были впоследствии включены в «Историю западной философии» («A History of Western Philosophy», 1945) – изложение основных философских концепций с античности и до времени написания работы. Если говорить об этой книге без преувеличения, то ее можно назвать самым логичным и систематически выверенным изложением философских концепций, которое весьма полезно для изучения философии.

В 1944 году Рассел возвращается в Тринити– колледж в Кембридже, где пишет «Философию и политику» («Philosophy and Politics», 1947) и «Знание человека. Пределы и границы» («Human Knowledge. Its Scope and Limits», 1948). Рассел утверждает, что психические события отличаются от физических именно тем, что могут быть известны непосредственно. Для того чтобы оправдать выводы от психических событий к физическим, от явлений и впечатлений к самим вещам, необходимы особые постулаты, которые Рассел сводит к пяти основным: постулат квазипостоянства, постулат независимых причинных линий, постулат пространственно-временной непрерывности, структурный постулат и постулат аналогии. Вместе взятые, они обеспечивают предварительную вероятность индуктивным заключениям, которые сами по себе чаще ложны, чем истинны. Однако и на основании этих постулатов научного метода, писал Рассел, «физические явления познаются лишь в отношении их пространственно-временной структуры. Качества, присущие этим явлениям, непознаваемы, – настолько абсолютно непознаваемы, что мы не можем даже сказать, отличаются ли они от известных нам качеств психических явлений».

Одно из последних изданий философских трудов Б.Рассела в России.

В 1948 и 1949 годах он читает цикл лекций, которые транслируются по радио и впоследствии издаются в книге «Власть и личность» («Authority and the Individual», 1949). В этом же году Рассел награждается одной из высших наград Великобритании – орденом «За заслуги».

Аверс памятной медали Б.Рассела

В 1950 году, после выхода в свет его «Непопулярных эссе» («Unpopular Essays»), Рассел вслед за Рудольфом Эйкеном и Анри Бергсоном, получает Нобелевскую премию по литературе «**за его разнообразные и наполненные глубоким смыслом произведения, в которых он отстаивает гуманитарные идеалы и свободу мысли**». А. Эстерлинг, член Шведской академии, назвал Рассела «одним из самых блестящих представителей рационализма и гуманизма, бесстрашным борцом за свободу слова и свободу мысли на Западе». С Нобелевской речью Рассел не выступал. Но мы так много знаем о его мыслях, мечтах…

Бог и бессмертие – эти центральные догмы христианской религии – не находят поддержки в науке. Нельзя сказать, что они существенны для религии вообще, поскольку в буддизме их нет. (Что касается бессмертия, это суждение может показаться неточным, но по существу оно правильно.) Однако на Западе их привыкли считать обязательным минимумом теологии. Люди будут и впредь верить в бога и бессмертие, потому что это приятно – так же приятно, как считать самих себя добродетельными, а врагов своих погрязшими в пороках. Но, по-моему, эти догмы необоснованны. Не знаю, смогу ли я доказать,

что бога нет или что сатана – это фикция. Христианский бог, быть может, и существует, а может быть, существуют боги Олимпа, Древнего Египта или Вавилона. Но каждая из этих гипотез не более вероятна, чем любая другая: они даже не могут быть отнесены к вероятностному знанию; поэтому нет смысла их вообще рассматривать. Я не буду входить в детали, так как уже разбирал этот вопрос в другой работе.

Вопрос о личном бессмертии носит несколько иной характер, и здесь можно найти свидетельства в пользу различных мнений. Люди принадлежат окружающему нас миру, с которым имеет дело наука, и факторы, определяющие их существование, можно легко обнаружить. Капля воды не бессмертна, она разлагается на кислород и водород. Поэтому, если бы капля воды считала, что обладает неким свойством водянистости, которое сохраняется после ее разложения, мы, наверное, отнеслись бы к этому скептически. Подобно этому, мы знаем, что мозг не бессмертен и что организованная энергия живого тела как бы уходит после смерти и становится непригодной для действия. Все свидетельствует о том, что наша умственная жизнь связана с мозговой структурой и организованной телесной энергией. Разумно было бы предположить поэтому, что когда прекращается жизнь тела, вместе с ней прекращается и умственная жизнь. Данный аргумент апеллирует к вероятности, но в этом он ничем не отличается от аргументов, на которых строится большинство научных заключений.

Этот вывод может быть оспорен с разных сторон. Психологическое исследование располагает некоторыми данными о жизни после смерти, и с научной точки зрения соответствующая процедура доказательства может быть в принципе корректной. В этой области существуют факты столь убедительные, что ни один человек с научным складом ума не станет их отрицать. Однако несомненность, которую мы при-писываем этим данным, основывается на каком-то предварительном ощущении, что гипотеза выживания правдоподобна. Всегда имеется несколько способов объяснения явлений, и из них мы предпочтем наименее невероятное. Люди, считающие вероятным, что мы живем после смерти, готовы и к тому, чтобы рассматривать данную теорию в качестве лучшего объяснения психических явлений. Те же, кто по каким-то причинам считают эту теорию неправдоподобной, ищут других объяснений. По моему мнению, данные о выживании, которые пока что доставила психология, гораздо слабее свидетельств физиологии в пользу противоположной точки зрения. Но я вполне допускаю, что они могут стать сильнее, и тогда не верить в жизнь после смерти было бы ненаучно.

Выживание после смерти тела, однако, отличается от бессмертия и означает лишь отсрочку психической смерти. А люди хотят верить именно в бессмертие. Верующие в него не согласятся с физиологическими аргументами, вроде тех, что я приводил, – они скажут, что душа нечто совсем иное, чем ее эмпирическое проявление в наших телесных органах. Думаю, что это – метафизический предрассудок. Сознание и материя – удобные в некоторых отношениях термины, но никак не последние реальности. Электроны и протоны, как и душа, – логические фикции, которые имеют свою историю и представляют собой ряды событий, а не какие-то неизменные сущности. Что касается души, это доказывают факты развития. Любой человек, наблюдающий рождение, выкармливание и детство ребенка, не может всерьез утверждать, что душа есть нечто неделимое, прекрасное и совершенное на всем протяжении процесса. Очевидно, что душа развивается подобно телу и берет что-то и от сперматозоида, и от яйцеклетки. Так что она не может быть неделимой. И это не материализм, а просто признание того факта, что все интересное в мире – вопрос организации, а не первичной субстанции.

Чтобы доказать бессмертие души, метафизики выдвигают бесчисленные аргументы. Есть одно простое возражение, которое их опровергает. Они доказывают, что душа стремится заполнить все пространство, – но ведь мы не стремимся к полноте так же страстно, как к тому, чтобы жить вечно. И никто из метафизиков не замечал этой стороны своих рассуждений – пример поразительной силы желания, ослепляющего даже очень способных людей и заставляющего их совершать очевидные ошибки. Не думаю, что идея бессмертия вообще возникла бы, если бы мы не боялись смерти.

В основе религиозных догм, как и в основе многого другого в человеческой жизни, лежит страх. Страх перед человеческими существами (индивидуальный или групповой) во многом управляет нашей общественной жизнью, однако религию порождает страх перед природой. Различие ума и материи является, видимо, иллюзорным; но есть другое, более важное, различие – между вещами, на которые можно воздействовать, и вещами, на которые воздействовать невозможно. Граница между теми и другими не является ни вечной, ни непреодолимой – с развитием науки все больше вещей подпадают под власть человека. Тем не менее, что-то все время остается по ту сторону границы, например все великие факты нашего мира, которыми занимается астрономия. Только событиями на поверхности Земли или рядом с ней мы можем как-то управлять, хотя и здесь наши возможности очень ограниченны. И не в нашей власти предотвращать смерть; мы

можем только отсрочить ее.

Религия пытается преодолеть эту антитезу. Если миром управляет бог, а бога можно тронуть молитвой, то и люди наделены всемогуществом. Раньше в ответ на молитву свершались чудеса. Они до сих пор случаются в католической церкви, а вот у протестантов этого больше нет. Однако можно обойтись и без чудес, ибо провидение предписало действию природных законов производить наилучшие результаты. Таким образом, вера в бога все еще служит очеловечению природного мира – люди думают, что силы природы им друзья. Подобно этому, вера в бессмертие рассеивает ужас перед смертью. Люди, верующие в вечное блаженство, скорее всего, будут относиться к смерти без страха; к счастью для медиков, это происходит не всегда. Однако если вера и не избавляет от страха полностью, то она немного утешает людей.

Религия, имея своим источником страх, возвысила некоторые его проявления и заставила думать, что в них нет ничего позорного. Этим она оказала человечеству плохую услугу: всякий страх является злом.

(«Во что я верю», перевод А. А. Яковлева)

В течение последующих 20 лет Рассел активно борется за мир, участвует в манифестациях, конференциях сторонников мира. Начиная с 1954 года, когда впервые испытывается водородная бомба, философ выступает за ядерное разоружение, становится членом Движения за ядерное разоружение (совместно с А. Эйнштейном он выступил инициатором этого, называемого Пагоушским движения, 1958) и «Комитета ста» (I960). В 1961 году его приговаривают к кратковременному тюремному заключению за нарушение общественного порядка во время демонстрации перед зданием парламента. В 1962 году во время кубинского кризиса Рассел обращается к президенту США Кеннеди и главе Советского государства Хрущеву с предложением провести мирные переговоры.

Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн

В 1963 году Рассел выходит из «Комитета ста» и энергично занимается делами Фонда мира Бертрана Рассела и Атлантического фонда мира – организаций миролюбивых сил, борющихся против гонки ядерных вооружений. В конце 60-х годов вместе с Сартром и другими известными деятелями культуры и науки Рассел образовал антивоенную комиссию, которая признала США виновными в военных преступлениях во Вьетнаме.

В 1952 году Рассел женится в четвертый раз – его женой становится Эдит Финч. Рассел переезжает в Плас-Пенрин, в Северный Уэльс, где продолжает литературную деятельность. Умер он от гриппа в 1970 году, в возрасте 97 лет.

«Влияние науки на общество» («The Impact of Science on Society», 1952), «Портреты по памяти» («Portraits From Memory», 1956), «Факт и вымысел» («Fact and Fiction», 1962) и трехтомная «Автобиография» («Autobiography», 1967–1969) – важнейшие из работ, написанных Расселом после получения Нобелевской премии.

При оценке научной и литературной деятельности Рассела исследователи обычно делают упор на то, что крупнейший философ был в то же время весьма противоречивой политической фигурой, каковой он, по всей вероятности, и останется в истории. В рецензии на второй том автобиографии Рассела английский критик М. Холройд в 1968 году писал, что Рассел – «…одно из самых невероятных явлений нашего века… его жизненный путь соткан из удивительных парадоксов». В отличие от американского философа С. Хука, обнаружившего в третьем томе автобиографии Рассела «аристократическое презрение к массам», остальные критики, включая американского философа И. Эдмана, сравнивали Рассела – свободолюбца и иконоборца – с Вольтером.

«Нобелевский комитет не случайно наградил [его] премией по литературе, – писал Эдман в 1951 году в рецензии на «Непопулярные эссе», – как и его знаменитые соотечественники, философы старого времени, он – мастер английской прозы».

Памятник Б.Расселу в Лондоне.

Автобиография Рассела начинается со слов: «Три страсти, простые, но сильные, я пронес через всю жизнь: жажду любви, научный поиск и непереносимую жалость к страданиям человечества»… Перед нами действительно кредо великого мыслителя, альтруиста, ученого, писателя, жизнелюба.

Итак – Бертран Рассел… Вдумайтесь – он родился в 1872, умер в 1970… Его отец встречался и говорил с Наполеоном, стал премьер-министром Великобритании в расцвет царствования королевы Виктории. В год смерти самого Бертрана Рассела взошла звезда Маргарет Тэтчер: она получила свой первый министерский пост. Уже от этих временных рамок захватывает дух…

Философ нового времени должен писать – иначе его не услышат.

Одни писали мало как Спиноза, другие – много как Декарт…

Но плодовитость Рассела превосходит все мыслимое и просто не укладывается в сознании. За 35 с половиной тысяч дней своей долгой жизни этот человек написал более 70 миллионов слов, сохраняющих значение для потомков. Стало быть, писал в среднем по 2 тысячи слов в день (а ведь писать и публиковаться человек начинает не с пеленок)… Он публиковал работы по логике, философии, математике, политике, педагогике, этике и сексологии. Любопытно, что именно, в основном, за философский трактат «Супружество и нравственность» он получил в 1950 году Нобелевскую премию по литературе. Но, разумеется, писал он и письма – притом во множестве. Его друзьями и корреспондентами были такие разные люди, как философ Людвиг Виттгенштейн, поэт Томас Элиот, путешественник и агент британской разведки Лоренс Аравийский, великий физик Альберт Эйнштейн, знаменитый французский писатель Жан-Поль Сартр…

К русскоязычному писателю труды Бертрана Рассела дошли очень давно – это и его книги по логике и математике, по истории философии и общественной мысли. В 90-е годы мы узнали Бертрана Рассела и как автора небольших чудесных рассказов, которые можно отнести к фантастическим, научно-популярным, но в которых мастерство писателя, рассказчика, мыслителя ощущается в полной мере.

Знаменитому богослову доктору Таддеусу как-то приснилось, что он умер и отправился на небеса. Весь путь он проделал без всяких трудностей, так как богословские занятия научили его запросто ориентироваться в небе. Когда же, наконец, он прибыл к месту и стал стучаться в небесные ворота, то был удивлен подозрительностью, с которой его встретили.

– Прошу впустить меня, – обратился он к привратнику. – Я благонамеренный человек и всю свою жизнь посвятил трудам во славу божью.

– Человек? – удивленно переспросил привратник. – А что это такое? И потом, как может такое странное, я бы сказал, потешное существо, как вы, поддерживать чем-либо славу божью?

Доктор Таддеус был поражен.

– Вы не можете не знать о человеке, – настаивал он. – Вам должно быть известно, что человек – это высшее творение создателя.

– Мне очень не хочется обидеть вас, – сказал привратник, – но то, что вы говорите, совершенная новость для меня. И я сомневаюсь, слыхал ли кто-либо у нас здесь о таком существе. Однако раз вы так настаиваете, я позову нашего библиотекаря, и вы можете справиться у него.

Появившийся вскоре библиотекарь оказался большим шаровидным существом, у которого было не менее тысячи глаз и один-единственный рот. Несколькими десятками глаз он уставился на знаменитого богослова.

– Что это? – спросил он у привратника.

– Да вот прибыл к нам и заявляет, – пояснил привратник, – что он из породы, которая называется человек, и живет в месте, называемом Земля.

При этом у него какие-то странные представления. Он утверждает, будто создатель проявил особый интерес к их месту и к их породе.

– Я подумал, быть может, вы что-нибудь знаете об этом?

– Вы не могли бы объяснить мне, где находится то место, которое вы называете Землей? – весьма любезно обратился библиотекарь к богослову.

– О, – воскликнул д-р Таддеус, – это же часть Солнечной системы!

– А что такое Солнечная система? – спросил библиотекарь.

– Ох, – несколько смущенно сказал д-р Таддеус, – моя область – Священное писание, а то, о чем вы спрашиваете, относится к мирским наукам. Однако от моих друзей, сведущих в астрономии, я слышал, что Солнечная система– это часть Млечного Пути.

– А что такое Млечный Путь? – тут же спросил библиотекарь.

– Млечный Путь – это одна из галактик, которых, как мне говорили, насчитывается что-то около ста миллионов.

– Раз их так много, – сказал библиотекарь, – то странно, что вы могли предположить, чтобы я помнил об одной из них. Но я припоминаю, что само слово «галактика» мне приходилось слышать. Действительно, среди наших помощников библиотекарей есть один, который специально занимается галактиками. Надо послать за ним, и, может быть, он сумеет помочь нам.

После недолгого ожидания появился помощник библиотекаря, занимающийся галактиками. Это было существо в виде двенадцатигранника. Когда-то оно было светлым и блестящим, но пыль с книжных полок, постоянно оседавшая на нем, сделала его тусклым и мрачным. Библиотекарь подробно рассказал ему, что вот прибывший к ним д-р Таддеус, пытаясь объяснить свое происхождение, упоминает галактики, и в связи с этим хотелось бы надеяться, что надлежащая информация может быть получена от секции библиотеки, занимающейся этим вопросом.

– Все, что можно, будет сделано, – ответил помощник библиотекаря. – Однако прошу иметь в виду, что существует сто миллионов галактик и о каждой на полке стоит один том.

Поэтому потребуется некоторое время, чтобы получить нужную справку. А какую именно галактику просит найти эта странная молекула?

– Она часть Млечного Пути, – заискивающе пояснил д-р Таддеус.

– Хорошо, – сказал помощник библиотекаря, – я постараюсь найти ее.

Через три недели помощник библиотекаря вернулся и сообщил, что только благодаря тому, что в их секции имеется исключительно полная, хорошо составленная картотека, они смогли, наконец, разыскать требующуюся галактику под номером XO 321762.

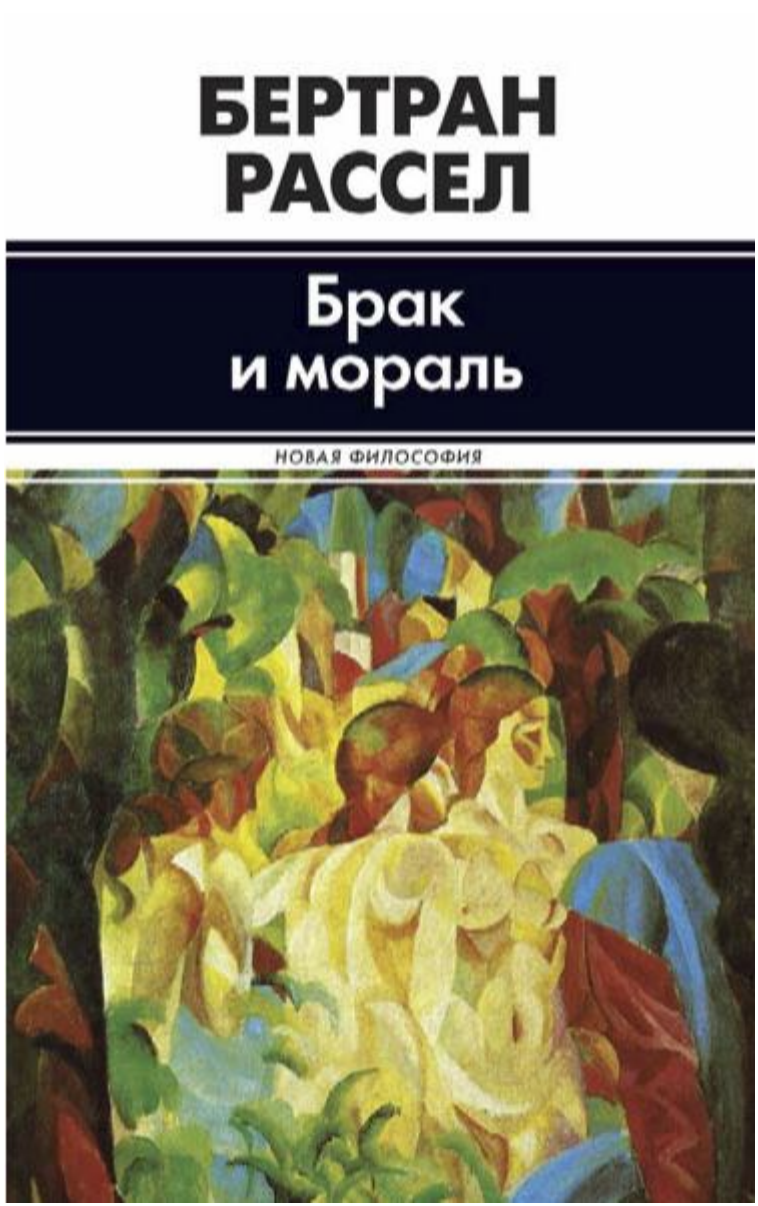
– Все пять тысяч клерков секции галактик занимались этой работой, – добавил помощник библиотекаря и предложил:

– Может быть, вы хотели бы переговорить с тем клерком, который отыскал эту галактику и специально занимался ею?

Послали за клерком, и вскоре к ним вышел восьмигранник, у которого на каждой грани было по одному глазу и всего лишь один небольшой рот. У него был смущенный вид, он щурился от непривычно яркого света, так как обычно всегда находился в мрачной полутьме своих книжных полок. Овладев собой, он обратился к д-ру Таддеусу:

– Что вы хотите знать об этой галактике? – довольно робко спросил он.

– Мне бы хотелось знать, что вам известно о Солнечной системе, – громко и самоуверенно заговорил д-р Таддеус. – Она как раз находится в той галактике, что вы нашли, и в ней небесные тела вращаются вокруг одной звезды, которая называется Солнце.

Очень любопытная книга…

– Гм! – пробормотал клерк. – Было весьма трудно отыскать одну из миллионов галактик, но несравненно труднее найти какую-либо звезду в этой галактике. Я знаю, что в ней около трехсот миллиардов звезд, но как их различать одну от другой, я не знаю. Мне известно, однако, что по указанию нашей администрации были как-то составлены списки всех этих трехсот миллиардов звезд, и они хранятся в подвалах. Если вы считаете, что стоит заняться поиском звезды, которая называется Солнцем, то для этого

придется привлечь значительное количество сотрудников из других отделов.

В конце концов, решили, что, поскольку вопрос уже возник, а прибывший д-р Таддеус находится в беспокойном состоянии и очень мучится, поиски звезды, которая называется Солнцем, следует предпринять.

Через несколько лет сильно утомленный, унылого вида четырехгранник явился к помощнику библиотекаря, ведающему секцией галактик.

– Мне удалось отыскать звезду, которая называется Солнце, – сказал он. —

Но я совершенно не могу понять, чем вызван такой особый интерес к ней. Она такая же, как и большинство других звезд в этой галактике. Среднего размера, со средней температурой и окружена небольшими телами, их называют «планеты». В результате исследования я обнаружил, что на некоторых планетах имеются микроорганизмы, и думаю, что вот это прибывшее к нам существо, толкнувшее нас на эти поиски, должно быть, одно из них.

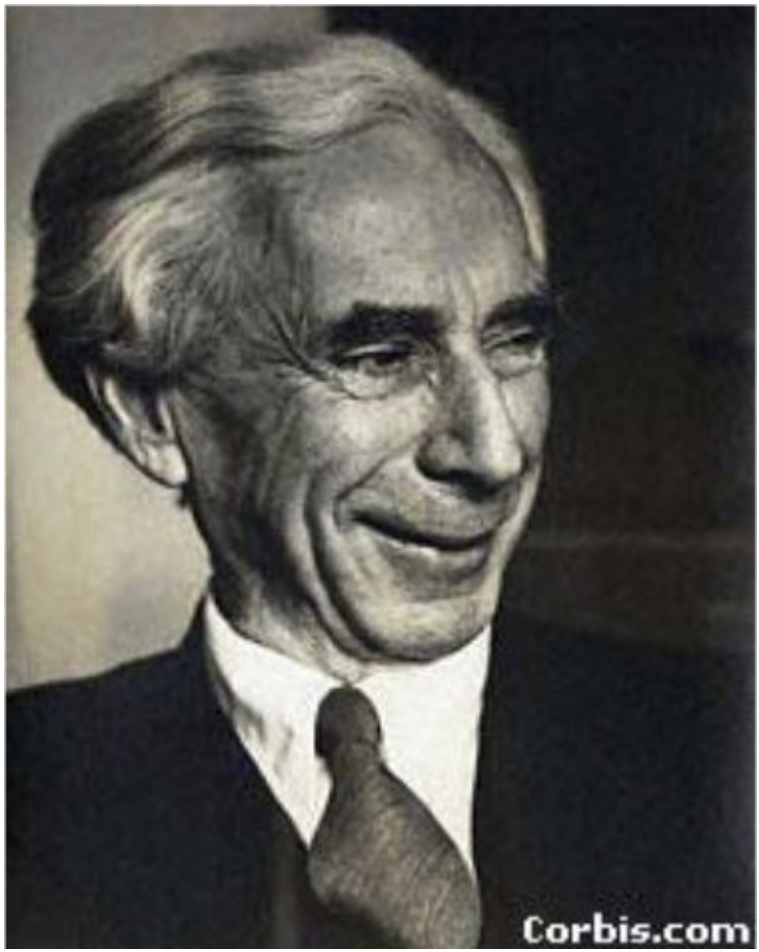
В этом месте д-р Таддеус не выдержал и разразился горькими и негодующими сетованиями.

– Почему, ох, почему, – восклицал он, – создатель скрыл от нас, бедных обитателей Земли, что он создал без нашего ведома огромное множество других небес?! Всю свою долгую жизнь я усердно служил ему, веря, что он заметит мою службу и вознаградит меня вечным блаженством. А теперь оказывается, что он даже и не подозревал о моем существовании. И к тому же вы заявляете, что я какое-то бесконечно малое микроскопическое существо, обитающее на крошечной планете, вращающейся вокруг одной из незначительных звезд, которых только в нашей Галактике насчитывается триста миллиардов. Нет, я не могу вынести этого и не могу больше восхвалять моего создателя.

– Очень хорошо, – сказал привратник. – В таком случае вам следует отправиться в другое место. И тут знаменитый богослов проснулся.

– Власть дьявола над нашими сновидениями поистине ужасна, – в большом смущении пробормотал он.

(«Кошмар богослова», перевод Г. Лев)

Именно таким, оптимистом и жизнелюбом, его запомнил мир

Глава XVI
Пер Лагерквист (Lagerkvist)
1951, Швеция

Пер Лагерквист

Шведский романист, поэт и драматург *Пер Фабиан Лагерквист* (23 мая 1891 года – 11 июля 1974 года) родился в маленьком городе Векшье в Южной Швеции. Он был младшим из семерых детей Иоганны (Блад) Лагерквист и Андерса Йогана Лагерквиста. Отец сначала работал на ферме, а затем стал путевым обходчиком на железной дороге. Еще будучи школьником, Пер читал «Происхождение видов» Чарльза Дарвина и другие работы, которые сформировали у него представления, сильно отличавшиеся от консервативных взглядов его лютеранской семьи. После окончания школы в 1910 году он в течение двух лет изучал искусство и литературу в Упсальском университете, одном из самых старинных и консервативных в

Швеции.

Литературный дебют Лагерквиста состоялся в 1912 году, когда он опубликовал несколько пылких стихотворений и повесть «Люди» («Manniskor»).

Ни сумерки не властны, ни года
над нами. В небе – синь и безмятежность.
Нас в мире только двое в час, когда
Вселенная хранит покой и нежность.
Ты умывалась утренней росой,
и свет земной был ярок и велик.
Остался в памяти прекрасный и святой
с тобою разделенный краткий миг.

(«Ни сумерки…», перевод Е.Суриц)

В 1913 году молодой писатель едет в Париж, где большое влияние на него оказывает современная живопись. Особенно восхищался Лагерквист дерзкой энергией фовистов[9] и интеллектуальной упорядоченностью кубистов[10]. В этом же году он опубликовал эссе «Искусство слова и изобразительное искусство» («Ordkonst och bildkonst»), в котором отверг натурализм, противопоставляя ему скандинавский и греческий эпос. Это критическое эссе оказалось первой работой, которая привлекла внимание к Лагерквисту, и вскоре он воплотил собственные теории в сборнике поэзии и прозы «Мотивы» («Motiv»), который вышел в 1914 году, а также в сборнике новелл «Железо и люди» («Jam och manniskor» 1915).

Один из первых сборников эссеистики П.Лагерквиста

В 1916 году Лагерквист добился признания, опубликовав поэтический сборник «Тоска» («Angest»), который считается первым шведским экспрессионистским[11] произведением. Яркая образность этой книги, ее рваный стиль отразили интерес Лагерквиста к фовизму и кубизму. В «Тоске», кроме того, выразились боль и отчаяние, вызванные бедствиями первой мировой войны. Американский поэт К. Рексрот писал, что «Тоска» говорит не только об утрате политических иллюзий, но и о душевной раздвоенности писателя.

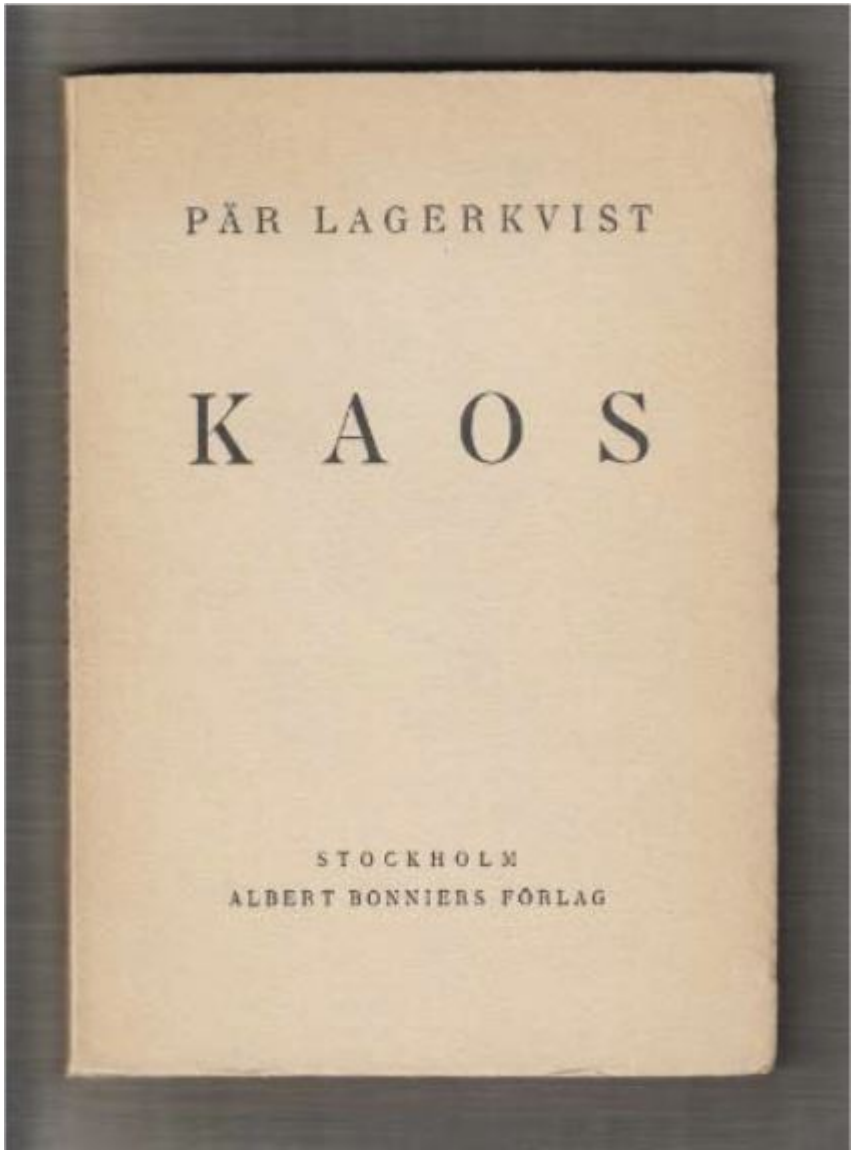
Сколько троп затоскует по путнику,
сколько стежек люди забудут.
А когда-то их найдут, откроют,

их красе подивятся.
Так мы, юные, находили тропки
в мягкой траве.
И брели по ним,
по росе,
воображая, будто бредем наобум.

(«Сколько троп», перевод Е. Суриц)

Почти всю Первую мировую войну Лагерквист прожил в нейтральной Дании. В это время он много пишет для театра. Его первая опубликованная пьеса «Последний человек» («Den sista manniskan», 1917) изображает глубокие страдания последнего оставшегося на земле человека и продолжает тему отчаяния, вызванного войной.

В эссе из сборника «Театр» («Teater», 1918) Лагерквист выступает против натуралистической драмы и восхищается поздними символическими пьесами Августа Стриндберга. Именно влиянием Стриндберга объясняется связь между драматическим творчеством Лагерквист и немецким экспрессионизмом.

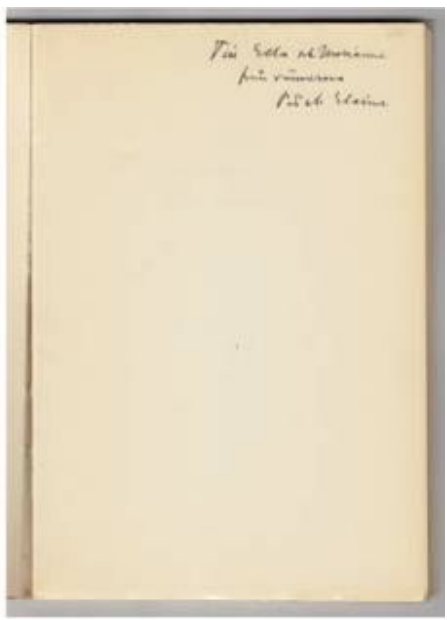
Первое издание «Хаоса»

В 1919 году, работая театральным критиком в стокгольмской газете «Свенска дагбладет» («Svenska Dagbladet»), Лагерквист опубликовал поэтический сборник «Хаос» («Kaos») и пьесу «Небесная тайна» («Himlens hemlighet»), наиболее удачную из его ранних пьес, в которой выражается глубокий пессимизм, убежденность в том, что если жизнь кажется человечеству высшей ценностью, то это просто следствие полного безразличия к Богу. Эту же тему писатель развивает в повести «Вечная улыбка» («Det eviga leendet», 1920). В этой повести герои разговаривают с Богом, спрашивая Его, для чего Он их создал. Бог отвечает, что у Него не

было определенной цели, но он сделал все наилучшим образом. Этот ответ оставляет людей в растерянности. Они не нашли той духовной поддержки, в которой нуждались. И это заставляет их искать духовную опору не в божественной силе, а внутри себя.

В 20-е годы Лагерквист много путешествует, посещает Францию и Италию, и пессимизм его годы начинает отступать, смягчаться, а стиль становится более конкретным и не таким манерным. Поэзия этого периода – сборники «Путь счастливого человека» («Den lyckliges vag», 1921) и «Песни сердца» («Hjartats sanger» 1926) – наполнена простотой и оптимизмом, которые отсутствуют в его ранних произведениях.

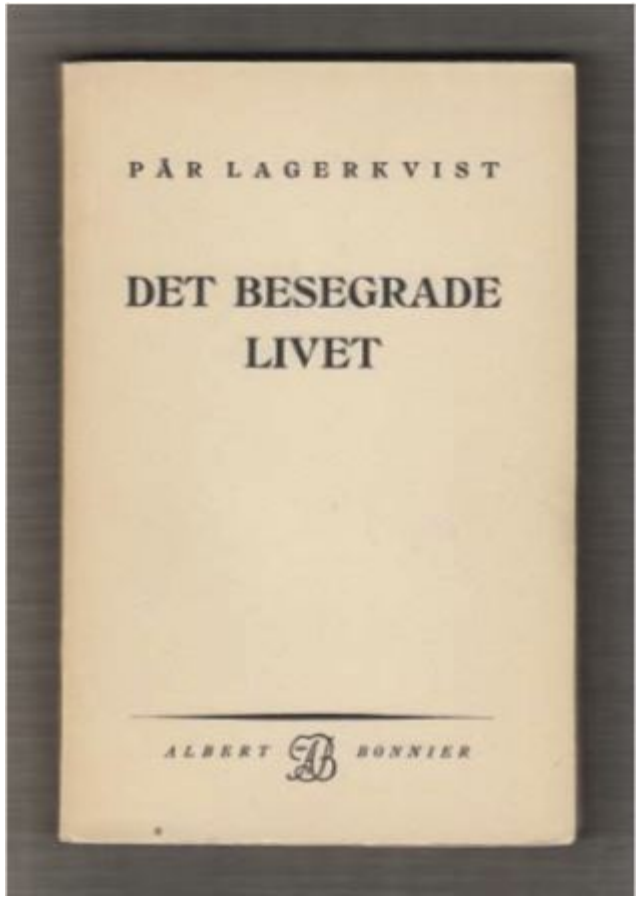

Первое иллюстрированное издание «Злых саг»

Помимо сборника коротких рассказов «Злые саги» («Onda sagor», 1924), Лагерквист написал две книги, которые многие критики сочли самыми личными произведениями Лагерквиста: «Гость действительности» («Cast hos verkligheten», 1925) и «Завоеванная жизнь» («Det besegrade livet», 1927). В книге «Гость действительности» рассказывается о детстве писателя, о том, как с юных лет его преследовала идея смерти. Повесть эта, положившая начало писательской известности Лагерквиста, воссоздает атмосферу, в которой он вырос, с ностальгией, иронией и неприязнью. Тонкая градация этих оттенков стала самым запоминающимся эффектом повествования. Впоследствии такие сочетания противоположностей, или, пользуясь специальным термином, оксюмороны[12], сделались у Лагерквиста

привычными. Но для его первых читателей они были новшеством. И производили особенно сильное впечатление из-за того, что герой повести был явным двойником ее автора. В общем-то, довольно странная и необъяснимая, на первый взгляд, гамма чувств для человека, вспоминающего свои юные годы.

В том, что герой книги Андерс – Лагерквист, не могло возникнуть сомнения. Все совпадало: старенький вокзал маленького северного городка, квартира над станционным буфетом, косность житейских установлений, непоколебимая прочность верований. Отец Лагерквиста, прослуживший на железной дороге десятки лет. Был он из тех, кто «словно знают, что ничем их не возьмешь, что они задуманы навсегда и никакой пагубе недоступны». Для таких людей жизнь менее всего выглядит беспорядочной и бессвязной. Им дико представить, что в чьих-то глазах жизнь – «планомерная бессмыслица» и только… Именно так ее воспринимает подросток Андерс – ему вполне знакома душевная неприкаянность, типичная для людей уходящего (а тогда только начинавшегося) века. Лагерквист до конца жизни стремился преодолеть состояние «разброда, смятенности, запутанности», переданное на страницах его повести, и, оглядываясь на истоки, писатель и его герой ощущали себя блудными сыновьями…

Скромное первое издание «Завоеванной жизни»

«Завоеванная жизнь» – это сборник философских размышлений, в котором излагаются взгляды автора на собственное творчество и на мир. По мнению исследователя А.Густафсона, эти произведения утверждают веру Лагерквиста в «нерушимый дух человека» и «конечную победу добра над злом». Однако стоит сказать, что о жизни в этом сборнике говорится, что «она самодостаточна, у нее нет никаких целей, никаких намерений, ей не важно, что происходит». Понятия жизни и бытия предстают как антагонистичные: жить означает лишь нести бремя собственного несуществования, постоянно чувствуя свою несвободу, какие бы безудержные страсти и пламенные восторги нами ни овладевали. «Все наши веры и неверья… суть тюрьма, сомкнувшая вокруг нас свои стены… Такова жизнь земная. Жизнь земляного крота»…

Кроме того, обе книги демонстрируют высокую повествовательную технику Лагерквиста, который пишет точным, простым языком, ясно и на редкость целенаправленно.

К драматургическим произведениям Лагерквиста относится и пьеса «Человек, который прожил жизнь» («Han som fick leva от sitt liv» 1928). Эта и другие пьесы, написанные в 30-е годы, отличаются большим правдоподобием, использованием простого, народного, разговорного языка.

«Палач» П.Лагерквиста в России в 2000 году

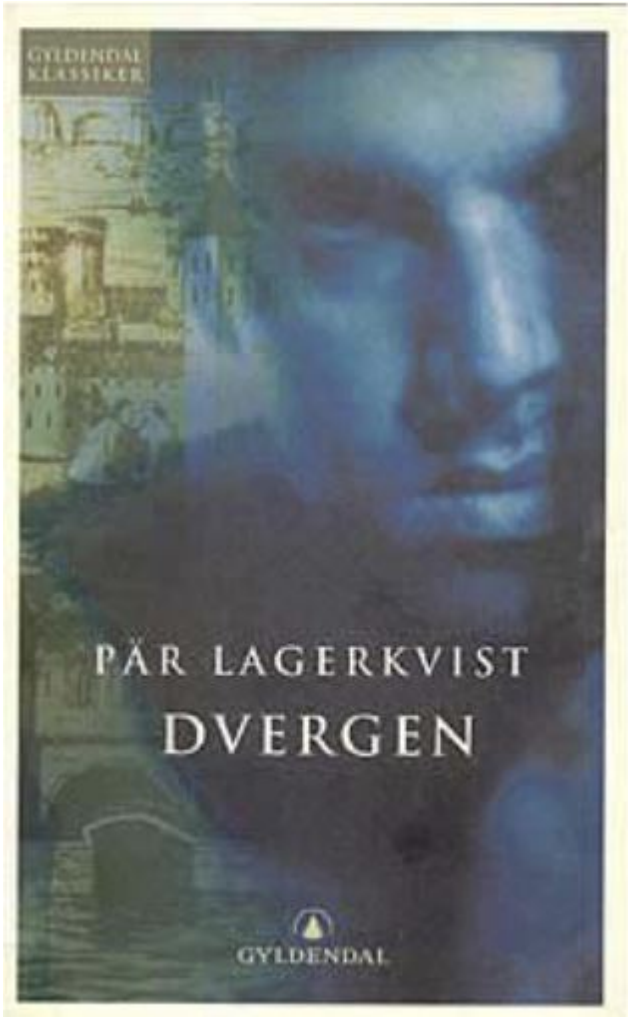
По мере того как в 30-е годы растет угроза фашизма, творчество Лагерквиста становится все более гуманным по духу, писатель подчеркивает необходимость бороться со злом.

Хотя Лагерквист объявил о своей программе еще в поэтическом сборнике «У костра» («Vid lagerelden», 1932) и в пьесе «Король» («Konungen», 1932), самый суровый приговор тирании он вынес все же в «Палаче» («Bodeln»). Эта повесть, написанная в 1933 году и переработанная в пьесу под тем же названием в 1934 году, строится на сопоставлении средневековья и нашего времени, подтверждая известную мысль о

неистребимости зла… «Палач» был создан по возвращении из поездки по Иудее, куда писателя, как мы выяснили по письмам, тянуло всю жизнь. Кроме того, Лагерквист провел несколько дней в Берлине. Трудно сомневаться, что тогдашние гнетущие впечатления непосредственно отозвались и сценами казней без суда, и картинами осквернения могил тех, кого задним числом объявляют предателями, и речами анонимных персонажей, славящих разрушение, которое, дескать, «значительнее примитивного созидания», и их заискиванием перед «мужественной, несентиментальной молодежью», и их клятвами, что «никакое иное мировоззрение, кроме нашего, никогда не будет существовать!».

Политические и социальные проблемы предвоенной Европы продолжают доминировать в творчестве Лагерквиста на протяжении 30-х годов. В драме «Человек без души» («Mannen utan sjal» 1936) автор показывает, как перерождается, влюбившись, политический террорист, который служил злу – он начинает служить добру… В «Победе во тьме» («Seger i morker» 1939) выведены два брата-близнеца, один – государственный деятель, демократ, другой – продажный демагог.

Вторжением Германии в Данию и Норвегию навеяны многие стихи Лагерквиста из сборника «Поэзия и бой» («Sang och strid», 1940), опубликованного в год избрания писателя в члены Шведской академии (Лагерквист становится одним из 18 «бессмертных» – так называли академиков).

Современное издание любимой шведами книги П.Лагерквиста «Карлик»

Лагерквист продолжает писать стихи и пьесы, однако самой значительной работой этого периода является аллегорический роман «Карлик» («Dvargen», 1944) – история жизни злобного карлика, жившего во времена итальянского Возрождения. Роман, по сути, содержит острую критику фашизма, человеческой жадности, лицемерия и злобы. Роман датирован 1944 годом, и на фоне происходившего тогда в мире зловещим смыслом наполнялась история, отнесенная ко временам Ренессанса. Эти оргии бесчинств и пиры беззакония, голод и болезни, принесенные затяжными войнами – кто бы не почувствовал, как время, когда создавался «Карлик», сказалось на выборе материала и характере его отображения… И все-таки Лагерквист обходится

без излишней иллюстративности – он не переодевает антигероев своей эпохи в костюмы другого времени. Он вообще старается избежать чрезмерно явного сходства с притчей, которую тогда понимали как один из способов высказывания о настоящем…

Для Лагерквиста настоящее было творческим стимулом лишь при условии, что за обстоятельствами, принадлежащими времени, обнаруживаются вечные, общечеловеческие нравственные категории.

В драме «Дайте людям жить» («Lat manniskan leva», 1949) перед нами проходят судьбы тех, кто стал жертвой нетерпимости, среди них есть и вымышленные персонажи, и исторические личности, включая Сократа, Христа, Жанну д'Арк.

Роман «Варавва» («Barabbas») был опубликован в 1950 году и сразу же привлек внимание критиков и писателей, в том числе Андре Жида, который назвал этот роман «замечательной книгой». Рассказывая историю жестокого разбойника, которого, в отличие от Христа, освободили от распятия, писатель говорит о попытке человека обрести Бога, о необходимости иметь веру. Анализируя роман «Варавва» исследователи называют его «настоящим шедевром». Многие сошлись на том, что никогда еще евангельская история не была рассказана с такой достоверностью и духовной силой. Переведенный более чем на 20 языков, «Варавва» нашел самый широкий отклик у критиков и до сих пор является самой популярной книгой писателя.

Афиша голливудского фильма «Варавва» по мотивам книги П.Лагерквиста

Итак – перед нами история преступника, ожидавшего казни вместе с Иисусом, но помилованного, как того требовал пасхальный обычай. Меж тем его вина доказана, хотя священный синедрион, вынесший смертный приговор Христу, не смог убедить в обоснованности такого приговора даже Понтия Пилата. Существует множество литературных и философских обработок этого сюжета, но подлинные, достоверные источники, особенно касающиеся судьбы Вараввы после Голгофы, крайне скудны. Предложенная Лагерквистом версия носит, естественно, гипотетический характер. Однако ее художественная убедительность неоспорима. Она достигнута не за счет

исторической точности – Лагерквист следовал логике конфликта, вокруг которого строится действие. Конфликт этот трактовали слишком уж прямолинейно и соответственно злобе дня: некто взирает, как вместо него казнят другого, и не испытывает даже стыда… Вот она, Швеция с ее нейтралитетом в пору, когда бедствие войны коснулось всех остальных! Словно предвидя подобные толкования, автор с первых же страниц сам и создал для них непреодолимые трудности. По его убеждению, и в притче герой должен быть «сложен по-человечески, а не аллегорически».

Разбойник, который избег распятия по счастливому стечению обстоятельств, не сразу постигает, как все переменилось для него в мире со дня этой невероятной удачи, а осознав, проникается непримиримой, исступленной ненавистью к распятому Христу. Безумец из Иерусалима теперь незримо сопровождает Варавву всю оставшуюся ему жизнь: на медных рудниках, в столице империи, где, по иронии судьбы, ему суждено погибнуть вместе с христианами. И, поняв внезапно, что эта таинственная связь никогда не оборвется, Варавва постигает и другое: он проклят… Проклят за безучастие…

В 1952 году по этому роману был снят фильм со знаменитым американским актером Энтони Квином, до этого знакомым зрителям по экранизации «Собора парижской богоматери», где он блестяще сыграл Квазимодо…

В 1951 году Лагерквисту была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за художественную силу и абсолютную независимость суждений писателя, который пытался в своем творчестве найти ответы на вечные вопросы, стоящие перед человечеством**». Член Шведской академии А. Эстерлинг сказал, что «…Лагерквист принадлежит к тем писателям, которые смело и открыто обращались к самым насущным вопросам человечества, фундаментальным проблемам нашего существования». Лагерквист, человек стеснительный и замкнутый, от ответной речи отказался. Вместо этого после нескольких слов благодарности за награду он прочитал отрывок из книги «Миф человечества» («Myten on manniskorna»), написанной за 30 лет до того и еще не опубликованной…

Аверс памятной медали П.Лагерквиста

В последующие годы Лагерквист продолжает плодотворно трудиться: заканчивает девятый сборник стихов «Вечерняя земля» («Aftonland», 1953), пишет еще пять великолепных романов: «Сибилла» («Sibyllan», 1956), «Смерть Агасфера» («Ahasverus dod» 1960), «Паломник в море» («Pilgrim pa havet», 1962), «Священная земля» («Det heliga landet», 1964) и «Мариамна» («Mariamne», 1967). Все эти романы тесно между собой связаны, в них поднимается тема любви, решение которой дается в духе контрастной символики. Ряд исследователей считает «Мариамну» настоящей поэмой в прозе, каких не появлялось в литературе со времен Оскара Уайльда… Сюжет книги заимствован из древней истории – это рассказ о любви царя Ирода к простой девушке Мариамне. Этот сюжет, как и история Саломеи, соблазнял уже не одного писателя и до Лагерквиста, но Лагерквист интерпретирует его по-своему. Он сталкивает две силы – господствующие силы реакции, мракобесия, антигуманизма в лице Ирода и воплощенную человечность в лице Мариамны. Сначала, посещая страшного, нелюбимого тирана, затем, согласившись стать его женой, Мариамна приносит себя в жертву, чтобы защищать от него осужденных, гонимых, весь страдающий от беззаконий режима народ. Жертва ее оказывается, в конце концов, напрасной, ибо влияния хватило ненадолго… Одержимый манией преследования, Ирод начинает подозревать Мариамну в связях с заговорщиками, покушающимися на его жизнь. Он подсылает к

Мариамне наемного убийцу героиня гибнет. Но любовь гонит злодея к умирающей, и теперь он горько кается… побеждает. Надо сказать, что роман этот, несмотря на грустный фон и несчастливый конец, все же исполнен веры в будущее, в торжество светлых идеалов любви к человеку…

Будучи чрезвычайно замкнутым человеком, Лагерквист полностью отделял личную жизнь, практически не впуская в нее журналистов, от профессиональной. В 1918 году он женился на Карен Дагмар Иоганне Серенсон. В 1925 году они развелись, и в том же году писатель женился на Элен Хальберг, вдове шведского художника Йеста Сандельса…

Одно из первых изданий «Сибиллы» П.Лагерквиста в Швеции

Лагерквист умер 11 июля 1974 года от паралича в стокгольмской больнице в возрасте 83 лет. За свою долгую жизнь Пер Лагерквист написал очень много. Произведения его разнообразны по жанрам: он и поэт, он и драматург, он и прозаик – автор изящных миниатюр и больших эпических циклов. Его

произведения отличаются мастерством, простотой и отточенностью формы, они отмечены особым насыщенно–лаконическим и наивно-мудрым стилем. Лагерквист не только признанный мастер, оказавший большое литературное влияние (в особенности на поэзию Скандинавии), но и учитель, воспитатель, который, сам, находясь в непрестанных поисках истины, заставляет читателя напряженно думать о самых важных, вечных и актуальнейших проблемах. Пожалуй, трудно назвать другого современного западного писателя, в творчестве которого с такою же силой, как у Пера Лагерквиста, проявилось бы мучительное стремление познать смысл жизни, разрешить средствами искусства и поэтической философии серьезнейшие, кардинальные проблемы человеческого бытия и души – с силой, приводящей на память русскую классическую литературу…

Заместитель директора банка Йенссон открыл дверь роскошного лифта и нежно подтолкнул вперед грациозное создание, пахнущее пудрой и мехами. Опустившись на мягкое сиденье, они тесно прижались друг к другу, и лифт пошел вниз. Маленькая женщина потянулась к Йенссону полуоткрытыми губами, источавшими запах вина, и они поцеловались. Они только что поужинали на открытой террасе отеля, под звездами, и собирались теперь развлечься.

– Как чудесно было наверху, любимый! – прошептала она. – Так поэтично сидеть там с тобой – будто мы парим высоко– высоко, среди звезд. Только там начинаешь понимать, что такое любовь. Ты ведь любишь меня, правда?

Заместитель директора банка ответил поцелуем, еще более долгим, чем первый. Лифт опускался.

– Как хорошо, что ты пришла, моя маленькая, – сказал он. – Я уже места себе не находил.

– Да, но если бы ты знал, какой он несносный! Едва я начала приводить себя в порядок, он сразу же спросил, куда я иду. «Туда, куда считаю нужным», – ответила я. Ведь как-никак я не арестантка! Тогда он сел, и вытаращился на меня, и таращился все время, пока я одевалась – надевала мое новое бежевое платье; как по-твоему, оно мне идет? И вообще, какое больше мне к лицу? Может, все-таки розовое?

– Тебе все к лицу, любимая, – восторженно ответил заместитель директора банка, – но такой ослепительной, как сегодня, я еще не видел тебя никогда.

Благодарно улыбнувшись ему, она расстегнула шубку, и губы их слились в долгом поцелуе. Лифт опускался.

– Потом, когда я была уже совсем готова и собралась уходить, он схватил меня за руку и стиснул ее так, что до сих пор больно, и

хоть бы слово сказал! Такой грубый, ты себе представить не можешь! «Ну, до свидания», – говорю я ему. Он, разумеется, на это ни слова. Такой упрямый, что просто сил нет.

– Бедная моя малютка, – сказал заместитель директора банка Йенссон.

– Будто я не имею права немного развлечься! Но знаешь, таких серьезных, как он, нет, наверно, больше на свете. Не умеет он смотреть на вещи просто и естественно, для него все вопрос жизни и смерти. – Бедная крошка, сколько тебе пришлось вынести!

– О, я страдала ужасно, ужасно. Таких страданий не испытал никто. Только встретив тебя, узнала я, что такое любовь.

– Дорогая! – сказал Йенссон, обнимая ее. Лифт опускался.

– Какое блаженство, – заговорила она, опомнившись после его объятий, – сидеть с тобой там, наверху, и смотреть на звезды, и мечтать; о, я никогда этого не забуду. Ведь Арвид такой невозможный, всегда серьезный, в нем нет ни капли поэзии, для него она просто недоступна.

– Могу представить себе, любимая, как это ужасно.

– Правда, ужасно? Нет, – улыбнулась она, протягивая ему руку, – к чему сидеть и говорить о таких вещах? Сейчас мы выйдем и хорошенько повеселимся. Ты ведь любишь меня?

– Еще как! – воскликнул заместитель директора банка и впился в нее долгим поцелуем – так, что у нее перехватило дыхание. Лифт опускался. Йенссон склонился над ней и осыпал ее ласками; она зарделась. – Мы будем любить друг друга сегодня ночью как никогда прежде, да?.. – прошептал он. Она притянула его к себе и закрыла глаза. Лифт опускался.

Он опускался и опускался.

Наконец Йенссон встал, лицо его раскраснелось.

– Но что же такое с лифтом? – удивился он. – Почему он не останавливается? По-моему, мы сидим и болтаем здесь невероятно долго, разве не так?

– Да, милый, пожалуй, ты прав. Ведь время летит так быстро.

– Мы сидим здесь уже бог знает сколько! В чем дело?

Он посмотрел сквозь решетку двери. Кромешная тьма – и ничего больше. А лифт между тем все опускался и опускался с хорошей, ровной скоростью, все глубже и глубже вниз.

– Бог мой, в чем же дело? Мы будто падаем в бездонную яму, и это длится уже целую вечность!

Они пытались разглядеть что-нибудь в этой бездне. Кромешная тьма. Они погружались в нее все глубже и глубже.

– Спускаемся в преисподнюю, – сказал Йенссон.

– Мне страшно, любимый, – прохныкала женщина, повисая на

его руке. – Прошу тебя, потяни скорее аварийный тормоз! Йенссон потянул изо всех сил. Не помогло: лифт по-прежнему спешил вниз, в бесконечность.

– Ужас какой-то! – закричала она. – Что нам делать?!

– А какого черта тут сделаешь? – отозвался Йенссон. – Это похоже на бред.

Маленькую женщину охватило отчаяние, она разрыдалась.

– Перестань, дорогая, не плачь, надо отнестись к этому разумно. Все равно тут ничего не поделаешь. Так, а теперь присядем… Ну вот, посидим спокойно, рядышком, и посмотрим, что будет дальше. Должен же он когда-нибудь остановиться, хотя бы перед самим сатаной!

Так они сидели и ждали.

– И подумать только, – сказала женщина, – чтобы такое случилось с нами именно тогда, когда мы собрались развлечься! – Да, черт знает до чего глупо, – согласился Йенссон.

– Ты ведь любишь меня, правда?

– Дорогая малютка! – И Йенссон крепко прижал ее к груди. Лифт опускался.

И, наконец, стал. Яркий свет вокруг слепил глаза. Они были в аду. Черт предупредительно открыл решетчатую дверь лифта и, отвесив глубокий поклон, сказал:

– Добрый вечер!

Одет он был с шиком, только сзади фрак топорщился, будто на ржавом гвозде: очень уж выпирал на волосатом загривке черта верхний позвонок. Испытывая головокружение, Йенссон и женщина кое-как выбрались наружу.

– Где мы, о боже?! – закричали они, цепенея от ужаса при виде этого жуткого существа.

Черт, немного смутившись, объяснил им, куда они попали.

– Но это не так страшно, как принято думать, – поспешил он добавить, – надеюсь, господа даже получат удовольствие. Только на одну ночь, насколько я понимаю?

– Да-да! – торопливо подтвердил обрадованный Йенссон. – Только на одну ночь! Оставаться дольше мы не собираемся, ни в коем случае!

Маленькая женщина, дрожа, вцепилась в его локоть. Желто-зеленый свет был так резок, что почти невозможно было что-либо разглядеть. Дело скверное, решили они. Когда глаза их немного привыкли, они увидели, что стоят на площади, вокруг которой высятся во мраке дома с докрасна раскаленными подъездами; гардины были задернуты, но сквозь щели было видно, что внутри полыхает огонь.

– Господа, кажется, любят друг друга? – осведомился черт.

– Да, бесконечно, – ответила женщина, и ее прекрасные глаза засияли.

– Тогда прошу за мной, – любезно предложил черт. Пройдя несколько шагов, они свернули с площади в темный переулок. У замызганного парадного висел старый, треснувший фонарь. – Сюда, пожалуйста. – Он открыл дверь и деликатно отступил назад, пропуская их.

Они вошли. Их встретила толстая, льстиво улыбающаяся чертовка с большими грудями и катышками фиолетовой пудры в бороде и усах. Она пыхтела, ее глаза, похожие на горошинки перца, смотрели дружелюбно и понимающе, рога на лбу были обвиты прядями волос и перевязаны голубыми шелковыми ленточками.

– Ах, это господин Йенссон с дамой! Пожалуйста, восьмой номер, – сказала она, протягивая им большой ключ.

Они двинулись вверх по засаленной лестнице. Ступени блестели от жира, того гляди поскользнешься; подниматься пришлось на два марша. Йенссон отыскал восьмой номер, и они вошли. Комната была небольшая, воздух – тяжелый, затхлый. Посередине стоял стол, покрытый грязной скатертью, у стены – кровать с несвежими простынями. Комната показалась им уютной. Они сняли пальто, и губы их слились в долгом поцелуе.

Незаметно в другую дверь вошел человек в одежде официанта, но смокинг был опрятный, а манишка такая чистая, что казалось, светится в полутьме. Ступал он бесшумно, шагов слышно не было, и двигался как автомат, будто не сознавая, что делает. Неподвижные глаза на строгом лице смотрели прямо перед собой. Человек был мертвенно-бледен, а на его виске зияло пробитое пулей отверстие. Он прибрал комнату, вытер туалетный столик, поставил ночной горшок и ведро для мусора.

Они не обращали на него никакого внимания, но, когда он собрался уходить, Йенссон сказал:

– Пожалуй, мы возьмем немного вина, принесите нам полбутылки мадеры.

Человек поклонился и исчез.

Йенссон снял пиджак. Женщина колебалась:

– Ведь он еще вернется.

– Ну, детка, в местах вроде этого стесняться нечего, раздевайся – и все.

Она сняла платье, кокетливо подтянула штаншки и села к нему на колени. Это было восхитительно.

– Подумай только, – прошептала она, – мы с тобой одни в таком необыкновенном, романтическом месте! Как поэтично! Я не забуду этого никогда…

– Прелесть моя, – сказал он, и губы их слились в долгом

поцелуе.

Человек вошел снова, совсем бесшумно. Неторопливыми движениями автомата он поставил рюмки, налил в них вино. На его лицо упал свет ночника. В этом лице не было ничего особенного, просто оно было мертвенно-бледное, а на виске зияло пробитое пулей отверстие.

Вскрикнув, женщина соскочила с колен Йенссона.

– Боже мой! Арвид! Так это ты! Ты! О, бог мой, он умер! Он застрелился!

Человек стоял неподвижно, устремив взгляд прямо перед собой. Его лицо не выражало страдания, оно было только строгим, очень серьезным.

– О Арвид, что ты наделал, что наделал! Как ты мог?.. Милый, если б хоть что-либо подобное пришло мне в голову, уверяю тебя, я бы осталась дома, с тобой. Но ведь ты никогда ничего такого не говорил. Ты не сказал мне об этом, когда я уходила, ни единого слова! Откуда же мне было знать, раз ты молчал? О боже!..

Ее била дрожь. Человек смотрел на нее как на чужую, незнакомую, взгляд был ледяной и бесцветный, этот взгляд проходил сквозь все, что оказывалось перед ним. Изжелта-белое лицо блестело, кровь из раны не шла, там просто было отверстие.

– О, это страшно, страшно! – закричала она. – Я не хочу здесь оставаться. Уйдем сейчас же, я этого не вынесу!

Она подхватила платье, шубу и шляпку и выскочила из комнаты. Йенссон последовал за ней. Они бросились вниз по лестнице, она поскользнулась и села в плевки и сигарный пепел. Внизу стояла та же рогатая старуха, она дружелюбно и понимающе ухмылялась в бороду, кивала головой.

На улице они немного успокоились. Она оделась, привела в порядок свой туалет, припудрила нос. Йенссон, словно защищая, обнял ее за талию, поцелуями остановил слезы, готовые брызнуть из ее глаз, он был такой добрый. Они торопливо зашагали к площади.

Черт-распорядитель по-прежнему там прохаживался, они снова на него наткнулись.

– Как, уже все? – сказал он. – Надеюсь, господа остались довольны?

– О, это было ужасно! – воскликнула женщина.

– Не говорите так, быть не может, чтобы вы на самом деле так думали. Посмотрели бы вы, сударыня, как было в прежние времена! А теперь на преисподнюю просто грех жаловаться. Мы делаем все, чтобы человек не только не почувствовал боли, но и получил удовольствие.

– Что правда, то правда, – согласился господин Йенссон, – надо признать, что стало гуманнее.

– О да, – сказал черт, – модернизировано все сверху донизу, как полагается.

– Конечно, ведь надо идти в ногу с веком.

– Да, теперь остались только душевные муки.

– И слава богу! – воскликнула женщина.

Черт любезно проводил их к лифту.

– До свидания, – сказал он, отвешивая низкий поклон, – и добро пожаловать снова.

Он захлопнул за ними дверь. Лифт пошел вверх.

– Как все же хорошо, что это кончилось, – с облегчением сказали оба, когда, тесно прижавшись друг к другу, опустились на мягкое сиденье.

– Без тебя я бы этого не вынесла, – прошептала женщина.

Он притянул ее к себе, и губы их слились в долгом поцелуе.

– Подумать только, – сказала она, опомнившись после его объятий, – чтобы он мог такое сделать! Но он всегда был со странностями. Никогда не умел смотреть на вещи просто и естественно, для него все было вопросом жизни и смерти.

– Ну и глупо.

– Ведь мог же он мне об этом сказать? Я бы осталась дома. Мы с тобой могли бы встретиться в другой вечер.

– Ну, конечно, – сказал Йенссон, – конечно, встретились бы в другой раз.

– Но, любимый мой, что мы сидим и говорим об этом? – прошептала она, обвивая руками его шею. – Ведь все уже позади.

– Да, моя девочка, все уже позади.

Он заключил ее в объятия. Лифт шел вверх…

(«А лифт спускался в преисподнюю», перевод Р.Рыбкина)

Один из самых последних снимков Пера Лагерквиста

Чувство отчужденности – главная тема литературы XX века, и в этом смысле Лагерквист близок таким писателям, как Франц Кафка, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Робер Музиль…Лагерквист из тех, кого борьба против дегуманизации человечества привела к вечному и неустанному поиску скрытого Бога, решению метафизических загадок жизни… К поиску своей истины…

Русскоязычный читатель, к счастью, знаком практически со всеми произведениями Пера Лагерквиста – от небольших рассказов и стихотворений, с которыми в 60-х годах нас начал знакомить журнал «Иностранная литература» до всех романов и повестей, которые появились в русских переводах после 1985 года.

Глава XVII
Франсуа Мориак (Mauriac)
1952, Франция

Франсуа Мориак

Французский романист, драматург и поэт *Франсуа Шарль Мориак* (11 октября 1885 года – 1 сентября 1970 года) родился в Бордо, в многодетной семье богатого коммерсанта Жана Поля Мориака и Маргариты Мориак, урожденной Куафар. Его отец умер, когда мальчику еще не исполнилось и двух лет, после чего семья переехала к родителям матери.

Мориак вспоминал, что, будучи застенчивым мальчиком, он чувствовал себя очень несчастным в школе св. Марии, куда его отдали в 7 лет. Через три года он поступает в коллеж, где впервые знакомится с Расином и Паскалем, ставшими с тех самых пор его любимыми писателями.

Лето Мориак проводит в родовом имении деда недалеко от Бордо, и пейзажи этих мест появятся потом во многих, если не во всех, его романах. После окончания коллежа Мориак поступает в университет Бордо, который кончает в 1905 году, получив

степень лиценциата (магистра) по литературе.

В следующем году Мориак едет в Париж готовиться к вступительным экзаменам в Эколь де Шарт, школу, выпускающую историков-медиевистов и архивистов. Он поступает в нее в 1908 году, но через полгода бросает и целиком посвящает себя литературе. К этому решению его подтолкнуло предложение редакции обозрения «Наше время» («Le Temps Present») напечатать его первый поэтический сборник «Соединенные руки» («Les Mains jointes»). В ноябре 1909 года сборник был напечатан, а в 1910 году знаменитый писатель М. Баррес пишет хвалебную рецензию на эту книгу.

В 1911 году Мориак работает над вторым поэтическим сборником.

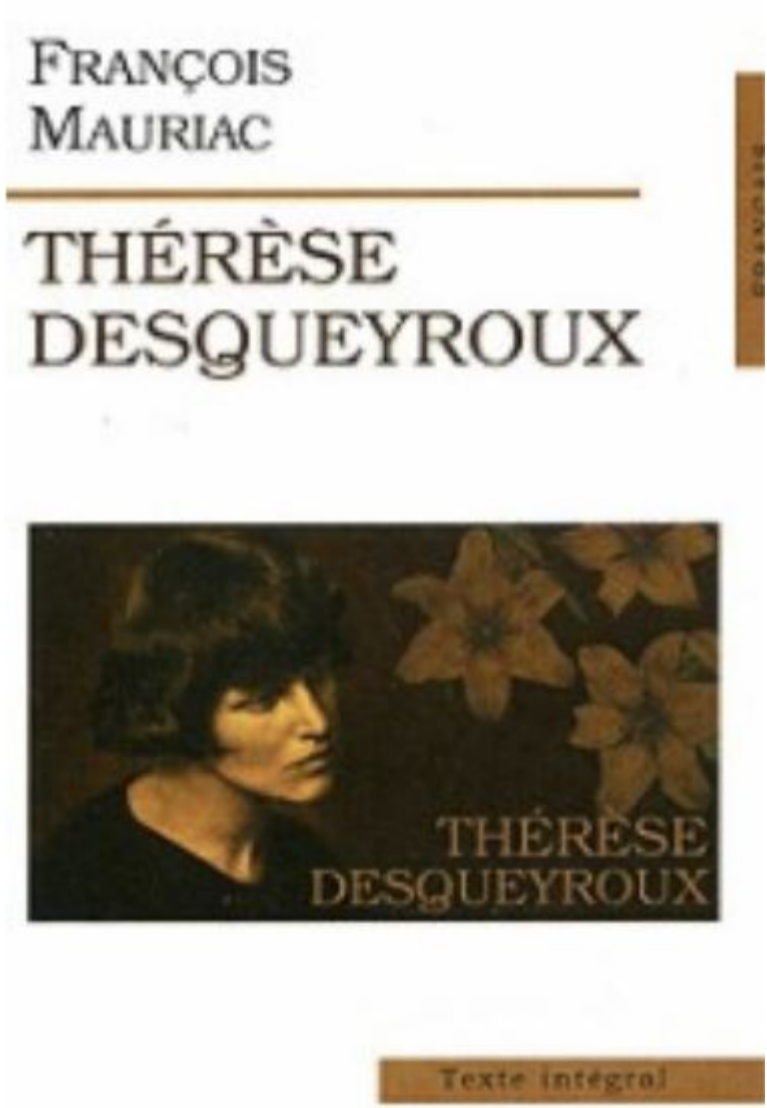
Дом Ф.Мориака в Малагаре, позже переданный в благотворительную организацию. Франция

Его первый роман «Дитя под бременем цепей» («L'Enfant charge de chaines») появился сначала в журнале «Меркюр де Франс» («Mercure de France»), а затем, в 1913 году, был опубликован издательством «Грассе». Книга рассказывает о нелегком житье юноши– провинциала в Париже… В том же году Мориак женится на Жанне Лафон, дочери банкира. У них было две дочери и два сына, причем старший, Клод, сам стал

впоследствии известным романистом и критиком.

В 1914 году Франция объявила войну Германии, и, хотя Мориак был освобожден от армии по состоянию здоровья, он вступил в Красный Крест и два года прослужил на Балканах, работая санитаром в госпитале. Демобилизовавшись в 1918 году, Мориак пишет два романа, однако первый большой успех приносит ему роман «Поцелуй, дарованный прокаженному» («Le Baiser au lepreux», 1922), в котором рассказывается о несостоявшемся браке между безобразным, уродливым богачом и красивой крестьянской девушкой. «Писателю удалось убедительно показать, – писал об этом романе английский критик С. Дженкинс в 1965 году, – как любовь и юность в нашем обществе с помощью семьи и церкви приносятся в жертву иным, неподлинным ценностям».

Следующие два романа Мориака – «Река огня» («Le Fleuve de feu») и «Родительница» («Genitrix») – были опубликованы в 1923 году и резко осуждены представителями правого крыла католической церкви как отвратительные и даже порнографические книги. Действие романа «Родительница» происходит в мрачном загородном особняке недалеко от Бордо, похожем на дом из романа «Поцелуй, дарованный прокаженному» (фактически, это дом деда Мориака). «Родительница» – это тягостное описание тиранической любви матери к своему сыну, рассказ о том, как она разрушила его брак, как сын ей отомстил, но не обрел счастья…

Современное издание любимого французами романа Ф.Мориака «Тереза Декейру»

В следующем значительном романе Мориака, «Пустыня любви» («Le Desert de 1'amour», 1925), получившем Первую премию Французской академии, романе более длинном и композиционно более сложном, чем предыдущие, рассказывается о несчастной любви отца и сына к одной и той же совершенно бесстрастной, холодной женщине. Ирландский критик К.О'Брайен писал, что Мария Кросс, героиня романа, воплощает образ

властной матери, часто встречающийся у писателей-католиков.

В основе романа «Тереза Декейру» («Trerese Desqueyroux», 1927), который французские литературоведы назвали лучшим французским романом с начала века, лежит нашумевший судебный процесс 1906 года. Главная героиня, которая попыталась отравить своего мужа мышьяком и которую, по чистой случайности, признали невиновной, сама не понимает мотивов своего преступления. Однако большинство читателей были убеждены, что она пыталась убить Бернара (своего мужа) не потому, что ненавидела его, а потому, что отчаянно пыталась избавиться от семейных уз, от губительной рутины, от буржуазного ханжества и бесцельности существования…

О.Задкин. бюст Ф.Мориака. Музей Аквитании. Бордо. Франция. 1943 год

Свободна! Чего же еще желать? Теперь для нее будет легче легкого жить возле Бернара. Открыть ему всю душу, ничего не оставив в тени, – вот в чем спасение. Вытащить на свет божий все, что было скрыто, и сделать это не мешкая, нынче же вечером. Решение это переполняет сердце радостью. По дороге в Аржелуз

она успеет «подготовиться к исповеди», как говорила ее благочестивая подруга Анна де ла Трав каждую субботу в счастливые дни летних каникул. Милая младшая сестра Анна, невинное создание, какое большое место ты занимаешь во всей этой истории! Самые чистые люди не ведают, в чем они бывают замешаны каждый день, каждую ночь и какие ядовитые семена прорастают там, где ступали их детские ножки.

Конечно, эта юная школьница была совершенно права, когда твердила своей подружке Терезе, рассудительной насмешнице: «Ты и представить себе не можешь, какое чувство освобождения испытываешь, когда признаешься на духу во всем и получишь отпущение грехов, – все старое сотрется и можно зажить по–новому». И действительно, стоило Терезе решить, что она все скажет, как она и в самом деле почувствовала облегчение: «Бернар все узнает, я все ему скажу…».

А что она ему скажет? С чего начать признания? Можно ли передать словами это темное сплетение желаний, решений, непредвиденных поступков?

Как исповедуются те, кто сознает свои преступления? Но я-то ведь не сознавала свое преступление. Я не хотела сделать то, в чем меня обвиняют. Я сама не знала, чего я хотела. Я не знала, к чему ведет неукротимая сила, клокотавшая во мне и вне меня. Сколько же она разрушила на своем пути! Даже мне самой стало страшно…».

Фонарь с коптившей керосиновой лампой освещал побеленную известкой стену железнодорожной станции Низан и стоявшую у дверей тележку. (Какая тьма сгущается вокруг полосы света!) С поезда, стоявшего на запасном пути, доносились гудки паровоза, похожие на мычание и печальное блеяние. Гардер взял саквояж Терезы и снова впился в нее взглядом. Должно быть, жена велела ему: «Посмотри хорошенько, какая она теперь, поди, на ней лица нет…». Тереза безотчетно одарила отцовского кучера прежней своей улыбкой, из-за которой люди говорили: «Право, и не поймешь, хорошенькая она или нет, просто чувствуешь на себе ее обаяние…». Тереза попросила Гардера купить для нее билет – самой ей страшно было пройти к кассе через зал ожидания, где сидели две фермерши: пристроив свои корзинки на коленях, обе они вязали, покачивая головой.

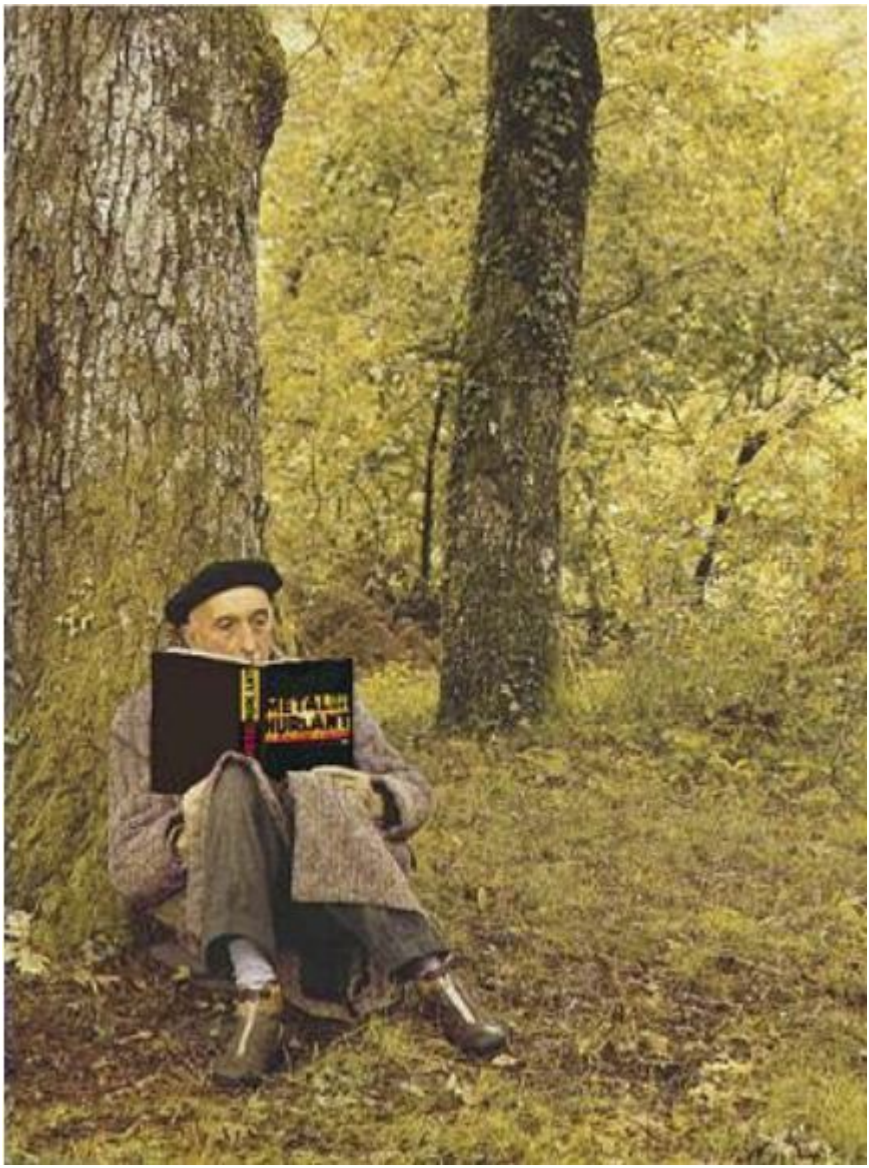
Кучер принес билет, Тереза велела ему оставить сдачу себе. Он притронулся рукой к фуражке, потом сел на козлы и, разобрав вожжи, обернулся в последний раз – поглядеть на дочку своего хозяина.

Состав еще не был сформирован. Когда-то, приезжая летом на каникулы или возвращаясь в город к началу учебного года, Тереза

Ларок и Анна де ла Трав радовались долгой остановке на станции Низан. Они закусывали в харчевне яичницей с ветчиной, потом, обняв друг друга за талию, прогуливались по дороге. Сейчас она такая темная и мрачная, но в те годы, уже отошедшие в прошлое, Тереза видела ее всю белую, залитую лунным светом.

Подружки смеялись, глядя на свои длинные, сливавшиеся вместе тени. Разумеется, говорили об учительницах, о подругах; одна защищала свой монастырский пансион, другая – свой лицей. «Анна!» – громко произнесла в темноте Тереза. Прежде всего, надо рассказать Бернару об Анне… Но ведь Бернар обожает точность. Он педантически классифицирует все чувства, каждое рассматривает отдельно и знать не желает, какая сложная сеть путей, переходов и переплетений существует меж ними. Как же ввести его в те туманные области, где жила и страдала Тереза? А ведь это необходимо.

Остается только одно: сегодня вечером войти к Бернару в спальню, сесть у его постели и повести его за собой шаг за шагом, пока он не остановит ее и не скажет: «Теперь я понял. Встань. Я прощаю тебя».

Ф.Мориак любил читать на природе, в одиночестве, ища себе «потайцные» места

Она прошла в темноте через садик начальника станции, услышала запах хризантем, но самих цветов не могла различить. В купе первого класса никого не было. Впрочем, при свете тусклого фонаря ее лица все равно никто бы не разглядел.

Читать невозможно, да и любой роман показался бы Терезе пресным по сравнению с ее ужасной жизнью. Может быть, она умрет от стыда, от тоски, от угрызений совести, от усталости, но только уж не от скуки.

Она забилась в угол, закрыла глаза. Да неужели такая умная женщина, как она, не сможет рассказать всю эту драму так, чтобы суть ее стала понятной?

Да, да. Когда она кончит, Бернар поднимет ее и скажет: «Иди с миром, Тереза, не тревожься больше. Мы будем жить в Аржелузе, в этом самом доме, до самой своей смерти, и никогда между нами не встанет то, что произошло. Мне хочется пить. Спустись сама в кухню, приготовь мне стакан оранжада. Я выпью его залпом, даже если он окажется мутным. Я не испугаюсь, если у него будет странный привкус, как у того шоколада, который я когда-то пил по утрам. Помнишь, любимая, как у меня поднималась рвота? Милыми своими руками ты поддерживала мне голову, не отводила взгляда от зеленоватой жидкости, извергаемой моим желудком, приступы рвоты не пугали тебя. Но как ты была бледна в ту ночь, когда я заметил, что у меня онемели и отнялись ноги! Меня бил озноб, помнишь? А этот болван доктор Педмэ поражался, что температура у меня очень низкая, а пульс такой частый…».

«Ах, нет, – думает Тереза, – он не поймет. Надо начать с самого начала…». А где начало наших поступков? Наша судьба, когда мы хотим обособить ее, подобна тем растениям, которые невозможно вырвать из земли вместе со всеми корнями. Может быть, Терезе надо начать с детства? Но ведь и само детство – это некий конец, завершение.

Ф.Мориак. Стела в Бордо. Франция

Детство Терезы – чистый, светлый исток самой мутной из

рек. В лицее она казалась ко всему равнодушной, словно и не замечала мелких драм, терзавших ее подруг. Учительницы часто ставили им в пример Терезу Ларок: «Тереза не ищет иной награды, кроме радостного сознания, что ее можно считать олицетворением высоких человеческих чувств. Совесть – вот ее единственная путеводная звезда. Гордая мысль, что она принадлежит к избранным натурам, поддерживает ее надежнее, чем страх перед наказанием…» Так высокопарно говорила о ней одна из учительниц. Тереза думает: «А была ли я счастлива? Была ли я так чиста сердцем? Вся моя жизнь до замужества предстает передо мной как свет и чистота, – несомненно, по контрасту с неизгладимой грязью брачной ночи. Лицей и все, что предшествовало супружеству и рождению ребенка, кажется мне теперь раем. Но тогда я этого не сознавала. Могла ли я знать, что в те годы, когда еще не начиналась моя жизнь, я как раз жила подлинной жизнью? Да-да, я была чиста, да, я была ангелом! Но ангелом, исполненным страстей. Что бы там ни говорили мои учительницы, а я страдала и доставляла страдания другим. Я радовалась, что могу причинить кому-нибудь боль, и радовалась боли, которую причиняли мне мои подруги.

Страдания наши были очень чисты, никакие угрызения совести не примешивались к ним: наши горести и радости доставляли нам невинные развлечения».

А как приятно было Терезе сознавать, что она нисколько не хуже Анны, с которой они встречались в летние месяцы под дубами Аржелуза. Тогда она могла говорить этой девочке, воспитанной монашками Сакре-Кер: «Чтобы быть такой же чистой, как ты, мне не нужны все эти ваши ладанки и бормотание молитв». Да и чистота Анны де ла Трав проистекала, главным образом, из неведения. Монахини-воспитательницы накидывали множество покровов на реальную действительность, скрывая ее от своих воспитанниц. Тереза их презирала за то, что они не видят разницы между добродетелью и неведением.

«Ты, дорогая, жизни не знаешь», – говорила она Анне в те далекие, такие уже далекие дни чудесных летних каникул в Аржелузе… И вот, думая о них в поезде узкоколейки, который тронулся, наконец, Тереза говорит себе, что именно с воспоминаний об этих днях ей и нужно начать, если она хочет во всем разобраться. Невероятно, но это так – светлая заря нашей жизни уже чревата самыми страшными грозами. «Небо голубое поутру – будет буря днем иль ввечеру». А после бури увидишь развороченный ливнем цветник, сломанные ветки и грязь. Когда-то Тереза жила, ни о чем не задумываясь, ничего не загадывала, на жизненном ее пути не было никаких крутых поворотов, она

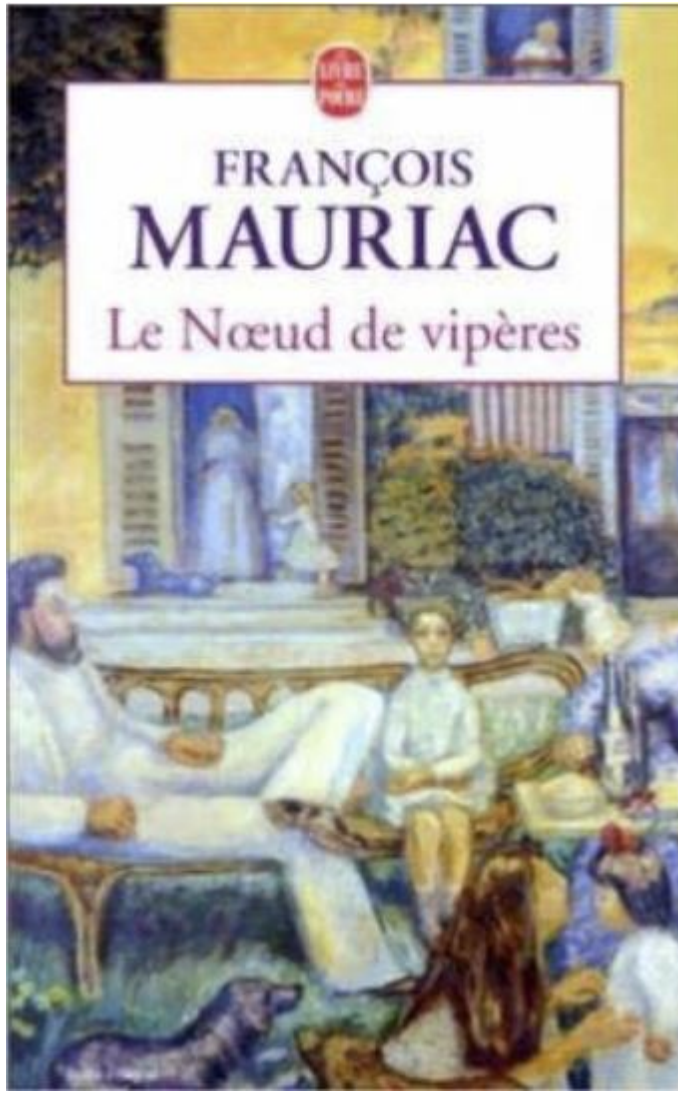
незаметно спускалась по склону, сначала медленно, потом все быстрее. И вот юное, жизнерадостное существо, каким она была в те далекие дни летних каникул, стало погибшей женщиной, которая возвращается нынче осенним вечером в тот же Аржелуз, возвращается крадучись, под покровом темноты.

Как она устала! Зачем отыскивать тайные пружины того, что уже совершилось? В оконном стекле отражается ее лицо, бледное, неподвижное, как у мертвой, а за окном ничего не видно; колеса стучат по рельсам уже по-другому, паровоз дает долгий гудок, поезд осторожно подходит к станции.

В темноте покачивается фонарь в чьей-то поднятой руке, какие-то люди перекликаются, выкрикивают что-то на местном диалекте, пронзительно визжат выгружаемые из вагона поросята. Это станция Юзест. А дальше – Сен-Клер, а оттуда придется ехать до Аржелуза в шарабане. Так мало времени осталось у Терезы, чтобы подготовиться к своей защите…

(«Тереза Декейру», перевод Н. Немчинова)

В эссе «Страдания христианина» («Souffrances du chretien», 1928) Мориак с отчаянием пишет, что идеалы христианства, которое умерщвляет плоть ради духа, неосуществимы в жизни. За этим последовал религиозный кризис, в котором свою роль сыграли и широкое осуждение его произведения католиками, и неодобрение его набожной матери, и внебрачная связь, грозившая разрушить его семью. Беседы со священником помогли Мориаку укрепиться в вере и обрести душевный покой, о чем свидетельствует эссе «Мука и радость христианина» («Souffrances et bonheur du chretien», 1931). В книге «То, что потеряно» («Ce qui etait perdu», 1926) ощущается новая религиозная ориентация писателя, а один из лучших его романов, «Клубок змей» («Le Noeud de viperes», 1932) даже называли «…блестящим образцом католического романа».

«Клубок змей» Ф.Мориака. Французское издание 60-х годов

«Клубок змей» – это семейная драма, в центре которой стоит трагическая фигура главы семьи, адвоката, портрет которого выполнен с исключительным психологическим искусством. Мориак вскрывает лицемерие, господствующее среди респектабельных католиков, и показывает духовное перерождение своего главного героя. После выхода в свет книги «Клубок змей» Мориак перенес операцию по поводу рака гортани, что повлекло почти полную потерю голоса.

В 1933 году писатель был избран в члены Французской академии.

Хотя Мориак продолжал писать, пытаясь создать великий

католический роман о спасении души, многие критики отмечали упадок в его творчестве. В «Фарисейке» («La Pharisienne», 1941) рассказывается история Бригитты Пьен, глубоко религиозной и властной женщины, которая, вмешиваясь в жизнь других людей, ломает их судьбы и превращает религию просто в карикатуру на христианское милосердие. Правда, в итоге героиня осознает свой грех и достигает спасения…

Книга «Бог и мамона» («Dieu et Mammon», 1929) открывает цикл религиозных трактатов, главный из которых – «Жизнь Иисуса» («Vie de Jesus», 1936). В эти же годы Мориак обращается к театру. «Асмодей» («Asmodee»), первая из его четырех пьес, в постановке Жака Кокто была сыграна 100 раз за сезон 1937– 1938 годов на сцене театра «Комеди Франсез».

Один за другим вышли и два сборника новелл Мориака – «Три истории» («Trois Recits», 1929) и «Прыжки в воду» («Plongees», 1938).

Во время второй мировой войны, когда Германия оккупировала Францию, Мориак иногда писал статьи для подпольного журнала «Французская литература» («Les Lettres Francaises»). Когда один из создателей журнала был арестован гестапо и расстрелян, Мориак написал «Черную тетрадь» («Le Cahier noir», 1943) – гневный протест против фашистской тирании и коллаборационизма. И хотя «Черная тетрадь» вышла под псевдонимом, Мориак некоторое время вынужден был скрываться.

Несмотря на это, после войны Мориак призывал своих сограждан быть милосердными к тем, кто сотрудничал с немцами.

Впервые Мориак был выдвинут на соискание Нобелевской премии в 1946 году, однако этой награды он удостоился лишь 6 лет спустя, в 1952 году – «**за глубокое духовное прозрение и художественную силу, с которой он в своих романах отразил драму человеческой жизни**». Член Шведской академии А.Эстерлинг в своей приветственной речи отметил, что «…в романах Мориак католический образ мыслей является фоном и краеугольным камнем одновременно». «Мориак не знает себе равных в ясности и выразительности языка, – сказал также Эстерлинг, – писатель умеет в нескольких строчках объяснять самые сложные вещи. Лучшие его книги отличаются логической ясностью и классически экономным расходованием выразительных средств и этим напоминают трагедии Расина».

В своей Нобелевской речи Мориак подчеркнул, что необходимо сохранять надежду в мире, пронизанном ужасом и «мистерией зла». Человек по природе своей, сказал Мориак, не

может сомневаться в том, что жизнь имеет направление и цель, не может пребывать в отчаянии. По словам Мориака, отчаяние современного человека рождено абсурдностью его бытия, тем, что он оказался в плену ложных мифов, – и этот абсурд низводит человека до уровня животного.

Аверс памятной медали Ф.Мориака

После получения премии Мориак выпускает свой предпоследний роман «Агнец» («L'Agneau», 1954). Занявшись в эти годы журналистикой, писатель поддерживает антиколониальную политику Шарля де Голля в Марокко, выступает вместе с левыми католиками за независимость Алжира. Когда в 1958 году де Голль вернулся к власти, Мориак был награжден Большим крестом ордена Почетного легиона по представлению самого генерала.

С конца 50-х до конца 60-х годов Мориак выпустил серию мемуаров и биографию генерала де Голля. С середины 50-х до 27 июля 1970 года он вел сразу ставшую знаменитой еженедельную газетную рубрику «Блокнот», остроумно, порой язвительно комментирующую политические и литературные события. Эта рубрика собирала гораздо большую читательскую аудиторию, чем его романы.

80-летие Мориака газета «Фигаро литерэр» отметила в 1965 году специальным выпуском, где лучшие французские критики с похвалой отзывались о его творчестве.

Последний роман Мориака «Дитя прошлого» («Un Adolescent d'autrefois») вышел в 1969 году. Умер писатель 1 сентября 1970 года в Париже…

Между 1930 и 1945 годами французские критики ставили Мориака на второе место во французской литературе XX века после Марселя Пруста, однако после 1945 года интерес к писателю стал падать, большинство исследователей сходится на том, что Мориак «…одержим детскими воспоминаниями», что он изображает одну и ту же социальную среду, одних и тех же героев, которые «…преисполнены страстью подчинять себе всех, кто их окружает». Для Мориака, считают критики, характерна также тема «чудесного обращения грешников», а также мрачная, напряженная атмосфера его романов. И все же, по мнению многих, среди всего написанного Мориаком есть 4 или 5 романов, которым уготована долгая жизнь. А ведь писателей, о которых можно сказать подобное, не так уж много в любой стране…

Российскому читателю повезло – книги Ф.Мориака у нас переводятся и издаются достаточно давно, хотя, отметим, являются достоянием совсем немногих – сказывается определенного рода мрачность атмосферы его книг, серьезный разговор о католичестве, резкая отчужденность от простоты. Однако, тем не менее, многие находят в книгах Мориака и определенное сходство с романами Достоевского.

Здесь покоится Ф.Мориак… Париж. Франция

Стоит сказать, что интересу к творчеству Мориака способствовали и экранизации его произведений, в частности, упомянутого выше романа «Тереза Декейру», ставшего, в некотором роде, откровением для зрителя нашей страны.

Глава XVIII
Уинстон Черчилль (Churchill)
1953, Великобритания

Уинстон Черчилль

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (30 ноября 1874 года – 24 января 1965 года), выдающийся английский государственный деятель, историк и биограф, родился в Бланим-Пэлисе, близ Вудстока, в графстве Оксфордшир. Его История его рождения достаточно примечательна: его мать, красивая, живая, любящая развлечения женщина, 30 ноября 1874 года, вопреки советам родных решила принять участие в бале, который герцог Мальборо давал в своем родовом дворце. В середине вечера леди Черчилль неожиданно почувствовала себя плохо, и ее еле успели доставить в одну из ближайших комнат, которая по случаю бала была превращена в дамскую раздевалку. В этой необычной обстановке на грудах пальто, шляп и горжеток и появился на свет Уинстон Черчилль. Младенец был хотя и скороспелый, но очень горластый

и энергичный. Он так неистово кричал, нарушая покой чопорного роскошного дворца, что шокированная герцогиня Мальборо заметила: «Я сама произвела на свет немало детей, и все они имели прекрасные голосовые данные. Но такого ужасающего крика, как у этого новорожденного, я еще никогда не слышала». Вскоре, в соответствии с существующими в английских правящих кругах традициями, на первой полосе газеты «Таймс» появилось объявление, состоящее из одной строчки: «30 ноября во дворце Бленим (Бленхейм) леди Рэндольф Черчилль преждевременно разрешилась от бремени сыном».

Бленхейм – дворец герцогов Мальборо. Место рождения У.Черчилля

Он был старшим сыном Джанет Джером, дочери американского финансиста, и лорда Рэндолфа Черчилля, потомка Джона Черчилля, первого герцога Мальборо. Выдающийся политик, Черчилль-старший в 1886 году порвал с Консервативной партией, отказавшись от постов лидера палаты общин и министра финансов, ошибочно полагая, что сможет диктовать парламенту свои условия. Внезапное окончание политической карьеры отца, писал английский историк Хью Тревор-Ропер, явилось оскорблением, которого «…Черчилль-младший никогда не забыл и не простил».

Утверждают, что семимесячные дети часто растут здоровыми. В отношении Уинстона это оказалось, безусловно, верным.

Он рос в лондонском доме своего отца, отданный на попечение няни, женщины по фамилии Эверест. Молодым родителям было не до него. По существовавшим в то время в Англии традициям люди этого круга сами воспитанием детей не занимались. Уинстон рос, по существу не зная родителей, и все больше и больше привязывался к няне, которую горячо любил до самой ее смерти. Впоследствии, когда Черчилль был крупным государственным деятелем, портрет няни всегда красовался у него в кабинете.

После окончания начальных школ в Эскоте и Брайтоне (с самого начала Уинстон обнаружил полнейшее нежелание учиться так, как учатся все дети – он обладал прекрасной памятью, все усваивал очень легко и быстро, но – лишь то, что его интересовало… Все, что ему не нравилось, он категорически не желал учить. Невзлюбив цифры, он никогда не примирился с математикой, терпеть не мог классические языки и за многие годы усвоил, как говорил сам позднее, из латинского и греческого лишь алфавит, и то не очень твердо. Зато очень любил английский язык и довольно хорошо знал его) Черчилль в 1888 году поступает в привилегированную школу Хэрроу, а затем – в Военное училище сухопутных войск в Сандхерсте, которое заканчивает двадцатым по успеваемости при общем числе выпускников 130 человек. Современники и биографы сходятся на том, что отставание Черчилля в школе объясняется лишь его безграничным упрямством. Еще в Хэрроу обнаружилось, что Уинстон унаследовал от отца превосходную память. Однажды, к удивлению преподавателей и учеников, он получил премию, прочитав на память без единой ошибки 1200 строк из книги Маколея о Древнем Риме. Он мог читать наизусть большие сцены из пьес Шекспира и, конечно, не упускал случая поправить преподавателя, если тот ошибался, цитируя Шекспира.

В Сэндхерсте, кстати, Уинстон почувствовал себя хорошо. Отвратительной латыни, греческого и прочих ненавистных ему предметов теперь и в помине не было. Вероятно, Уинстон даже рад был в то время, что не дотянул до университета и вместо Оксфорда или Кембриджа оказался в Сэндхерсте, так как 18-месячное пребывание в училище было для него сплошным удовольствием. Здесь ум не утруждали неприятными предметами. Он читает книги по военному делу. Однако было бы неправильным считать, что Уинстон получил в Сэндхерсте солидную теоретическую военную подготовку все же это был не штабной колледж, а кавалерийское училище с укороченным сроком обучения. И теоретическая подготовка была соответствующей… С увлечением Уинстон занимается

кавалерийской ездой. Любовь к верховой езде и к лошадям он сохранил на многие годы. Будучи человеком весьма честолюбивым и обладая огромным самомнением, которое явно не поколебали годы не слишком успешного обучения в Хэрроу, Уинстон мечтает о славном будущем, о военной карьере, равной по меньшей мере карьере своего предка Джона Черчилля – первого герцога Мальборо. Будущего кавалерийского офицера тревожит лишь то, что в мире (это был конец XIX века) не происходит больших войн, которые дали бы ему возможность проявить себя и добиться большой славы. Но Уинстон утешает себя тем, что колониальные войны Англия все– таки ведет и за неимением чего-либо более славного он попытается отличиться хоть бы в этих войнах. «К счастью, однако, – вспоминает он о своих размышлениях по этому поводу, – были еще дикари и варварские народы. Были зулусы и афганцы, а также дервиши в Судане. Некоторые из них могут, оказавшись в подходящем настроении, однажды «устроить представление». Может произойти даже восстание или бунт в Индии. Уинстон мечтает о том, как он будет командовать войсками на равнинах Индии, получать медали и поднимется до высших командных постов…

В 1895 году, вскоре после смерти отца, Черчилль направляется в Четвертый гусарский полк, однако со временем берет отпуск и едет на Кубу (где идет война с Испанией) военным корреспондентом лондонской газеты «Дейли график» («Daily Graphic»). Ему назначили гонорар – 5 фунтов стерлингов за статью. Если эту сумму сравнить с тем, что Черчилль получал в дальнейшем, то она покажется, конечно, мизерной, но она была ничуть не ниже гонорара, который обычно получали даже очень опытные журналисты. Уинстон Черчилль же до тех пор не опубликовал ни одной строчки, и было вообще неизвестно, сможет ли он дать интересные материалы. Почему же все-таки газета заключила соглашение с молодым, неопытным в журналистике гусаром? Многие биографы считают, что его имя и связи матери в обществе дали ему с самого начала значительные преимущества по сравнению с его коллегами – неопытными журналистами…

Черчилль и его друг и наперсник Барнс в ноябре 1895 года добрались пароходом до Нью-Йорка, а оттуда прибыли в Гавану. Испанские власти встретили их довольно любезно. Оба лейтенанта провели три дня с маршевой колонной испанцев в джунглях. Крупных военных действий колонна не вела, но под небольшой обстрел молодые гусары попали. Понюхав, хотя и совсем немного, пороху, Черчилль и Барнс отплыли в Англию. Уинстон успел с 13 декабря 1895 по 13 января 1896 года

направить в «Дейли график» пять корреспонденции, которые и были опубликованы.

Первая военно-журналистская практика Уинстона Черчилля закончилась вполне успешно – он даже получил за испанскую медаль! Стоит добавить, что на Кубе Уинстон пристрастился к сигарам и перенял у испанцев привычку отдыхать в постели среди дня. В дальнейшем он всегда строго соблюдал сиесту!

У.Черчилль в 1897 году

Позднее, во время службы на северо-западной границе Индии (1896–1897), Черчилль пишет донесения, которые составили основу для «Истории Малакандских полевых частей», опубликованной в 1898 году («The Story of the Malakand Field Force»). В Индии Черчилль пишет и свое первое и единственное художественное произведение «Саврола, история о революции в Лаурании» («Savrola, a Tale of the Revolution in Laurania», 1900). Кстати, еще начало индийской службы, само прибытие в Бомбей

было омрачено неприятным происшествием: во время высадки Черчилль при неудачном движении вывихнул плечевой сустав – последствия вывиха давали о себе знать в течение всей его последующей жизни.

В двойном качестве – солдата и корреспондента лондонской «Морнинг пост» («Morning Post») – Черчилль участвует в Нильской экспедиции лорда Китченера в Судан. Опыт этой кампании описан им в «Речной войне. Истории нового завоевания Судана» («The River War, an Account of the Reconquest of the Sudan», 1899).

Вы разглядите У.Черчилля? Это англо-бурская война…

В 1899 году Черчилль оставляет военную службу и, возвратившись в Англию, выставляет свою кандидатуру в парламент от Консервативной партии. Однако предвыборную кампанию он проигрывает и вновь обращается к журналистике – едет корреспондентом «Морнинг пост» освещать англо-бурскую войну. Великодержавная Британия развязала войну в Южной Африке, желая отобрать у Голландии ее самую лакомую колонию. В вояж Черчилль отбыл в ранге журналиста экстра– класса: ставка в 250 фунтов, не считая командировочных и транспортных расходов, позволяла ему чувствовать себя фигурой просто исключительной. Исключительность-то его и спасла: во время неудачной боевой операции он, в штатской одежде и с маузером в руках, угодил в плен к бурам, которые, по законам военного времени, таких пленных просто расстреливали без суда и следствия, однако для сиятельного британца сделали исключение

– все-таки сын лорда – фигура нестандартная. Пленнику чудом удалось бежать, за голову не знающего ни слова по-голландски и не способного затеряться в толпе авантюриста объявили награду в 25 фунтов стерлингов. Однако Черчилля и в этой безнадежной ситуации хранил Бог – в чужой стране он наткнулся на единственного «легального» англичанина, который укрыл соотечественника в угольной шахте, а потом в товарном вагоне отправил к своим. Именно тогда, говорят, и родился знаменитый афоризм сэра Уинстона: «Мужество – это искусство сохранять достоинство под прессом дурных обстоятельств». Когда все перипетии своего побега Черчилль описал в очередном репортаже, публикация в «Морнинг пост» прославила ее автора на всю Англию.

Итак, в результате головокружительных африканских приключений – плен, тюремное заключение, побег в товарном вагоне – Черчилль в 1900 году возвращается в Англию героем, вновь выставляет свою кандидатуру на парламентских выборах, на этот раз одерживает победу и в 26 лет становится членом парламента от Консервативной партии. Шесть лет спустя в знак протеста против тарифных законопроектов правительства Черчилль выходит из Консервативной партии и вступает в Либеральную.

Клементина в 1915 году

После победы Либеральной партии на выборах Черчилль становится заместителем министра по делам колоний и занимает этот пост до 1908 года, призывая к миру с Южной Африкой. Два года спустя он переходит в министерство торговли, где выступает за такие прогрессивные меры, как сокращение рабочего дня, установление нормы минимальной зарплаты, страхование по безработице.

В 1908 году Черчилль женится на Клементине Хозьер, от брака с которой у него были сын и три дочери (еще одна из дочерей умерла в трехлетнем возрасте). Клементину нельзя было назвать первой большой любовью Черчилля, но это был исключительно счастливый брак. Можно вполне верить утверждению Черчилля, что эта женщина, имевшая как внешние, так и внутренние достоинства, внесла в его жизнь спокойствие,

умиротворенность и смогла стать верной спутницей всей его жизни.

В 1910 году Черчилль становится министром внутренних дел, проводит реформы в области пенитенциарной системы, однако к женскому избирательному праву продолжает относиться негативно.

Став в 1911 году первым лордом Адмиралтейства, Черчилль выступает за увеличение военно-морского бюджета в связи с возможной войной с Германией. Вскоре после начала Первой мировой войны Черчилль подготовил и возглавил военную экспедицию по обороне Антверпена. Несмотря на то, что город был захвачен немецкими войсками, антверпенская операция дала возможность спасти бельгийскую армию и удержать несколько важных английских портов на Ла– Манше. Однако на следующий год Черчилль обвиняется в неудаче широкомасштабной дарданеллской операции против Турции, предпринятой с целью захвата проливов и выхода к русской границе, после чего он был вынужден уйти в отставку.

Снова вернувшись в армию, Черчилль участвует в боевых действиях в составе Второго гренадерского гвардейского полка и в чине полковника командует батальоном Королевского шотландского полка. Через год после возвращения в Англию (1916) Черчилль назначается министром вооружений в коалиционном правительстве Дэвида Ллойд-Джорджа, где активно занимается производством и внедрением нового вида вооружения – танков (одна из более поздних моделей английского танка была названа в его честь).

После войны Черчилль был переведен в министерство обороны, где ведал демобилизацией, призывал к сокращению военного бюджета и в то же время выражал тревогу в связи с приходом к власти в России большевиков.

Во второй раз назначенный на пост министра колоний (1921), Черчилль оказывал всяческую поддержку правительству получившей независимость Ирландии. Основной же заботой Черчилля оставались мандатные территории Великобритании на Ближнем Востоке: по его инициативе в 1922 году Палестина получила статус еврейской национальной территории при условии соблюдения прав арабов, кроме того, был создан мандатный эмират Трансиордания. Вместе с тем нетерпимое отношение Черчилля к Турции в вопросе о Дарданеллах раскололо и без того хрупкое коалиционное правительство. В новый кабинет министров Черчилль не прошел…

В это время Черчилль начинает работу над книгой «Мировой кризис» («World Crisis», 1923–1929), по мнению исследователей,

книга была «самыми блестящими военными мемуарами в истории». На гонорар, полученный за четырехтомник «Мирового кризиса», Черчилль приобретает особняк Чартвелл.

В 1924 году Черчилль вновь избирается в парламент и назначается министром финансов в правительстве Стенли Болдуина, нового премьер-министра от Консервативной партии. За четыре года пребывания Черчилля на этом посту правительству удалось восстановить золотой стандарт, что привело к экономической дефляции, росту безработицы и к всеобщей забастовке (1926).

Через два года, на выборах, консерваторы потерпели поражение, и Черчилль вновь оказался не у дел.

В 1931 году он отправляется в США читать лекции, и в Нью-Йорке из-за рассеянности или привычки к левостороннему британскому дорожному движению, или потому, что это было 13 декабря, сразу угодил под машину. Едва оправившись после 15 переломов, надиктовал журналу «Кольерз» статью «Мои нью-йоркские неприятные приключения». Это ироничное эссе, перепечатанное мгновенно чуть ли не всеми американскими газетами, принесло автору две с половиной тысячи долларов (гонорар целиком окупил стоимость трехнедельного послебольничного отдыха Черчилля с женой и дочерью на Багамских островах).

У.Черчилль с женой приземлились в Америке…

Вообще, в английском высшем обществе говорить о деньгах вообще не принято. Черчилль же любил подсчитывать вслух свои затраты на сигары и суммы выигрышей в казино (азартный игрок, он всегда ставил на цифры «18» и «22» – годы рождения младших дочерей). Кроме того, он просто обожал вгонять в краску других – мог прилюдно осведомиться у великого актера о размере гонорара, полученного им за роль Черчилля в военном кинофильме, а услышав весьма весомую цифру, пробурчал: «За такие деньги я сыграл бы сам себя гораздо лучше!»

О чревоугодии Черчилля красноречиво свидетельствуют его портреты и фотографии… Во время Ялтинской конференции сэру Уинстону так понравилась высокогорная форель, ежедневно поставляемая на его кухню в Воронцовский дворец, что он подарил свои золотые часы ответственному за это дело сотруднику НКВД. А верность Черчилля шотландскому виски, французскому коньяку «Наполеон» и армянскому «Двину» сегодня, вероятно, была бы расценена просто как реклама…

За те 10 лет, что Черчилль находится в отставке, он выступает противником предоставления большей свободы Индии, поддерживает короля Эдуарда VIII, пожелавшего жениться на разведенной американке, предупреждает нацию о возрастающей угрозе со стороны гитлеровской Германии и пишет четырехтомное исследование о своем знаменитом предке: «Мальборо: его жизнь и время» («Marlborough: His Life and Times», 1933–1938).

После того как премьер-министр Невилл Чемберлен, вернувшись в 1938 году из Мюнхена, заявил, что он обеспечил «мир надолго», Черчилль откликнулся пророческим предупреждением: «Европа погружается во тьму».

Когда началась вторая мировая война, Черчилль вновь назначается первым лордом Адмиралтейства и немедленно предпринимает шаги по борьбе с немецкими подводными лодками, а через полгода, после отставки правительства Чемберлена, становится премьер– министром и министром обороны в коалиционном правительстве. После того как Великобритания вступила в неравную борьбу с захватившими почти всю Европу германскими и итальянскими войсками, Черчилль видит свою задачу в том, чтобы отбить немецкие воздушные атаки, привлечь на свою сторону американцев и поддержать моральный дух нации с помощью жесткого политического курса и блестящего красноречия.

Огромную роль в получении ленд-лиза (март 1941) сыграла

дружба Черчилля с американским президентом Франклином Рузвельтом. Когда же Соединенные Штаты вступили в войну против Германии, отношения между главами государств стали еще более близкими. Во время войны Черчилль делал все необходимое, чтобы укрепить единство союзников. Прекрасный военный стратег, он осуществлял командование британскими войсками в Европе, Северной Африке и Азии. Когда же война близилась к концу, Черчилль настойчиво рекомендовал сначала Рузвельту, а затем Гарри С. Трумэну «встретиться с русскими как можно восточнее», чтобы ограничить советские притязания в Центральной Европе. Однако предупреждениями британского премьера пренебрегли.

В день нападения фашистской Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 года, мир поразился мгновенной реакции Черчилля – он выступил по радио. В своем заявлении Черчилль, употребив все свое красноречие, словами, ставшими знаменитыми, сказал:

Обложка журнала «Time». 1941 год

Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству… За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. И я не возьму назад ни одного своего слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает…

…Я должен заявить о решении Правительства Его Величества [о вступлении Соединенного королевства в войну] уверен, что с этим решением согласятся все в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки…

У нас лишь одна единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы его нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться… Мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь… Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем…

(«Речь на радио. 22.06.1941 год», перевод В.Чухно)

Хотя после победы над Германией Черчилль почитался национальным героем, на выборах 1945 года Консервативная партия потерпела поражение, и премьер-министром стал лейборист Клемент Эттли. Черчилль, однако, с политической арены не ушел – в своей речи в Фултоне (1946) он ввел в политический лексикон термин «железный занавес», а в том же году в Цюрихе предложил идею создания Соединенных Штатов Европы, куда входила бы и Германия.

Знаменитый снимок, сделанный на Ялтинской конференции 1944 года: У.Черчилль, Ф.Рузвельт, И.Сталин

Сегодня я буду говорить о постигшей Европу трагедии. Этот прекрасный континент, с его плодородными пахотными землями и умеренным, ровным климатом, является колыбелью всех великих народов, населяющих Западный мир. Здесь зародилась христианская вера, здесь возникла христианская мораль, здесь были заложены первоосновы мировой культуры, искусства, философии и науки. И если бы народы Европы смогли объединить свои усилия в стремлении использовать созданное ими общее наследие для всеобщего блага, то для трехсот или четырехсот миллионов европейцев наступила бы эра благоденствия, процветания и великих свершений. Однако вместо этого именно в Европе вспыхнул подожженный германцами и их тевтонскими собратьями пожар мировой войны, и все мы в наш просвещенный двадцатый век стали свидетелями того, как рухнули надежды на прочный мир, на безоблачное будущее всего человечества.

Чем же это закончилось для Европы? Хотя некоторым из малых стран и удалось сравнительно быстро прийти в себя, но на большей части европейских просторов огромные массы дрожащих от ужаса, измученных, голодных, терзаемых опасениями, сбитых с толку людей застывшими взглядами взирают на лежащие в развалинах города и разрушенные жилища, а на окутанном черной мглой горизонте уже маячит призрак новой угрозы, новой тирании, нового ужаса. В стане победителей стоит неумолкаемый гвалт громких, торжествующих голосов; в стане побежденных царит

унылая, угрюмая тишина. Вот чего добились европейцы, издревле живущие порознь, разделенные на множество наций и стран; вот чего добилась Германия с ее союзниками, затеяв эту кровавую бойню, в горниле которой европейские нации терзали друг друга на клочья, это побоище, сеявшее повсюду опустошение и разруху. Над европейской землей нависла реальная угроза возврата темного средневековья со всем его изуверством и мракобесием, и так бы оно и случилось, если бы великая Республика по другую сторону океана не протянула Старому Свету через Атлантику руку помощи и поддержки, вовремя осознав, что порабощение или гибель Европы не может не коснуться судеб самой Америки. Но опасность возврата к средневековью остается даже теперь.

И, тем не менее, есть кардинальное средство, которое, если к нему прибегнут сообща все европейские страны, чудесным образом изменит нынешнюю картину и за считанные годы сделает всю Европу, или, по крайней мере, ее большую часть, такой же свободной и счастливой, какой мы видим сегодня Швейцарию. В чем же заключается это чудодейственное средство? В воссоздании европейской семьи народов, причем в возможно полном составе, и в придании ей такой структуры, которая обеспечила бы ее мирное, безопасное и свободное существование. Нам необходимо построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы. Это позволило бы сотням миллионов людей вернуться к повседневным радостям и надеждам, ради которых только и стоит жить. Процесс создания такого объединения очень прост. Для этого нужна лишь решимость сотен миллионов мужчин и женщин творить добрые дела вместо злых, получая в качестве награды благословение вместо проклятий.

(Фрагмент речи, произнесенной 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете, перевод В.Чухно).

С 1948 по 1954 года Черчилль работает над шеститомной историей «Вторая мировая война» («The Second World War») – масштабным, основанным на личном опыте произведением историко-мемуарного жанра.

В октябре 1918 года, во время английской газовой атаки под Комином, один немецкий ефрейтор от хлора на время потерял зрение. Пока он лежал в госпитале в Померании, на Германию обрушились поражение и революция. Сын незаметного австрийского таможенного чиновника, он в юности лелеял мечту стать великим художником. После неудачных попыток поступить в Академию художеств в Вене он жил в бедности сначала в австрийской столице, а затем в Мюнхене. Иногда работая

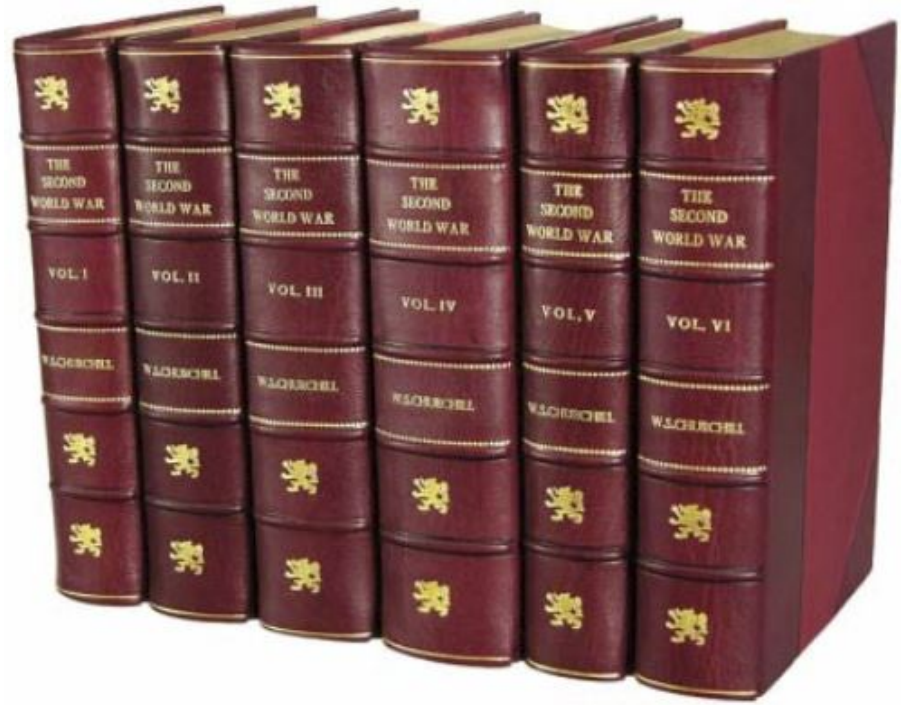
маляром, а часто выполняя любую случайную работу, он испытывал материальные лишения и копил в себе жестокую, хотя и скрытую обиду на мир, закрывший ему путь к преуспеянию. Но личные невзгоды не привели его в ряды коммунистов. В этом отношении его реакция представляла собой некую благородную аномалию: он еще больше проникся непомерно сильным чувством верности своей расе, пылким и мистическим преклонением перед Германией и германским народом. Когда началась война, он со страстной готовностью схватился за оружие и прослужил четыре года в баварском полку, на Западном фронте. Таково было начало карьеры Адольфа Гитлера.

Когда зимой 1918 года, беспомощный, лишенный зрения, он лежал в госпитале, его личные неудачи представлялись ему частью катастрофы, обрушившейся на весь германский народ. Потрясение военного поражения, крушение законности и порядка, торжество французов – все это причиняло выздоравливающему ефрейтору острую боль, которая пронизывала все его существо и рождала те невероятные безмерные силы духа, которые способны привести и к спасению и к гибели человечества. Ему казалось, что падение Германии не может быть объяснено обычными причинами. Где-то должно было скрываться гигантское и чудовищное предательство. Одинокий, замкнувшийся в себе, маленький солдат размышлял и раздумывал над возможными причинами катастрофы, руководимый лишь своим узким личным опытом. В Вене он вращался среди членов крайних германских националистических групп. От них-то он и услышал о зловредных подрывных действиях другой расы, врагов и эксплуататоров нордического мира – евреев. Его патриотический гнев и зависть к богатым и преуспевающим слились в единое чувство всеподавляющей ненависти.

Наконец этот ничем не примечательный пациент, по–прежнему одетый в военную форму, которой он почти по–мальчишески гордился, был выписан из госпиталя. Какое же зрелище представилось его исцеленным глазам? Конвульсии, вызываемые поражением, были ужасны. В окружавшей его атмосфере отчаяния и безумия ясно выступали очертания красной революции. По улицам Мюнхена стремительно носились бронеавтомобили, осыпавшие торопливых прохожих листовками или пулями. Его собственные товарищи, нацепив вызывающие красные повязки на рукава своих военных мундиров, выкрикивали лозунги, яростно проклинавшие все то, что было дорого ему. Внезапно, как это бывает во сне, все стало совершенно ясно. Германии нанесли удар в спину, и теперь ее терзали евреи, спекулянты и интриганы, скрывавшиеся в тылу, ненавистные большевики, организаторы международного заговора еврейских

интеллигентов. Он ясно видел свой долг: спасти Германию от этих бичей, отомстить за причиненное ей зло и повести высшую германскую расу по пути, предназначенному ей судьбой.

Офицеры его полка, глубоко встревоженные мятежными и революционными настроениями своих солдат, были очень рады, что нашелся хоть один человек, сохранивший в душе какие-то устои. Ефрейтор Гитлер пожелал остаться на военной службе и нашел себе работу в качестве «инструктора по политическому просвещению», или агента. Прикрываясь этим званием, он занимался сбором информации о деятельности мятежных и подрывных элементов. Офицер органов безопасности, на которого он работал, поручил ему посещать собрания местных политических партий всех оттенков. Как-то вечером, в сентябре 1919 года, ефрейтор отправился на митинг германской рабочей партии, проходивший в одной из мюнхенских пивных. Здесь он впервые услышал выступления против евреев, спекулянтов и «ноябрьских преступников», заведших Германию в пропасть, – выступления, совпадавшие с его собственными тайными убеждениями. 16 сентября он вступил в эту партию, а вскоре после этого в соответствии со своими военными функциями взял на себя руководство партийной пропагандой. В феврале 1920 года в Мюнхене состоялся первый массовый митинг германской рабочей партии, на котором руководящую роль играл уже сам Адольф Гитлер, изложивший в 25 пунктах программу партии. Он стал теперь политическим деятелем и начал свою борьбу за спасение нации.

У.Черчилль. «Вторая мировая война». 1948–1954 гг.

В апреле он был демобилизован и весь отдался делу расширения рядов партии. К середине следующего года он вытеснил первоначальных лидеров и, загипнотизировав своим темпераментом и духом массу рядовых членов партии, подчинил партию своему личному контролю. Его уже называли фюрером. Партия купила газету «Фелькишер беобахтер» и сделала ее своим центральным органом.

Коммунисты очень скоро распознали своего врага. Они пытались срывать гитлеровские митинги, и в конце 1921 года он организовал свои первые штурмовые отряды. До тех пор все движение ограничивалось местными рамками Баварии. Но в тех бедственных условиях, которые существовали в Германии в эти первые послевоенные годы, многие немцы в самых различных уголках рейха начинали прислушиваться к речам нового проповедника. Горячее возмущение, вызванное во всей Германии французской оккупацией Рура в 1923 году, обеспечило гитлеровской партии, которая именовалась теперь национал– социалистической партией, массу сторонников. Падение марки разрушило основы благополучия германской средней буржуазии, многие представители которой в своем отчаянии стали сторонниками новой партии и находили облегчение своему горю в ненависти, мести и патриотическом угаре.

Гитлер с самого начала дал ясно понять, что путь к власти лежит через агрессию и насилие против Веймарской республики, рожденной позором поражения. К ноябрю 1923 года фюрер имел вокруг себя группу решительных сторонников, среди которых наиболее видными были Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Люди действия, они решили, что наступил момент попытаться захватить власть в Баварии. Генерал фон Людендорф своим участием в путче дал возможность организаторам этой авантюры использовать военный престиж своего имени. До войны принято было говорить: «В Германии революции не будет, ибо все революции в Германии строго запрещены». В данном случае эта формула была возрождена местными мюнхенскими властями. Полиция открыла стрельбу по демонстрантам, тщательно избегая генерала, который продолжал идти вперед, пока не оказался среди полицейских, встретивших его весьма почтительно. Около 20 демонстрантов было убито. Гитлер во время стрельбы бросился на землю, а затем исчез вместе с другими партийными лидерами. В апреле 1924 года его приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Хотя германские власти поддержали порядок, а германский суд наказал виновных, среди немцев было широко распространено мнение, что наказуемые – это плоть от их собственной плоти и что власти играют на руку иностранцам, жертвуя самыми верными сынами Германии. Срок заключения Гитлера был сокращен с четырех лет до тринадцати месяцев. За эти месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, он успел в общих чертах закончить «Майн кампф» – трактат, излагавший его политическую философию. Он посвятил эту книгу памяти павших в недавнем путче. Ни одна книга не заслуживала более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав в ту пору, когда Гитлер пришел, в конце концов, к власти. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистского государства, и утверждения о законном праве Германии на роль руководителя всего мира. Это был новый Коран веры и войны – напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений.

Чартвелл. Дом Уинстона и Клементины Черчилль

Главный тезис, лежащий в основе «Майн кампф», очень прост: человек есть воинственное животное; отсюда нация, будучи сообществом борцов, представляет собой боевую единицу. Всякий живой организм, прекращающий борьбу за существование, обречен на уничтожение. Страна или раса, перестающие бороться, точно так же обречены на гибель. Боеспособность расы зависит от ее чистоты. Отсюда необходимость очищения ее от чуждых, загрязняющих ее элементов. Еврейская раса ввиду ее повсеместного распространения по необходимости является пацифистской и интернационалистской. Пацифизм же – это страшнейший из грехов, ибо он означает отказ расы от борьбы за существование. Поэтому первый долг всякого государства состоит в том, чтобы привить массам националистические чув-ства. Для отдельной личности не имеет первостепенного значения уровень ее интеллектуального развития: сила воли и решительность – вот важнейшие качества, которые от нее требуются. Человек, обладающий врожденной способностью командовать другими, представляет гораздо большую ценность, чем многие тысячи людей, склонных покорно повиноваться чужой воле. Только грубая сила обеспечивает выживание расы. Отсюда необходимость военной организации. Раса должна бороться: если она бездействует, она покрывается ржавчиной и погибает. Если бы германская раса была своевременно объединена, она уже теперь

была бы повелительницей всего земного шара.

Новый рейх должен объединить все до тех пор распыленные германские элементы Европы. Раса, потерпевшая поражение, может быть спасена, если она восстановит веру в свои силы. Прежде всего, надлежит научить армию верить в свою непобедимость. Чтобы восстановить германскую нацию, необходимо убедить народ в том, что вернуть себе свободу силой оружия вполне возможно. Принцип аристократизма является здравым в своей основе. Интеллектуализм нежелателен. Конечная цель образования – воспитать немца, который требовал бы минимального обучения для превращения его в солдата. Величайшие перевороты в истории были бы немыслимы, если бы движущей силой их не являлись фанатические и истерические страсти. С помощью буржуазных добродетелей – мира и порядка – ничего достигнуть бы не удалось. Мир находится сейчас на пути к такому перевороту, и новое германское государство должно позаботиться о том, чтобы раса была подготовлена к предстоящим последним и величайшим решениям на нашей земле.

Внешняя политика может быть неразборчивой в средствах. Дипломатия не должна предоставлять стране героически гибнуть, напротив, она должна заботиться о том, чтобы страна могла выжить и процветать. Двумя единственно возможными союзниками Германии являются Англия и Италия. Ни одна страна не вступит в союз с трусливым пацифистским государством, управляемым демократами и марксистами. Если Германия сама не позаботится о себе, никто о ней не позаботится. Ни торжественные обращения к небесам, ни благочестивые надежды на Лигу Наций не вернут ей утраченных территорий. Они могут быть возвращены лишь силой оружия. Германия не должна повторять старую ошибку – бороться со всеми своими врагами сразу. Она должна выбрать самого опасного из них и атаковать его всеми своими силами. Мир перестанет быть антигерманским только тогда, когда Германия вернет себе равенство прав и снова займет свое место под солнцем. Во внешней политике Германии не следует проявлять никакой сентиментальности. Совершить нападение на Францию исключительно по эмоциональным мотивам было бы глупо. В чем Германия нуждается – это в расширении своей территории в Европе. Довоенная колониальная политика Германии была ошибочной, и от нее следует отказаться. В целях своего расширения Германия должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну вместе с Россией против Запада было бы преступно, ибо целью Советов является торжество международного иудаизма. Таковы были «гранитные основы» его

политики.

Победители, подавленные и поглощенные своими собственными заботами и межпартийными распрями, почти не обратили внимания на неустанную борьбу Адольфа Гитлера и его постепенное превращение в фигуру национального масштаба. Прошло много времени, прежде чем национал-социализм, или нацистская партия, как его стали именовать, приобрел столь сильное влияние на массы германского народа, на вооруженные силы, государственный аппарат и на массы промышленников, не без основания страшившихся коммунизма, что он стал такой силой в жизни Германии, с которой весь мир вынужден был считаться. Когда в конце 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать свое движение.

Одна из демократических статей Веймарской конституции предусматривала, что выборы в рейхстаг должны проводиться раз в два года. Предполагалось, что эта статья обеспечит массам германского народа возможность осуществлять полный и постоянный контроль над своим парламентом. На практике это лишь означало, что они постоянно жили в атмосфере лихорадочного политического возбуждения и непрерывных избирательных кампаний. Успехи Гитлера и его доктрин могут, таким образом, быть, точно прослежены. В 1928 году он располагал всего 12 мандатами в рейхстаге. В 1930 году эта цифра увеличилась до 107, а в 1932 – до 230. К тому времени влияние и дисциплина национал-социалистской партии давали себя чувствовать уже во всем строе Германии; всякого рода запугивания, оскорбления и зверства в отношении евреев приобрели широчайшее распространение.

За фасадом республиканских правительств и демократических институтов, навязанных победителями и потому ассоциировавшихся с поражением, действительной политической силой в Германии и устойчивым элементом государства в послевоенные годы являлся генеральный штаб рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. В лице маршала Гинденбурга он нашел символ своей власти и исполнителя своей воли. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени его характер стал портиться, а умственные способности ослабевать. Он становился все более дряхлым, а также все более пристрастным в своих суждениях и деспотичным. Генералам давно уже было ясно, что придется искать подходящего преемника престарелому маршалу. Однако к моменту начавшихся поисков нового человека подоспел бурный рост и укрепление национал-социалистского движения. После провала мюнхенского путча в

1923 году Гитлер провозгласил соблюдение строжайшей законности в рамках Веймарской республики. Однако в то же самое время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. Вначале очень малочисленные отряды СА, штурмовые отряды, или коричневорубашечники, с их небольшим дисциплинированным ядром СС достигли такой численности и силы, что деятельность их и потенциальная мощь стали внушать серьезную тревогу рейхсверу.

Памятник У.Черчиллю на территории Британского посольства в США

Всесторонне обдумав смысл происходящего в стране, рейхсвер при всем своем нежелании вынужден был признать, что в качестве военной касты и организации, стоящей в оппозиции к нацистскому движению, он уже не способен сохранять свой контроль над Германией. Общей для обеих групп чертой была их решимость вывести Германию из пропасти и отомстить за ее поражение. Но в то время как рейхсвер олицетворял собой регламентированный строй кайзеровской империи и представлял интересы феодальных, аристократических, землевладельческих и других состоятельных классов германского общества, СА в значительной мере превратились в бунтарское движение, раздуваемое недовольством эмоционально возбудимых или озлобленных подрывных элементов и отчаянием разоренных людей.

Ссориться с нацистской партией означало бы для рейхсвера раздирать побежденную страну на части. В 1931 и 1932 годах руководители армии пришли к выводу, что им следует как в своих собственных интересах, так и в интересах страны объединить свои силы с теми самыми элементами, которым они до сих пор противостояли в вопросах внутренней политики со всей твердостью и суровостью, присущими немцам. Со своей стороны, Гитлер, хотя и готовый воспользоваться любым тараном, чтобы прорваться в цитадель власти, всегда считал за образец руководителей великой и блестящей Германии, внушавших ему чувство восхищения и преданности еще в юношеские годы. Таким образом, естественные предпосылки для соглашения между ним и рейхсвером имелись с обеих сторон. Руководители армии постепенно пришли к заключению, что влияние нацистской партии в стране столь сильно, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства. Гитлер… понимал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера. Сделка была заключена, и руководители германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост канцлера рейха. Согласившись ограничить деятельность коричневорубашечников, подчинить их генеральному штабу, а со временем, если понадобится, то и вовсе их ликвидировать, Гитлер заручился поддержкой самых влиятельных сил в Германии, достиг вершины административной лестницы и добился явного перемещения центра верховной власти в германском государстве. Далеко продвинулся ефрейтор!

В августе 1932 года Гитлер прибыл в Берлин по личному вызову президента. Момент для решающего шага, казалось, наступил. За спиной фюрера стояли миллионов германских

избирателей. Он мог претендовать на важное место в правительстве. Его положение сейчас в известной мере напоминало положение Муссолини накануне похода на Рим. Но Папену не было никакого дела до новейшей истории Италии. Он пользовался поддержкой Гинденбурга и не собирался уходить в отставку. Старый маршал увидел Гитлера. Тот не произвел на него никакого впечатления. «Этого человека назначить канцлером? Я его сделаю почтмейстером – пусть лижет марки с моим изображением». В дворцовых кругах Гитлер не пользовался таким влиянием, как его соперники.

Громадные массы избирателей были охвачены тревогой и брожением. В ноябре 1932 года по всей Германии снова, в пятый раз за один год, состоялись выборы. Нацисты понесли урон, и их 230 мандатов сократились до 196 – разница досталась коммунистам. Тем самым позиции Гитлера были ослаблены. 17 ноября Папен вышел в отставку и канцлером вместо него стал Шлейхер. Гитлер вместе с Папеном и националистами объединились теперь против него, а коммунисты своей уличной борьбой с нацистами и своими антиправительственными забастовками содействовали тому, что дальнейшее его пребывание у власти стало невозможным. Папен решил воспользоваться своим личным влиянием на президента Гинденбурга. Не будет ли в конце концов наилучшим выходом из положения умилостивить Гитлера, взвалив на него всю ответственность и все бремя власти? Наконец Гинденбург с неохотой дал свое согласие. 30 января 1933 года Адольф Гитлер вступил на пост канцлера Германии.

Все, кто собирался или мог оказать сопротивление новому порядку, скоро почувствовали на себе руку хозяина. 2 февраля всякие митинги или демонстрации германской Коммунистической партии были запрещены, и по всей Германии началось изъятие припрятанного оружия, принадлежащего коммунистам.

Кульминационный момент наступил вечером 27 февраля 1933 года. В здании рейхстага вспыхнул пожар.

У.Черчилль после Второй мировой войны. Знаменитый жест – буква V – первая буква слова Victory – победа!

Были вызваны отряды коричневорубашечников, чернорубашечников и их вспомогательные части. За одну ночь было арестовано четыре тысячи человек, в том числе члены Центрального Комитета Коммунистической партии. Проведение этих мероприятий было поручено Герингу, в то время министру внутренних дел Пруссии. Они служили подготовкой к предстоящим выборам и обеспечивали поражение коммунистов, самых грозных противников нового режима. За организацию избирательной кампании взялся Геббельс, которому не приходилось занимать ни ловкости, ни рвения.

Однако в Германии еще имелись многочисленные силы, не желавшие подчиниться, оказывавшие сопротивление или проявлявшие активную враждебность гитлеризму. Коммунисты и те многочисленные немцы, которые в своей растерянности голосовали вместе с ними, получили 81 мандат, социалисты – 118

и националисты Папена и Гугенберга – 52. Гитлер же получил 17 миллионов 300 тысяч голосов, поданных за нацистов, и 288 мандатов. Только так – всеми правдами и неправдами – удалось Гитлеру получить на выборах поддержку большинства германского народа. Он имел в рейхстаге 288 мандатов против 251 мандата остальных партий, большинство всего в 37 мандатов. При соблюдении обычной процедуры цивилизованного парламентарного правительства столь значительное меньшинство пользовалось бы большим влиянием и должным уважением в государстве. Но в новой нацистской Германии меньшинствам суждено было убедиться в том, что у них нет никаких прав.

21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме, близ гробницы Фридриха Великого, Гитлер открыл первый рейхстаг третьего рейха. В церкви сидели представители рейхсвера – символ непреходящей германской мощи – и старшие офицеры штурмовых и охранных отрядов, новые представители возрождающейся Германии. 24 марта большинство рейхстага, подавив или запугав всех противников, 441 голосом против 94 приняло решение о предоставлении канцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий сроком на четыре года. Когда объявили результаты голосования, Гитлер обернулся к скамьям социалистов и крикнул: «А теперь вы мне больше не нужны!»

В обстановке всеобщего возбуждения, порожденного выборами, ликующие колонны членов национал-социалистской партии продефилировали мимо своего вождя по улицам Берлина в языческом факельном шествии. Их борьба была долгой. Смысл ее трудно постигнуть иностранцам, в особенности тем, которые не испытали боли поражения. И вот, наконец, явился Адольф Гитлер. Но он был не один. Он вызвал из глубин поражения темные первобытные страсти, скрытые в самом многочисленном, самом крепком, жестоком, противоречивом и злополучном народе Европы, Он магически воскресил страшного идола, всепожирающего Молоха, став одновременно его жрецом и воплощением.

В мою задачу не входит описание невероятной жестокости и подлости, с помощью которых создавался этот аппарат ненависти и тирании, подлежавший теперь дальнейшему совершенствованию. Для целей настоящего повествования необходимо лишь указать читателю на новый и страшный факт, перед лицом которого очутился все еще ничего не подозревающий мир: Германия была под властью Гитлера, и Германия вооружалась.

(«Вторая мировая война», фрагмент I тома, перевод В.Печатнова)

В 1951 году Черчилль вновь возвращается к политической деятельности и становится премьер-министром, но четыре года спустя вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья.

Аверс памятной медали У.Черчилля

В 1953 году Черчилль получает Нобелевскую премию по литературе за «**высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности**». Как заметил в своей речи член Шведской академии П.С. Сиверц, «… политические и литературные достижения Черчилля столь велики, что его можно сравнить как с Цезарем, так и с Цицероном». Да, как видим, была отмечена еще одна ипостась Уинстона Черчилля: Нобелевский комитет присудил премьер-министру Великобритании премию по литературе. Когда в политической деятельности сэра Уинстона случались вынужденные перерывы, он всякий раз находил утешение в писательстве. В 30-е годы завершил многотомный труд «Мировой кризис, 1916–1918» и написал автобиографическую книгу «Ранние годы моей жизни», много лет работал над «семейной» эпопеей. Получив Нобелевскую премию за военно-мемуарную литературу, Черчилль оказался в очень приличном соседстве: годом раньше лауреатом стал Франсуа Мориак, а в следующем году лауреатом станет Эрнест Хемингуэй…

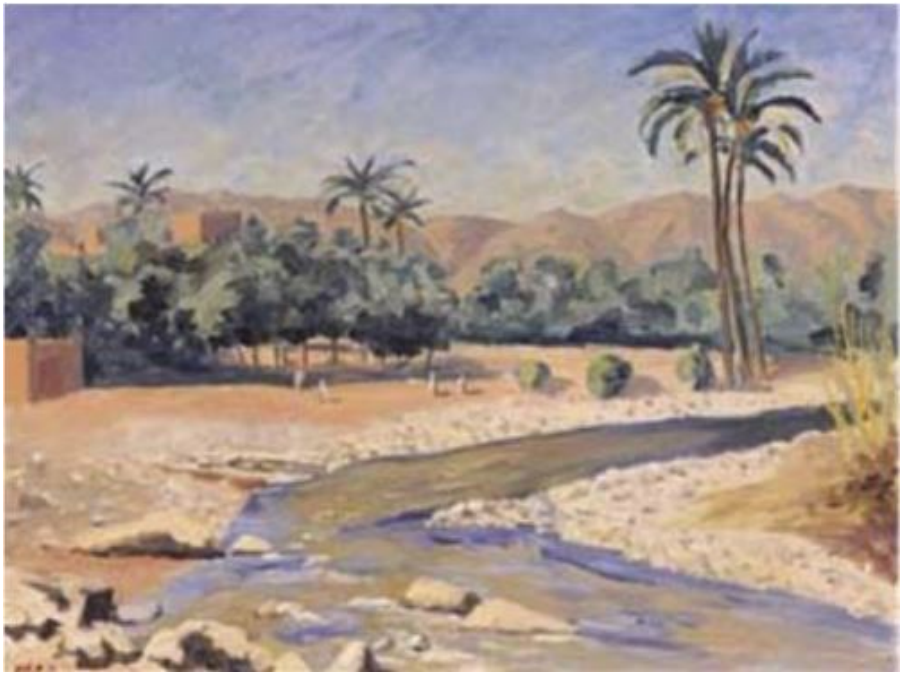
Великолепные речи Черчилля значительно превосходят его книги. Спустя тридцать лет его соотечественник – известный

писатель Уильям Голдинг сказал: «Черчилль получил Нобелевскую премию за свои страстные филиппики – пример отваги и непреклонности… Его поэзия факта изменила историю». Из-за участия в международной конференции на Бермудских островах Черчилль не смог присутствовать на церемонии награждения. От имени британского премьера награду получила его жена, которая произнесла краткую ответную речь.

Черчилль занимался не только политической деятельностью и литературой, он был также талантливым художником-любителем, искусным каменщиком. На седьмом десятке он прекращает плавать (частично из-за простуды, схваченной в Марракеше, в Марокко, в 1947 году). Все больше досуга теперь посвящается рисованию.

«Это такое удовольствие, – писал Черчилль, – краски так хороши, и упоительно смотреть на тюбики. Смешивая их, даже грубо, вы видите нечто восхитительное и абсолютно захватывающее… Я не знаю ничего, что, не напрягая тело, могло бы так же полностью захватить сознание». Одна из великосветских знакомых сэра Уинстона как-то заметила, что «писание картин – это единственное занятие, которому он предается молча». Сам же Черчилль пообещал: «Когда я попаду на небо, я намерен значительную часть моего первого миллиона лет провести за рисованием» (кстати, представленные анонимно, две его работы были приняты Королевской академией в 1947 году, а еще три – в 1948 году).

За свою долгую жизнь он получил массу наград, в том числе орден Подвязки (1953), премию Карла Великого (1965), звание почетного гражданина США (1963) и почетные степени более двадцати университетов мира.

У.Черчилль. Вид на Тинхерир. Марокко. 1951 год

Хотя в последние годы у Черчилля для писательства не было ни физических, ни интеллектуальных сил, все же, отойдя от общественной жизни, Черчилль выпускает четырехтомное исследование «История англоязычных народов» («A History of the English-Speaking Peoples», 1956–1958).

Черчилль скончался в Лондоне в возрасте 90 лет и был похоронен со всеми государственными почестями. В день похорон в Англии и во многих странах мира был объявлен траур… Смерть его ознаменовала собой конец целой эры в британской истории… Следует вспомнить еще, что за три года до смерти, поскользнувшись на мраморном полу казино, Черчилль сломал бедро и тогда, лежа на больничной койке военного санатория, написал сценарий собственных похорон: «Я хочу, чтобы меня похоронили, как простого солдата».

Завещание Черчилля было исполнено, только с одной поправкой – Англия проводила великого «солдата» империи с королевскими почестями. Даже советское телевидение, для которого Черчилль – «человек в цилиндре» – всегда был персоной нон грата, показало траурный репортаж: прощание с Черчиллем в соборе Вестминстерского аббатства, последний путь траурного кортежа к Темзе, где покрытый британским флагом гроб перенесли на военный катер, отчаливший в направлении родового поместья. Там, в окрестностях родового дворца, на

скромном кладбище возле старинной приходской церкви сэр Уинстон Черчилль обрел последний приют…

Историки и журналисты говорят, что в специальном архивном центре Черчилля в Кембридже хранится 15 тонн различных документов, связанных с именем этого великого политика XX века, занимавшего в разное время практически все ключевые посты в руководстве страны: от министра по делам колоний и канцлера казначейства до первого лорда Адмиралтейства и дважды премьер-министра (в 1940–45 и в 1951– 55 годах)…

Последний приют У.Черчилля и его жены Клементины…

Имя Черчилля для нашей страны звучит достаточно противоречиво и парадоксально – с одной стороны, он олицетворяет английский консерватизм и явную антисоветскую направленность его политики, с другой стороны, Черчилль – один из членов знаменитой «Большой тройки», союзник в войне против германского фашизма… Исторические труды его, речи и фронтовые корреспонденции, переписка (в частности, с И.В.Сталиным) стали известны нам только после 80– го года, но

зато теперь мы можем в полной мере ощутить масштаб его личности, понять Черчилля как политика, писателя, человека.

Глава XIX
Эрнест Хемингуэй (Hemingway)
1954, США

Эрнест Хемингуэй

Американский писатель *Эрнест Миллер Хемингуэй* (21 июля 1899 года – 2 июля 1961 года) родился в городке Оук-Парк – привилегированном пригороде Чикаго. Его мать, урожденная Грейс Холл, бросила оперу и вышла замуж за отца Хемингуэя Кларенса Эдмонсона Хемингуэя, врача-терапевта и спортсмена, который в 1928 году покончил с собой. Старший сын из шести детей, Эрнест учился в школах Оук-Парка, публикуя рассказы и стихотворения в школьных газетах.

После окончания учебы в 1917 году Хемингуэй хотел вступить в армию, чтобы участвовать в Первой мировой войне, однако из-за травмы глаза призван не был и вместо этого в 1917–1918 годах работал корреспондентом в канзасской газете «Стар»

(«Star»).

Шесть месяцев спустя он уезжает добровольцем в воюющую Европу и становится шофером американского отряда Красного Креста на итало-австрийском фронте, где в июле 1918 года получает серьезное ранение в ногу, несмотря на которое сумел доставить раненого итальянского солдата в безопасное место.

Э.Хемингуэй. Возвращение с Первой мировой войны

За воинскую доблесть Хемингуэй дважды награждался итальянскими орденами. Находясь на излечении в госпитале, Хемингуэй влюбляется в американскую сестру милосердия. Через десять лет эта любовная история, а также военный опыт лягут в основу его романа «Прощай, оружие» («A Farewell to Arms», 1929). Возвратившись в Оук-Парк героем войны, Хемингуэй приходит к выводу, что жизнь в предместье Чикаго чрезвычайно скучна, и вскоре поступает на работу в редакцию чикагского журнала, где знакомится с писателем Шервудом Андерсоном, который

убеждает его уехать в Париж, чтобы избавиться от «бездуховной», как он выразился, атмосферы американского Среднего Запада. Женившись в сентябре 1921 года на Хэдли Ричардсон (от брака с которой у него был сын), Хемингуэй последовал совету Андерсона и отправился в Европу.

Живя за границей, Хемингуэй много путешествует, пишет статьи на самые различные темы для «Торонто стар» («Toronto Star»), знакомится с американскими писателями, живущими в то время в Париже – с Гертрудой Стайн, Эзрой Паундом, Скоттом Фицджеральдом и другими – и начинает писать, исходя из принципа – «главное – сочинить одно предложение правды, а дальше пойдет…».

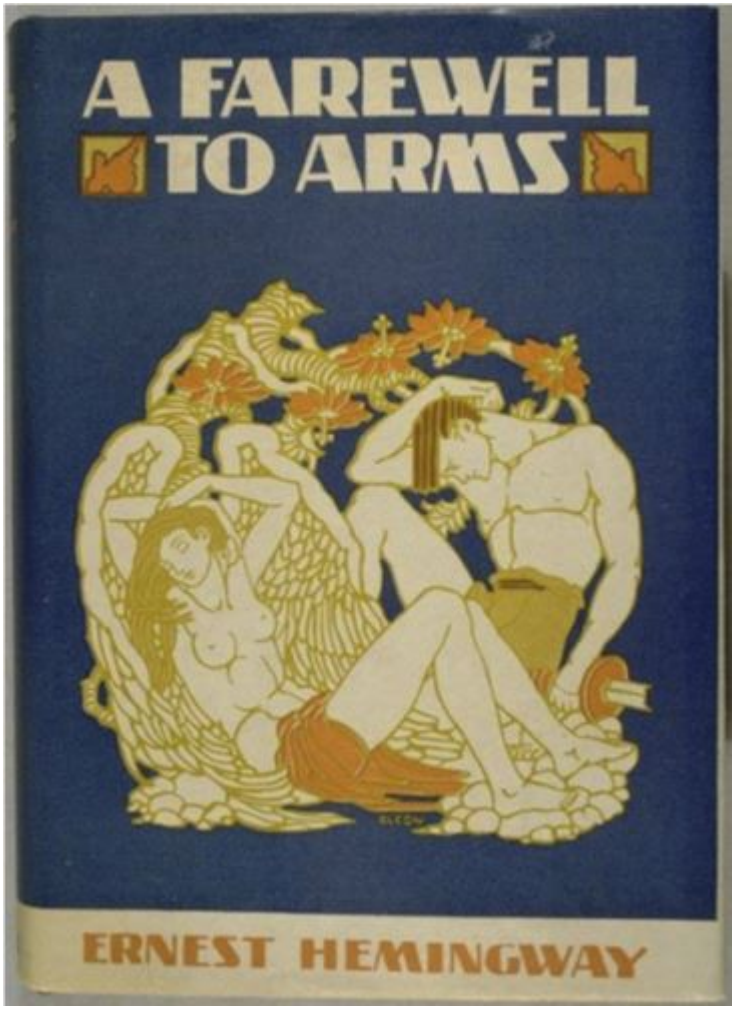
В этом доме, в Оук-Парке, родился Э.Хемингуэй 362

В Париже вышли первые книги Хемингуэя – «Три рассказа и десять стихотворений» («Three Stories and Ten Poems», 1923), написанные под влиянием Андерсона, а также сборник рассказов «В наше время» («In Our Time», 1924), который через год был переиздан в США. Новеллистический цикл «В наше время» отличается простым экономным стилем, характерным для зрелого Хемингуэя. Появляется здесь и традиционный для

писателя герой, который, выражаясь словами самого Хемингуэя, «в трудную минуту не подведет».

«Вешними водами» («The Torrents of Spring», 1926), наспех написанной пародией на один из романов Шервуда Андерсона, заинтересовался известный редактор М.Перкинс из процветающего издательства «Чарльз Скрибнерс».

В октябре 1926 года Хемингуэй публикует свой первый серьезный роман «И восходит солнце» («The Sun Also Rises»), который был чрезвычайно благосклонно принят и читателями, и критикой и создал Хемингуэю прочную репутацию многообещающего молодого писателя. В романе выведены американцы и англичане, жившие в Париже и в Испании. Друзья Хемингуэя узнавали многих героев этой книги, в том числе, и самого автора. По мнению К.Бейкера, пожалуй, самого авторитетного из биографов Хемингуэя, изображенное писателем послевоенное поколение «стало одним из аспектов социальной истории 20-х годов нашего века». Главные герои, представители, по меткому выражению Гертруды Стайн, «потерянного поколения», травмированы духовно (а сам рассказчик, импотент Джейк Барнс, – и физически). Смысл жизни эти люди видят лишь в боксе, рыбалке, корриде, пьянстве и любви…

Обложка первого издания романа Э.Хемингуэя «Прощай, оружие»

В 1927 году Хемингуэй влюбляется в Полину Пфейффер, на которой женится сразу после развода со своей первой женой. От второго брака у Хемингуэя было двое сыновей. После выхода в свет еще одного сборника рассказов, «Мужчины без женщин» («Men Without Women», 1927), Хемингуэй возвращается в Соединенные Штаты и, поселившись во Флориде, в Ки– Уэсте, завершает свой второй роман – «Прощай, оружие» («A Farewell to Arms»), который имел огромный успех как у критики, так и у широкого круга читателей. Многие литературоведы считают «Прощай, оружие», наряду с более поздним романом «По ком звонит колокол» («For Whom the Bell Tolls» 1940), самым лучшим произведением Хемингуэя, в котором его стиль – ясный, сжатый и – емкий – достигает своего совершенства. В 30-е годы, однако, в

творчестве Хемингуэя отмечается некоторый спад. Именно в этот период писатель заболевает пресловутой «звездной болезнью», изображает из себя «настоящего мужчину» (интерес к испанской корриде, африканской охоте на хищников, вызывающее поведение), что многими воспринималось как позерство, самым пагубным образом сказавшееся на его творчестве. Вряд ли к этому сегодня стоит относиться серьезно…

Поезд промчался мимо длинного кирпичного дома с садом и четырьмя толстыми пальмами, в тени которых стояли столики. По другую сторону полотна было море. Потом пошли откосы песчаника и глины, и море мелькало лишь изредка, далеко внизу, под скалами.

– Я купила ее в Палермо, – сказала американка. – Мы там стояли только один час: это было в воскресенье утром. Торговец хотел получить плату долларами, и я отдала за нее полтора доллара. Правда, она чудесно поет?

В поезде было очень жарко, было очень жарко и в купе спального вагона. Не чувствовалось ни малейшего ветерка. Американка опустила штору, и моря совсем не стало видно, даже изредка. Сквозь стеклянную дверь купе был виден коридор и открытое окно, а за окном пыльные деревья, лоснящаяся дорога, ровные поля, виноградники и серые холмы за ними.

Из множества высоких труб валил дым – подъезжали к Марселю; поезд замедлил ход и по одному из бесчисленных путей подошел к вокзалу. В Марселе простояли двадцать пять минут, и американка купила «Дэйли мэйл» и полбутылки минеральной воды. Она прошлась по платформе, не отходя далеко от подножки вагона, потому что в Каннах, где стояли двенадцать минут, поезд тронулся без звонка, и она едва успела вскочить. Американка была глуховата – она боялась, что звонок, может быть, и давали, но она его не слышала.

Поезд вышел с марсельского вокзала, и теперь стали видны не только стрелки и фабричный дым, но, если оглянуться назад, – и город, и гавань, и горы за ней, и последние отблески солнца на воде. В сумерках поезд промчался мимо фермы, горевшей среди поля. У дороги стояли машины; постели и все домашнее имущество было вынесено в поле. Смотреть на пожар собралось много народа. Когда стемнело, поезд пришел в Авиньон. Пассажиры входили и выходили. Французы, возвращавшиеся в Париж, покупали в киоске сегодняшние французские газеты. На платформе стояли солдаты негры в коричневых мундирах. Все они были высокого роста, их лица блестели в свете электрических фонарей. Они были совсем черные, и такого высокого роста, что им не было видно, что делается в вагонах. Поезд тронулся, платформа и стоявшие на ней

негры остались позади. С ними был сержант маленького роста, белый.

В спальном купе проводник откинул три койки и застелил их. Американка всю ночь не спала, потому что поезд был скорый, а она боялась быстрой езды по ночам. Ее койка была у окна. Канарейку из Палермо, в закутанной шалью клетке, вынесли в коридор рядом с уборной, подальше от сквозняка. В коридоре горел синий фонарь. Всю ночь поезд шел очень быстро, и американка не спала, ожидая крушения.

Утром, когда до Парижа оставалось совсем немного, американка вышла из умывальной, очень свежая, несмотря на бессонную ночь, очень здоровая на вид, – типичная американка средних лет. Раскутав клетку и повесив ее на солнце, она отправилась в вагон-ресторан завтракать. Когда она вернулась в купе, постели были уже убраны и превращены в сиденья, канарейка отряхивала перышки в солнечном свете, лившемся в открытое окно, и поезд подходил к Парижу.

– Она любит солнце, – сказала американка. – Сейчас запоет.

Канарейка встряхнулась и начала чистить перышки.

– Я всегда любила птиц, – сказала американка. – Я везу ее домой, моей дочке… Вот она и запела.

Канарейка чирикнула, и перья у нее на шее взъерошились, потом она опустила головку и зарылась клювом в перья. Поезд пролетел через мост и шел очень чистеньким лесом. Один за другим мелькали пригороды Парижа. В пригородах были трамваи, и на стенах, обращенных к полотну, большие рекламы: Белль Жардиньер, Дюбонне и Перно. Все, мимо чего проходил поезд, выглядело словно натощак.

Сначала я не прислушивался к разговору американки с моей женой.

– Ваш муж тоже американец? – спросила она.

– Да, – отвечала моя жена. – Мы оба американцы.

– Я думала, что вы англичане.

– О нет, – сказала жена.

– Может, вам это показалось потому, что я ношу подтяжки? – сказал я.

Американка не слышала. Она была совсем глухая и понимала собеседника по движениям губ, а я не смотрел на нее. Я смотрел в окно. Она продолжала разговаривать с моей женой.

– Я так рада, что вы американцы. Из американцев выходят самые лучшие мужья, – говорила она. – Вы знаете, из-за этого нам пришлось покинуть Европу. В Веве моя дочь влюбилась в иностранца. – Она помолчала. – Они были безумно влюблены друг в друга. – Она опять замолчала. – Я ее увезла, конечно.

– Но теперь это у нее прошло? – спросила моя жена.

– Не думаю, – ответила американка. – Она ничего не ест и совсем не спит. Как я ни старалась, она ничем не интересуется. Она ко всему равнодушна. Не могла же я позволить, чтобы она вышла за иностранца. – Она помолчала. – Один из моих друзей говорил мне, что иностранец не может быть хорошим мужем для американки.

– Да, – сказала моя жена, – думаю, что не может.

Американка похвалила дорожное пальто моей жены, – оказалось, что она уже лет двадцать заказывает платья в том же самом ателье на улице Сент-Оноре. У них есть ее мерка и знакомая vendeuse, которая знает ее вкус, подбирает ей платья и посылает их в Америку. Посылки приходят в почтовое отделение недалеко от ее дома, в центре Нью-Йорка. В почтовом отделении их вскрывают для оценки, пошлина не очень высокая, потому что платья всегда простые, без золотого шитья, без отделки, и не кажутся дорогими. До теперешней vendeuse, Терезы, была другая vendeuse, Амели. Их было всего две – за все двадцать лет. Couturier оставался все время один и тот же. А вот цены повысились. Хотя при нынешнем курсе это неважно. Теперь у них есть мерка ее дочери. Она уже совсем взрослая, и мерку едва ли придется менять.

Поезд подходил к Парижу. Укрепления сровняли с землей, но трава здесь так и не выросла. На путях стояло много вагонов: коричневые деревянные вагоны-рестораны и коричневые деревянные спальные вагоны, которые в пять часов вечера отправятся в Италию, если поезд по-прежнему отходит в пять; на этих вагонах были таблички: «Париж – Рим»; и вагоны пригородного сообщения, с сиденьями на крышах, которые дважды в день бывают переполнены, если все осталось по– старому; мимо мелькали белые стены домов, и бесчисленные окна. Все было словно натощак,

– Американцы – самые лучшие мужья, – говорила американка моей жене. Я снимал чемоданы. – Только за американцев и стоит выходить замуж.

– А давно вы уехали из Веве? – спросила моя жена.

– Осенью будет два года. Вот я и везу канарейку ей в подарок.

– А этот молодой человек был швейцарец?

– Да, – ответила американка. – Из очень хорошей семьи. Будущий инженер. Они там и познакомились, в Веве. Подолгу гуляли вместе.

– Я знаю Веве, – сказала моя жена. – Мы провели там медовый месяц.

– Неужели? Надо думать, это было чудесно. Мне, конечно, и в голову не приходило, что она может в него влюбиться.

– Веве чудесное место, – сказала моя жена.

– Да, – сказала американка. – Не правда ли? Где вы там останавливались?

– Мы жили в «Трех коронах», – сказала моя жена.

– Хороший старый отель, – сказала американка.

– Да, – сказала моя жена. – У нас была очень хорошая комната, и осенью там было чудесно.

– Вы были там осенью?

– Да, – сказала моя жена.

Мы проезжали мимо трех вагонов, которые попали в крушение. Стенки вагонов были разворочены, крыши смяты.

– Посмотрите, – сказал я, – здесь было крушение. Американка взглянула в окно и увидела последний вагон.

– Именно этого я и боялась всю ночь, – сказала она. – У меня бывают иногда ужасные предчувствия. Никогда больше не поеду ночным экспрессом. Должны же быть другие удобные поезда, которые ходят не так быстро.

Тут поезд вошел под навес Лионского вокзала, остановился, и к окнам подбежали носильщики. Я передал чемоданы в окно, мы вышли на тускло освещенную длинную платформу, и американка вверила свою особу попечениям одного из трех агентов Кука, который сказал ей:

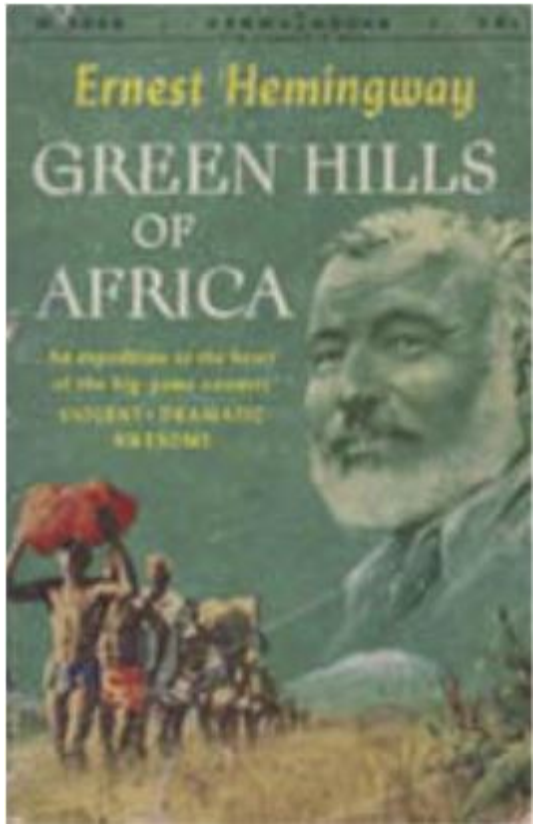
– Одну минуту, мадам, я найду вашу фамилию в списке. Подкатив тележку, носильщик нагрузил на нее багаж; и мы простились с американкой, чью фамилию агент Кука уже отыскал в ворохе отпечатанных на машинке листков и, отыскав, сунул листки в карман.

Мы пошли за носильщиком и с тележкой по длинной асфальтовой платформе вдоль поезда. В конце платформы, у выхода, контролер отбирал билеты.

Мы возвращались в Париж, чтобы начать процесс о разводе.

(«Канарейку в подарок», перевод Н.Дарузес)

К главным произведениям этого периода относятся «Смерть после полудня» («Death in the Afternoon, 1932), документально выверенный рассказ об испанской корриде, «Зеленые холмы Африки» («The Green Hills of Africa», 1935), дневник первого сафари писателя, в котором описания охоты и африканских ландшафтов перемежаются экскурсами в литературу и эстетику, «Иметь и не иметь» («To Have and Have Not», 1937), повесть, действие которой происходит во Флориде, где главный герой вынужден из-за тягот Великой депрессии стать контрабандистом.

«Зеленые холмы Африки», издание 1963 г.

Признание получили лишь два мастерски написанных рассказа, действие которых происходит в Африке: «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» («The Short and Happy Life of Francis Macomber») и «Снега Килиманджаро» («The Snows of Kilimanjaro»).

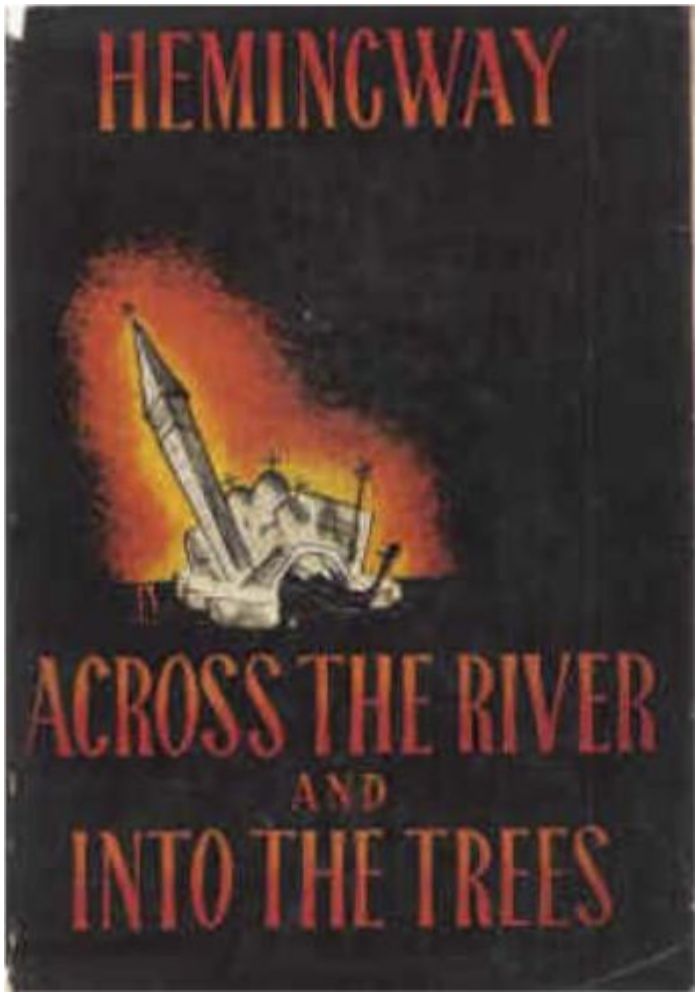
Во время гражданской войны в Испании Хемингуэй в полной мере раскрылся как художник и гражданин. В 1937 году, собрав деньги для республиканцев, писатель отправляется в Испанию в качестве военного корреспондента Североамериканской газетной ассоциации и сценариста документального фильма «Земля Испании», который снимал голландский режиссер Йорис Ивенс.

Э.Хемингуэй и Й.Ивенс

Побывав в Испании во второй раз, Хемингуэй пишет пьесу «Пятая колонна» («The Fifth Column»), где показана осада Мадрида осенью 1937 года. Тогда же у него начинается роман с Мартой Геллхорн, военным корреспондентом в Мадриде. Книга Хемингуэя «По ком звонит колокол» посвящена событиям гражданской войны в Испании и описывает последние события из жизни американского добровольца, воевавшего на стороне республиканцев. Этот роман, в заглавие которого вынесены слова английского поэта Джона Донна («…Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол – он звонит по тебе») является призывом к братству людей. «По ком звонит колокол» имел просто потрясающий успех.

По мнению К. Бейкера, «…эта книга до сих пор остается непревзойденным шедевром среди всех произведений (как художественных, так и нехудожественных), посвященных испанской трагедии тех лет».

Обложка первого издания романа Э.Хемингуэя «За рекой в тени деревьев»

После развода с Полиной Пфейффер Хемингуэй в 1940 году женится на Марте Геллхорн, покупает дом под Гаваной и вместе с женой совершает поездку в Китай, где в это время идет японо-китайская война. В 1944 году Хемингуэй разводится со своей третьей женой, отправляется в Лондон в качестве военного корреспондента, участвует в полетах британских ВВС, описывая высадку союзников в Нормандии, и 25 августа 1944 года входит с американскими войсками в Париж. Писатель так активно участвует в боевых действиях союзников, что едва не попадает под трибунал за нарушение правил Женевской конвенции о поведении военных корреспондентов, что впрочем, не помешало ему получить Бронзовую звезду за храбрость.

В 1944 году Хемингуэй разводится со своей третьей женой, отправляется в Лондон в качестве военного корреспондента, участвует в полетах британских ВВС, описывая высадку союзников в Нормандии, и 25 августа 1944 года входит с американскими войсками в Париж. Писатель так активно участвует в боевых действиях союзников, что едва не попадает под трибунал за нарушение правил Женевской конвенции о поведении военных корреспондентов, что, впрочем, не помешало ему получить Бронзовую звезду за храбрость. Возвратившись 14 марта 1946 года в Гавану, Хемингуэй женится на Мери Уэлш, корреспондентке журнала «Таймс», с которой он познакомился в Лондоне в 1944 году и с которой прожил до конца жизни.

После нескольких лет напряженной работы Хемингуэй завершает роман «За рекой в тени деревьев» («Across the River and Into the Trees», 1950), действие которого происходит во время Второй мировой войны в Италии. Критика единодушно признала этот роман неудачным: манерным, сентиментальным, самодовольным. Журналистка Лилиан Росс поместила по этому поводу в «Нью-Йоркере» язвительный фельетон, а писатель-юморист Э.Б. Уайт откликнулся злой пародией «За решеткой, в тени деревьев».

В 1952 году Хемингуэй печатает в журнале «Лайф» повесть «Старик и море» («The Old Man and the Sea»), лирическое повествование о старом рыбаке, который поймал, а потом упустил самую большую рыбу в своей жизни. Повесть пользовалась огромным успехом как у критики, так и у широкого читателя, вызвала мировой резонанс, репутация Хемингуэя была восстановлена, и в 1953 году писатель получает за повесть Пулитцеровскую премию.

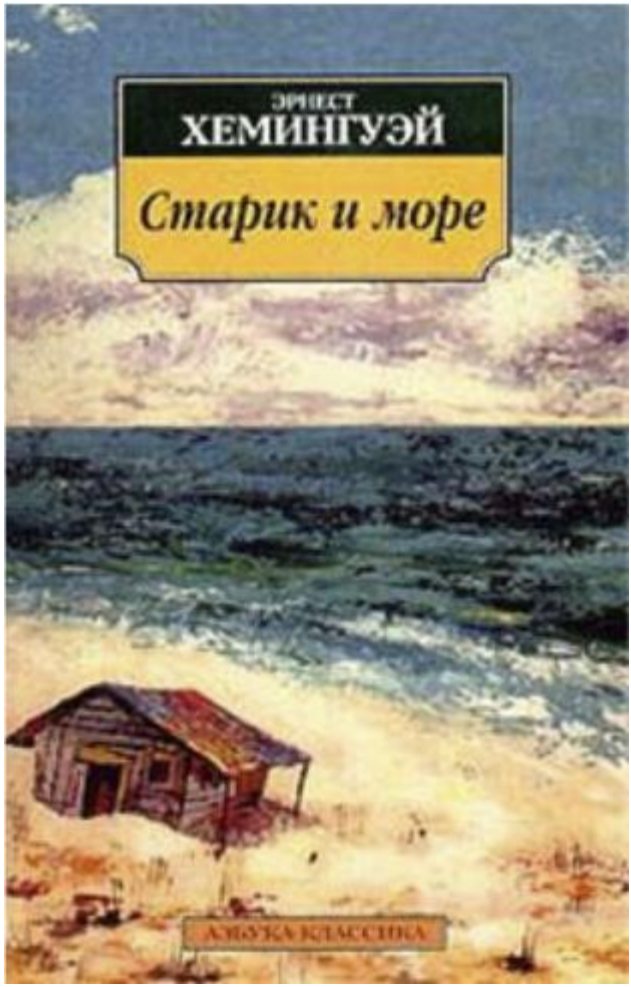
Аверс памятной медали Э.Хемингуэя

В 1954 году Хемингуэю была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за повествовательное мастерство, в очередной раз продемонстрированное в «Старике и море», а также за влияние на современную прозу**». В своей речи при вручении премии А.Эстерлинг, член Шведской академии, назвал Хемингуэя «одним из самых значительных писателей нашего времени». Высоко оценив последнюю повесть Хемингуэя, Эстерлинг сказал, что «в этом рассказе, где речь идет о простом рыбаке, перед нами открывается человеческая судьба, прославляется дух борьбы при полном отсутствии материальной выгоды… Это гимн моральной победе, которую одерживает потерпевший поражение человек».

По состоянию здоровья Хемингуэй не смог присутствовать на церемонии вручения премии. В его Нобелевской лекции, которая была прочитана Джоном Кэботом, американским послом в Швеции, говорилось, что «…творчество – это в лучшем случае одиночество… Писатель растет в общественном мнении и за это жертвует своим одиночеством. Ведь писатель творит один, и, если он достаточно хороший писатель, ему приходится каждый день иметь дело с вечностью – или с ее отсутствием…».

В 1960 году Хемингуэй лежит в клинике Майо в Рочестере (штат Миннесота) с диагнозом депрессии и серьезного умственного расстройства. Выйдя из больницы и убедившись, что он не в состоянии больше писать, Хемингуэй возвращается в свой дом, в Кетчем (штат Айдахо) и 2 июня 1961 года, приставив к виску дуло ружья, кончает жизнь самоубийством…

В некрологе американский критик Э. Уилсон отметил, что «это событие подобно тому, как если бы вдруг обвалился один из краеугольных камней нашего поколения». Некоторые произведения Хемингуэя, например «Острова в океане» («Islands in the Stream», 1970), были опубликованы посмертно. Впрочем, за исключением «Праздника, который всегда с тобой» («A Moveable Feast», 1964), воспоминаний о жизни в Париже в 20-е годы, большинство из опубликованных посмертно произведений ничего не добавили к репутации писателя, которая после его смерти неуклонно падала.

Эта книга Э.Хемингуэя входит сегодня в школьную программу

Имея в виду, прежде всего, «Старика и море», критик К. Мориц заявил, что «нам необходимо интеллектуальное мужество, а не романтические мифы о героях– одиночках». Противники писателя считают, что «Хемингуэй слишком ограничен… его герои молчаливы, бесчувственны… в его книгах описываются только бокс, бой быков, драки, ловля форели и прочие мужские утехи; стиль Хемингуэй и стилем не назовешь – настолько он прост»…

Афиша знаменитого голливудского фильма «Снега Килиманджаро» по рассказу Э.Хемингуэя

Несмотря на подобного рода критику, Хемингуэй остается одним из самых крупных американских писателей, книги которого переведены на многие языки мира. Вопреки всем недостаткам, а отчасти и благодаря им, творчество Хемингуэй – «это крик души, который, хотя ему, возможно, и не хватает толстовского многообразия и мелвиллской мощи, является трогательной и неоднозначной реакцией на наше время».

Рецензируя в 1985 году только что вышедшие биографии Хемингуэй, американский новеллист Раймонд Карвер отметил: «Как свежо и сегодня читаются лучшие произведения Хемингуэя!.. Если существует в природе общность между пальцами, листающими страницы, глазами, бегущими по строкам, и мозгом, собирающим эти слова в мысли и образы, значит, Хемингуэй свое дело сделал, значит, он не устареет».

Кетчум. Айдахо. Здесь покоится Э.Хемингуэй

Мы всегда говорим о писателях, чье творчество знакомо и русскоязычному читателю. Хемингуэю в этом смысле повезло – рассказы его и романы начали переводиться довольно рано, хотя, надо отметить, тиражи его книг были слишком малы, чтоб дойти до всех желающих познакомиться с творчеством великого американца, поэтому в конце 60-х годов знание произведений Э.Хемингуэя было неким знаком, отличающим читающую публику, в некотором смысле, элитарную, свободомыслящую, ученую, интеллигентную – не читать Хемингуэя было просто нонсенсом в среде студенческой молодежи, кстати, даже одевающейся под «папу Хэма» и носящую бородку и толстые, грубой вязки, свитера. Любви к книгам Хемингуэя способствовал и довольно удачный фильм с Грегори Пеком и Авой Гарднер по мотивам «Снегов Килиманджаро» – африканская экзотика вкупе с трогательной любовной историей заставляли людей смотреть этот фильм не по одному разу… Позднее был замечательный «Старик и море», советские телевизионные фильмы по книгам «Прощай, оружие» и «Острова в океане», выходы многотомников…

Замечательный звездный, отмеченный «Оскаром» анимационный фильм все по тому же «Старику и море» – интерес

в нашей стране к творчеству Хемингуэя не исчезает, да, наверное, и не исчезнет – чем-то близок нам его стиль, чем-то и до сих пор тревожат души его книги…

Глава XX
Хальдоур Лакснесс (Laxness)
1955, Исландия

Хальдоур Лакснесс

Исландский романист и эссеист *Хальдоур Кильян Лакснесс* (настоящее имя Хальдоур Гудьонссон, 23 апреля 1902 года – 8 февраля 1998 года) родился в Рейкьявике, в семье Гудьона Хельги Хельгасона, инспектора на строительстве дорог, и Сингридур Хальдорсдоттир. Когда мальчику было 3 года, семья переехала на ферму, расположенную к югу от Рейкьявика. Ферма называлась Лакснесс, что значит «полуостров лосося» (это название и стало впоследствии псевдонимом писателя). Ребенком Лакснесс заслушивался, как его отец рассказывает исландские саги и читает произведения эпической поэзии из семейной библиотеки. Кроме того, отец учил мальчика играть на скрипке. Позднее Хальдоур ездил в Рейкьявик – в школу и на уроки музыки. Еще школьником он тайно сочинял романтические истории, одна из которых, повесть «Дитя природы» («Barn natturunnar»), была опубликована в 1919 году под псевдонимом Хальдоур фра Лакснези.

После смерти отца в 1919 году Лакснесс впервые едет за границу, долгое время живет в Копенгагене.

В 1921–1922 годах он совершает путешествие по Австрии и Германии, а в 1922 году едет во Францию, где знакомится с сюрреализмом. Духовные поиски привели Лакснесса в бенедиктинский монастырь Клерво в Люксембурге, где в 1923 году он перешел из лютеранства в католичество и взял имя Лакснесс.

За границей Лакснесс продолжает писать. В 1923 году он выпустил сборник «Некоторые истории» («Nokkrar sogur») и в 1924 году роман «Под священной горой» («Undir Helgahnuk»), где описывается детство исландского мальчика. Писатель также начал работу над автобиографией «Из дома я ушел» («Heiman eg for»), увидевшей свет только в 1952 году.

В 1925 году выходит его работа, проникнутая апологией католицизма, – «С католической точки зрения» («Kapolsk vidhorf»). В этом же году, после недолгого пребывания на родине, Лакснесс едет в Сицилию, где пишет свой первый большой роман «Великий ткач из Кашмира» («Vefarinn miklifra Kasmir», 1927), в котором описана история духовного развития молодого писателя из Рейкьявика. Автобиографический по содержанию и сюрреалистический по манере, этот роман считается первым крупным успехом Лакснесса. В Исландии, однако, роман критиковали за стилистическое экспериментаторство и декаданс, за использование иностранных слов и выражений, что было расценено как посягательство на национальную исландскую культуру…

В 1927–1929 годах Лакснесс живет в Северной Америке. За рассказ, в котором он описал нищету исландских эмигрантов в Манитобе (провинция в Канаде), Лакснессу угрожали депортацией из страны. В этот же период писатель порывает с католицизмом и увлекается левацкими идеями, а через какое-то время, находясь в Соединенных Штатах, он, находясь под влиянием Эптона Синклера, становится социалистом, что получило отражение в его сборнике эссе «Народная книга» («Alpydubokin», 1929).

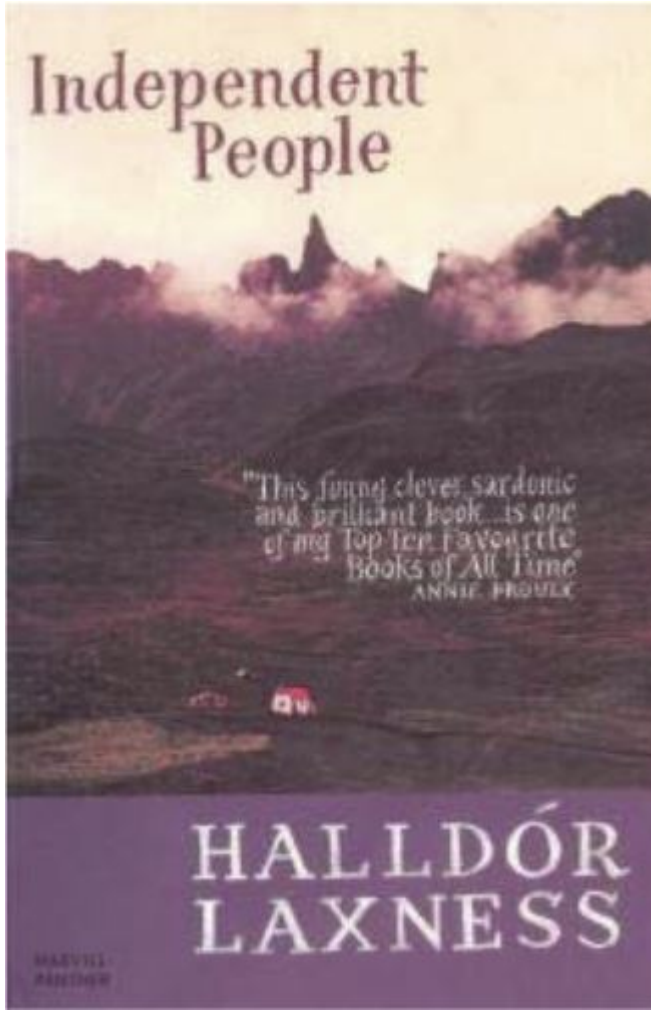

Музей Х.Лакснесса. Исландия

В 1930 году в связи с празднованием тысячелетней годовщины исландского парламента Лакснесс возвращается в Исландию. Во время этого пребывания на родине Лакснесс женится на Ингибьорг (Инге) Эйнарсдоттир.

В 1931–1932 годах писатель публикует двухтомный роман «Салка Валка» («Salka Valka»). Вышедший в 1936 году на английском языке, этот роман произвел большое впечатление на некоторых американских критиков и достаточно большое количество читателей.

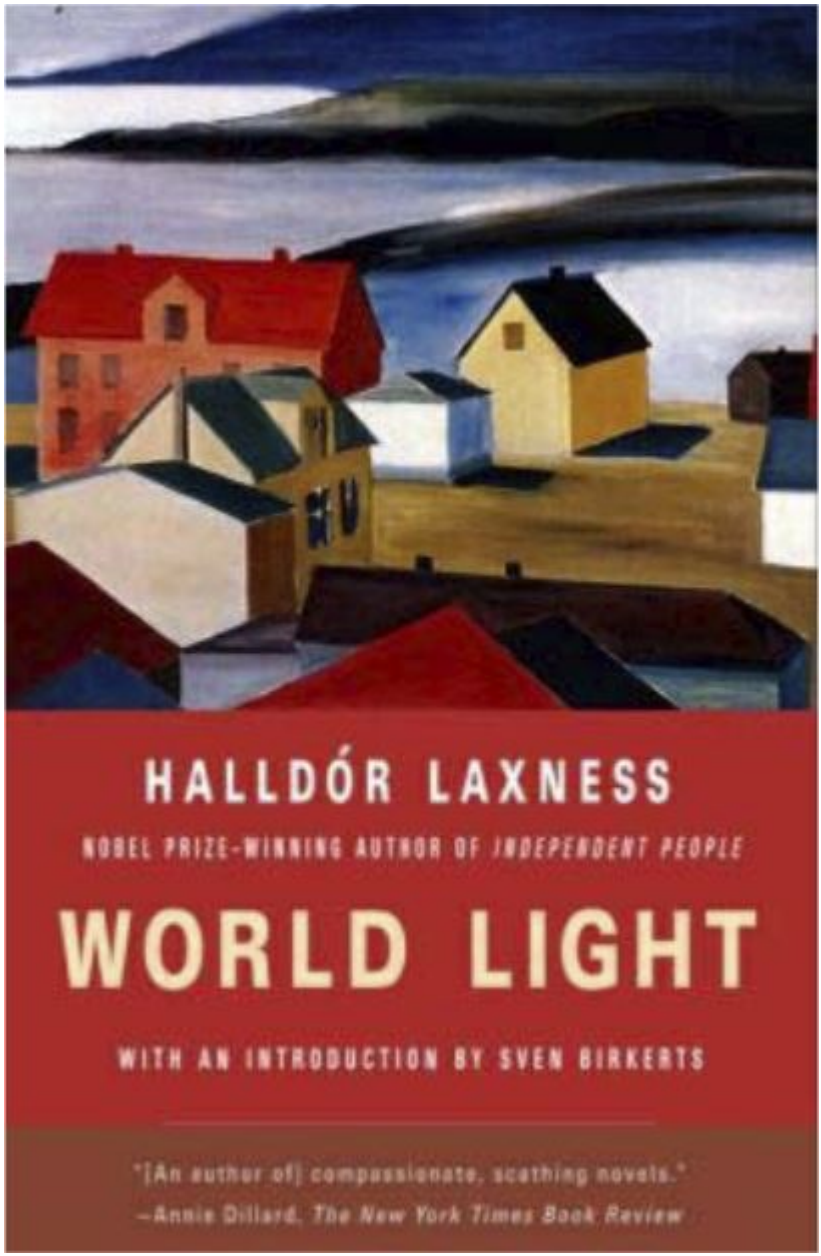
Это был первый эпический роман Лакснесса, в котором с беспощадным реализмом описывалась многотрудная жизнь исландских низших классов.

Обложка одного из первых изданий романа Х.Лакснесса «Самостоятельные люди» в США

В 1934–1935 годах выходит его двухтомный роман «Самостоятельные люди» («Sjalfstoett folk»). Это история борьбы бедного фермера с природой и социальным угнетением. Когда роман «Самостоятельные люди» был издан в Соединенных Штатах, за Лакснессом закрепилась репутация одного из лучших исландских писателей.

«Свет мира» («Heimsljos», 1937–1940) – это четырехтомная сага о бедном поэте, стержнем которой является конфликт между любовью поэта к красоте и его неприятием социальной несправедливости. Писатель считал «Свет мира» самым значительным своим произведением.

«Свет мира» Х.Лакснесса – широко разрекламированное издание после получения автором Нобелевской премии

Гвюдмундур Гримссон Груннвикинг достиг уже того возраста, когда знакомство с новыми людьми больше ничего не давало ему, он уже давным-давно устал беседовать с новыми людьми о своих книгах, эти люди были всего лишь повторением тысячи других людей, которых он знал прежде, и почти все они говорили одно и то же о книгах, составлявших его жизнь вот уже тысячу лет.

Вполне возможно, что в молодости он был самым человечным из всех людей, скорей всего, так и было, и никто не мог знать, каких друзей он вспоминает, когда по ночам у него капает вода с потолка, капля за каплей, капля за каплей. Он уже давным-давно перестал быть человеком, он был голосом столетий, писателем, которого никакие угрозы стихии не могли заставить отложить книгу и перо, его величественное лицо было лицом самой непобедимой Исландии.

И в эту минуту Оулавюр Каурасон понял, что счастье увидеть это лицо – заслуженная награда за все его страдания. Недуги тела и души, голод, побои, клевета, наговоры, непонимание, ложь, предательство – все это суета. Когда гости снова очутились под открытым небом, юноша был так слаб и так дрожал, что скальду Реймару показалось, будто он опять заболел. Но он не заболел, просто он увидел величайшего мастера и мудреца, какой только жил когда-либо в северных странах.

– Теперь мы оставим наших кляч там, где я их взял, – сказал Реймар, – и на лодке поплывем в Свиндинсвик.

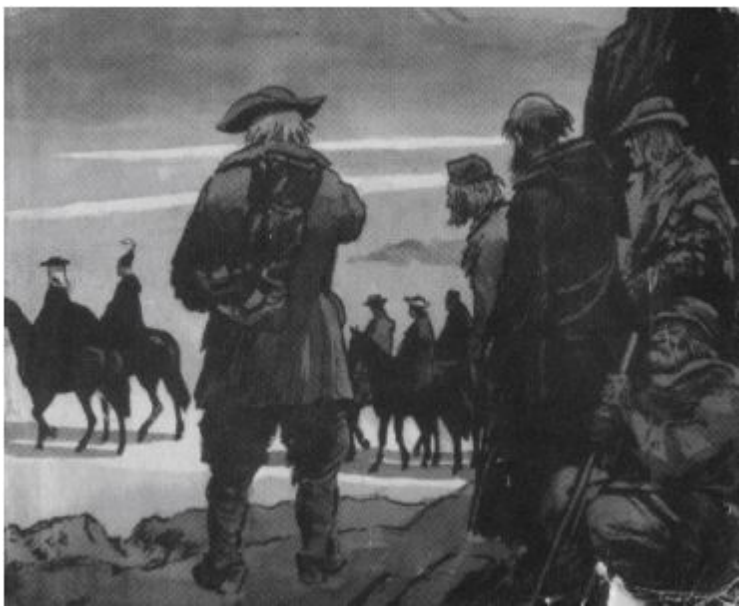
Когда они отплыли, луга на берегу, скалы и зеркальная гладь фьорда были багряными от вечерней зари. Двое незнакомых парней сидели на веслах, скальд Реймар за рулем, Оулавюр Каурасон Льоусвикинг сидел рядом. Юноша смотрел, как чудесные лучи заката преломляются в белой, будто молоко, поверхности, он был полон надежд и отваги, словно первый житель Исландии, приплывший сюда на заре веков и еще не обремененный никаким жизненным опытом. Фьорд был широкий, и до противоположного берега было далеко. Юноше казалось, что он умер, пробудился для вечной жизни и теперь плывет навстречу незнакомому царству. Солнце зашло, белый туман заполнил долины и пополз по зеленым склонам. Казалось, будто земля растворяется в головокружительном волшебном видении, все слилось воедино, небеса опустились, земля поднялась, и над всем сиял сказочный блеск бесконечно далекого будущего, а может быть, и прошедшего, какой-то неведомой эпохи. Даже люди, сидевшие перед юношей в лодке, казались растворившимися в переливчатом сине-желтом мерцании. Их ритмичные взмахи подчинялись законам иной сферы, законам высшего мореходства. Берег скрылся в тумане, только высоко-высоко виднелись уступы гор, похожие на замок троллей, покинутый всеми и не имеющий больше к людям никакого отношения.

Понемногу приближались к противоположному берегу. Теперь засверкали замки этого неизвестного царства, протянувшегося вдоль берега моря. Юноша долго смотрел на замки, сверкавшие даже сквозь легкую пелену тумана, не смея поверить глазам.

Наконец, у него не осталось больше сомнений. Все эти замки были сделаны из чистого золота, они сверкали так же, как и медаль мудреца. Юный скальд с восторгом смотрел, как это золото пламенеет в лучах заката сквозь белую дымку весенней ночи.

А лодка двигалась вперед, к неведомому…

(«Свет мира», фрагмент», перевод Л.Г. Гордина, С.И. Неделяева – Степонавичене)

Фрагмент одной из первых иллюстраций к «Исландскому колоколу» Х.Лакснесса

Вслед за этим романом он написал «Исландский колокол» («Islandsklukkan», 1943–1946), историческую трилогию, действия которой происходит в XVII веке, во времена датского владычества в Исландии. Несмотря на то, что в лучших романах Лакснесса 30–40-х годах описываются ужасные социальные условия, эти книги пронизаны иронией и состраданием.

Среди других работ Лакснесса тех лет – путевые заметки о поездке писателя в Россию: «Путь на восток» («I Austurvegi», 1933) и «Русская сказка» («Gerska oefintyrid», 1938). В это же время выходит несколько сборников новелл писателя, пьеса «Короткий маршрут» («Straum-rof», 1934), поэтический сборник «Стихи» («Kvoedakver», 1930), и перевод книги Хемингуэя «Прощай, оружие» (1941).

В 1940 году Лакснесс развелся с Ингой Эйнарсдоттир. Через 5 лет он женился на Эудур Свейнсдоттир. Лето они проводили на

семейной ферме, а зимой жили в Рейкьявике. Понимая, что население Исландии слишком мало и даже самый выдающийся национальный писатель не может существовать только на свой литературный заработок, правительство предоставило ему ежегодную стипендию, от которой Лакснесс, в конце концов, отказался: стипендия несколько раз урезалась, и писатель счел, что получать ее унизительно…

В 1948 году Лакснесс опубликовал «Атомную станцию» («Atomstodin»), сатирический роман об атомной эпохе, который не пользовался таким успехом, как его ранние произведения. В США «Атомная станция» была издана только в 1982 году – возможно, потому что в этом романе проявились прокоммунистические настроения писателя. В 1950 году Лакснесс стал председателем общества «Исландия – СССР», что достаточно ясно свидетельствовало о его просоветской ориентации (кстати, накануне, в 1949 году, он удостоился Международной Сталинской премии).

Аверс памятной медали Х.Лакснесса

В 1955 году Лакснессу была присуждена Нобелевская премия по литературе «**за яркую эпическую силу, которая возродила великое повествовательное искусство Исландии**». Е. Вессен, член Шведской академии, в своей речи на церемонии награждения отдал должное богатому наследию исландской

литературы и отметил, что «Хальдоур Лакснесс вернул литературу к ее истокам и обогатил исландский язык новыми художественными средствами для выражения современного содержания». Он назвал «Свет мира» шедевром Лакснесса. В ответной речи Лакснесс признал, что многим обязан древнеисландским сказителям, которые своим эпическим творчеством «создали не только один из самых красивых и изысканных языков, но и оригинальный литературный жанр».

В романе «Рыба умеет петь» («Brekkukotsannall», 1957) манера Лакснесса меняется. Этот лирический по интонации роман пронизан верой писателя в достоинство и доброту человека. В этой книге и в последующих Лакснесс уже отходит от социальной и политической проблематики, которая доминировала в его произведениях на протяжении трех десятилетий.

В 1963 году получила широкую известность автобиографическая книга Лакснесса «Поэтическая эпоха» («Skaldatimi»), где писатель критикует советский коммунизм.

В 60-е годы Лакснесс продолжает писать романы, мемуары, эссе, пьесы и много переводит.

В скандинавской литературе Лакснесс и по сей день пользуется репутацией выдающегося писателя. В его биографии (1971) П.Хальберг отмечает, что «…исландское наследие всегда остается живой силой в его произведениях. Эта сила сквозит и в размышлениях писателя о сегодняшнем дне, и в его творческих исканиях. Все его творчество пронизано противоречием между отечественным и иностранным, своим и чужим, и противоречие это оказалось весьма плодотворным для него».

В своей статье 1980 года исландский литературовед Свен Хекульдсон назвал Лакснесса самым знаменитым исландским писателем XX века, отметив, что «его творческая сила не имеет себе равных: Лакснесс художественно переосмыслил решительно все стороны жизни Исландии». «Благодаря своему повествовательному искусству и самобытному стилю Лакснесс сделал для обновления исландской прозы больше, чем любой другой современный романист, – писал в 1982 году исландский критик С. Магнуссон. – У него на редкость большой диапазон тем и стилевых манер, поэтому его романы похожи друг на друга только выразительностью и емкостью портретных характеристик». Несмотря на подобные отзывы критики, огромную популярность писателя в Исландии, а также признание его достижений литературоведами, за пределами Скандинавии Лакснесс известен мало.

До самых последних дней жизни Х.Лакснесс был ярким и неутомимым оптимистом

В Советском Союзе книги Лакснесса появились еще в конце 50-х годов – читатели могли познакомиться и с «Салкой Валкой», и с «Атомной станцией». Однако это, видимо, было, скорее, неким политическим актом по отношению к писателю, настроенному явно дружелюбно к Советскому Союзу в годы холодной войны. Книги его читались, но без особенного интереса. Позднее, в связи с резким отходом Лакснесса от любования нашей страной, произведения его совсем забылись и сегодня уже известны лишь специалистам, историкам литературы – как-то не сложились у нашего читателя отношения с творчеством великого исландца…

Глава XXI
Хуан Хименес (Jimenez)
1956, Испания

Хуан Рамон Хименес

Испанский поэт *Хуан Рамон Хименес Мантекон* (23 декабря 1881 года – 29 мая 1958 года) родился в Могере, маленьком городке в Андалусии, в семье банкира Виктора Хименеса и его жены Пурификасьон Мантекон-иЛопес Парейо. В семье, кроме Хуана, было еще двое детей, а также дочь Виктора Хименеса от первого брака.

Несмотря на слабое здоровье, мальчика в 1891 году отправили в Кадис, в иезуитский колледж, после окончания, которого Хименес изучает право в Севильском университете. Однако занимается он не столько юриспруденцией, сколько рисованием, чтением и сочинением стихов, особенно увлекается французской и немецкой романтической поэзией, испанской поэзией Росалии де Кастро и Густаво Беккера. Его ранние стихи, напечатанные в мадридском обозрении «Новая жизнь» («Vida

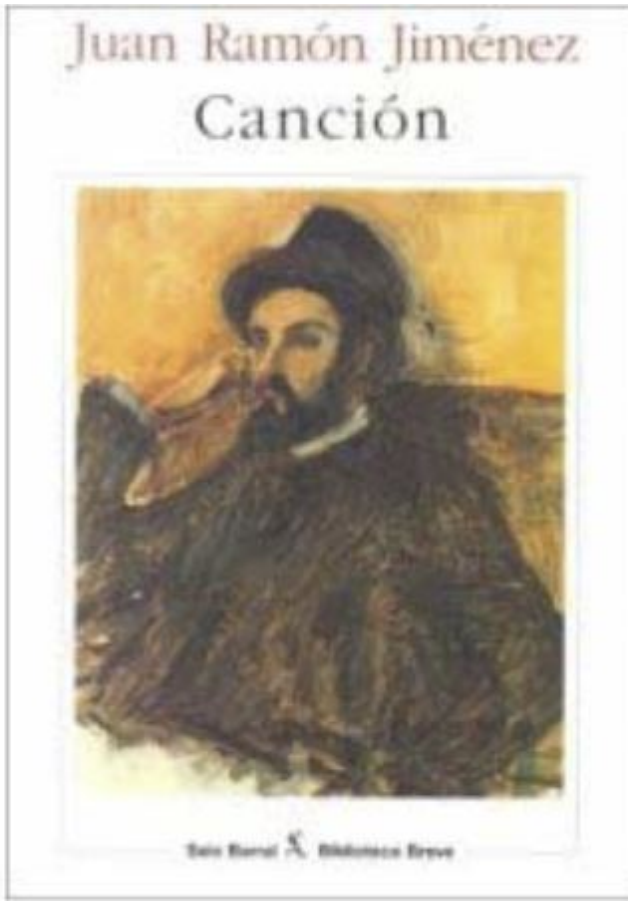
nueva»), когда ему было 17 лет, привлекли внимание нескольких знаменитых испаноязычных поэтов того времени, в том числе никарагуанца Рубена Дарио, жившего в то время в Испании, и соотечественника Хименеса Франсиско Вильяспеса, которые посоветовали начинающему поэту переехать в Мадрид. Вняв их совету, Хименес бросает нерегулярные занятия правом, переезжает в Мадрид и активно участвует в создании двух влиятельных модернистских журналов – «Гелиос» («Helios», 1902) и «Возрождение» («Renacimiento», 1906). Самые ранние из поэтических сборников Хименеса – «Души фиалок» («Almas de violeta») и «Водяные лилии» («Ninfeas») появились в 1900 году. Подражательные, сентиментальные, проникнутые подростковой меланхолией, эти стихи, тем не менее, свидетельствуют об определенной стилистической искушенности поэта, о чувственности и нежной лиричности его ранней поэзии. Образы природы, которыми насыщены ранние стихи Хименеса, будут характерны для всей его поэзии.

Внезапная смерть отца повергла поэта, только что вернувшегося в Могер, в состояние глубокой депрессии. Хименес едет лечиться от неврастении в санаторий в Бордо (Франция), где вскоре поправляется, однако превращается в полуотшельника, одержимого мыслями о смерти. Эти мысли будут преследовать его всю жизнь. Находясь в санатории, Хименес пишет мало, предпочитает читать, в основном французских символистов – Верлена, Рембо, Малларме.

В этом доме, в маленьком андалусийском городке Могер, родился Хуан Хименес

Вернувшись в 1902 году в Мадрид, Хименес пишет свои первые зрелые стихотворения, вошедшие в сборники «Рифмы» («Rimas», 1902), «Печальные напевы» («Arias tristes», 1903), «Дальние сады» («Jardines lejanos», 1904), «Пасторали» («Pastorales», 1905) и отличающиеся характерными для модернистской поэзии fin-de-siecle (конца века) настроениями безысходности. Определяющая тема этих книг – предельно одухотворенная любовь: поэт словно намеренно избегает какой бы то ни было прямолинейной однозначности. В ранних стихах различается влияние французских символистов. Позже Хименес испытывал воздействие более радикальных поэтических течений. Но в этих стихах уже слышен оригинальный поэтический голос изящный, музыкальный, с налетом таинственности.

Один из первых сборников стихотворений Х.Хименеса

С 1905 по 1911 год Хименес живет на родине, в Могере, где были написаны стихи, вошедшие в сборники «Чистые элегии» («Elejias puras», 1908), «Весенние баллады» («Baladas de primavera», 1910) и «Гулкое одиночество» («La soledad sonora», 1911). Своими причудливыми образами и сложными размерами (александрийский стих, например) эти стихи заставляют вспомнить стиль барокко.

Бродят души цветов под вечерним дождем.
О ростки желтоцвета по кровельным скатам,
вы опять отогрели заброшенный дом
нездоровым и стойким свои ароматом!
Он как голос, который заплакать готов,
Или сказка лесная, с лачугой в низине,
Где невеселы краски, и много цветов,
И большие глаза нелюдимы и сини…
Привкус горя навек с этим запахом слит

и возник в незапамятно – давние годы…
Крыша пахнет цветами, а сердце болит,
словно эти цветы – его желтые всходы.

(«Бродят души цветов…», перевод А. Гелескула)

С формальной стороны, в этих стихах на первый план выступает музыкальное начало (хотя очевидно, что важное значение в них имеет и цвет), доминируют же вновь настроения меланхолии, поглощенность мыслями об одиночестве и смерти.

В 1912 году Хименес переезжает в Мадридскую студенческую резиденцию, центр гуманитарной культуры, где он знакомится с американкой Зенобией Кампруби. Вместе они переводят индийского поэта Рабиндраната Тагора. В это же время Хименес выпускает сборник «Лабиринт» («Laberinto», 1913) – стихи, посвященные семи его возлюбленным, а также широко известный цикл белых стихов «Платеро и я» («Platero y yo», 1914). В подтексте этой своего рода лирической повести, где рассказывается о поэте и его ослике, лежит, как писал в 1970 году американский литературовед М. Предмор, мысль о «смерти и возрождении как процессах вечных превращений».

В 1915 году выходит «Лето» («Estio») – книга романтических любовных стихов, посвященных Зенобии Кампруби. В следующем году Хименес приехал к ней в Нью-Йорк, и они поженились. Путешествие по океану стало важной вехой в творчестве Хименеса. В его следующем сборнике «Дневник поэта-молодожена» («Diario de un poeta recien casado», 1917) нашло свое отражение это путешествие. Примечателен «Дневник» и использованием свободного стиха – впервые в испанской поэзии. И хотя любовная тема играет существенную роль в этой книге, она, кроме того, вся пронизана темой моря, чья постоянная изменчивость и безостановочное движение символизируют нетерпимость Хименеса к устоявшимся поэтическим структурам (следует заметить, что все же море будит у поэта тоску по постоянству). Сборник этот переиздавался под названием «Дневник поэта и моря»), по сути, открывающий новый период творчества Хименеса, отмечен тем, что чистота формы его ранней поэзии доведена здесь уже до совершенства.

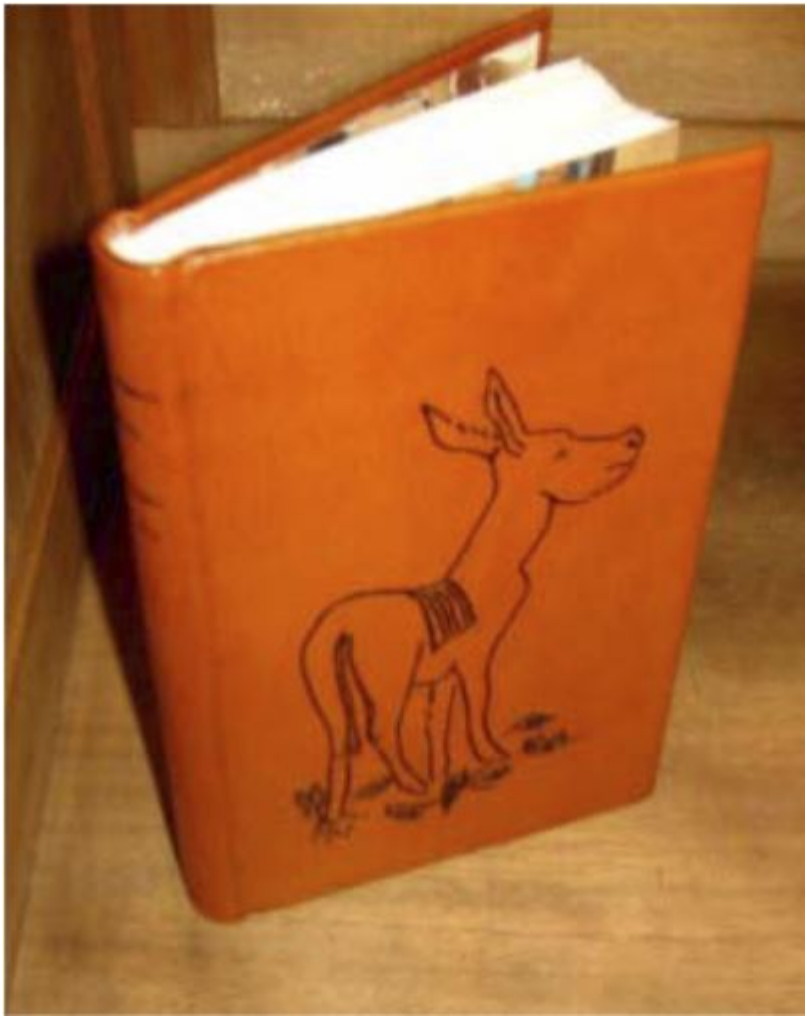
На протяжении последующих 20 лет Хименес работает критиком и редактором в испанских литературных журналах, а в своем творчестве пытается выразить то, что он называл «жадностью вечности». В книге «Вечность» («Eternidades» 1918) он отрекается от своих прошлых стихов и стремится к la poesia desnuda – к «обнаженной», «чистой» поэзии. Стихи сборника

«Вечность» строги и эпиграмматичны, чужды изысканности, красочности, которые были характерны для раннего творчества поэта.

Я просто сказал однажды, –
услышать она сумела, –
мне нравится, чтоб весною
любовь одевалась белым.
Глаза голубые вскинув,
взглянула с надеждой зыбкой,
и только детские губы
светились грустной улыбкой.
С тех пор, когда через площадь
я шел на майском закате,
она стояла у двери,
серьезная, в белом платье.

(«Я просто сказал однажды…», перевод Н.Ванханен)

В последующих поэтических сборниках – «Камень и небо» («Piedra y cielo». 1919) и «Красота» («Belleza», 1923) – Хименес размышляет о связи между красотой и смертью, творчеством и спасением души. В эстетико-этическом трактате тех лет поэт заявляет, что существует связь между нравственностью и красотой. Забегая вперед, стоит отметить, что в 1940 году в Колумбии была создана группа «Камень и небо» («Piedra y cielo»). Поэты из этой группы оставили заметный след в колумбийском (да и в мировом) искусстве. Входил в нее и будущий автор «Ста лет одиночества» – в молодости Габриэль Гарсиа Маркес писал стихи (они были опубликованы в газетах и журналах, но, к сожалению, в книгу не собраны).

Первое издание чудесного и чрезвычайно любимого испанцами прозаического сборника Х.Хименеса «Платеро и я»

С 1923 по 1936 год Хименес работает над антологией «Круглый год песен нового света» («La estacion total con las canciones de la nueva luz»), изданной только в 1946 году и пронизанной острым чувством царящей в природе гармонии. Название антологии символично – вечное и неутомимое стремление поэта связать воедино все сезоны, начала и концы, рождение и смерть…

Холодные радуги в зарослях сада,
размокшие листья в затопленной яме,
и сонный ручей под дождем листопада,
и черные бабочки над пустырями…
Больная трава на развалинах давних,

на старых могилах, на мусорных кучах,
фасады на север и плесень на ставнях,
агония роз, и доныне пахучих…
Тоска о несбыточном, о непонятном,
о том, что исчезло, да вряд ли и было,
и темные знаки на небе закатном,
и тот, кому горько, и та, что забыла…

(«Холодные радуги…», перевод А.Гелескула)

Начавшаяся в 1936 году гражданская война в Испании нарушила творческие планы поэта. Республиканское правительство направляет его почетным атташе по культуре в Соединенные Штаты, и, хотя поэт ехал туда по своей воле, свою разлуку с Испанией он воспринимал как добровольную ссылку.

Для супругов Хименес начинается двадцатилетний путь изгнания.

Конец августа 1936 года. Хименес вновь пересекает Атлантический океан, вновь плывет в Америку, как когда-то 20 лет назад… Тогда часто штормило, но душа поэта была переполнена счастьем и радостным ожиданием встречи с невестой. Теперь океан спокоен, а сердце сжимается от боли и скорби. Возможно, он чувствует, что расстается со своей родиной навсегда. «Я почти не смотрел на воду, на море. Во время второго путешествия в Америку, столь не похожего на первое, я всем своим существом, душой и телом, был не с этим безмятежным, поражающе безмятежным морем, а с далекой, обезумевшей землей».

Сначала местом жительства они выбрали Соединенные Штаты. Но уже через месяц, в сентябре 1936 года, Хименес и его жена уезжают в Пуэрто-Рико. Главная причина такого решения заключалась, конечно, в том, что здесь, на острове, лежащем в Карибском море, испанский поэт попадал в родную языковую стихию.

Но пребывание Хименеса в Пуэрто-Рико на этот раз было недолгим: Испано-кубинский институт культуры в Гаване пригласил поэта прочитать цикл лекций, и в конце ноября 1936 года Хуан Рамон Хименес и Зенобия отплывают на Кубу. Здесь супруги Хименес прожили два года. Эти годы были временем напряженной творческой работы поэта – творчество помогало ему преодолеть разлуку с Испанией, но: «…всем своим существом, душой и телом» он был «с далекой, обезумевшей землей». Война в Испании все еще продолжается… Хименес был «вечным испанцем» – и не мог от этого никуда деться, и не хотел быть

никем другим. На Кубе он записал в своем «Поэтическом дневнике»: «Я влюблен в мой народ, в его обычаи, в его искусство, в его силу».

В 1939 году Хименес и его жена уехали в Соединенные Штаты – на этот раз надолго. Но влияние испанского поэта на литераторов Латинской Америки, интерес к его творчеству со стороны латиноамериканских читателей не ослабевали и в 40-е годы. В этом Хименес смог убедиться во время своей краткой поездки в Аргентину и Уругвай в 1948 году.

Портрет Х.Хименеса работы Х.Г.Нието

Эта поездка, встречи с людьми, искренне любящими его творчество, словно вернули Хименесу молодость. Он ощущает прилив творческих сил, полон новых замыслов и еще на корабле, возвращаясь из Южной Америки в США, создает книгу «Глубинное существо» («Animal de fondo», 1949):

В эти годы Хименес – впервые в жизни – выступает с лекциями в университетах Кубы, Пуэрто-Рико и США.

Нью-Йорк словно вымер, – ни
души!.. И я медленно бреду вниз по
Пятой Авеню и громко пою. Порой
останавливаюсь оглядеть большие и
хитроумные замки банков, витрины на
переделке, транспаранты, которые
колышутся в ночи… И возникает,
наливается силой и ширится эхо,
словно из огромного пустого
резервуара, – эхо, которое доносится
до моего рассеянного слуха,
прилетев неведомо с какой улицы.
Словно это усталые медленные шаги в
небе, которые приближаются и никак
не могут меня настичь. И я опять
останавливаюсь, смотрю вверх и
вниз. Никого, ничего. Выщербленная
луна сырой весны, эхо и я.
Неожиданно, неведомо где,
близко или вдали, словно одинокий
карабинер, бредущий ветреным
вечером по побережью Кастилии, – то
ли точка, то ли дитя, то ли зверюшка,
то ли карлик, то ли невесть что…
Бредет… Вот-вот пройдет мимо. И
когда я поворачиваю голову, я
встречаюсь с его взглядом, влажным,
черным, красным и желтым, который
немного больше его лица: вот он -
одинокий и какой есть. Старый
хромой негр в невзрачном пальто и
потертой шляпе церемонно
приветствует меня улыбкой и
удаляется вверх по Пятой… Меня
охватывает беглая дрожь, и, засунув
руки в карманы, я бреду дальше,
подставив лицо желтой луне, —
напеваю.
А отзвук шагов хромого
негра, короля города, возвращается
по небу в ночь, улетает на запад.

(«Нью-Йорк, 27 апреля», перевод В.Андреева)

И хотя в эти годы Хименес пишет немного, он продолжает напряженные поиски поэтической истины, достигая почти религиозной силы в этой книге, по праву называемой им самим своим духовным завещанием (другой русский вариант названия – «Зверь из глубины души»).

Исследователи назвали эту книгу «духовной автобиографией Хименеса, синтезом его поэтических идеалов».

В 1951 году Хименес с женой переезжают в Пуэрто– Рико, где поэт занимается преподавательской деятельностью, работает над поэтическим циклом «Бог желанный и желающий» («Dios deseado y deseante»), предполагаемым продолжением «Зверя из глубины души». Сборник этот не был закончен, но фрагменты из него поэт включил в «Третью поэтическую антологию» («Tercera antolojia poetica», 1957). Над этим сборником Хименес работал незадолго до смерти и в него включил лучшее из того, что было им создано более чем за полвека.

Аверс памятной медали Х.Хименеса 402

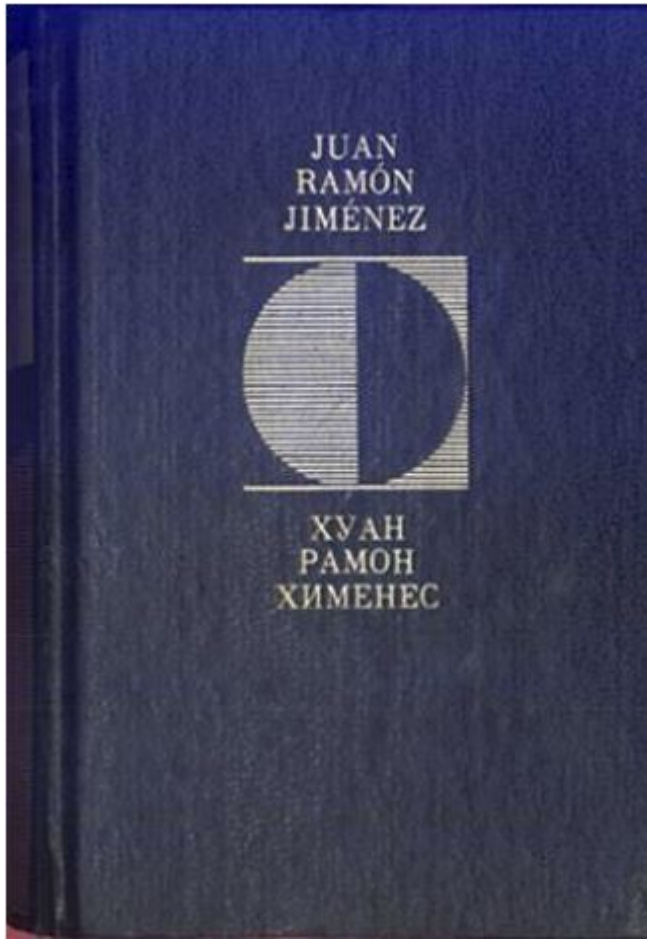
В 1956 году, в год смерти жены (рак), Хименес получил Нобелевскую премию по литературе «**за лирическую поэзию,**

образец высокого духа и художественной чистоты в испанской поэзии». В речи на церемонии вручения премии член Шведской академии Я. Гульберг заявил: «Воздавая должное Хуану Рамону Хименесу, Шведская академия тем самым воздает должное целой эпохе великой испанской литературы». В коротком ответном письме Хименеса, зачитанном в Стокгольме ректором Пуэрториканского университета, говорилось: «Нобелевская премия по праву принадлежит моей жене Зенобии. Если бы не ее помощь, не ее вдохновляющее участие, я не смог бы трудиться на протяжении сорока лет. Теперь без нее я одинок и беспомощен».

Мне снилось сегодня ночью,
что сбылся вчерашний сон,
но ласков и беспощаден
был утренний небосклон.
Как нежно ложились тени
вчера на исходе дня!
Казалось, душа родная
пришла навестить меня.
Пришла из иного мира
и долго была в пути,
но с ней аромат надежды
успел до меня дойти.
И шла она, будто знала,
что путь одинокий крут
и дни мои – словно слезы,
которые все бегут.

(«Мне снилось сегодня ночью…», перевод А.Гелескула)

В последние годы жизни был внештатным преподавателем Пуэрториканского и Мэрилендского университетов.

Одно из последних замечательных изданий произведений Х.Хименеса – в этой книге представлены стихотворения на испанском языке и их переводы на русский язык

Хименес так и не смог оправиться от смерти жены и через два года умер в Пуэрто-Рико в возрасте 76 лет.

Репутация Хименеса, поэта, свято преданного своему искусству, продолжает оставаться высокой. В испанской литературе Хименес занимает совершенно уникальное место из-за своего постоянного, неуклонного стремления к обнаженности, универсальности и бесконечности… Его поэзия – это религия, единственный обряд, а творчество – единственная форма поклонения всем богам во Вселенной.

Нашему читателю и стихотворения, и афоризмы Хуана Хименеса известны давно – переводы (П. Грушко) начали появляться относительно давно: в декабрьской книжке журнала «Иностранная литература» за 1957 год были опубликованы первые для нас строки выдающегося испанца.

В 70-е годы появляются новые переводы – и быстро завоевывают сердца читателей, историков и исследователей зарубежной европейской литературы. Они трогают душу, задевают самые чувствительные струны, волную сердца, поражают богатством содержания, образностью, лиричностью и бесконечной чувственностью…

Список дополнительной литературы для изучения творчества лауреатов Нобелевской премии

1. Ален У. Традиции и мечта. – М., 1970.

2. Анастасьев Н.А. Владелец Йокнапатофы: (Уильям Фолкнер). – М., 1991.

3. Английская литература. 1945 – 1990 – М., 1995.

4. Аникин Г.В, Михальская Н.П. История английской литературы. – М., 1975.

5. Андреев Л.Г. Зарубежная литература XX века. – М., 2004.

6. Андреев Л.Г, Косиков Г.К., Пахсарьян Н. Т. И др. Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000– 2000. – М.: Высшая школа, 2000.

7. Боноски Ф. Две культуры. – М., 1978.

8. Брукс В. Писатель и американская жизнь. – М., 1967–1971.

9. Великовский С.И. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. – М., 1979.

10. Гарин И.И.Век Джойса. – М.: Терра – Книжный клуб, 2002.

11. Гиленсон Б.А. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX веков. Практикум. – М.: Академия, 2006.

12. Гиленсон Б.А. История литературы США. – М.: Академия, 2003.

13. Гребенникова Н.С. Зарубежная литература: XX век. – М.: Владос-пресс, 2002.

14. Грудкина Т.В. Сто великих мастеров прозы. – М.: Вече, 2006.

15. Гуляев М.А. История немецкой литературы. – М., 1983.

16. Дудова Л.В., Михальская Н.П., Трыков В.П.Модернизм в зарубежной литературе: Учебное пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века». – М.: Флинта, 2004.

17. Зарубежная литература XX века. – М., Просвещение, 1973.

18. Зарубежная литература XX века. Под ред. Л. Т. Андреева – М., 1996.

19. Затонский Д.В. В наше время: Книга о зарубежных литературах XX века. – М., 1979.

20. Зверев А.М. Модернизм в литературе США. – М., 1979.

21. Зингерман Б.И. Очерки истории драмы XX века. – М., 1979.

22. Ивашева В.В. Английские диалоги. – М., 1971.

23. Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм,

постмодернизм – М., 1996.

24. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX вв. – М.. 1988.

25. История культуры стран Западной Европы от Возрождения до начала XX в. – М., 1988.

26. Карельский А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. – М., 1990.

27. Кашкин И.А. Для читателя современника. – М., 1968.

28. Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки (1870–1917): Учебное пособие для вузов. – М.. 1987.

29. Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе: Учебный комплекс для студентов– филологов. – М.: Флинта, 2004.

30. Кубарева Н.П. Зарубежная литература второй половины XX века. – М.: Московский Лицей, 2002.

31. Кузнецова Ю.А. Зарубежная литература второй половины XX века. – Великие Луки, 2004.

32. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2002.

33. Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. – М., 2003.

34. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.

35. Михайлова Л.Г., Засурский Я.Н. История зарубежной литературы XX века. Учебник. – М.: ТК «Велби», 2003.

36. Меженко Ю.С. 60 знаменитых писателей. – М.: БАО, 2006.

37. Моруа А. От Монтеня до Арагона. – М., 1983.

38. Моруа А. литературные портреты. – М., 1971.

39. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. – М., 1998.

40. Неустроев В.П. Литература скандинавских стран (1870–1970). – М., 1980.

41. Самосознание европейской культуры. – М., 1991.

42. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. М., 1996.

43. Староверова Е. Американская литература. – М., 2005.

44. Тертерян И.Я. Человек миротворящий. О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки. – М., 1988.

45. Толмачев В.М., Седельник В.Д., Иванов Д.А. Зарубежная литература XX века. – М.: Академия, 2003.

46. Трыков В.П. Зарубежная литература конца XIX века – начала XX веков: Практикум. – М.: Флинта, 2001.

47. Тугушева М.Н.Джон Голсуорси. Жизнь и творчество. – М., 1975.

48. Тугушева М.Н. Современная американская новелла. – М., 1971.

49. Храповицкая Г.Н., Солодуб Ю.П. История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский реализм. – М., 2005.

50. Эпштейн М. Парадоксы новизны.

Список художественных текстов

1. **Бак П.** Земля. Сыновья.

2. **Бунин И.А.** Темные аллеи. Жизнь Арсеньева. Окаянные дни. Деревня.

3. **Гессе Г**. Игра в бисер. Паломничество в страну Востока. Степной волк. Нарцисс и Гольдмунд. Под колесами.

4. **Голсуорси Д.** Сага о Форсайтах.

5. **Жид А.** Фальшивомонетчики. Подземелья Ватикана. Имморалист.

6. **Йенсен Й.** Избранные новеллы.

7. **Карлфельдт Э**. Избранное.

8. **Лагерквист П.** Карлик. Палач. Варавва.

9. **Лакснесс Х.** Атомная станция. Салка Валка.

10. **Мартен дю Гар Р.** Семья Тибо. Жан Барт.

11. **Мориак Ф.** Тереза Декейру. Клубок змей.

12. **Мистраль Г.** Стихотворения и поэмы.

13. **О´Нил Ю.** Жажда. Косматая обезьяна. Любовь под вязами. Избранные стихотворения.

14. **Пиранделло Л.** Покойный Матиа Паскаль. Отвергнутая. Новеллы. Шесть персонажей в поисках автора.

15. **Рассел Б.**История западной философии. Автобиография.

16. **Силланпя Ф.**Август. Избранные рассказы.

17. **Фолкнер У.** Особняк. Городок. Шум и ярость. Сарторис. Авессалом, Авессалом!

18. **Хемингуэй Э.** Прощай, оружие. За рекой, в тени деревьев. Мужчины без женщин. Праздник, который всегда с тобой. Иметь и не иметь.

19. **Хименес Х.** Избранные произведения.

20. **Черчилль У.** Избранные статьи и речи.

21. **Элиот Т.** Бесплодная земля. Полые люди. Избранные стихотворения и поэмы.

Вопросы для самостоятельной подготовки

1. Общественно-политическая и историческая обстановка в Европе и США в 30–50 годы XX века.
2. Основные литературные направления и методы европейской литературы первой половины XX века.
3. История основания Нобелевской премии.
4. Особенности творчества Э.Карлфельдта.
5. Причины награждения Нобелевской премии в области литературы ученых, историков, политиков и философов: У.Черчилля и Б.Рассела.
6. Нобелевская премия в области литературы в качестве своеобразного политического орудия.
7. Особенности литературы скандинавских стран. Творчество одного из писателей (по выбору).
8. Особенности творчества Й.Йенсена.
9. Национальный колорит произведений Ф.Силланпя.
10. Исландскаялитература. Творчество Х.Лакснесса. Художественные особенности его книг.
11. Реализм и модернизм в поэзии Т.Элиота. Новаторство в поэзии англоязычных стран.
12. Великая семейная сага Д.Голсуорси. Тематика и проблематика.
13. Своеобразие композиции. Расстановка персонажей.
14. Восток в книгах П.Бак. Национальное и общечеловеческое в ее творчестве.
15. Общая характеристика поэзии И.А.Бунина. Основные темы, художественные достоинства.
16. Проза И.А.Бунина. Тема любви в рассказах и новеллах позднего периода творчества И.А.Бунина. Автобиографичность.
17. «Окаянные дни» И.А.Бунина – книга правды или ненависти?
18. А.Жид – судьба писателя. Антиклерикализм произведений А.Жида.
19. У.Черчилль – великий политик и мемуарист. Основные вехи биографии. Основные труды. Своеобразие литературной манеры У.Черчилля.
20. Тема любви в поэзии Х.Хименеса. Национальное своеобразие стихотворений Х.Хименеса.
21. У.Фолкнер – новая эпоха в развитии мировой литературы. Реализм и новаторство.

22. Особый мир Йокнапатофы в романах У.Фолкнера.

23. Семейная эпопея Р.Мартена дю Гара. Мир воспитания и становления личности. Человек и война. Проблемы искусства в семейном романе дю Гара.

24. Мифологичность и историчность книг П.Лагерквиста. Характеристика любого произведения по выбору.

25. Э.Хемингуэй. Новаторство и своеобразие прозы Хемингуэя. Особенности языка и стиля.

26. Характеристика любого романа Э.Хемингуэя.

27. Антивоенные произведения Э.Хемингуэя.

28. Уникальная жизнь Б.Рассела. Многообразие интересов и титаническая писательская деятельность.

29. Особенности и своеобразие поэзии Г.Мистраль. Религиозность и любовь к людям в ее произведениях. Национальный колорит лирики Г.Мистраль.

30. Драматургия Ю. О´Нила. Пьесы американского драматурга сегодня на мировой сцене.

31. Ф.Мориак – семейные проблемы в романах и новеллах. Антиклерикализм книг Ф.Мориака.

32. Уникальные книги Г.Гессе. Мир «игры в бисер».

33. Мифотворчество и автобиографичность в книгах Гессе «Степной волк» и «Курортник».

34. Особенности мастерства Л.Пиранделло. Общая характеристика книги «Покойный Матиа Паскаль».

35. Писатели – нобелевские лауреаты и фашизм в 30–40 годы XX века.

36. Голливуд – нобелиаты как сценаристы.

notes

1

Веризм (итал. *il verismo*, от слова vero – истинный, правдивый) – реалистическое направление в итальянской литературе, музыке и изобразительном искусстве конца XIX века.

2

Пиетизм (от лат. pietas – благочестие), направление в протестантизме, тесно связанное с просвещением и рационализмом. Пиетисты стремились к обновлению религиозного чувства, подчеркивая значение практического переустройства жизни, личного нравственного самоусовершенствования. Пиетизм получил распространение в среде немецкого бюргерства. С деятельностью пиетистов связано создание первых реальных школ в Германии: в 1708 в Галле К. Землером и в 1747 в Берлине И. Геккером. Последняя получила широкую известность. По образу школы Геккера работали мн. немецкие школы. Пиетисты, по существу, впервые в Германии начали систематическую подготовку учителей; создали значительное число благотворительных учебно-воспитательных учреждений для детей беднейших слоев населения. Идеи пиетистов нашли отклик среди представителей подобных религиозных течений в Великобритании, США, Франции (пуритане, квакеры).

З

Лоялисты – первоначально (англ. *loyalist* – «верноподданный», «монархист», от англ. *loyal* – «верный», «лояльный») – тори–колонисты, в английских колониях в Северной Америке во время Войны за независимость 1775-1783 сторонники британской короны. К лоялистам принадлежали главным образом крупные землевладельцы, часть плантаторов-рабовладельцев, торговая буржуазия, связанная коммерческими интересами с метрополией, английские чиновники в колониях, англиканское духовенство. В годы Гражданской войны в Испании лоялисты поддерживали Франко.

4

В июне 1936 года А. Жид по приглашению советского правительства отправляется в поездку по СССР. По прибытии он произносит речь на похоронах М. Горького на Красной площади. Внезапная смерть 21 августа в Севастополе Эжена Даби, одного из спутников Жида в этой поездке, заставляет писателя ускорить возвращение в Париж. В ноябре 1936 года Жид издает «Возвращение из СССР», надолго перекрывая тем самым возможность публикации своих произведений в неочаровавшей его стране. Публикацией в июне 1937 года «Поправок к моему возвращению из СССР» Жид подписывает свой окончательный разрыв с коммунизмом. В книге критикуется отсутствие свободы мысли в СССР, жесткий контроль за литературой и общественной жизнью, некоторые пугающие черты нового советского человека; наряду с этим в ней немало теплых страниц по адресу простых советских людей, восхищения их самоотверженностью и работоспособностью. Содержание книги Жид тщательно скрывал вплоть до выхода в свет, и она вызвала эффект разорвавшейся бомбы; имя писателя моментально попало в СССР под запрет. Осудила книгу и огромная часть левой интеллигенции на Западе, безоговорочно поддерживавшая Сталина (в том числе Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер).

5

Индекс запрещенных книг (Index librorum prohibitorum), регулярно публиковавшийся список книг, чтение которых римским католикам запрещалось высшей церковной властью. Внесению какой-либо книги в этот список предшествовало рассмотрение ее группой экспертов; запрещались только книги, подрывающие веру и нравственность. Решением II Ватиканского собора переиздания этого Индекса были прекращены в 1966 году.

6

Аллюзи́я (лат. allusio «намёк, шутка») – стилистическая фигура, содержащая указание, аналогию или намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Материалом при формулировке аналогии или намёка, образующего аллюзию, часто служит общеизвестное историческое высказывание или какая-либо крылатая фраза.

7

Одна из форм протестантизма. Оспаривание понятия о троице.

8

Особый вид драматического представления на моральные темы в Средние века и эпоху Возрождения.

9

Фовизм (от фр. fauve – дикий) – название течения во французской живописи 1905–1907гг., которое представляли А. Матисс, А. Марке, А. Дерен, М.Вламинк и другие. Когда на парижской выставке 1905 года в «Салоне независимых» были продемонстрированы полотна экспериментировавших художников, оставлявшие у зрителя ощущение исходящих от картин энергии и страсти, один из французских критиков заклеймил авторов словом les fauves – «дикие звери». Случайное высказывание вошло в историю, закрепившись как название за течением. Каждый из художников этого круга обладал мощным колористическим дарованием. Продолжая работу импрессионистов и постимпрессионистов по раскрепощению цвета, фовисты открыли, что на простейших, динамически усиленных красочных аккордах, можно строить эффект целой картины. Лепка объема, построение пространства, воздушная и линейная перспектива оттесняются в произведениях фовистов декоративными цветовыми отношениями. Их цветовые упрощения, звучные краски продиктованы стремлением выразить эмоцию на пределе, создать ощущение «дикого» фантастического мира яркого цвета.

10

Кубизм (от франц. – куб) – модернистское направление в изобразительном искусстве (преимущественно в живописи) 1-й четверти XX века. Возникновение кубизма относят к 1907 году, когда П. Пикассо написал картину «Авиньонские девицы», необычную по своей острой гротескности: деформированные, огрубленные фигуры изображены здесь без каких-либо элементов светотени и перспективы, как комбинация разложенных на плоскости объемов. К представителям кубизма причисляют, кроме художников П. Пикассо, Ж. Брака, Х. Гриса, писателей Г. Аполлинера, Г. Стайн и других. Слово «кубисты» впервые употребил в 1908 году французский критик Л. Воссель как насмешливое прозвище художников, изображающих предметный мир в виде комбинаций правильных геометрических объемов (куба, шара, цилиндра, конуса). Кубизм ознаменовал собой решительный разрыв с традициями реалистического искусства. Вместе с тем, творчество кубистов носило характер взрыва стандартной красивости салонного искусства, иносказаниям символизма, зыбкости живописи позднего импрессионизма.

11

Экспрессионизм (от лат. expressio – выражение) – направление в западноевропейском (главным образом, в немецком) искусстве первых десятилетий XX века, одно из классических направлений европейского модернизма. Для экспрессионизма характерен принцип всеохватывающей субъективной интерпретации реальности, возобладавшей над миром первичных чувственных ощущений, отсюда тяготение к абстрактности, обостренной и экстатической, подчеркнутой эмоциональности, мистике, фантастическому гротеску и трагизму.

12

Оксюморон (греч. – «острая глупость») – термин античной стилистики, обозначающий нарочитое сочетание противоречивых понятий (живой труп, убогая роскошь, горячий снег и пр.).